

psychologia universalis

Серия
PSYCHOLOGIA UNIVERSALIS
основана издательством «Гардарики»
в 2000 году

О.А. Карабанова

Психология СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОСНОВЫ СЕМЕЙНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

*Рекомендовано Советом по психологии УМО
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов ,
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению и специальностям психологии*

МОСКВА
ГАРДАРИКИ
2005

УДК 159.9:316.614.5 (075.8)

ББК 88.4+88.5

К21

Рецензенты:

доктор психологических наук *А.И. Подольский*;

доктор психологических наук *КМ. Поливанова*

Карабанова О.А.

К21 Психология семейных отношений и основы семейного кон-
сультирования: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 320 с.
ISBN 5-8297-0189-8 (в пер.)

В учебном пособии рассматриваются проблемы генезиса, развития и функционирования семьи как целостной системы в единстве ее структурно-функциональных компонентов. Даны основные характеристики супружеских отношений (эмоциональные связи, ролевая структура семьи, особенности общения, сплоченность), гармоничных и дисгармоничных семей. Особое внимание уделено детско-родительским отношениям и проблемам воспитания детей в семье, эмоциональным отношениям родителей и детей, включая специфику материнской и отцовской любви, привязанности ребенка, параметры семейного воспитания.

Адресовано студентам психологических и педагогических вузов, специалистам, работающим с семьями, практическим психологам, педагогам, социальным работникам, а также родителям.

УДК 159.9:316.614.5 (075.8)

ББК 88.4+88.5

ISBN 5-8297-0189-8

© «Гардарики», 2005

© О.А. Карабанова, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Предмет и задачи психологии семьи

Психология семьи — относительно молодая отрасль психологического знания, находящаяся в стадии своего становления. Она базируется на богатейшей практике семейной психотерапии, опыте психологической помощи семье и семейного консультирования, практике психологического консультирования родителей по вопросам воспитания и развития детей и подростков. Отличительной особенностью психологии семьи как научной дисциплины стала ее неразрывная связь с психологической практикой. Именно социальный запрос на оптимизацию жизнедеятельности семьи, повышение эффективности супружества и детско-родительских отношений, решение проблем воспитания детей в семье ускорило развитие и процесс институционализации данной научной дисциплины.

За последнее десятилетие наметился ряд тревожных тенденций, свидетельствующих о кризисных явлениях в жизни семьи, затрагивающих как супружеские, так и детско-родительские отношения. Актуальность развития новой научной дисциплины — психологии семьи — связана с общим ухудшением психологической атмосферы и ростом дисфункциональности конфликтности в значительной части российских семей. Эти неблагоприятные тенденции объясняются социально-экономическими условиями: нестабильностью социальной системы, низким материальным уровнем жизни, проблемами профессиональной занятости в большинстве регионов России, трансформацией традиционно сложившихся ролевой структуры семьи и распределения ролевых функций между супругами. Возрастает число неблагополучных семей, в которых девиантное поведение супругов — алкоголизм, агрессия, — нарушения коммуникации, неудовлетворенные потребности партнеров в уважении, любви и признании становятся причиной возрастания эмоционально-личностных расстройств, напряженности, утраты чувства любви и безопасности, нарушенный личностного роста и формирования идентичности.

Изменение демографической ситуации — падение рождаемости и, как следствие, увеличение удельного веса однодетных семей — приводит к трудностям личностного развития и недостаточной коммуникативной компетентности детей, воспитывающихся в таких семьях. Следует констатировать неудовлетворительный уровень реализации отцом воспитательной функции в значительном числе российских семей. Наряду с благоприятной тенденцией активного вклю-

чения отца в процесс воспитания еще на этапе раннего детства ребенка столь же ярко выступает тенденция дистанцирования отца от проблем воспитания, его низкой эмоциональной вовлеченности и ориентации на родительство — значимого фактора в достижении личностной идентичности и психологической зрелости. Миграция населения, связанная с трудоустройством и особенностями профессиональной деятельности, обусловила рост числа функционально неполных семей, в которых один из супругов не может постоянно выполнять свои роли.

Дисгармоничность системы семейного воспитания является достаточно распространенным симптомом дисфункции современной российской семьи, где актуальными показателями дисгармонии семейного стиля воспитания следует считать возрастание случаев жестокого обращения с детьми, гипопротекции и противоречивого воспитания.

Увеличение числа разводов — не менее 1/3 семей, заключивших брак, распадается — стало одной из наиболее острых социальных проблем. Цена развода оказывается чрезвычайно велика. По стрессогенности развод занимает одно из первых мест среди трудных жизненных событий. Результатом развода и распада семьи становится формирование неполной семьи, преимущественно материнского типа. В значительном числе случаев в такой семье наблюдается ролевая перегрузка матери и, как следствие, снижение эффективности воспитания. Психологическими следствиями развода и воспитания детей в неполной семье оказываются нарушения развития Я-концепции, нарушения формирования полоролевой идентичности, аффективные нарушения, нарушения общения со сверстниками и в семье.

Другой социальной проблемой является рост числа неофициальных (гражданских) браков. За период с 1980-го по 2000 г. количество гражданских браков возросло в шесть раз; 30% мужчин в возрасте от 18 до 30 лет живут в гражданском браке, 85% в дальнейшем женятся, и лишь 40% заключенных браков сохраняется. Главной причиной предпочтения гражданских браков является неготовность супругов принять на себя всю полноту ответственности за семью, партнера и детей. В силу этого семья, проживающая в гражданском браке, достаточно часто характеризуется деструктогенностью, конфликтностью, низким уровнем безопасности.

Еще одна социальная проблема связана с увеличением числа детей, оставшихся без попечения родителей, в частности резкое возрастание социального сиротства (при живых родителях). Сегодня таких детей-сирот свыше 500 тыс. Причины социального сиротства — рост случаев лишения родительских прав (ок. 25%), отказ родителей от ребенка и передача государству родительских прав (60%), временное помещение детей родителями в детские дома и дома ребенка вследствие тяжелого материально-экономического положения семьи (15%). В случае лишения родительских прав в подавляющем большинстве семей (более 90%) отец и мать страдают алкоголизмом. Добровольный отказ от родительства чаще всего обусловлен болезнью ребенка, тяжелыми материальными и бытовыми условиями, обычно в неполной семье. Возрастает число беспризорных детей. Так, недостаточно продуманная система приватиза-

ции жилья привела к резкому увеличению детей-бомжей. Расширение сети социально-реабилитационных центров и социальных приютов позволяет в определенной мере обеспечить необходимый уровень протекции и социальной адаптации таких детей, однако ни количество подобных учреждений, ни уровень психологической помощи, оказываемой воспитанникам в этих центрах, нельзя признать достаточными и удовлетворительными для обеспечения условий их полноценного психического развития.

Сокращение и обеднение общения в семье, дефицит эмоционального тепла, принятия, низкая информированность родителей о реальных потребностях, интересах и проблемах ребенка, недостаток сотрудничества и кооперации в семье ведут к возникновению трудностей в развитии детей. Одновременно можно констатировать тенденцию перекладывания родительских функций на детские воспитательные учреждения (детские сады, школы), а также на специально приглашенный персонал (няни, гувернантки) и, тем самым, самоустранения родителей от процесса воспитания ребенка.

Теоретической основой психологии семьи стали исследования в социальной психологии, психологии личности, психологии развития, педагогической психологии, клинической психологии. Социальная психология, исходя из представления о семье как малой группе, изучает вопросы ролевой структуры семьи и лидерства в семье, стадийность развития семьи как группы, проблемы выбора брачного партнера, проблемы сплоченности семьи, конфликты в семье и способы их разрешения. Психология развития и возрастная психология фокусом своего исследования сделали закономерности развития личности в семье на разных возрастных стадиях, содержание, условия и факторы социализации, проблемы воспитания ребенка в семье, психологические особенности детско-родительских отношений. Возрастно-психологическое консультирование, направленное на контроль за ходом психического развития ребенка, профилактику и коррекцию негативных тенденций развития, рассматривает семью и семейное воспитание как важнейший компонент социальной ситуации развития ребенка. Семейное воспитание и педагогика всегда были важнейшей отраслью педагогической науки. Психология личности рассматривает общение и межличностные отношения в семье как основу личностного роста и самореализации, разрабатывает формы и методы оптимизации личностного развития человека с учетом ресурсов семьи. В рамках клинической психологии внутрисемейные отношения рассматриваются как важный фактор в контексте проблем этиологии, терапии и реабилитации после преодоления психических нарушений и отклонений. Итак, система научных знаний, добытая в различных сферах психологического исследования, опыт практики оказания психологической помощи семье и семейного консультирования создали *теоретическую основу современной семейной психологии*, актуальной задачей которой является интеграция знаний о семье и практического опыта работы с семьей в целостную психологическую дисциплину — психологию семьи.

Предметом психологии семьи являются функциональная структура семьи, основные закономерности и динамика ее развития; развитие личности в семье.

Задачи психологии семьи включают:

- исследование закономерностей становления и развития функционально-ролевой структуры семьи на различных стадиях ее жизненного цикла;
- изучение добрачного периода, особенностей поиска и выбора брачного партнера;
- изучение психологических особенностей супружеских отношений;
- изучение психологических особенностей детско-родительских отношений;
- изучение роли семейного воспитания в развитии ребенка на различных возрастных стадиях;
- изучение ненормативных кризисов семьи и выработку стратегий их преодоления.

Практическое приложение знаний в области психологии семьи предполагает следующие виды деятельности семейного психолога и семейного консультанта:

- психологическое консультирование по вопросам брака, включая выбор брачного партнера и заключение брака;
- консультирование по вопросам супружеских отношений (диагностика, коррекция, профилактика);
- психологическая помощь семье в кризисных ситуациях и при разводах;
- консультирование, диагностика, профилактика и коррекция детско-родительских отношений;
- психологическое консультирование по вопросам воспитания и развития детей и подростков (диагностика, профилактика, коррекция нарушений и отклонений в развитии);
- психологическое консультирование по проблемам воспитания детей «группы риска» и одаренных детей;
- психологическая помощь в вопросах усыновления и воспитания приемных детей;
- психологическая профилактика отклонений и нарушений развития детей и подростков, воспитывающихся «без семьи» (в условиях депривации общения с близким взрослым);
- психологическое консультирование и сопровождение беременности и родов;
- психологическое сопровождение становления родительства.

Вопросы и задания

1. Что составляет предмет психологии семьи?
2. Можно ли говорить о междисциплинарном характере психологии семьи? Почему?
3. Как связаны теоретические задачи психологии семьи и виды деятельности семейного психолога?
4. Какие трудности испытывает современная семья в своем развитии и функционировании?
5. Назовите неблагоприятные тенденции в развитии детско-родительских отношений в современной семье.

Глава 1

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СЕМЬИ

§ 1. Определение семьи. Брак и семья

Брак и семья — общественные формы регулирования отношений между людьми, состоящими в родственных связях, но, несмотря на близость этих понятий, они не являются тождественными.

Брак — особый социальный институт, исторически обусловленная, социально регулируемая форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к их детям [Зацепин, 1991]. Брак является основой формирования семьи.

Семья — малая социальная группа, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, проживающими вместе и ведущими совместное хозяйство [Соловьев, 1977]. Родственные связи могут быть трех видов: кровное родство (братья и сестры), порождение (родители — дети), брачные отношения (муж — жена, супруги).

Такое определение семьи, основанное на первый взгляд на внешних и апсихологических критериях, на самом деле подчеркивает две характеристики семьи, имеющие ключевое значение для понимания психологических закономерностей функционирования семьи. Во-первых, понимание семьи как малой социальной группы ставит эффективность ее функционирования в зависимость от решения проблем внутригрупповой коммуникации, т.е. общения между членами семьи, распределения власти и лидерства, разрешения конфликтов, межгруппового взаимодействия как построения ее отношений с социальным окружением — с прародительской семьей и т.д. Решение этих проблем и составляет социально-психологический аспект изучения семьи как социальной системы. Во-вторых, особый характер семьи как малой социальной группы связан с высокой аффективной интенсивностью и эмоциональной «перенасыщенностью» отношений между членами семьи, где на одном полюсе — отношения любви, принятия и привязанности, а на другом — отношения ненависти, отвержения, зависимости, негативизма.

Важнейшей функцией семьи является фелицитивная функция — функция удовлетворения потребности человека в счастье (от лат. *felicio* — счас-

ть). Семья — существенный фактор эмоционального благополучия личности, определяющий аффективный тон ее мироощущения. Любовь и брак решающим образом определяют переживание личностью счастья и удовлетворенности жизнью. Люди, состоящие в браке, оказываются счастливее одиноких людей. Согласно М. Аргайлу [1990], удовлетворенность браком определяет общую удовлетворенность жизнью и состояние счастья. Результаты проведенных в США 58 исследований обнаруживают корреляцию между переживанием субъективного благополучия и супружеством в противоположность одиночеству на уровне статистической значимости.

Таблица 1

Соотношение счастливых людей — мужчин и женщин — в зависимости от их семейного положения (%)
(по М. Аргайлу)

Семейное положение	Мужчины	Женщины
Семейные	35	41,5
Одинокие	18,5	5,5
Разведенные	18,5	15,5

Неблагоприятные семейные события оказываются наиболее существенными стрессорами, резко увеличивающими сенситивность человека к различного рода вредностям и, соответственно, восприимчивость к заболеваниям. Например, было показано, что максимально неблагоприятное воздействие оказывает смерть супруга, затем развод, разъединение семьи, смерть близкого члена семьи [Холмс, Раэ, 1967].

В современной психологии семьи и семейной психотерапии можно выделить две возможные теоретические позиции в отношении анализа семьи. Согласно первой, семья представляет собой группу индивидов, имеющих общие и различные интересы, а семейный контекст рассматривается как среда социализации и развития личности. Такой вариант трактовки семьи характерен для начального этапа становления семейной психологии как самостоятельной дисциплины и в определенной мере находит отражение в поведенческом подходе и психоанализе. Согласно второй позиции семья рассматривается как целостная система и «единицей» анализа является семья. Эта позиция характерна для системной семейной терапии и психологов, подчеркивающих неаддитивный характер семьи, не сводящейся к суммарной совокупности ее членов.

Приведенное определение семьи содержит также указание на две подсистемы структуры семьи — супружескую и детско-родительскую. Два поколения определяют состав современной нуклеарной семьи: супруги как «архитекторы семьи» [Сатир, 1992] и их дети — такие же, как и родители, равноправные участники и «строители» семьи.

И.С. Кон [1988] провел анализ работ, посвященных проблеме культуральных и исторических особенностей семьи и ее развития, с целью выделе-

ния критериев, позволяющих отличить собственно семью от группы, включающей несколько поколений, в том числе и объединенных родственными узами, т.е. от «не-семьи». Вывод, к которому пришел исследователь, оказывается весьма прозаичным: критерием дифференциации семьи от «не-семьи» является совместное проживание и ведение совместного хозяйства. Именно этот признак принят обществом для спецификации семьи как социального института, который, хотя и приобретает качественно своеобразные формы на каждом из этапов исторического развития общества, вместе с тем сохраняет известную стабильность структурно-функциональных характеристик семьи. Недаром общеславянский термин «семья» восходит к обозначению территориальной общности [Разумова, 2001]. В русском языке словом «семья» сначала обозначался весь круг родственников с домочадцами и слугами, проживающими вместе, и лишь с XIV в. оно стало использоваться в более узком, специфическом смысле. Итак, основными характеристиками семьи являются: 1) брачные и кровнородственные связи между членами семьи; 2) совместное проживание и 3) совместное ведение хозяйства или общий семейный бюджет.

§ 2. Функции семьи

Семья, как любая система, реализует ряд функций в иерархии, отражающей как специфику ее, семьи, культурно-исторического развития, так и своеобразие этапов ее жизненного цикла:

- *экономическую (материально-производственную), хозяйственно-бытовую.* В доиндустриальном обществе семья была первичной производственной группой, обеспечивавшей себе все основные материальные условия существования или создававшей продукты для обмена. В настоящее время экономическая функция семьи определяется объединением доходов ее членов и распределением этих доходов на потребление в соответствии с потребностями каждого члена семьи. Хозяйственно-бытовая функция реализуется в форме организации быта семьи и личного быта каждого из ее членов. Распределение домашних обязанностей и их содержание обусловлены исторической эпохой, условиями жизни, составом семьи и стадией ее жизненного цикла;

- *репродуктивную* (деторождение и воспроизводство населения). А.Г. Харчев [1979] считает эту функцию важнейшей социальной функцией семьи, обеспечивающей воспроизводство населения страны. Важность репродуктивной функции семьи осознавалась обществом еще в Древнем Риме, где при правлении императора Августа были изданы законы, стимулирующие рождение детей в семьях римских граждан [Зацепин, 1991]. Решение задач планирования рождаемости и воспроизводства населения составляет важную функцию государственной политики практически во

всех странах, независимо от того, сталкиваются ли они с проблемой кризиса рождаемости и «дефицита» людских производительных ресурсов или, напротив, — необходимостью ограничения уровня рождаемости;

- *функцию воспитания детей.* Семья выступает институтом первичной социализации ребенка. Она обеспечивает непрерывность развития общества, продолжение человеческого рода, связь времен. Известно, что воспитание в семье, эмоционально-позитивное полноценное общение ребенка с близким взрослым определяет гармоническое развитие ребенка в ранние годы. С возрастом ребенка воспитательная функция семьи не утрачивает своего значения, а лишь изменяются задачи, средства, тактика воспитания, формы сотрудничества и кооперации с родителями. В настоящее время именно воспитание детей рассматривается как важнейшая социальная функция семьи;

- *сексуально-эротическую.* Лишь избирательные, стабильные сексуальные отношения с постоянным партнером, выступающим как уникальная и неповторимая личность, создают условия для достижения наиболее полной сексуальной гармонии партнеров;

- *функцию духовного общения,* предполагающую духовное взаимообогащение членов семьи; информационный обмен; обсуждение наиболее значимых для личности проблем социально-политической, профессиональной, общественной жизни; общение в контексте восприятия литературных и художественных произведений искусства, музыки; создание условий для личностного и интеллектуального роста членов семьи;

- *функцию эмоциональной поддержки и принятия,* обеспечивающую чувство безопасности и принадлежности к группе, эмоциональное взаимопонимание и сочувствие, или так называемую психотерапевтическую функцию. В современной семье другим аспектом этой функции выступает формирование у личности потребности в самовыражении и самоактуализации;

- *рекреативную (восстановительную)* — функцию обеспечения условий восстановления нервно-психического здоровья и психической стабильности членов семьи;

- *функцию социальной регуляции, контроля и опеки* (в отношении несовершеннолетних и недееспособных членов семьи) [Зацепин, 1991; Эйдемиллер, Юстицкис, 1999].

За последние десятилетия заметно возросло значение функции эмоциональной поддержки и принятия (включая эмпатию и привязанность), реализующей потребности человека в аффилиации и любви. В современном обществе любовь является сущностной характеристикой отношений в семье, заключение браков определяется в первую очередь наличием любви между супругами. Впрочем, и причины разводов в значительном числе случаев лежат в области эмоционально-личностных отношений супругов: все чаще супруги при разводе ссылаются на утрату чувства любви и эмо-

циональной близости, отсутствие эмоциональной поддержки и взаимопонимания.

Функции семьи не соположены и не равнозначны, они образуют иерархическую структуру. Иерархия функций определяется историей семьи как социально-культурного института и историей конкретной семьи. Меняется она в зависимости от исторического периода, социокультурно^ окружения и от стадии жизненного цикла семьи. Например, структура и жизнедеятельность семьи XIX в. определялись главенством хозяйственно-бытовой функции, опосредствующей все остальные, в том числе и такие важнейшие, как репродуктивная и воспитание детей. Рождение детей было связано с целесообразностью иметь как можно больше работников в семейном хозяйстве. Дети были нужны и как рабочая сила, и как гарант обеспечения родителей в старости. Рождение сына в семье расценивалось как удача, мальчики были потенциальными работниками, укрепляющими хозяйственное благополучие семьи. Появление на свет дочери, напротив, воспринималось как угроза процветанию семьи. Девушки выходили замуж, покидали семью, лишая ее затраченных на их воспитание средств и унося часть имущества в новую семью как приданое.

Еще одна функция семьи, практически утраченная в современном обществе, — это *функция передачи социального статуса*. Наследственная монархия, передача аристократических титулов по наследству обеспечивали преемственность статуса и власти. В настоящее время подобная функция реализуется лишь незначительным числом богатых высокопоставленных семей, причем, как правило, не на основе наследования, а за счет обеспечения элитарного образования и введения в соответствующий круг общения. Итак, семья постиндустриального общества утратила две важные ранее функции — экономическую и функцию передачи социального статуса (Т. Парсонс).

В XX в. роль семьи как института социализации подрастающего поколения резко возросла. Увеличилась продолжительность детства, возникли новые периоды возрастного развития — к отрочеству, все более расширяющему свои хронологические границы, добавилась юность. Особую ценность в жизни семьи приобрела функция воспитания детей, родительская опека уже распространялась на детей не только маленьких, но и взрослых. Бездетность стала переживаться супругами как состояние глубокой неудовлетворенности семейной жизнью, как потеря смысла брака, возникало чувство самонереализованности. Современная семья — семья второй половины XX и начала нашего века — все явственнее утверждает себя в качестве «психотерапевтического союза». Предназначение семьи все в большей степени связывается с созданием уникальных условий для саморазвития и личностной самореализации как супругов, так и детей. Воспитание приобретает характер равноправного сотрудничества родителей и детей, основанного на уважении прав ребенка и, в частности, признании его права на самостоятельный выбор жизненного пути. Указанные изменения в иерархии функционального строения

семьи отражают, однако, лишь общие тенденции исторического ее развития. Каждая конкретная семья, безусловно, обладает своей уникальной иерархией, отражающей личностные особенности супругов, семейные ценности, социокультурные, национальные, этнические традиции, особенности исторической эпохи. Говоря об иерархическом строении функций, надо различать также объективную картину и особенности восприятия этой иерархии членами семьи, т.е. то, какое значение и личностный смысл придают члены семьи каждой из этих функций. Восприятие иерархии функционального строения семьи каждым из супругов может значительно различаться. Именно это порождает нарушения взаимопонимания и взаимосогласованности действий супругов, конфликты в семье, неэффективность ее функционирования, дисгармоничность и деструкцию.

§ 3. Развитие брачно-семейных отношений в истории общества

Некоторый прообраз семьи мы находим у животных, занимающих относительно высокую ступень на эволюционной лестнице развития видов. Системообразующими функциями семьи животных являются репродуктивная и родительская. Условия возникновения семьи у животных можно назвать следующие:

- цикличность воспроизводства потомства, позволяющая взрослым особям время, свободное от репродукции, использовать для реализации функций родительского ухода;
- новый образ жизнедеятельности на основе усложнения форм инстинктивного и возрастания роли научения, вследствие чего возникает объективная необходимость времени детства как периода подготовки индивида к «взрослой» жизни;
- трудности выживания нового поколения, задающие необходимость осуществления родительской опеки, ухода и заботы на протяжении периода достижения зрелости [Кон, 1988].

«Семьи» животных видов различаются по стабильности отношений взрослых партнеров и по характеру реализации родительской функции. Например, у некоторых видов птиц мы наблюдаем переход к моногамной семье, основными функциями которой является репродукция и родительский уход. В такой семье функции родителей — самки и самца — оказываются специфицированы. Зачастую семья имеет сезонный характер и объединение партнеров определяется также и сменой сезонов, диктующих изменение образа жизнедеятельности. Однако было бы неверно, пытаясь проводить параллели и искать сходство между семьями животных и человека, игнорировать их принципиальную несводимость друг к другу, качественные различия самой природы семьи — в одном случае инстинктивно-биологической, а в другом — культурной, социально-исторической.

Детерминантами развития брачно-семейных отношений в истории общества стали потребность рода в сильном жизнестойком потомстве, необходимом для выживания рода, и развитие производительной деятельности с соответствующими ей хозяйственными производственными отношениями. Можно выделить следующие этапы развития брачно-семейных отношений в истории человечества [Зацепин, 1991]:

- *промискуитет* (смешанность, всеобщность) — беспорядочная, социально нерегулируемая связь между полами, характерная для самого раннего этапа развития человеческого общества;

- *эндогамия* — добрачная форма сожителства между полами внутри общности, не ограниченная социальными предписаниями;

- *экзогамия* — социально регулируемая форма отношений между полами с ограничением сексуальных связей между кровными родственниками. Закрепление экзогамии обусловлено общими закономерностями перехода человечества от инстинктивно-биологического к социальному культурно-историческому типу жизни, а также вытеснения инстинктивно-биологических механизмов регуляции поведения человека и замены их социальными регуляторами (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин). Важным фактором закрепления экзогамных отношений стало рождение жизнеспособного потомства в тех племенах, где практиковались жесткие социальные табу.

На основе экзогамии возникла первая форма брака — *групповой дуально-родовой брак*. В его рамках мужчины одного рода обладали правом на супружеские отношения со всеми женщинами другого рода. Субъектом полноправной хозяйственной деятельности, обеспечивающей выживание членов рода, по-прежнему являлся весь род. Воспитание детей также осуществлялось всем родом. *Парный брак*, пришедший на смену групповому, уже предполагал избирательность и длительность отношений между мужчиной и женщиной рода. Первоначально основой парного брака выступают лишь сексуальные отношения и личная привязанность партнеров. Функции ведения хозяйства и воспитания детей реализуются родовым субъектом, а не супружеской парой. Родство определяется по материнской линии в силу того, что установление биологического отцовства оказывается затруднено. Матриархат как способ организации кровно-родственных отношений в этой ситуации более целесообразен для выполнения важнейшей функции продолжения рода. По мере развития земледелия и роста производительности труда дальнейшее становление семьи происходит в направлении укрепления ее хозяйственной самостоятельности. Возможности родителей самостоятельно прокормить и воспитать детей, возрастание стабильности сексуальных отношений, цементируемых и общими хозяйственными интересами супругов, привели к возникновению *моногамной (единобрачной) семьи*. Половой диморфизм обусловил усиление роли мужчины как кормильца семьи и возрастание ответственности женщины за воспитание детей. Стабильность брачных отношений обеспечила надеж-

ность установления отцовства. Патриархат как форма организации родственных отношений по отцовской линии закономерно пришел на смену *матриархальным* отношениям, знаменуя поворот к установлению отношений неравенства супругов по типу доминирования — подчинения матери (жены) и главенства отца (мужа) в семье. Развитие отношений частной собственности привело к закреплению моногамной *патриархальной* семьи как формы регуляции брачно-семейных отношений, наиболее точно отвечающей социальной организации общества.

В рамках патриархальных отношений существуют два типа семьи — *моногамная* (единобрачная: один муж — одна жена) и *полигамная* (один муж — несколько жен). Полигамия (многоженство) в настоящее время существует в ограниченном числе стран, в основном мусульманских, где религия регламентирует число жен в семье принципом — «иметь столько жен, сколько может прокормить муж». Истории известен и *полиандрический* (полиандрия — многомужество) тип семьи, «ядро» которой — женщина занимает более высокое положение, чем ее мужья.

В работах Ф. Ариеса [1999] и И.С. Кона [1988] дан глубокий и исчерпывающий анализ исторического развития семьи как социокультурного феномена. Весьма примечательно, что ее становление рассматривается в указанных работах, в первую очередь в связи с развитием функции воспитания детей. Согласно традиционной точке зрения трансформация структуры и типа семьи происходит при переходе от феодального к буржуазному обществу и связана с индустриальной революцией, процессами миграции населения из сельской местности в города и возникновением индивидуального родительства как важнейшего канала социализации подрастающего поколения. Следствие этих процессов — переход от расширенных «многоядерных» патриархальных семейных групп к малым нуклеарным семьям. В ходе дальнейшей индустриализации и урбанизации происходит увеличение периода социализации нового поколения и утверждение за семьей статуса института первичной социализации. «Современная» семья, зародившаяся на рубеже XIX—XX вв., обладает рядом специфических особенностей, отражающих общие закономерности и достижения прогрессивного развития общества.

Можно выделить три исторических типа семьи [Голод, 1995]: патриархальный (традиционный), детоцентристский (современный), супружеский (постсовременный).

Патриархальный тип семьи базируется на двух основных принципах: жесткой половозрастной субординации и отсутствии личностной избирательности на всех стадиях жизненного цикла семьи. Патриархальная семья основана на отношениях доминирования — подчинения: авторитарной власти мужа, зависимости жены от мужа и детей от родителей, — абсолютной родительской власти и авторитарной системе воспитания. Отражение патриархального способа организации семейных отношений мы видим, например, в патрилинейной традиции наделять жену при заключении брака

фамилией мужа; общепринятости института «сватовства» как способа выбора брачного партнера; «двойной морали» для мужа и жены при определении допустимости добрачных и внебрачных сексуальных отношений. Что касается детско-родительских отношений, то, по словам Н.И. Костомарова, в них царил дух рабства, прикрытый ложной святостью патриархальных отношений.

Детоцентристский тип семьи основан на приоритетности ее воспитательной функции, относительном равноправии супругов, высокой близости отношений как супругов, так и родителей и детей. Личностная интимность, взаимопонимание и доверие становятся ядром отношений мужа и жены. Воспитание детей — главный смысл жизни семьи. Детоцентристская семья — малодетная. Время рождения и количество детей планируется супругами, репродуктивный период ограничивается малым сроком (5—10 лет), ребенок становится в семье желанным и ожидаемым. Родительская любовь и привязанность составляют непрременную характеристику детско-родительских отношений. «Ребенку — лучшее» — девиз детоцентристской семьи. Обратная сторона такой родительской любви — потворствование детским прихотям, «заласкивание» ребенка и чрезмерное следование родительскому долгу, ограничивающее свободное личностное развитие как самого родителя, так и ребенка.

Супружеский тип семьи — новый тип, складывающийся на протяжении последних десятилетий. Это прогрессивный тип семьи, где на первый план выступает забота о развитии каждого из супругов (и детей!) как автономной личности в системе эмоционально насыщенных, интимных, симметричных, содержательно-духовных отношений в семье, где цель воспитания детей уже не доминирует, уступая место ценностям личностного роста и самореализации всех членов семьи. По мнению С.И. Голода [1995], супружеская семья характеризуется двумя отличительными признаками: 1) неинституциональностью характера связи супругов и симметричностью их прав и обязанностей; 2) включением в ценности семьи автономии личности, свободы выбора и уважения права партнера на этот выбор.

Специфика современной семьи определяется по меньшей мере четырьмя особенностями:

1. Особая роль *родительства*. В древней истории самоценность детей и детства была крайне низкой. Кон [1988] приводит в качестве иллюстрации, подтверждающей это положение, периодизацию развития детско-родительских отношений в истории общества, предложенную А. Ллойд-Демозом. С точки зрения автора «психогенной теории истории», можно выделить шесть стадий развития детско-родительских отношений, каждая из которых определяет специфику родительства как института первичной социализации человека: инфантицид, «бросающий» стиль воспитания, амбивалентный, «навязчивый», социализирующий и «помогающий» стили воспитания. Примеры *инфантицида*, фактически массового детоубийства, мы находим

даже в библейских сюжетах — избиение младенцев. В античной Спарте практиковалось «отбраковывание» физически неполноценных детей, которые не могли стать хорошими воинами. В Средние века детей воспитывали вне семьи — отсюда само название родительского стиля воспитания — *бросающий*. Низшие социальные слои отдавали детей «в люди» — на обучение ремеслам в мастерских за «хлеб насущный»; власть и богатство имущие передавали своих новорожденных кормилицам, отправляли их в монастыри для получения образования, посылали на воспитание к дальним родственникам и друзьям и т.п. Эмоциональная близость и любовь родителей к детям вовсе не считались добродетелью или ценностью. «Домострой», как основное руководство по воспитанию детей того времени, не возлагал на родителей обязанности любить детей, хотя дети и должны были проявлять беспрекословное послушание, уважение и любовь к родителям. *Амбивалентный* стиль отражал изменение взглядов на воспитание — хотя за ребенком и признавалось наличие души, но сам он метафорически рассматривался «чистой доской», а значит, легкой добычей дьявола. Основным педагогическим методом становилась «лепка» души ребенка по образцу, принимаемому родителями. *Навязчивый* стиль воспитания, присущий XVIII веку, характеризовался навязчивым стремлением к тотальному контролю в воспитании, когда уже не только поведение, но и сознание ребенка, его внутренний мир становились предметом вмешательства и диктата со стороны родителей. Целью традиционной авторитарной семьи было сохранение во что бы то ни стало образа жизни старшего поколения, стремление «вписать» детей в жесткие рамки существующих ролей, норм и ценностей [Здравомыслова, 1992]. *Социализирующий* стиль воспитания представляет новую систему воспитания детей, когда главной задачей родителей становится подготовка ребенка к самостоятельной жизни, формирование и закрепление качеств и способностей, необходимых для перехода на новую статусную позицию — взрослого человека. Безусловность родительского авторитета не лишает ребенка возможности выбора и творческого созидания своей судьбы, авыступает условием передачи и сохранения культуры, опыта и традиций предшествующих поколений. Важную роль в этом процессе социализации ребенка наряду с семьей начинают играть детские сообщества, подростковые и юношеские объединения и субкультуры. *Помогающий* стиль знаменует переход родителей на принципиально новую, гуманистическую позицию в вопросах воспитания. Отношение родителей к ребенку преобразуется в отношение к равноправной личности, заслуживающей уважение и право на свободный выбор собственного жизненного пути. Коренная перестройка социального предназначения воспитания и смысла родительства является завоеванием второй половины XX в., когда особое значение в детско-родительских отношениях приобретают эмоциональная и духовная близость, эмпатия, а родительская любовь становится приоритетной ценностью семейной жизни. Воспитание преобразуется в диалогический процесс, в котором оба субъекта общения равноправны

и не только родители «учат детей», но и родители «учатся» вместе с детьми и у детей [Петровская, Спиваковская, 1983].

В современном обществе в условиях, когда период детства удлиняется, именно на родителей возлагается ответственность за воспитание и обучение детей. Правовую, материальную и морально-нравственную ответственность за детей родители несут вплоть до приобретения детьми статуса взрослого члена общества — до окончания школы, а в определенных аспектах — и до завершения высшего образования.

2. *Основой супружеского союза являются любовь, эмоциональное принятие и поддержка.* Еще в XIX в. любовь считали желательным, но отнюдь не непременным условием заключения семейного союза и жили по принципу «стерпится — слюбится», соглашаясь с тем, что «браки заключаются на небесах». Сегодня супруги рассматривают семью без любви как величайшее несчастье, личностную нереализованность и, не желая мириться с этим, готовы — еще одна крайность — разорвать семейные узы даже при относительно благополучном функционировании семьи и наличии детей. Интересно, что в значительном числе случаев инициаторами расторжения брака теперь становятся женщины, хотя именно для женщин вероятность заключения повторного брака относительно мала.

3. *Семейная система является достаточно открытой* — в современном обществе легко вступить в брак, но так же легко и развестись. Правовые, этические, религиозные, социально-психологические барьеры для расторжения брака сведены сегодня к минимуму. Супруги вправе свободно определять дальнейшую судьбу своей семьи, исходя из приоритетной для них системы ценностей. Возрастают свобода и ответственность личности за принятие решения о создании и сохранении семьи, судьба семьи в полной мере начинает определяться личностным выбором каждого из супругов.

4. Современная семья изменилась и по составу — *произошел переход от расширенной семьи к нуклеарной*. Нуклеарная семья — родители и дети — становится наиболее типичным вариантом семейной системы. Вместе с тем в ряде регионов России по-прежнему сохраняется преобладание расширенной семьи. Расширенная (многопоколенная) семья включает не только супругов и их детей, но и прародителей, а также других родственников. Конкретные границы расширенной семьи определяются в основном этническими и культуральными особенностями. На фоне доминирования нуклеарного типа семьи у нас нередко встречаются «территориально расширенные» семьи. Как правило, у молодых супругов еще нет своей жилплощади, они еще не приобрели финансовой самостоятельности, проживают в одной квартире с родителями и в значительной мере полагаются на их помощь.

Можно выделить ряд тенденций в развитии семьи, отчетливо проявившихся в последние десятилетия:

- переход от многоядерных расширенных семей традиционного (патриархального) типа к нуклеарным семьям;

• снижение рождаемости — характерная особенность российского общества конца XX в. Если в 1985 г. на 1000 человек населения в России приходилось 16,6 рождения, то в 1995 г. — лишь 9,3. Отметим, что на протяжении последнего десятилетия уровень рождаемости практически остается неизменным [Ганичева, 2002]. Переход от многодетной к малодетной семье в современном обществе обусловлен включением женщин в его производственную сферу; особенностями профессиональной деятельности супругов, в частности ее высокотехнологичностью; ценностными ориентациями и социально-экономическими условиями жизни современной семьи. Причинами снижения рождаемости в России являются экономическая нестабильность общества; низкий уровень социальных гарантий для молодых семей; слабая социальная защищенность детей и подростков; реальное возрастание как «цены образования» так и удельного веса платного сектора образовательных услуг; неудовлетворительный уровень здравоохранения, в первую очередь охраны здоровья матери и ребенка; низкий престиж материнства. Таким образом, в семье на одного ребенка зачастую приходится четверо прародителей — бабушек и дедушек. Это обстоятельство сдвигает «центр тяжести» забот семьи — родителям приходится заботиться о собственных пожилых родителях. Особенностью положения семьи в нашей стране является также взаимность помощи и забот в семье: бабушки и дедушки — пенсионеры помогают работающим детям в воспитании внуков, ведении хозяйства и т.д.;

• диспропорция в продолжительности жизни мужчин и женщин. В пожилом возрасте и старости наблюдается значительное преобладание женского населения, много вдов, обремененных особой психологической проблемой — как пережить утрату супруга и самоопределиться в новых условиях. В нашем обществе такое самоопределение нередко лежит в плоскости утверждения бабушки в новой роли — «незаменимого члена семьи» своих детей, неформального главы семьи, основного воспитателя внуков, организатора быта, «домоправительницы», хозяйки дома и т.д. Подобная экспансия прародителя в отношении семейных ролей, традиционно исполняемых самими супругами, приводит к размыванию границ семейной системы (или подсистем семьи) и нарушению ролевого функционирования семьи;

• увеличение числа разводов. Полная психологическая реабилитация личности и преодоление негативных эмоциональных последствий развода констатируется лишь спустя 1 — 3 года;

• возрастание числа детей, воспитывающихся без семьи или в условиях депривации общения с родителями и близкими взрослыми (сироты, воспитанники интернатов, круглосуточных детских садов, беспризорники и т.д.). Эта тенденция характерна для российского общества, а также для стран с низким жизненным уровнем, переживающих значительные социальные потрясения, войны, перевороты, революции;

- демократизация и эгалитаризация отношений в семье, прежде всего в супружеских отношениях, переход от жесткой фиксации ролей к взаимозаменяемости супругов, партнерству, помощи и взаимной поддержке;

- возрастание числа несовершеннолетних родителей — подростковое родительство. В ряде стран, например в США, государством и общественными организациями оказывается значительная социальная и психологическая поддержка беременным школьницам и матерям-подросткам. В России предпринимаются только первые шаги по созданию социальной и психологической службы помощи несовершеннолетним родителям. В силу этого у нас много «отказных детей», т.е. детей, от ответственности за воспитание которых матери отказываются еще в родильных домах;

- рост числа преступлений на семейно-бытовой почве. Акты насилия и агрессии в семье перестают быть экстраординарными явлениями, часто превращаясь в ужасающую реальность повседневного существования семьи. Проблема насилия в семье, особенно насилия родителей в отношении ребенка, привела к появлению в англоязычной литературе термина *child abused* — ребенок, подвергшийся жестокому обращению. Вопрос о том, что именно включать в содержание понятия «жестокое обращение», остается открытым. В зависимости от степени благополучия общества психологи предлагают причислять к жестокому обращению широкий спектр проявлений родительского поведения: от прямой физической агрессии, сексуального насилия, неудовлетворения основных жизненных (витальных) потребностей ребенка до холодного к нему отношения, недостатка эмоциональной близости и привязанности. В последнем случае возникает дискуссионный вопрос о том, является ли отсутствие любви родителя к ребенку актом насилия? Известно, что родитель, не испытывающий любви к ребенку, зачастую сам глубоко страдает от чувства вины, сознания своей «ущербности и неполноценности» и сам, в полной мере являясь жертвой собственной «нелюбви» к ребенку, нуждается в психологической помощи и поддержке;

- увеличение числа бездетных семей, в которых статус «семья без детей» — сознательный выбор супругов. Нередко их отложенное решение иметь детей, обусловленное задачами завершения профессионального образования, осуществления карьеры, трудным финансово-экономическим положением семьи или жилищными проблемами, перерастает в окончательное решение жить без детей, «ради себя», что в итоге приводит к осознанию недостаточной самореализованности и глубокому личностному кризису. Совершенно иные проблемы вынуждены решать супруги, в силу медицинских причин не имеющие возможности иметь детей, — проблемы длительного и далеко не всегда эффективного лечения от бесплодия, усыновления, воспитания приемных детей. Отметим, что развитие репродуктивной медицины в значительной степени способствует решению таких проблем;

• наконец, тенденция, не столь явно пока еще выраженная в российском обществе, но все более и более набирающая силу, — это появление так называемых «двухкарьерных» семей, т.е. семей, где оба супруга, а не только муж, как в традиционной семье, ставят перед собой задачи профессиональной карьеры, роста и самореализации. В таких семьях особое значение приобретают характер распределения ролей и власти в семье, вопрос о лидерстве, демократизм и взаимозаменяемость, общность семейных и личностных ценностей, наличие ресурсов поддержки семьи в воспитании детей, реализации хозяйственно-бытовой функции семьи и т.д.

Основные особенности российской семьи заключаются в том, что она, как правило, является не нуклеарной, а трехпоколенной, тяготея к традиционному типу, где материально-экономическая и психологическая зависимость членов семьи друг от друга очень велика. Причиной преобразования нуклеарной семьи в большую трехпоколенную зачастую становится необходимость совместного проживания в одной квартире, когда молодая семья оказывается финансово неспособной самостоятельно «потянуть» покупку или аренду жилья. Такое положение чревато спутанностью семейных ролей, снижением эффективности семейного функционирования, ростом конфликтности, семейной тревоги и эмоциональной напряженности. Примером неадекватного распределения ролей может служить хорошо знакомая всем ситуация с бабушкой, принявшей на себя всю полноту ролевой ответственности матери и по сути являющейся «функциональной мамой». Сама же мама выполняет в семье функцию старшей сестры ребенка. Нередко это находит отражение в таком симптоме, как называние ребенком матери и отца по именам вместо конвенциональных «мама» и «папа», приводит к искажению формирования привязанности в детском возрасте, конкуренции и конфликтности в подростковом.

Опыт семейного консультирования позволяет выделить следующие психологические особенности российских семей [Эйдемиллер, Юстицкис, 1999; Уголева, 2001]:

- высокая степень материальной, психологической, эмоциональной зависимости членов семьи друг от друга;
- спутанность семейных ролей, их недостаточная дифференцированность и согласованность;
- дистанцированность и низкая эмоциональная включенность мужа в жизнь семьи;
- борьба за власть между поколениями вследствие совместного проживания и неясности границ семейной системы.

Наряду с объективно существующими тенденциями в развитии семьи, отражающими необходимость пересмотра роли женщины в современном обществе, учета ее вклада в совокупную общественную практику, демографических изменений и прогрессивного развития культурных норм и ценностей в отношении личности и общения, существует мифологизация семьи и про-

цессов ее развития. «Мифы» о семье, стойкие в общественном сознании, искажают и неадекватно интерпретируют происходящие изменения в семье как социокультурном институте, приводят к ее обесцениванию и в силу этого представляют известную помеху для создания и функционирования гармоничной семьи. Наиболее распространенными, обусловленными временной дестабилизацией семьи являются мифы о «крушении семьи как социального института», о «вырождении настоящих мужчин» [Обозова, 1984] и о «маскулинизации женщин».

«Семья изжила себя как социальный институт» — миф о крушении семьи основан на фактах постепенной передачи семей функций другим социальным институтам и возрастающей эффективности реализации семейных функций каждым из супругов в отдельности, независимо друг от друга. Действительно, хозяйственно-бытовая функция теперь может с успехом осуществляться самостоятельно каждым из супругов, воспитательная реализуется матерями (реже отцами) с помощью системы общественного воспитания, а если повезет, то и с реальным участием прародителей; исчезло табу на свободные сексуальные отношения, и супруг или супруга перестают быть единственным сексуальным партнером друг для друга; духовное общение реализуется в кругу коллег по профессии и единомышленников, и даже репродуктивная функция может быть с успехом реализована без участия супруга путем искусственного зачатия или привлечения «матери»-донора. Кажется, нет ни одной функции семьи, которая не могла бы реализоваться вне супружеского союза, с другими партнерами. Печальная статистика разводов, увеличение числа людей зрелого возраста, не вступающих в брак, дают основания сторонникам теории крушения семьи строить мрачные прогнозы об исчезновении семьи как социального института. В противовес семье предлагаются другие формы отношений между партнерами — так называемый «свободный союз» — гражданский брак или вариант «воскресного папы». Однако за последние годы наметился явный, безусловно положительный сдвиг в пользу выбора семьи как формы партнерского союза, оптимальной для обеспечения необходимых условий личностного роста и саморазвития. Ценность семьи, ее рейтинг определенно растет.

Два других мифа питаются из одного источника, тесно связаны между собой, взаимно дополняют друг друга. «Настоящие мужчины перевелись», — утверждают представительницы прекрасной половины человечества. «Женщины уже больше не женщины, это скорее мужчины в юбках — ни нежности, ни терпимости, ни заботы», — не остаются в долгу представители сильного пола. Укрепляет это расхожее мнение новый образ моды — *unisex* — в одежде, причёске, поведении, образе жизни, привычках и пристрастиях, принципиально не делающий различий между мужчинами и женщинами, юношами и девушками. Причиной рождения мифов о стирании граней между представителями полов является неадекватное противопоставление мас-

кулинности и фемининности, вплоть до их прямой противоположности. В действительности же «чисто фемининных» или «чисто маскулиных» типов личности не существует. Личность андрогинна, в различных пропорциях она сочетает фемининные и маскулиные качества. Современная женщина, расширяя границы традиционно отведенного ей социального пространства и утверждая себя в новых социальных ролях, заставляет общество пересмотреть прежнюю систему представлений о ее «предназначении и уделе».

В.Н. Дружинин [1996] считает наиболее ярким проявлением краха нормальной семьи — т.е. семьи, в которой ответственность за ее благополучие несет отец (муж), — утрату мужчинами социальных и экономических возможностей обеспечивать семью, реализуя всю полноту ответственности, и воспитывать детей. Проблема отцовства, продолжающаяся практика отчуждения отца от воспитания детей, требует своего немедленного и кардинального решения. Вместе с тем было бы неверно ассоциировать эти действительно тревожные тенденции с крахом семьи как социального института.

Мифы об упадке и крушении семьи отражают неспособность определенных слоев общества увидеть за негативными внешними симптомами изменения жизни семьи собственно происходящие изменения — формирование качественно новых отношений в рамках института семьи, обусловленных изменением места и роли женщины в производстве и обществе, отношений, основанных на уважении права каждого из супругов на индивидуацию и полную личностную самореализацию в профессиональной и общественной жизни. Развитие семьи переживает на данном историческом этапе кризис, разрешение которого обусловит рождение нового типа семьи — с новой функционально-иерархической структурой и качественно иными отношениями между супругами.

Современная семья в различных вариантах своей жизнедеятельности обнаруживает негативную симптоматику кризиса, послужившую основанием для создания мифа о «крахе» семьи. Примерами таких «отклонений» в функционировании семьи, не выходящих тем не менее за пределы социальной «нормы» ее существования как социального института, могут служить следующие наблюдаемые явления. В достаточно большом числе случаев семейного бюджета как такового не существует, супруги осуществляют свои расходы врозь, каждый соответственно собственным доходам. Общего «семейного кошелька» нет, хотя финансовая помощь более обеспеченного супруга менее обеспеченному практикуется точно так же, как и целевое выделение денег на воспитание ребенка. Еще один пример — «отложенное» на неопределенное время родительство или семья без детей, где важнейшая семейная функция оказывается невостребованной. Наконец, примером «нестандартной» модели семьи, отвергающей важнейшую семейную функцию — сексуально-эротическую, может быть так называемая «открытая» семья, т.е. семья с неопределенными, размытыми границами семейной системы, где отсутствует запрет на внебрачные сексуальные связи и есть при-

знанные супругами любовники и любовницы. Очевидно, что в этом случае супружеская измена носит ординарный характер, и потому внебрачные связи изменой в семье не считаются и не являются ни причиной для развода, ни даже поводом для семейных конфликтов. Развитие репродуктологии позволяет супругам в отдельности успешно решать и другую традиционно важную функцию семьи — функцию продолжения рода. Вышесказанное подводит к выводу о том, что если из функций семьи «вычесть» все перечисленные, то основу ее жизнедеятельности составят функция эмоциональной поддержки и принятия, а также функции воспитания детей, конечно при условии их наличия в семье. Именно эти две функции и определяют, по всей вероятности, специфику семьи ближайшего будущего.

§ 4. Стадии жизненного цикла семьи

Системный подход к семье является наиболее авторитетным в современной психологии семьи. В рамках парадигмы системного подхода семья рассматривается как открытая самоорганизующаяся социальная система, находящаяся в постоянном взаимодействии с окружающей средой. Функционирование семьи подчиняется двум основным взаимодополняющим законам — *закону гомеостаза* (направленности на сохранение постоянства и стабильности) и *закону развития*. Закон развития означает, что семья, как и любая система, может быть охарактеризована в историческом аспекте в терминах генезиса, развития и ликвидации (прекращения существования). Поэтому можно говорить о жизненном цикле семьи и определенной периодичности и последовательности стадий ее трансформации от возникновения до прекращения жизнедеятельности. Термин «цикл развития семьи» был впервые использован Э. Дювалль и Р. Хиллом в 1948 г. Рассмотрение динамики развития семьи основывалось на идее Э. Эриксона о специфичности задач, решаемых личностью на каждом этапе развития семьи. Каждой стадии ее жизненного цикла соответствуют специфические задачи развития.

Жизненный цикл развития семьи определяется объективными событиями (рождение, смерть) и осуществляется в контексте возрастных изменений всех членов семьи. Возрастно-психологические изменения, касающиеся личности каждого члена семьи, коренным образом преобразуют жизнь последней: изменяются система потребностей и мотивов личности, способы ее поведения и деятельности, социальный статус членов семьи, а следовательно, стиль общения и характер функционирования семьи в целом.

Обзор существующих периодизаций жизненного цикла семьи позволяет заключить, что все они основаны на критерии изменения места детей в семейной структуре и реализации супругами воспитательной функции. Э.К. Васильева выделяет пять стадий жизненного цикла семьи, на каждой из которых решаются свои специфические задачи ее развития. Первая — возникновение

семьи до рождения первого ребенка; вторая — рождение и воспитание детей — завершается началом трудовой деятельности хотя бы одного ребенка. Третья стадия связана с окончанием выполнения семьей воспитательной функции от начала трудовой деятельности хотя бы одного ребенка до момента, пока на попечении родителей не останется ни одного из детей. На четвертой стадии взрослые дети проживают вместе с родителями и хотя бы один из них не имеет собственной семьи. Наконец, на завершающей, пятой стадии супруги живут одни или с детьми, имеющими собственные семьи. Р. Нойберт выделяет этапы жизни вдвоем; после рождения детей, их воспитания; воспитания детей старшего школьного возраста; отделения детей от родителей и воспитания внуков. В периодизации В. Баркаи мы видим аналогичную последовательность стадий: семья без детей; семья с детьми раннего возраста; семья с детьми, посещающими детский сад; семья с детьми школьного возраста; семья, в которой дети приобрели частичную самостоятельность; наконец, семья, которую оставили дети. В периодизации Хилла стадию монады сменяют стадии вступления в брак, рождения ребенка, проживания с ребенком до подросткового возраста, стадия «вылета птенцов из гнезда», стадия смерти одного из супругов и вновь стадия монады. Несколько в меньшей степени значение воспитательной функции семьи находит свое отражение в периодизации М. Эриксона, где жизненный цикл семьи составляют периоды ухаживания, брачного поведения, рождения ребенка и взаимодействия с ним, зрелого брака, отлучения детей от родителей, пенсии и старости.

Рассмотрим жизненный цикл семьи, в основе которого лежит периодизация, предложенная Б. Картер и М. Макголдрик [Carter, McGoldrick, 1988].

Критериями данной периодизации являются следующие характеристики семьи: 1) жизненные цели; 2) задачи, реализуемые для достижения этих целей; 3) состав; 4) переходы с одной стадии на другую в соответствии с новыми жизненными установками семейной системы. Последний критерий, по нашему мнению, является не чем иным, как нормативным кризисом семьи, поскольку переход на новую стадию в первую очередь требует перестройки всей семейной системы. Существуют два сценария развития семьи на каждой из стадий жизненного цикла: сценарий благополучия, предполагающий успешное разрешение супругами стоящих перед ними задач, и сценарий неблагополучия, деструктивного развития семьи, вызванного ее неспособностью разрешить эти задачи. Между этими двумя крайними вариантами — континуум индивидуальных траекторий развития семьи, определяющих степень ее гармоничности и эффективности функционирования. Решение задач каждой последующей стадии определяется успешностью решения задач стадии предыдущей при наличии между ними преемственности и взаимосвязи.

Жизненный цикл семьи включает шесть стадий: добрачный период, заключение брака и образование новой семейной пары, семья с маленькими детьми, семья с детьми подросткового возраста, период приобретения деть-

ми взрослого статуса и их отделения («птенцы покидают родное гнездо»), период жизни после отделения детей. Даже простое перечисление стадий жизненного цикла семьи убедительно свидетельствует о том, что важнейшей стержневой функцией современной семьи признается функция родительства и воспитания детей. Стаж супружества не определяет стадию жизненного цикла семьи. Переход семьи на качественно новую стадию своего развития определяется решением задач рождения и воспитания детей. Рассмотрим каждую из перечисленных стадий более подробно.

Стадия 1. Добрачный период (молодой взрослый вне брачного союза), или «время монады».

Цель: достижение эмоциональной и экономической самостоятельности личности, принятие ответственности за себя и свою судьбу.

Задачи:

- эмоциональная дифференциация Я от семьи родителей, автономизация личности, приобретение независимости;
- развитие интимности межличностных отношений (по Э. Эриксону), способности любить и быть любимым в межличностных отношениях с противоположным полом, поиск брачного партнера;
- становление Я личности через приобретение профессии и достижение экономической независимости.

Развитие и функционирование будущей семьи в значительной мере определяется успешностью решения указанных задач. Если задачи не решены, они откладываются и их решение переносится на последующие этапы развития семьи, что, несомненно, чревато низкой эффективностью функционирования вновь созданной семьи.

Стадия 2. Заключение брака, образование новой семейной пары, или «время диады».

Цель: формирование новой семейной системы на основе заключения брака.

Задачи:

- выработка и согласование общих семейных ценностей и семейного уклада;
- решение вопросов главенства и установление лидерства;
- распределение ролей, принятие ответственности супругов за их выполнение;
- определение финансово-экономического статуса семьи, организация семейного бюджета, решение территориальной проблемы семьи (проблемы проживания);
- организация досуга;
- брачно-семейная адаптация супругов как приспособление к жизни в семье;
- формирование семейного самосознания «Мы», выработка общей позиции в отношении будущего семьи, планирование основных жизненных целей;
- установление отношений с расширенной семьей (родителями и родственниками каждого из супругов).

От успешности решения задач формирования новой семейной системы существенным образом зависят жизнестойкость семьи и ее будущее. На осознанию отношения «Я и Ты» приходит осознание нового качества отношений — «Мы». Завершение «медового месяца» знаменует собой начало перестройки прежних отношений близости и интенсивности переживания чувства любви и обращение к решению всего спектра задач данной стадии. Именно тогда молодая семья особенно чувствительна к воздействию стрессоров. Нередко браки распадаются, что свидетельствует как о сложности задач данной стадии жизненного цикла семьи, так и о недостаточной психологической готовности молодых супругов к их решению, обусловленной низкой эффективностью решения задач предшествующей стадии, в частности сохранением эмоциональной, поведенческой, ценностной зависимости от родителей, отсутствием экономической самостоятельности молодой семьи и т.д. Серьезным моментом инициации молодых супругов к готовности к супружеской жизни является решение ими задачи установления новой системы отношений с расширенной семьей на основе автономии от семей прародителей. Особенностью российской семьи является то, что начало семейной жизни молодых супругов зачастую происходит на территории одной из родительских семей и сопровождается приходом в родительскую семью нового члена. Позиционирование членов расширенной семьи осуществляется в координатах «свой — чужой», что порождает опасность группового давления расширенной семьи на «чужака», его не «равнозначного» положения в семье. Эту ситуацию хорошо отражает значение слова «примак» в русской разговорной речи, обозначающего мужа как нового члена семьи. Примак — супруг, «принятый» в расширенную семью и в силу своего положения не обладающий полнотой и эквивалентностью прав в отличие от «коренных» членов семьи.

Брачная адаптация рассматривается как процесс постепенного приспособления супругов к совместной жизни на основе позитивных чувств симпатии, любви, дружбы и уважения друг к другу. Брачная адаптация включает: 1) адаптацию к новым брачно-семейным ролям и согласованной ролевой деятельности; 2) адаптацию к потребностям, жизненным ценностям, интересам и стилю жизни супруга; 3) адаптацию к индивидуально-типологическим особенностям, характеру и личностным качествам партнера; 4) адаптацию к профессиональной деятельности партнера; 5) сексуальную адаптацию партнеров [Сысенко, 1986].

Стадия 3. Семья с маленькими детьми (до подросткового возраста).

Цель: начало реализации функции воспитания детей, расширение семейной системы с включением в нее новых членов.

Задачи:

- изменение структурно-функционального строения семьи с формированием супружеской и родительско-детской подсистем;
- формирование родительской позиции матери и отца;

- адаптация семейной системы к включению детей;
- выработка стратегии, тактики и методов воспитания, их реализация;
- установление новых отношений с расширенной семьей с включением прауродителей ролей бабушек и дедушек.

Ряд авторов подразделяет указанную стадию жизненного цикла семьи на стадии семьи с детьми младенческого возраста, с детьми дошкольного возраста, с детьми школьного возраста (А.Н. Волкова, Т.М. Трапезникова, Н.Л. Васильева). Такое дробление не лишено оснований, поскольку возраст детей определяет конкретные задачи воспитания и формы детско-родительских отношений, а тем самым и возможности каждого из супругов сохранять свои прежние роли в профессиональной и социальной сферах деятельности.

Рождение ребенка создает серьезный кризис в семейной системе, делает ее особенно уязвимой и неустойчивой перед воздействием различных стрессоров. К. Витакер писал о том, что все трудности семейной жизни отступают на второй план, когда семья сталкивается с проблемами ожидания ребенка, беременностью, родами и уходом за младенцем. Согласно С. Минухину, рождение ребенка влечет за собой сложную реорганизацию семьи, связанную с появлением ее новой подструктуры, что подчас ставит под угрозу существование самой семьи. Возникает объективная необходимость пересмотра прежнего распределения ролей и обязанностей в семье, изменяются также возможности сохранения рекреационных видов активности и общения вне пределов семьи. Как правило, жена отдает приоритет родительской и семейной ролям, отказываясь от прежнего образа жизни и активности в профессиональной деятельности. Муж, напротив, становится более активным в работе, поскольку именно он принимает на себя всю полноту ответственности за материальное благополучие семьи. Например, семья с детьми младенческого возраста, нуждающимися в особом уходе и воспитании, достаточно жестко ограничивает возможности матери, обычно принимающей на себя роль непосредственного воспитателя младенца, сохранять прежние образ жизни и социальные роли.

Подчеркнем, что рождение детей приводит к необходимости коренным образом ревизовать и перестроить прежнюю семейную систему. Отношения между супругами реализуются теперь в двух планах: в плане собственных супружеских отношений — между мужем и женой — и в плане родительских отношений — между отцом и матерью, воспитывающими ребенка. Координация этих двух планов отношений составляет особую, далеко не простую задачу. Функция родительства и воспитания детей определяет характер изменения супружеских отношений на данной стадии по сравнению с предшествующей. Особую значимость приобретает вопрос о том, когда и в какой форме будет происходить возвращение жены к профессиональной деятельности, как и между кем будет осуществлено перераспределение функций воспитания ребенка. Например, на стадии воспитания младенца

супруг обычно является единственным источником материальных средств существования семьи, монополизирует функцию «кормильца». А на стадии воспитания детей дошкольного возраста, т.е. с момента возвращения супруги к активной производственной деятельности, возникает необходимость пересмотра распределения между супругами домашних обязанностей и ответственности за воспитание ребенка. Успешное совмещение супругами двух важнейших сфер жизнедеятельности — семейной и профессиональной — одна из центральных проблем данной стадии развития семьи.

Формирование детско-родительской подсистемы отношений кардинально перестраивает и усложняет жизнедеятельность семьи. Хотя указанные планы отношений — собственно супружеские и родительские — в значительной мере переплетены и взаимообусловлены, нередко можно наблюдать их противоречивость в вопросе о степени удовлетворенности супругов качеством этих отношений. Например, высокая степень субъективной удовлетворенности супругов характером собственно супружеских отношений может сочетаться с конфликтностью, отсутствием взаимопонимания и расхождением во взглядах на воспитание детей и меру участия в нем каждого из родителей, т.е. в отношениях между супругами как отцом и матерью общего ребенка (детей). И напротив, супружеские отношения на грани разрыва вполне совместимы с полным взаимопониманием и единством взглядов на ценности, цели и методы воспитания детей.

Принципиально важную особенность данной стадии жизненного цикла семьи составляет переход супругов к началу реализации родительской функции. Формирование родительской позиции — процесс во многих отношениях переломный, кризисный для обоих родителей, в значительной мере предопределяющий судьбу развития детей в семье, характер детско-родительских отношений и развитие личности самого родителя. Родительская и воспитательная роль принципиально отличается от супружеской тем, что при формировании супружеского союза оба партнера вольны прекратить супружеские отношения и расторгнуть брак, в то время как родитель — «пожизненно» выполняемая личностью роль и отменить ее невозможно. Даже в так называемых «отказных» случаях, когда родители отказываются от своего права и обязанности воспитывать ребенка, оставляя его в роддоме или детском доме, мать/отец сохраняют ответственность за свой нравственный выбор, оставаясь родителями, пусть даже только биологическими.

Можно выделить ряд характерных для молодой семьи тенденций, возникающих после рождения ребенка: осуществляется традиционализация семьи, предполагающая усиление фактора полового диморфизма и сосредоточение женщины на семейных ролях; наблюдается относительное возрастание ригидности ролевой структуры семьи; происходит резкое и кардинальное изменение образа жизни, в частности сокращение времени,

досуга, общения с друзьями, интенсификация домашнего и производственного труда, рост напряженности; повышается чувство ответственности и зачастую тревоги за будущее семьи и благополучие ребенка; сокращается время общения супругов, возникают проблемы сексуального характера и нередко переживание утраты чувства любви. В тех случаях, когда отец оказывается отстранен от ухода за младенцем и воспитательных функций, он испытывает чувство ревности и зависти к ребенку, к отношениям эмоциональной близости его с матерью. Такие переживания крайне деструктивно сказываются на супружеских отношениях и формировании отцовской позиции. Появляется угроза ее искажения.

Еще один важный план отношений в семейной системе, возникающий после рождения детей, — это отношения нуклеарной семьи с прародителями, определяющие новое ролевое пространство отношений в рамках расширенной семьи. В указанном ролевом пространстве происходит перестройка отношений между прародителями и супругами—родителями ребенка на основе признания их нового возрастного и ролевого статуса. Старшее поколение принимает и осваивает новые семейные роли — бабушек и дедушек, чьими важными функциями являются: воспитание внуков; сохранение семейной истории и традиций, обеспечивающее преемственность поколений; функция арбитров в семейных конфликтах и спорах; функция хранителей семейной мудрости; оказание помощи в решении проблемных ситуаций и кризисов, с которыми сталкивается семья. Актуальной становится задача перестройки прежних отношений в рамках расширенной семьи. Именно на этой стадии резко возрастает вероятность повышения сплоченности расширенной семьи, оптимизации эмоциональных отношений и развития содержательного сотрудничества между старшим и средним поколениями.

Итак, рождение ребенка влечет за собой следующие важнейшие изменения в жизни семьи и личностном развитии каждого из супругов:

- развитие идентичности супругов на основе принятия ролей матери и отца;
- изменение ролевой структуры семьи, включая перераспределение функций и появление новых родительских ролей;
- изменение ролевых отношений за пределами семьи — в сферах профессиональной, дружеских отношений и увлечений;
- изменение системы отношений в расширенной семье на основе принятия старшим поколением ролей бабушек и дедушек.

Стадия 4. Семья с детьми подросткового возраста.

Основная психологическая характеристика семьи на данной стадии жизненного цикла — совпадение или значительное пересечение кризисных возрастных стадий каждого поколения семейной системы. Старшее поколение прародителей сталкивается с необходимостью прекращения активной производственной и социальной деятельности и перестройки образа жизни в связи с возникновением проблем утраты физических сил и возможностей.

Среднее поколение супругов-родителей вступает в кризис середины жизни, требующий переосмысления жизненного пути и подведения итогов. Наконец, младшее поколение — подростки — заявляет права на признание их нового статуса — статуса взрослого, что с необходимостью приводит к перестройке системы родительско-детских отношений. Пересечение трех возрастных кризисов — пожилого возраста, середины жизни и подросткового, — переживаемых тремя поколениями расширенной семьи, каждый из которых характеризуется своими уникальными задачами развития, создает особую уязвимость семейной системы на данной стадии жизненного цикла. Именно на этой стадии констатируются максимальная тревожность членов семьи, переживание чувства утраты безопасности, незащищенность.

Цель: развитие семейной системы с учетом растущей независимости детей и включение заботы о старшем поколении (прародителях).

Задачи:

- пересмотр системы детско-родительских отношений в направлении признания права подростков на взрослость и предоставление им необходимой и возможной степени независимости и самостоятельности;
- забота о старшем поколении семьи (прародителях);
- изменение «весовой категории» поколений, принятие поколением супругов полной меры ответственности за благополучие расширенной семьи и изменение характера отношений между старшей и средней генерацией: признание старшим поколением роли лидера за средним поколением;
- решение задач возрастного развития, перефокусирование личности на преодоление кризиса середины жизни, успешное разрешение задач личностного развития и самоактуализации, профессионального и карьерного роста.

Данная стадия жизненного цикла семьи, как уже говорилось, характеризуется высокой степенью тревоги. Специфическими для супружеских отношений становятся переживания утраты любви, разочарование, «обесценивание» партнера и снижение чувства субъективной удовлетворенности браком. Супружеские измены, нередкие на этой стадии, отражают стремление супругов пересмотреть итоги жизненного пути и найти новые возможности самореализации через поиск другого партнера, с которым связываются новые жизненные цели и новые возможности личностного роста, установление эмоционально-близких отношений, свободных от прежнего груза ошибок, чувства вины и горечи переживаний. Как правило, поиск другого партнера отражает не столько разочарование в старом, сколько негативное переосмысление жизненных итогов и попытку «начать жизнь с чистого листа». Неадекватность подобного разрешения кризиса середины жизни обусловлена личностной незрелостью и неспособностью к конструктивному разрешению возрастных задач развития на основе мобилизации ресурсов прежней семейной системы. Безусловно, достаточно часто этот кризис, диктующий необходимость определения личностью новых жизненных целей, приоритетов и ценностей, лишь обнажает и обостряет

давно назревшие противоречия семейной системы, обнаруживая ее дисгармоничный и деструктогенный характер, приводит к естественному завершению функционирования семьи, ее ликвидации в плане прекращения супружеских отношений. Однако даже в этом случае сохраняются детско-родительские отношения, и распавшаяся семья по-прежнему реализует функцию воспитания детей.

Стадия 5. Период отделения детей, приобретающих взрослый статус (семья со взрослыми детьми).

На этой стадии жизненного цикла семьи существует значительное разнообразие форм отношений родителей со взрослыми детьми. Дети могут проживать вместе с родителями, не имея собственной семьи, что особенно характерно для российского общества в отличие от западного, где завершение школьного образования является достаточным поводом для фактического отделения молодого взрослого от семьи, отделения как минимум территориального, а в значительном ряде случаев — и финансово-экономического. Взрослые дети могут проживать отдельно от родителей — если уезжают на учебу в другой город или снимают жилье, стремясь к долгожданной самостоятельности и автономии и утверждая свой взрослый статус. Они могут состоять в браке или оставаться холостыми, незамужними. Отличительной особенностью данной стадии жизненного цикла семьи являются прекращение выполнения супругами функции воспитания детей и сохранение ими профессиональной и социальной активности.

- *Цель:* формирование гибкой семейной системы с открытыми границами.

Задачи:

- реконструкция семейной системы как диады;
- формирование новой системы отношений между родителями и детьми по типу «взрослый—взрослый»;
- включение в семейную систему новых членов (жены сына или мужа дочери, внуков);
- освоение новых семейных ролей — бабушки и дедушки;
- повышенная забота о старшем поколении, принятие недееспособности и возможной смерти родителей.

Данная стадия жизненного цикла семьи характеризуется завершением выполнения воспитательной функции, отделением взрослых детей и необходимостью новой перестройки семейной системы, где на первый план вновь спустя много лет выступают собственно супружеские отношения. Перед супругами, как и в начале жизненного цикла, возникает задача построения отношений в рамках диады. Доминирование родительского плана отношений на протяжении предшествующих стадий при отделении взрослых детей нередко приводит к возникновению чувства утраты смысла жизни, обесцениванию семьи и охлаждению супружеских отношений (утрачена общая цель — воспитание детей). Деструктивным выходом из кризиса, обусловленного отделением взрослых детей, становятся попытки вторжения родителей

в семью взрослых детей с претензиями на главенство и неформальное лидерство, или по меньшей мере стремление стать «незаменимым» членом образовавшейся новой семьи, узурпировав, например, роль воспитателя детей. Хрестоматийным примером такой стратегии поведения является поведение бабушки, реализующей в семье детей авторитарно-директивный стиль управления и, по сути, провоцирующей ее деструкцию и распад [Захаров, 1982]. Противоположным сценарием развития семьи, обеспечивающим гармонизацию семейной системы, является строительство супружеских отношений по форме «узнавания» — познания партнера с новых сторон, с преимуществом жизненного опыта, обретенной мудрости и терпимости. Супруги как бы заново открывают друг друга и строят супружеские отношения с учетом новых личностных качеств супруга, пережитых радостей и поражений семейной жизни. Случается, однако, что они с удивлением обнаруживают рядом с собой другого (почти незнакомого!) человека, и тогда дальнейшая судьба семьи складывается в зависимости от желания и готовности супругов строить новые отношения. Рождение внуков в семье детей открывает им иные ролевые возможности для реализации воспитательной функции, но теперь уже в качестве бабушки и дедушки.

Стадия 6. Семья после отделения детей (стадия пожилого возраста и старости).

Специфику последней, шестой стадии жизненного цикла семьи определяет вхождение супругов (либо одного из них, если разница в возрасте достаточно велика) в завершающий период онтогенетического развития — период старения и старости. Возрастные задачи развития в этот период опосредуют задачи развития семейной системы в целом. Выход на пенсию приводит к коренной перестройке всех жизненных устремлений личности. В.Д. Шапиро указывает на три основные группы потребностей и соответствующие им ценностные ориентации пожилых людей: 1) социальные потребности (в значимой деятельности, содержательном досуге, спокойном отдыхе, хороших материальных и бытовых условиях); 2) социально-психологические потребности (в межличностном общении, уважении, независимости, внимательном и заботливом отношении окружающих); 3) потребность в сохранении здоровья [Шапиро, 1983]. Приоритетными интересами для пожилых людей являются благополучие и успехи их детей и внуков, близких людей. Особенность супружеской жизни пожилых пар состоит в изменении сексуальных отношений с учетом климактерических нарушений у женщины и мужчины.

Цель: перестройка системы отношений поколений в рамках расширенной семьи с учетом реалий возрастных изменений.

Задачи:

- сохранение прежних индивидуальных интересов, видов активности и форм взаимодействия и функционирования в супружеских парах вопреки физиологическому старению и утрате физических сил и возможностей;

- изучение новых возможностей выполнения социальных и семейных ролей (бабушки и дедушки);
- поддержка центральной роли среднего поколения;
- приобретение мудрости и опыта старости в разумном функционировании;
- переживание утраты супруга, близких людей, друзей, ровесников;
- построение модели жизнедеятельности после утраты супруга;
- «пересмотр» итогов жизни, принятие неизбежности собственной смерти, решение проблемы личностной интеграции перед угрозой распада.

В отличие от предшествующих стадий жизненного цикла семьи необходимость изменения ее ролевой структуры определяется неравномерностью процессов старения супругов и утраты их прежних возможностей. Большое значение имеет также фактор прекращения профессиональной деятельности, влияющий на распределение ролей «кормильца» и «хозяйки (хозяйина) дома» между супругами. Женщины гораздо успешнее и быстрее адаптируются к положению пенсионера. Они обычно сохраняют в семье свой прежний статус «хозяйки дома — домоправительницы», ответственной за бюджет семьи, организатора ее досуга. Роль мужа в семье достаточно часто ограничивается ролью «кормильца». В случае прекращения трудовой деятельности он утрачивает эту роль и нередко даже ощущает свою невостребованность в семье, поскольку в связи с выходом на пенсию вклад каждого из супругов в семейный бюджет уравнивается. В значительном числе случаев в семье происходит «тихая бархатная революция», результатом которой является переход всей полноты власти к жене. К сожалению, такой вариант развития событий обедняет и схематизирует супружеские отношения, замыкая их в пределах рутинной обыденности ценностей повседневного бытового функционирования, нарушаемого лишь просмотром сериалов «мыльных опер», переживания и чувства героев которых компенсируют пожилым супругам заурядность их собственной жизни, уводят из мира реальности в мир грез и иллюзий. Противоположный путь развития семейной системы связан с поиском новых значимых и доступных сфер самореализации, с уважением выбранных партнером целей, помощью и поддержкой партнера в их достижении. Еще один вариант перестройки ролевой структуры семьи связан с резким ухудшением здоровья одного из супругов и концентрацией усилий семьи в направлении решения главной задачи — сохранения жизни, здоровья и создания удовлетворительного качества жизни больного супруга.

Особенно важную роль на этой стадии жизненного цикла семьи начинает играть ее среднее поколение, от которого зависят эмоциональная поддержка и уход за больными и нуждающимися в помощи пожилыми родителями. Обнаружено, что дочери значительно чаще помогают своим престарелым родителям, чем сыновья [Крайг, 2000]. Помощь включает покупку продуктов, уборку, приготовление еды, уход за больными прароди-

телями. Достаточно часто дочери бывают вынуждены изменить место работы для разрешения проблем ухода за тяжелобольными родственниками. Так же, как это происходило после рождения детей, женщина, отвечая социальным ожиданиям, разрешает ценностный выбор в пользу заботы о недееспособных членах расширенной семьи, реализация которого, однако, зависит от ее участия в трудовой деятельности, наличия детей и их возраста, собственного возраста женщины и ее здоровья. Интересен тот факт, что женщины, имеющие детей, оказываются более толерантны к ролевой напряженности и перегрузкам, сопровождающим выполнение ими многообразных семейных ролей.

В.А. Альперович [1977] выделяет три типа отношений между пожилыми супругами: «сосуществователи», «партнеры», «влюбленные друзья». Указанные типы отношений различаются по эмоциональной близости и взаимопониманию партнеров, распределению прав и обязанностей, общности деятельности, интересов и ценностей, эмоциональной включенности в семейные отношения.

Еще одна проблема, специфическая для данной стадии, — это вдовство и формирование новой модели жизнедеятельности после утраты супруга. Выделяют несколько наиболее типичных моделей, выбор и реализация каждой из которых регулируются большим числом факторов, и важнейшие среди них — возраст одинокого супруга, мера его включенности в различные виды социальной активности, круг интересов и общения, характер переживания утраты супруга и эмоциональный статус, состояние здоровья, личностные особенности, специфические виды копинга (совладающего поведения). Можно назвать следующие типичные модели нового образа жизнедеятельности:

- «жизнь в прошлом», уход в воспоминания и идеализация прошлого, потеря смысла жизни и отказ от будущего, сознательное одиночество;
- «жизнь как ожидание смерти», подготовка к «воссоединению» с супругом, ожидание завершения жизненного пути, уход в религию или поиск философского обоснования завершения жизненного цикла;
- доминирующий эгоцентризм, полная концентрация на собственном здоровье, благополучии, удовлетворении собственных потребностей и интересов; ведущий тип деятельности — забота о себе и самообслуживание;
- интеграция как упрочение связей с семьей детей, поиск новых семейных ролей, реализация себя в роли бабушки (дедушки); ведущий тип деятельности — забота о членах расширенной семьи;
- самореализация в профессиональной или общественной деятельности;
- повторный брак, создание новой семейной системы.

Конструктивными моделями, как можно видеть, являются лишь три последние. Повторный брак — достаточно редкое явление в нашем обществе, особенно для женщин, которые значительно чаще мужчин оказываются в положении вдов. Наиболее типичен для них вариант интеграции с семьей детей.

Переход со стадии на стадию жизненного цикла семьи представляет собой нормативные кризисы в развитии семейной системы, т.е. кризисы, переживаемые каждой семьей, содержание которых — в разрешении противоречий между новыми задачами, встающими перед семьей, и характером взаимодействия и общения между членами семьи. П. Босс называет трудности, испытываемые большинством семей в момент изменения их функций и структуры, нормативными стрессорами. И мы видели, что каждый переход ставит перед семьей новые цели и задачи и требует структурно-функциональной перестройки, включая изменение в иерархии функций семьи, решение вопроса о главенстве и лидерстве и распределение ролей. Успешность разрешения кризисов перехода обеспечивает эффективное функционирование семьи и ее гармоничное развитие.

С. Кратохвил выделяет «стандартное» время наступления таких кризисов в зависимости от стажа брака: в интервалах 3—7 и 17—25 лет стажа. Кризис 3—7 лет продолжается около года. Он проявляется в утрате романтических настроений, снижении (утрате) взаимопонимания, росте конфликтов, эмоциональной напряженности, чувстве неудовлетворенности браком, супружеских изменах. Кризис 17—25 лет выражен не столь ярко, но более продолжителен (до нескольких лет). Его симптомы — нарастание эмоциональной неустойчивости, возникновение чувства одиночества, связанного с уходом взрослых детей из семьи, переживание старения. Если принять во внимание, что рождение ребенка происходит в семье примерно на 3—4-м году брака, то нетрудно увидеть, что хронологический интервал 3—7 лет брака увязан со стадией семьи с маленькими детьми (младенческого и раннего возраста), т.е. с периодом наиболее жесткой перестройки семейной системы — началом родительства, вынужденным отчуждением молодой матери от профессиональной и учебной деятельности, ограничением супругов в привычном образе жизни, общении, досуге, снижением (как правило) уровня материального благосостояния семьи [Кратохвил, 1991]. Таким образом, эти повторяющиеся кризисы семьи обусловлены изменениями ее функций и структуры.

Второй «стандартный» временной интервал наступления кризиса охватывает период «семья с детьми-подростками», об особой уязвимости которого мы уже говорили выше, и период отделения взрослых детей, связанный с завершением выполнения функции их воспитания. Таким образом, наиболее яркие проявления кризисов в жизненном цикле семьи связаны с началом осуществления супругами функции родительства и воспитания детей и с ее прекращением.

Наряду с нормативными кризисами можно говорить и о ненормативных кризисах семьи, вызванных такими событиями, как развод, супружеская измена, изменение состава семьи, не связанное с рождением ребенка, усыновление приемных детей, невозможность совместного проживания супругов в силу различных причин, подростковая беременность, финансо-

вые трудности и т.д. Стрессоры, вызывающие ненормативные кризисы семьи, разделяют на сверхсильные и хронические.

К *сверхсильным стрессорам* относят: смерть одного из супругов, родителя или ребенка; супружескую измену; резкое и кардинальное изменение в социальной ситуации развития семьи (изменение социального статуса, материального положения семьи); тяжелое хроническое заболевание кого-то из ее членов.

Длительные стрессоры действуют по принципу «капля камень точит» и включают такие факторы, как неблагоприятные жилищные и материальные условия; высокая эмоциональная напряженность и значительные хронические нагрузки в профессиональной деятельности; бытовые нагрузки; нарушение межличностной коммуникации и длительно сохраняющаяся конфликтность как в супружеской, так и в детско-родительской подсистемах.

Значительной стрессогенностью характеризуются также факторы резкого изменения стереотипа жизни семьи и суммирования трудностей (эффект «последней капли»).

Способность семьи противостоять стрессогенным факторам определяется ее сплоченностью и наличием внутренних и внешних ресурсов противодействия стрессу. Возникновение неожиданного кризисного события приводит к дисбалансу семейной системы и требует адаптации к новой реальности. Психологическим механизмом такой адаптации, согласно Дж. Сандлеру, является отказ от достижения прежнего идеального образа семьи и замена его новым идеалом, приближенным к реальности. Процесс индивидуации семьи выступает как условие ее нормального развития [Васильева, 2001], устремленного в будущее и препятствующего «застреванию» и регрессии к ранее существовавшим идеальным состояниям.

Критерием периодизации жизненного цикла развития семьи могут стать ключевые события — моменты взаимодействия членов семьи, образующие *семейный сюжет* [Jonnes, 1990]. Каждое из таких событий характеризуется своими целями, особыми формами и конфликтом. Выделяются следующие фазы семейного сюжета: 1) детство и период становления; 2) отделение и уход из родительской семьи взрослых детей; 3) выбор партнера, ухаживание; 4) образование новой супружеской пары; 4) установление родительства и развитие отношений «отцов» и «детей»; 5) завершение, смерть родственников.

Несколько иной подход к анализу развития семьи связан с понятием *семейной карьеры* (Х. Фелдман, М. Фелдман). Карьера понимается как совокупность ролей индивида, направленных на самореализацию в значимых сферах жизни — в семье, профессиональной деятельности, увлечениях. Авторы выделяют два типа карьер — внутрисемейные и внесемейные. К внутрисемейным карьерам относятся карьера сексуального опыта, карьера супружества, родительская карьера и карьера отношений родителей и взрослых детей. Периодизация развития семьи с точки зрения карьерного

подхода должна рассматриваться как развитие и пересечение указанных выше карьер каждого члена семьи, создающих уникальную и неповторимую и в то же время обладающую известной периодичностью картину развития семьи.

§ 5. Период выбора брачного партнера. Мотивы заключения брака

В рамках добрачного периода принято выделять так называемый предбрачный период, охватывающий время от момента знакомства с брачным партнером до заключения брака.

Законом устанавливается определенный порядок заключения брака, обеспечивающий его правовую основу, регламентирующий его условия. Условия заключения брака — взаимное согласие партнеров, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста (в России — 18 лет). Минимальный брачный возраст может быть в исключительных случаях снижен, но не более чем на два года. К таким случаям относятся беременность несовершеннолетней, рождение ребенка, призыв будущего супруга на военную службу. Очевидно, что законодатели руководствуются в первую очередь интересами охраны материнства и детства. Препятствиями к заключению брака являются: прямое родство по восходящей и нисходящей линии, полнородное (общие мать и отец) и неполнородное (один общий родитель) родство, отношения усыновитель — усыновленный между партнерами, а также недееспособность одного из супругов. Таким образом, в соответствии с принятым в настоящее время Семейным кодексом РФ брак является исключительно свободным волеизъявлением партнеров, принявших решение о создании семьи. Соответственно, неизмеримо возрастает мера ответственности личности за сделанный выбор.

В последнее время в России постепенно возобновляется традиция венчания как ритуал благословения заключаемого брака церковью. Вместе с тем вряд ли стоит связывать с возрождаемым обрядом надежды на упрочение брака в нашей стране и снижение уровня разводов. Решение проблемы стабильности брака лежит в области создания благоприятных социально-психологических условий развития семьи.

Заключение брака побуждается системой мотивов, образующих определенную иерархию, в рамках которой можно говорить о смыслообразующих мотивах и мотивах-побудителях. Мотивы различаются степенью осознанности, варьируясь в широком диапазоне от сознательных намерений до бессознательного побуждения. Наконец, мотивы могут реализовывать направленность на достижение и направленность на избегание. Например, мотивом заключения брака может стать желание всегда быть рядом с любимым человеком (мотив, направленный на достижение) и соответствующее ему — избежать одиночества. Мотивы заключения брака реализуют

жизненно важные отношения личности к миру, составляют основу иерархии человеческих потребностей, отраженных в известной пирамиде А. Маслоу. Перечислим наиболее значимые из них:

- реализующие потребность любить самому и быть любимым партнером;
- самоутверждения и самореализации (в частности, мотивы социального и статусного утверждения); примером такого рода мотива может стать стремление молодого человека уйти из-под опеки родителей посредством создания собственной семьи¹;

- удовлетворяющие потребность в чувстве безопасности, когда партнер рассматривается как источник заботы, опоры и стабильности; в этих случаях он выступает своеобразным заместителем родителя;

- реализующие потребность в аффилиации;

- мотив самоактуализации через разделение идентичности в отношениях со значимым Другим;

- мотив продолжения рода, стремление к реализации роли родителя;

- сексуальное влечение к партнеру и желание иметь стабильные сексуальные отношения;

- мотив долга и социальной обязанности, в основе которого лежат забота и ответственность за благополучие партнера;

- прагматический мотив (улучшение жилищных условий, материального положения как собственного, так и прародительской семьи с помощью партнера). Брак по расчету, доминировавший на протяжении ряда веков, «ушел в тень» в XX в., когда высшей ценностью брака как свободного союза свободных граждан была провозглашена любовь. Однако в последнее время отношение к браку, основанному на материальных, прагматических мотивах, претерпело изменение. Так, по данным социологического опроса, только 33% опрошенных молодых людей осуждают брак по расчету, а 50% относятся к нему с пониманием: 16% респондентов заявили, что они «хотели бы иметь такую возможность» [Ганичева, 2002].

Очевидно, что степень адекватности мотивов для создания гармоничной семьи далеко не равнозначна, и судьба вновь созданной семьи в значи-

* Иллюстрацией доминирования статусных мотивов при заключении партнерами брака может стать терапевтическая интерпретация известной сказки Ш. Перро «Золушка». Принц, испытывая чувство собственной неполноценности и несамостоятельности и являясь объектом властного управления со стороны своих родителей, стремится изменить свой статус и доказать, что он уже взрослый. В силу низкой самооценки и неуверенности, считая себя незавидным претендентом «на рынке женихов» и опасаясь быть отвергнутым, принц выбирает себе в невесты простую девушку, исключая тем самым возможность оскорбительного отказа и обеспечивая себе в будущем уважение и восхищение будущей жены. Золушка, стремясь покинуть семью своей мачехи, в свою очередь связывает замужество с новым социальным статусом и свободой от прежнего унижительного положения в семье. Основой стремления к браку здесь выступают статусные, внешние по отношению к семье мотивы. Взаимная возможность удовлетворить заветные потребности и чаяния партнера, с одной стороны, порождает у каждого из молодых людей чувство благодарности и любви к выбравшему его человеку, а с другой — придает определенную шаткость и неустойчивость будущему брачному союзу [Варга, 2002].

тельной степени, хотя и не фатально, определяется содержанием мотивации заключения брака. Важность соотношения мотивации брака при выборе брачного партнера подчеркивают ряд исследователей [Майерс, 1999]. Так, согласно теории комплементарных потребностей Уинча, при выборе будущего супруга действует принцип дополнения противоположностей, а Сентерс в своей инструментальной теории выбора супругов объединяет принцип взаимного дополнения с принципом сходства потребностей. Для будущего развития супружеских отношений оказывается крайне важной степень совпадения мотивов каждого из партнеров, определяющая меру совпадения ожиданий в отношении брака. Например, совпадение прагматической мотивации обоих супругов создает основу для стабильности брачного союза. Брак по расчету может быть устойчивым и удовлетворять обоих супругов. Говоря о мотивации заключения брака, следует понимать, что момент регистрации брака лишь подводит черту под одной фазой развития семьи и начинает другую.

Мотивы сохранения брачного союза не остаются неизменными и тождественными мотивам заключения брака. Их развитие может происходить как в сторону большей адекватности задачам гармонизации брачного союза, так и в сторону деструктивного, разрушающего влияния на брак. Однако трансформация и развитие мотивов — процесс сложный и неоднозначный, требующий значительной духовной работы личности над собой и своими отношениями с партнером. Важнейшими потребностями, определенными в мотивах сохранения брака, являются следующие пять групп потребностей [Левкович, Зуськова, 1985]:

- потребности в удовлетворении супругами определенных семейных ролей (матери, отца, мужа, жены, хозяина, хозяйки и др.);
- потребность в общении друг с другом, эмоциональной поддержке и сопереживании;
- познавательные потребности, потребность в духовном росте и совершенствовании;
- материальные потребности, включая потребности в благоустроенном жилище, приобретении необходимых семье материальных ценностей и обеспечении благополучия;
- потребность в защите Я-концепции, в самоуважении и уважении других, подтверждении самооценности и социального признания Я.

Период поиска брачного партнера и ухаживания вплоть до принятия решения о заключении брака имеет особое значение для последующего развития семьи и ее функционирования. История семьи начинается с момента знакомства будущих супругов [Сатир, 1992]. Не случайно психотерапевтическая работа с семьей в рамках модели В. Сатир начинается с реконструкции места, обстоятельств и времени первой встречи супругов. Значимыми характеристиками периода выбора партнера и ухаживания являются: 1) то, как и когда произошло знакомство (место и ситуация знакомства), и 2) ха-

ракет первых впечатлений друг о друге (эмоционально-положительные, отрицательные, индифферентные, амбивалентные). Первые впечатления формируются на основе самопредъявления партнеров, включающего их *самоподачу* (трансляция образа Я как внешнего Я-для-других с целью произвести желаемое представление о себе и привлечь внимание партнера) и *самораскрытие* (трансляция образа Я как личного представления о себе с целью установления отношений доверия и близости с партнером).

В исследовании Ю.П. Кошелевой изучались особенности стратегии самопредъявления одиноких людей, обратившихся в клуб или службу знакомства за помощью в поиске партнера [Кошелева, 1998, 2001]. Автором были выделены две стратегии самопредъявления (трансляции человеком своего образа Я в ситуации привлечения к себе внимания значимого партнера) — стратегия самоподачи и стратегия самораскрытия. Для стратегии самоподачи были характерны центрация на смысловой информации, значимой для Другого, и преимущественное проявление внешнего Я человека. В этом случае в тексте преобладало описание Другого, т.е. желаемых качеств партнера, и себя (самоописание) с учетом мнения потенциального партнера, причем доминировали социальные нормы и представления об «идеальном» партнере. Вследствие этого самоописание содержало формальные или вымышленные характеристики. В стратегии самораскрытия центр самопредъявления был перенесен на информацию, значимую для самого себя, и, соответственно, наблюдалось преимущественное проявление внутреннего Я. Здесь явное предпочтение отдавалось описанию своих чувств, переживаний, а партнер упоминался лишь с точки зрения собственных ценностей. По данным проведенного исследования, в ситуации знакомства несколько чаще используется стратегия самоподачи (от 57 до 71% случаев), что отвечает главной цели самопредъявления — привлечь к себе внимания партнера. Анализ более 900 самопредъявлений на материале текстов газетных объявлений в клубе знакомств, видеообъявлений по телевидению и видеопрезентаций в телевизионной программе позволил автору выделить и охарактеризовать семь основных стратегий самопредъявления, различающихся по цели, содержанию и форме самоподачи и соответствующих двум описанным выше генеральным стратегиям. К стратегии *самоподачи* были отнесены стратегии «супергероя», «отрицающая», «гиперболическая» и «замещающая». К стратегии *самораскрытия* — «драматическая», «атрибутивная» и «совладающая».

Стратегия «супергероя» ставит своей целью быть и казаться успешным, она осознанна и направлена на поиск «достойного» партнера. Для нее характерно упоминание о собственных высоких личных достижениях, чаще всего в социальной сфере, высоком материальном положении и социальном статусе. Значительно чаще эта стратегия предпочитается мужчинами, чем женщинами.

В неосознанной «отрицающей» стратегии самоподачи широко используются шаблоны и штампы, выражена ориентация на ритуальные формы взаи-

модействия, собственный мир переживаний закрыт для потенциального партнера. Цель такой стратегии — защита от возможных проблем в межличностных отношениях. Можно предположить, что стремление найти партнера в этом случае сочетается с неосознанным желанием избежать близости с ним, обусловленным страхом перед будущими отношениями, высокой социальной тревожностью и неудачным опытом межличностных отношений в прошлом.

«Гиперболическая» стратегия непосредственно направлена на основную цель знакомства — привлечение к себе внимания и состоит в неосознанном преувеличении собственных качеств и достоинств. Искажение способа самоподачи связано с завышенной самооценкой личности и чрезмерном уровне притязаний в отношении качеств партнера. Здесь часто используются метафоры; образы Я и Другого оторваны от реальности.

При «замещающей» стратегии собственные характеристики проецируются на образ партнера — образ Другого замещает собственное Я. Например: «хочу встретить женщину, которая любит рыбалку», «ищу мужчину нежного; внимательного; нуждающегося в поддержке, заботе; любящего посещать музеи, театры».

Наиболее часто используемой стратегией самораскрытия является «драматическая» — неосознанная стратегия, цель которой вызвать сочувствие и сопереживание у партнера, быть услышанным им. Самопредъявление в таком случае отличается особой «кричащей» формой, сгущающей неблагоприятные события и представляющей жизненную ситуацию как личную драму, — это подчеркивание своего одиночества.

Цель «атрибутивной» стратегии — создание и поддержание собственной организованной модели мира и своего места в нем. Особенность этой стратегии в том, что, упоминая об одиночестве, человек расценивает свое состояние как позитивное, прямо выражает нежелание что-либо менять в стиле своей жизни, осознанно создает модели, подтверждающие преимущество одиночества. Отсюда вывод, что либо субъект такого самопредъявления вообще не нуждается в партнере («я не собираюсь ничего менять в своей жизни в угоду кому бы то ни было»), либо партнер нужен лишь для мифологизации образа Я и подтверждения собственной значимости.

Осознанная «совладающая» стратегия направлена на поиск реальных путей преодоления одиночества, самораскрытие и установление отношений доверия и близости с партнером. В самопредъявлении в равной степени представлены как позитивные, так и негативные качества личности, открыто называются недостатки, образ Я реалистичен, одиночество открыто упоминается. Вышеперечисленные стратегии самоподачи различаются по своей продуктивности в решении двух основных задач самопредъявления: 1) привлечение внимания и знакомство; 2) решение проблемы одиночества и создания семьи. Наиболее эффективной для привлечения внимания и знакомства оказывается стратегия «супергероя», а для решения задачи установления под-

линно близких отношений и создания семьи самой продуктивной является «совладающая» стратегия самораскрытия. Тендерные различия в выборе стратегий самопредъявления состоят в том, что мужчины чаще, чем женщины, предпочитают осознанные стратегии «супергероя» и «атрибутивную», а женщины — неосознанные «драматическую» и «замещающую». Психологический анализ этих предпочтений позволяет сделать предположение о том, что мотив подтверждения значимости Я и поддержания высокой самооценки и самопринятия более характерен для мужчин, в то время как для женщин более значимыми являются коммуникативные мотивы: установление близких личностных отношений, получение эмоциональной поддержки и достижение взаимопонимания.

Перечислим факторы, влияющие на прочность брачного союза.

• *Продолжительность периода ухаживания до заключения брака.* Трудно говорить об оптимальном времени, поскольку решающее значение имеет не продолжительность общения, а качество отношений, их интенсивность и содержание, насыщенность жизненно важными событиями предбрачного периода, т.е. психологическое время знакомства. Статистические расчеты показывают, что, как правило, оптимальный период ухаживания составляет примерно 1—1,5 года. Период ухаживания свыше трех лет до заключения брака приводит к снижению устойчивости брачного союза.

• *Инициирование брачного союза.* Прерогативу здесь традиционная точка зрения отдает мужчине. Действительно, в патриархальном обществе ситуация складывалась именно таким образом — в отличие от реалий сегодняшнего дня, когда женщина все более утверждает свое равноправие с мужчиной, в частности и в семейно-брачных отношениях. В наше время трудно согласиться с мнением о прерогативе мужчин и в силу тендерных особенностей стратегии выбора брачного партнера (см. ниже). Представляется необходимым различать реального инициатора заключения брачного союза, которым в равной мере могут быть как мужчина, так и женщина, и партнера, вербализующего, «озвучивающего» брачное предложение, — эта роль в нашей культуре в большинстве случаев действительно отводится мужчине. Вместе с тем в современном обществе все в большей степени легализуется право женщины на инициативу в создании брачного союза.

• *Время обдумывания брачного предложения, наличие ритуала помолвки* (когда официальное согласие партнеров на брак уже дано, но само его заключение отложено в связи с необходимостью завершения образования, достижения необходимой ступени социальной и статусной зрелости и пр.).

• *Ситуация оформления брака.* Здесь необходимо учитывать фактор «вынужденности» его заключения и стоящие за ним мотивацию и личностный смысл для каждого из партнеров. Специального внимания заслуживает ситуация ожидания ребенка, стимулирующая заключение брака, однако воздействие ее на развитие семьи носит неоднозначный характер, часто выступает как фактор риска для молодой семьи, поскольку резко сокращает

продолжительность стадии «семья без детей» и ограничивает во времени период взаимной адаптации и формирования семейной системы. К воздействиям «вынужденного» фактора заключения брака относят также переезд на постоянное или временное место жительства одного из партнеров; уход в армию молодого человека, когда брак выступает гарантией верности партнеров; резкое изменение уровня и образа жизни, при котором заключение брака является единственно возможным способом сохранить прежний уровень отношений.

• *Особенности сексуальных отношений партнеров до брака.* В настоящее время сексуальный дебют не связывается с заключением брака, даже у женщин. Либерализация сексуальных отношений как тенденция современного общества делает достаточно частым явлением более или менее продолжительное сожительство партнеров, предшествующее заключению брака, что позволяет рассматривать этот период как период взаимной адаптации партнеров и выработки совместной системы семейных ценностей и семейного уклада [Кон, 1989].

• *Отношение родителей к партнеру* (положительное, отрицательное, амбивалентное, индифферентное). Специфической культуральной особенностью российского общества является характер отношения родителей молодого человека к его потенциальному брачному партнеру, обусловленное значительной зависимостью (экономической, территориальной, психологической, эмоциональной) поколения двадцатилетних от родителей. Психологическая задача молодого взрослого в предбрачный период состоит в том, что он должен приобрести степень автономии, необходимую для создания собственной семьи, и в то же время перестроить отношения с родителями, сохранив взаимное доверие и близость. В некоторых культурах делается попытка решить эти две во многом противоположные задачи — отделения молодого взрослого и сохранения близости с родителями — через предоставление родителям права самим избирать брачного партнера своему ребенку. Немалое значение для решения таких задач новой семьи, как установление системы отношений с расширенной семьей, принятие прародителей в роли бабушек и дедушек, реализация задач заботы и ухода за прародителями и пр., имеют особенности отношения родителей к потенциальному брачному партнеру их ребенка и перспективам заключаемого брака.

• *Особенности отношения родителей, друзей к решению партнеров заключить брак.*

• *Переживание партнерами на протяжении периода ухаживания стрессогенных и фрустрирующих событий* (смерть близкого человека, конфликты и серьезные неудачи в профессиональной и учебной деятельности и пр.).

Исследования особенностей выбора брачного партнера [Zajonc, 1968] позволили выделить следующие психологические условия принятия решения о заключении брака: регулярность контактов и установление отношений между партнерами; взаимное удовлетворение потребности партнеров в

любви и эмоциональной поддержке; комплементарность потребностей партнеров; внешняя физическая привлекательность партнеров; сходство социально-экономического статуса, мировоззрения, ценностей, принадлежность к одной культуре; предсказуемость поведения партнера; получение от партнера подтверждения принятия собственных мнений, ценностей, идей и интересов; соответствие партнера образу и моделям поведения родителя противоположного пола.

Сам процесс поиска и выбора представляется как последовательное «испытание» (исследование) потенциального брачного партнера в соответствии с определенными критериями отбора. Можно назвать следующие модели выбора брачного партнера: 1) модель «стимул—ценность—роль», 2) модель «фильтров», 3) модель комплементарности партнеров, 4) модель поиска «идеального партнера».

Модель «стимул—ценность—роль» [Murstein, 1982] представляет последовательность стадий отбора супруга. На первой, «стимульной стадии» выбор партнера определяется внешними факторами: физической привлекательностью партнера, особенностями и манерой его поведения, профессией, социальным статусом и т.д. Важное значение при этом имеет оценка достоинств потенциального партнера друзьями, родителями, другими референтными источниками. На второй, ценностной стадии ориентировка смещается в область изучения ценностей, потребностей, мотивов и интересов партнера. В ходе познания и рефлексии мотивов, интересов, ценностей партнера происходит его своеобразное «испытание» на степень приемлемости и сходства его взглядов, ценностей и идеалов со взглядами, ценностями и идеалами самой личности, изучение сходства и различий. В случае их существенного расхождения возможность принятия партнера зависит от компенсации различий какими-либо достоинствами или привилегиями. Наконец, на третьей, «ролевой стадии» происходит исследование совместимости ролей, которые смогли бы выполнять партнеры в будущем брачном союзе. Общение и установление межличностных отношений партнеров позволяют им оценить как сходство своих потребностей и характеров, так и возможность их взаимодополнения. Например, потребность одного из партнеров опекать и заботиться о другом дополняется желанием этого другого переложить ответственность за решение жизненных проблем на первого. На третьей стадии изучение чувств, как своих, так и партнера, становится еще одним основанием для окончательного принятия решения о заключении брака. При выборе партнера действует так называемый принцип «соизмеримости или равноценности обмена»: его недостатки и «минусы» уравниваются соизмеримыми или равноценными с точки зрения выбирающего достоинствами и «плюсами» [Кратохвил, 1991]. Скажем, недостаток внешней привлекательности мужчины уравнивается в глазах девушки хорошим материальным положением, внимательностью и заботливостью.

Интересной представляется модель «фильтров» Дж. Удри [Шгу, 1974], в рамках которой выбор брачного партнера выступает как процесс последовательного «отсева» кандидатов через иерархическую систему фильтров все более и более пристрастного, т.е. задающего все более и более жесткие рамки и критерии, отбора. Согласно Удри, первым фильтром является возможность систематических и регулярных контактов с партнером. В более выгодном положении в качестве претендентов на заключение брачного союза оказываются сотрудники, коллеги по работе, одноклассники и сокурсники, знакомые и друзья, вовлеченные в совместную деятельность — хобби, занятия спортом. На ранней стадии «филтрации» партнеров более или менее серьезные препятствия во встречах и общении нередко приводят к прекращению общения и «отсеванию» партнера по принципу «с глаз долой — из сердца вон».

Второй фильтр предполагает отбор претендентов по внешней привлекательности с учетом черт лица, телосложения, возраста и т.д. В каком-то смысле можно говорить о том, что мы ищем в избраннике воплощение своего идеала красоты. Однако, признавая бесспорность тезиса о том, что идеал красоты и привлекательности индивидуализирован и несет на себе печать вкусов и пристрастий личности, само представление о мужской и женской красоте и привлекательности имеет социально-историческую культурную природу и отражает представления человека о прекрасном в соответствии с определенной исторической эпохой, социальной группой и культурой. Поскольку любовь в истории общества связывалась с функцией репродукции и продолжения человеческого рода, то представления о красоте мужчины и женщины во многом основывались на представлении о тех физических качествах, которыми должны обладать женщина-мать и мужчина-отец. Соответственно, для мужчины физическая привлекательность определялась наличием качеств, необходимых для физического выживания и обеспечения заботы о семье и детях: атлетическое сложение, сила, ловкость. Привлекательность женщины также связывалась с особенностями телосложения, обеспечивающими высокую фертильность: молодость, пропорциональность сложения, широкие бедра, грудь (как символ способности выкормить детей). Для обоих полов важным показателем здоровья всегда была симметричность (нарушение симметрии строения лица и тела часто является симптомом заболевания), цвет губ (красные и розовые губы — свидетельство здоровья, бледные губы — болезни), состояние кожи и цвет лица (как показатель здоровья) и т.д. [Lampert, 1997].

Соответствие внешности избранницы принятому идеалу красоты имеет гораздо большее значение для мужчин, чем для женщин.

Критерием третьего фильтра является сходство социального базиса, обеспечивающего принадлежность партнеров к одному «социально-психологическому миру», определяющему сходство/несходство ценностей, установок, привычек, образа жизни. Понятие «мезальянса» как неравного бра-

ка, при всей своей спорности, отражает реалии необходимости учета сходства или, как минимум, отсутствия антагонизма политико-идеологических, социальных, ценностных, морально-этических и эстетических представлений каждого из супругов.

Четвертый фильтр выясняет сходство установок и ценностей в отношении семьи и брака, супружеских семейных ролей, понимания феминности и маскулинности, установок в отношении рождения и воспитания детей, допустимости аборт и т.п. Значимость этого фильтра крайне велика, поскольку исходная несовместимость взглядов и установок супругов в отношении семьи не позволит создать эффективную семейную систему, способную реализовать функции семьи и обеспечить возможности для наиболее полной личностной самореализации обоим супругам.

Пятый фильтр оценки комплементарности удовлетворения значимых потребностей подразумевает установление способности каждого из партнеров отвечать своим поведением, деятельностью и соучастием потребностям другого, в первую очередь потребности любить и быть любимым. Специфическая структура отношения к партнеру, возникающего в случае успешного прохождения этого фильтра, включает переживание чувства *A her Ego* (Другой как мое второе Я), привязанность к партнеру, ощущение безопасности.

Однако даже успешное преодоление всех пяти указанных выше фильтров еще не означает, по Удри, окончательного принятия решения о вступлении в брак. Последний, шестой фильтр — фильтр социальной готовности к заключению брака. «Социальные часы» как система социальных ожиданий в отношении возрастного и социального статуса молодого человека, вступающего в брак, определены исторической эпохой, культурными и национальными традициями, принадлежностью к той или иной социальной группе [Neugarten, 1977]. С учетом критерия фертильности и требований социальной зрелости оптимальный «брачный период» в современном обществе — от 20 до 30 лет. У мужчин «социальные часы», определяющие время заключения брака, 27—28 лет, у женщин «время ИКС» наступает значительно раньше — в 22—23 года. Тендерное несовпадение «социальных часов» задает некоторую противоречивость брачных интересов и является одной из причин того, что инициатором заключения брака все чаще выступают именно женщины, связывающие свою судьбу в браке с ровесниками, а не с мужчинами старшего возраста. Примерный возраст вступления в брак в современной России составляет 20—24 года у женщин и 25—29 лет у мужчин. В последние годы наметилась тенденция к более позднему заключению брака как у мужчин, так и у женщин, что отражает рост их карьерной и профессиональной направленности. Эта тенденция дополняется другой — поляризацией возраста молодых людей, впервые вступающих в брак, — сдвигом либо к 20, либо к 30 годам.

Наряду с отмеченными выше тендерными различиями «социальных часов» можно говорить о межполовых различиях в выборе стратегий поиска

брачного партнера. Стратегии эти обусловлены различными установками и мерой ответственности полов за реализацию функции воспроизводства рода и родительства [Lampert, 1997]. Р. Докинз [Dawkins, 1976] выделяет две стратегии поиска брачного партнера:

1) стратегию целенаправленного тщательного подбора партнера в соответствии с критериями ответственности и заботы — «поиск отца (матери) своих детей». Здесь выбор партнера выступает как поиск надежного спутника жизни, партнера в создании родительского дома (уютного гнезда для будущего потомства). Эта стратегия более характерна для женщин, чем для мужчин;

2) стратегию выбора «настоящего мужчины (настоящей женщины)». В этом случае критерием подбора партнера становится соответствие его качеств представлением субъекта выбора об идеале мужчины или женщины. Подобная стратегия реализуется как мужчинами, так и женщинами, но преобладает у женщин.

Немалое значение при выборе партнера имеет и возрастной фактор. Учитывая описанную выше модель фильтров, можно предположить, что оптимальное различие в возрасте между супругами не должно выходить за пределы когорты, поскольку когортные различия в мировоззрениях, установках, ценностях, отношении к семье могут составить неразрешимую проблему на этапе взаимной адаптации и выработки общего семейного уклада. Выбор партнера, значительно превосходящего по возрасту, определяется рядом факторов, важнейшими из которых являются модель родительского супружества; доминирование мотива, реализующего потребность в безопасности; опыт общения со значительно более старшими сиблингами и их сверстниками. Модель комплементарности выбора основывается либо на принципе дополнительности потребностей партнеров, либо компенсации собственных «слабостей и недостатков» — партнер выгодно отличается теми качествами и свойствами, которые человек желал бы видеть у себя, но не обладает ими.

§ 6. Типология семьи

Критериями типологии семьи являются: ее состав; стаж супружеской жизни; количество детей; место и тип проживания; особенности распределения ролей, главенства и характер взаимодействия; профессиональная занятость и карьера супругов; социальная однородность; ценностная направленность семьи; особые условия семейной жизни; характер сексуальных отношений.

В зависимости от состава семьи выделяют нуклеарную, расширенную, неполную и функционально неполную семьи.

Нуклеарная (ядерная) семья — это супруги и их дети. Если семья бездетна, то состав нуклеарной семьи ограничивается супругами. Нуклеарная се-

мья — типичный вид семьи XX в., сменивший патриархальную семью, включающую несколько поколений близких и дальних родственников, объединенных общностью территориальной и экономических интересов.

Расширенная нуклеарная семья — нуклеарная семья, дополненная пра-родителями и, возможно, другими близкими (по интенсивности общения и взаимодействия) родственниками (сиблинги супругов, дяди и тети, т.е. сиблинги пра-родителей, и т.д.).

Неполная семья — семья, в которой из-за развода или смерти отсутству-ет один из супругов. Типичный вариант неполной семьи — это мать с ре-бенком (детьми). Характер функционирования неполной семьи в значи-тельной степени зависит от причины отсутствия второго супруга. Так, разведенный супруг по-прежнему сохраняет свою родительскую роль, роль «кормильца», и принимает участие в материальном обеспечении детей. Од-нако умерший отец окружен в семье ореолом уважения и любви, в то вре-мя как разведенный в большинстве случаев подвергается открытому или молчаливому осуждению, а его встречам с ребенком мать нередко чинит препятствия. Еще одним видом неполной семьи является «материнская се-мья», в состав которой входят мать и ребенок, (дети), рожденные вне брака по сознательному намерению матери. Таким образом, наиболее типичный вариант неполной семьи — это вариант семьи без отца. Неполная семья в силу ролевой перегрузки оставшегося ее члена должна быть включена в группу риска.

Функционально неполная семья — нуклеарная семья (полная по фор-мальному составу), в которой один из супругов не может постоянно выпол-нять свои функции. Причины, препятствующие реализации супругом сво-их семейных ролей, могут быть различны: тяжелое или хроническое заболевание, специфика профессиональной деятельности, длительное от-сутствие. Люди определенных профессий, сопряженных с длительными командировками (геологи, военные моряки, машинисты, летчики, провод-ники), вахтовым методом труда (нефтяники, строители, полярники), не-стандартным и «рваным» временным графиком и высоким уровнем эмоци-ональной напряженности труда (артисты, работники радио и телевидения, врачи «скорой помощи» и больниц, учителя), не всегда могут в полной ме-ре реализовать себя в жизни семьи. Функционально неполная семья также должна быть отнесена к группе риска, а психологическая помощь ей на-правлена на разумное планирование функциональных обязанностей и по-иск путей гармоничного сочетания самореализации личности в професси-ональной деятельности и семье.

Смешанная семья — семья, в которой место одного (или обоих) супру-гов занимает другой член семьи. Примером может быть семья, включаю-щая бабушку, дедушку и внука, родители которого умерли либо находятся в разводе и каждый проживает отдельно, или семья, в которой тетя одна воспитывает племянника, и т.д.

В зависимости от семейного стажа супружеской жизни выделяют: *семью молодоженов* (семья «медового месяца»); *молодую семью* (от полугода—полутора лет до рождения детей); *семью, ждущую ребенка*; *семью среднего супружеского возраста* (от 3 до 10 лет совместного проживания); *семью старшего супружеского возраста* (10—20 лет супружеского стажа) и, наконец, *пожилые супружеские пары* (супруги, воспитавшие взрослых детей, создавших собственные семьи, и реализующие в настоящем семейные роли бабушек и дедушек) [Зацепин, 1991].

В зависимости от количества детей семьи подразделяются на *бездетные, одноклетные, малодетные и многодетные*. Бездетными считаются семьи, в которых в течение 8—10 лет после заключения брака при условии фертильного возраста супругов не появляется ребенок. Причинами отсутствия детей в семье могут быть как медико-биологические факторы, так и нежелание супругов иметь детей. Отметим, что в настоящее время преобладают социальные и психологические причины роста бездетных семей. Последние традиционно зачисляются в группу риска. Невозможность реализовать стремление к материнству и отцовству, незавершенность личностной идентичности нередко инициирует создание новой семьи тем супругом, для которого отсутствие детей является серьезной семейной проблемой. С другой стороны, высокий удельный вес разводов в бездетных семьях может быть вызван дисгармоничностью собственно супружеских отношений. В этом случае отказ иметь детей, напротив, является не причиной, а следствием трудностей отношений супругов. Одноклетные и малодетные семьи доминируют в демографическом раскладе современных российских семей, особенно городских. Многодетной, соответственно, сегодня называют семью, имеющую трех и более детей. Многодетная семья является по статистике наиболее устойчивой к разводам.

По месту проживания выделяют *городские, сельские семьи и семьи, проживающие в отдаленных районах*. Различаются они стилем жизни, семейным укладом, характером социальной занятости супругов и ролевой структурой, уровнем и образом потребления, наконец характером осуществления воспитательной функции. Например, семьи, проживающие в отдаленных районах, бывают вынуждены отправлять своих детей на учебу в школы-интернаты, что влечет за собой продолжительную разлуку с родителями и депривацию родительской заботы и протекции.

Критерий типа проживания позволяет выделить *патрилокальную, матрилокальную и неолокальную семьи*. Патрилокальный тип семьи определяет место жительства жены в доме мужа после замужества. Матрилокальный характеризуется проживанием семьи в доме жены. В наше время наиболее распространенным является неолокальный тип проживания, при котором нуклеарная семья стремится к отдельному от родителей и других родственников проживанию. Сегодня все чаще стала встречаться еще одна форма проживания супругов — *годвин-брак*, предполагающий раздельное

проживание супругов. Такой тип брака получил название по имени одного из активных сторонников такой формы проживания — У. Годвина, утверждающего, что совместное проживание супругов есть зло, препятствующее полному личностному развитию каждого из них в силу различий их потребностей, интересов и склонностей [Ощепкова, Эпштейн, 1995].

В зависимости от особенностей распределения ролей, главенства и характера взаимодействия выделяют традиционную, авторитарную, эгалитарную, демократическую семьи.

Традиционная авторитарная семья характеризуется единоличным главенством супруга авторитарного типа и традиционным распределением семейных ролей с четкой дифференциацией ролей мужских и женских. Авторитарная семья может быть как патриархального типа (единоличное главенство принадлежит мужу), так и матриархального (главой семьи является жена).

Эгалитарная семья (равноправная, эквивалентная) — семья без главенства и четкого распределения ролей и обязанностей, с аморфной, неоформленной ролевой структурой. Как правило, эгалитарная семья — это молодые супруги без детей. Рождение детей требует от супругов структурирования позиций и распределения ролей, поэтому на смену эгалитарному типу приходит традиционный или демократический.

Демократическая (партнерская) семья характеризуется равноправием супругов, совместным главенством с разделением функций, гибкостью в распределении ролей и обязанностей и готовностью к изменению ролевой структуры на основе учета интересов каждого из партнеров и семьи в целом.

По критерию профессиональной занятости и карьеры супругов можно выделить *семью полной занятости*, где в общественном производстве заняты оба супруга; *семью частичной занятости*, где работает один из супругов, как правило, муж; семью пенсионеров, где оба супруга не работают, и, наконец, так называемую *двухкарьерную семью*, в которой ценности карьеры и профессиональной самореализации значимы для обоих супругов и признаются в равной мере приоритетными как для самого себя, так и для супруга. Такая семья представляет собой тип молодой семьи, обусловленный процессами изменения места женщины в производстве и социально-политической жизни общества.

Очевидно, что только карьерная мотивационная направленность еще не гарантирует возможности существования и функционирования двухкарьерной семьи. Необходимы следующие дополнительные условия:

- наличие в семье эмоционально позитивных отношений любви, принятия, уважения и равноправия между супругами;
- разделенная супругами общность ценностей, в том числе ценностей профессионального и карьерного роста;
- особый вид профессий, прежде всего творческих (наука и искусство), позволяющих обеспечить, с одной стороны, наиболее полную самоактуали-

зацию личности, а с другой — не стесненные жесткими временными рамками условия профессиональной деятельности (гибкий график работы, возможности использования выходных дней, работа дома);

- отложенное по взаимному согласию супругов родительство, позволяющее обоим завершить профессиональное образование и реализовать первые карьерные планы;

- наличие ресурсов функционирования и поддержки семьи (помощь прародителей — бабушек и дедушек — в воспитании детей, хорошее физическое здоровье и устойчивость к перегрузкам).

В зависимости от социальной однородности, т.е. от принадлежности супругов к одному или близкому социальному слою, общности образовательного и культурного ценза, близости профессий по интеллектуальной, аффективной, социальной «нагруженности», разделяют *социально гомогенные (однородные) и гетерогенные (разнородные) семьи*. Социально гетерогенные семьи менее устойчивы, супружеские отношения нередко строятся здесь по принципу доминирования — подчинения, нарушается взаимопонимание, достаточно высока конфликтность.

Критерий ценностной направленности семьи позволяет выделить такие типы семей, как *детоцентристская* и *личностно-центристская*, *семья «потребления»*, *психотерапевтическая* («семья-отдушина», по А.Н.Обозовой), *семья «здорового образа жизни»*, *семья «тщеславия»*, *спортивно-походная* (семья «бывуачного типа», по В.И. Зацепину), *«интеллектуальная»*.

Воспитание детей, личность ребенка, забота о нем составляют приоритетную ценность функционирования детоцентристской семьи. Личностно-центристская видит главное предназначение семьи в создании условий личностного роста и самореализации каждого из членов семьи; супружество рассматривается здесь в первую очередь как свободный духовный союз автономных личностей. Семья «потребления», реализующая модус «иметь» (Э. Фромм), направлена на накопительство и создание благоприятных условий для наиболее полного удовлетворения прагматических потребностей. Супружество здесь — партнерство, основанное на получении взаимной выгоды, когда каждый член семьи стремится «урвать самый привлекательный кусок семейного пирога», пусть даже и за счет интересов других. Психотерапевтическая семья высшей ценностью почитает взаимопонимание, эмоциональную поддержку, удовлетворение потребности в любви, привязанности и безопасности своих членов. Здесь каждый может быть уверен в том, что его выслушают, поймут и примут. Семья «здорового образа жизни» концентрирует внимание на здоровье, правильном режиме дня, питания, отдыха, чистоте и порядке, разумной и «здоровой» организации семейного быта. Семья «тщеславия» ведет борьбу за социальный статус, престиж, продвижение по лестнице достижений, ложно понимаемого успеха и признания. «Быть лучшим», принятым в высших кругах — главная цель такой семьи. Ее

ли кто-то из членов семьи «не вписывается» в заданный стандарт успеха, то от него безжалостно избавляются. Например, развод может быть обусловлен стремлением мужа подобрать себе новую спутницу жизни, отвечающую его карьерным планам, а жена подбирает себе нового мужа в соответствии с новыми модными веяниями, касающимися рода занятий, внешности, принадлежности к определенному кругу. В центре внимания спортивно-походной, бивуачной семьи интерес к новому, походы, путешествия, проведение досуга. Бытовая сторона семейной жизни неинтересна и незначима для такой семьи. Для «интеллектуальной семьи» приоритетны ценности интеллектуальные — познание, образование, посещение музеев, чтение книг, обмен интеллектуальной информацией, поощрение увлечений и интересов членов семьи, стимулирующих умственный и творческий рост.

Особые условия семейной жизни приводят к созданию семей *студенческих* (незавершенность решения задачи приобретения профессии и материальная зависимость от прародительской семьи) и *дистантных*. Дистантные семьи отличаются тем, что в их жизнедеятельности длительное время отсутствует одно из важнейших условий семьи — совместное проживание. Образование дистантных семей связано с особым типом профессий и «вахтовым» методом труда. Дистантные семьи являются функционально неполными и образуют группу риска.

В зависимости от характера сексуальных отношений выделяют два типа семей, выходящих за пределы принятого социокультурного стандарта: открытую и гомосексуальную.

Открытая семья характеризуется открытыми в отношении возможностей установления сексуальных связей границами для обоих супругов. Такая семья представляет собой современный вариант полигамного брака, где сохранена лишь одна семейная функция — сексуальная и отброшены все остальные, но в отличие от полигамного брака здесь признается право обоих супругов на свободные от ограничений сексуальные отношения. Свингерство, как обмен брачными партнерами в пределах объединения нескольких семей, на фоне укрепления социального престижа семьи и возрастания угрозы СПИДа в последнее время утрачивает свою популярность.

Гомосексуальная семья — это устойчивое длительное сожительство однополых партнеров, характеризующееся высокой избирательностью и эмоциональной насыщенностью отношений. Возникновение и легализация таких семей связаны с либерализацией общества и ростом терпимости к гомосексуальному поведению. Одна из серьезных проблем гомосексуальной семьи — рождение и воспитание детей, в частности проблема адекватного объяснения ребенку, чем отличается его семья от остальных, необходимого для обеспечения принятия им такой формы брачных отношений и формирования традиционной полоролевой ориентации.

Альтернативными брачному союзу формами существования являются одиночество, сожительство, гражданский брак и пробный брак.

Одиночество может выступать в двух формах — в форме осознанного предпочтения личностью жизнедеятельности вне брачного союза и в форме вынужденного одиночества. Известно, что чередование периодов активного межличностного общения и периодов уединения является необходимым условием функционирования человека. Однако в случаях осознанного одиночества речь идет о личностном выборе человека в контексте целей всего жизненного пути (или, во всяком случае, достаточно продолжительного его этапа), а не о кратковременном периоде. По мнению А. У. Хараша, осознанное и принятое одиночество характеризует направленность человека на самопознание и общение с самим собой как индивидуальным уникальным субъектом в условиях высокого уровня развития коммуникативной деятельности и умения общаться с самим собой как партнером. Такое понимание смыкается с трактовкой одиночества в контексте проблемы осознания личностью своего подлинного Я в рамках гуманистического подхода (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Сатир). В аналитической психологии (К.Г. Юнг) предпочтение человеком одиночества также связывается с процессом индивидуации личности и развитием самости. Таким образом, одной из причин предпочтения одиночества как модели жизни может стать фокусирование субъекта на задачах самопознания и саморазвития, когда коммуникация с самим собой и активная творческая деятельность становятся достаточным основанием для успешного их решения. В психоаналитическом подходе причины одиночества усматриваются в специфических чертах характера человека, низком уровне развития потребности в общении и установлении межличностных отношений, нереализованной потребности в близости (Э. Эриксон, С.Г. Салливан), выборе жизненной стратегии «движения от людей» (К. Хорни). В когнитивистском подходе в качестве причин осознанного одиночества выступают когнитивные модели, «оправдывающие» одиночество как предпочтительную форму жизнедеятельности либо препятствующие осознанию самого факта одиночества (теория каузальной атрибуции). Страх и социальная тревога, обусловленные негативным опытом отвержения и пренебрежения со стороны значимого социального окружения, непереработанный опыт «несчастной любви» также могут стать основой личного предпочтения одиночества браку. Причинами вынужденного одиночества могут быть низкая коммуникативная компетентность личности, препятствующая установлению близких межличностных отношений; ограниченность социальных и межличностных связей (узость «рынка женихов и невест»); внешние ограничения и запреты на заключение брака с избранником; нарушения в развитии эго-идентичности, приводящие к культивированию элитаризма, кастовости, изоляции и тенденции отвержения (Э. Эриксон); неадекватная и искаженная Я-концепция (К. Роджерс).

Наряду с традиционными, юридически узаконенными формами брака все большее распространение получают такие формы партнерства, как *сожительство* и *гражданский брак*. Распространение в современном обществе со-

жительства, например в форме *пробного брака*, обусловлено социокультурными особенностями юношеского возраста и ранней молодости. Постиндустриальное общество характеризуется все большим разрывом между социокультурной зрелостью молодого человека в области «потребления», а также в социальных и сексуальных отношениях, с одной стороны, и экономической зрелостью, с другой. Увеличение продолжительности периода получения образования и отсрочка начала профессиональной деятельности обуславливают предпочтение молодыми людьми формы сожительства и отсрочки в принятии всей полноты ответственности за семью и воспитание детей.

Различия между пробным браком, сожительством и гражданским браком состоят, во-первых, в продолжительности и стабильности совместного проживания и, во-вторых, в характере социальной презентации отношений. Функция пробного брака — ролевое экспериментирование, моделирование совместной семейной жизни, установление взаимопонимания и сотрудничества партнеров. Пробный брак сравнительно недолог: отношения либо прерываются, либо заключается официальный брак. Общественное отношение к пробным бракам положительное — в них усматривается возможность профилактики и предупреждения разводов как следствия недостаточно обдуманных браков. В Швеции добрачное сожительство приобретает статус признанного социального института. Нередко законный брак заключается после рождения ребенка, и даже второго.

В случае сожительства продолжительность совместного проживания может быть относительно невелика и сопровождаться неоднократными разъездами и воссоединениями, семейные роли в рамках сожительства недостаточно определены, ролевая структура аморфна, границы такой «семьи» расплывчаты и нечетки, пара публично признает отсутствие брачных обязательств. Вариантом такой формы сожительства является экстерриториальный союз, при котором партнеры не проживают совместно, а сходятся на определенный период, сохраняя стабильность избирательности своих отношений продолжительное время. Гражданский брак характеризуется длительностью и стабильностью отношений, наличием достаточно структурированной ролевой системой; в значительном числе случаев пара, проживающая в гражданском браке, воспитывает детей, рожденных в этом союзе, границы которого достаточно определены. Партнеры публично признают свои отношения, настаивая на осознанном предпочтении избранной ими формы союза. В выполненном В.В. Кондратьевой [2000] под нашим руководством исследовании психологических особенностей внутрисемейных отношений в гражданском браке было показано, что в основе гражданского брака в большинстве случаев лежит психологическая неготовность партнеров принять в полной мере ответственность за семью. Главной причиной предпочтения такого брака партнеры считают взаимное доверие и уважение, которое, с их точки зрения, подвергается сомнению самим фактом юридического его оформления. В качестве других причин предпочтения гражданского брака респонденты

указывают нежелание принятия обязательств, «пробный» характер такого союза («чтобы лучше понять друг друга» и т.д.), стремление к открытости отношений и возможность беспрепятственной смены партнера. Респонденты, состоящие в гражданском браке, не видят существенных различий ни в ролевой структуре семьи, ни в положении детей, ни в характере эмоциональной связи, считая гражданский брак эквивалентной формой семейного союза. В истории своих отношений респонденты выделяют добрачный, «романтический» период и собственно период гражданского брака. Перспективы юридического оформления брака лицам, состоящим в гражданском браке, часто представляются маловероятными. В случае же отношения к гражданскому браку как к браку «отложенному» причины отсрочки заключения узаконенного брака называются следующие:

- отсутствие финансово-экономической и социальной независимости партнеров (молодые люди 20—27 лет);
- отсутствие полной уверенности в правильности выбора партнера, наличие скрытых конфликтов и несогласованности ценностей и убеждений, сохранение права на продолжение поиска брачного партнера. Гражданский брак рассматривается как отложенное решение об избранности и исключительности партнера. Очевидно, что в этом случае прогноз гражданского брака с высокой долей вероятности оказывается неблагоприятным;
- противоречивое отношение партнеров к гражданскому браку (один из партнеров рассматривает гражданский союз как оптимальную форму брака и не считает нужным ее менять, другой — как период подготовки к вступлению в «настоящий» брак);
- влияние истории прародительской семьи в форме двух стратегий построения семьи — стратегии избегания и стратегии принятия образца ее семейных отношений. В случае стратегии избегания предпочтение гражданского брака представляет собой протестную реакцию и проявление негативизма в отношении семейного уклада прародительской семьи. Стратегия его принятия представляет собой неосознанное/осознанное повторение модели родительских отношений.

Другой формой гражданского брака стала «семья-конкубинат» (М. Босанач), в которой мужчина, находясь в официальном браке, параллельно сохраняет устойчивый параллельный союз с другой женщиной, чаще всего имея в гражданском браке одного или нескольких детей. При этом он реализует всю полноту прав и обязанностей в обоих брачных союзах. Отметим, что достаточно часто обе партнерши осведомлены о наличии параллельной семьи.

Вопросы и задания

1. Как менялось значение функций семьи в ходе исторического развития общества?
2. Назовите основные этапы развития брачно-семейных отношений в истории общества.

3. Дайте сравнительную характеристику патриархальной, **детоцентристской** и супружеской семей. Какая из них является оптимальной формой организации отношений?
4. Какие тенденции развития семьи в современном обществе представляются вам позитивными и почему? Какие тенденции вызывают тревогу? Обоснуйте свой ответ.
5. Какие неотложные меры по укреплению института семьи, по вашему мнению, необходимо предпринять? Какую роль вы отводите психологической помощи и поддержке семьи?
6. Согласны ли вы с утверждением, что семья переживает глубокий кризис? А с тем, что семья изжила себя как социальный институт? Обоснуйте свой ответ. В чем причины кризиса, переживаемого современной семьей?
7. Какие мифы о семье сегодня популярны? Назовите аргументы «за» и «против».
8. В чем состоят специфические особенности современной российской семьи?
9. Назовите основные закономерности развития семьи на протяжении ее жизненного цикла.
10. Что понимается под нормативными кризисами в развитии семьи? Каково их психологическое содержание?
- И. Каковы факторы риска деструкции и распада семьи на каждой из стадий ее жизненного цикла? Факторы ее жизнестойкости?
12. Перечислите основные мотивы вступления в брак. Какие из них наиболее адекватны задачам создания семьи? Какие обуславливают трудности семейной жизни?
13. Какая теоретическая модель выбора брачного партнера представляется вам наиболее обоснованной? Составьте «программу выбора брачного партнера», которая обеспечила бы вам успех на «ярмарке невест/женихов».
14. Реконструируйте историю знакомства и создания семьи на основе беседы с известной вам семьей. Что, по-вашему, является фактором риска и что — устойчивости для ее будущего? Почему?
15. На основе интервью составьте характеристику семьи респондента. Охарактеризуйте вашу собственную семью в соответствии с приведенными критериями типологии.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМЬИ. СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 1. Семья как целостная система

В рамках системного подхода [Minuchin, 1974; Сатир, 1992; Olson, 1993] семья рассматривается как целостная система, реализующая совокупность функций, обеспечивающих полное удовлетворение потребностей членов семьи, характеризующаяся внешними и внутренними границами и иерархической ролевой структурой отношений. Границы семейной системы определяются взаимоотношениями между семьей и ее ближайшим социальным окружением (внешние границы) и между различными подсистемами внутри семьи (внутренние границы) [Minuchin, 1974]. Семья включает две основные подсистемы: подсистему супружеских отношений и подсистему детско-родительских отношений. Между супружеской и детско-родительской подсистемами существуют взаимосвязи и взаимообусловленность. Когда в семье воспитываются несколько детей, выделяется также детская подсистема sibлинговых отношений (отношений братьев и сестер). Степень жесткости/прозрачности границ определяет открытость (закрытость) семейной системы и каждой из подсистем. Жесткость границ меняется на протяжении жизненного цикла семьи, отвечая задачам развития семьи и вновь возникающим ее функциям. Подвижность и гибкость границ семейной системы является важной характеристикой, обеспечивающей возможность быстрой адаптивной перестройки семейного руководства, перераспределения семейных ролей и выработки новых стандартов ролевого поведения.

Супружеские отношения первичны по происхождению, они создают основу функционирования и развития семьи. Характеристики семьи подразделяются на объективные, субъективные и интегральную.

Объективные характеристики функционирования семьи:

- особенности эмоциональных связей в семье. Любовь как основа построения семьи и супружеских отношений;
- мотивация брака;
- главенство и ролевая структура семьи;
- особенности коммуникации в семье;

- способность семьи к разрешению проблемных ситуаций.

Субъективные характеристики:

- удовлетворенность браком;
- семейное самосознание, наличие «семейных мифов» и их содержание.

Интегральная характеристика:

- сплоченность семьи.

Известная модель Макмастера постулирует шесть основных *параметров функционирования семьи* [см.: Epstein et al., 1978]:

- способность семьи к разрешению как инструментальных, так и аффективных проблем, обеспечивающая эффективное ее функционирование;
- коммуникация как открытый и направленный обмен деловой и аффективной информацией между членами семьи;
- ролевая структура, определяющая роли как повторяющиеся модели поведения, выполнение которых членами семьи обеспечивает удовлетворение общих базовых потребностей, распределение ролей и обязанностей, установление соответствующих границ семейной системы;
- эмоциональная отзывчивость как индивидуальная способность членов семьи к сопереживанию и выражению соответствующего диапазона чувств различного содержания и интенсивности;
- аффективная вовлеченность, определяющая степень заинтересованности и ценностной значимости членов семьи друг для друга;
- поведенческий контроль, определяющий правила и стандарты поведения, обязательные для всех членов семьи.

Общая оценка эффективности функционирования семьи основывается на успешности решения задач в каждой из выделенных сфер, но ни в коем случае не является их простой линейной комбинацией.

С. Минухин [Minuchin, 1974] выделяет три существенных аспекта семейной организации: иерархия в родительской подсистеме, характер эмоциональной связи в ней, стиль взаимодействия и общения.

§ 2. Характер эмоциональных связей в семье.

Любовь как основа построения супружеских отношений

Попытки интерпретации любви как психологической реальности предпринимались в классическом психоанализе (З. Фрейд), неопсихоанализе (К.Г. Юнг, К. Хорни, Э. Фромм), эго-психологии (Э. Эриксон), гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс), экзистенциальной психологии (Р. Мэй), в рамках социально-психологических исследований в связи с проблемой аттракции.

Любовь как эмоциональный процесс характеризуется с точки зрения интенсивности, продолжительности, степени осознанности, функций, мотивации, генезиса.

Воздействие любви на человека может быть двояким: как стеническая эмоция, любовь мобилизует, повышает жизненный тонус; как астеническая эмоция, любовь ведет к снижению жизненного тонуса, замыканию, уходу в себя. Соответственно, можно проследить два сценария воздействия любви на личность: пессимистический и оптимистический. Пессимистический сценарий основывается на предположении о том, что любовь делает человека зависимым от объекта любви (того, кого любим), приводит к возрастанию тревожности (как реакции на угрозу лишиться объекта любви), создает препятствия для самореализации и личностного роста. Оптимистический сценарий предполагает личностный рост в условиях реализации межличностных отношений со значимым Другим, снижение тревожности, формирование личностной независимости [Гозман, 1987]. Поистине любовь всесильна! Конкретное воплощение в жизнь того или иного сценария определяется содержанием деятельности, реализуемой субъектом любви в отношении ее объекта.

Итак, любовь может рассматриваться как эмоциональный процесс, имеющий свой объект; как особый вид деятельности, проявление активности субъекта; как предметное чувство, имеющее генезис и свою динамику развития, допускающую смену объекта. Любовь выражает мировосприятие личности и ее отношение к миру в пределах от базового доверия и открытости до тотальной к нему враждебности и недоверия (Э. Эриксон).

Любовь в истории человечества проходит сложный путь эволюции и развития [Кон, 1989; Lampert, 1997]. Любовь человека имеет культурно-историческую природу и представляет собой высшую форму человеческой близости, обеспечивающую оптимальные психологические условия для личностного развития и самореализации каждого из партнеров.

В онтогенетическом развитии любовь как особый тип отношений между двумя людьми последовательно проходит три стадии: стадию привязанности как симбиотической связи субъекта и объекта, стадию дифференциации и стадию автономизации и индивидуализации. На стадии *привязанности* как симбиоза доминируют аутоэротизм и первичный нарциссизм. Здесь отсутствуют собственно межличностные отношения, два существа слиты в неразрывном единстве, границы личности не определены. На второй стадии происходит *дифференциация* партнеров, впервые возникает задача установления межличностных отношений на основе усвоения культурных норм, правил и ценностей. Однако эмоциональные связи строятся на основе глобального отождествления, не предполагая целостности и автономии личности. На третьей стадии обеспечивается достижение эмоциональной *автономности*, достигаемой лишь в подростковом или юношеском возрасте. На базе автономизации личности формируется эго-идентичность и происходит осознание себя как целостности и индивидуальности. Межличностные отношения строятся осознанно и произвольно. Открывается возможность установления подлинной близости и интимности, формируются зрелые фор-

мы любви (Э. Эриксон). Однако стадия эмоциональной автономности достигается далеко не всегда, следствием чего становится возникновение проблем в межличностных отношениях в семье.

Любовь мужчины и женщины сочетает в себе два начала — сексуальное и эротическое (З. Фрейд, Э. Берн, Р. Мэй). Фрейд выделяет «уровень чувственности» как выражение врожденных биологических влечений человека и «уровень нежности», соответствующий личностному уровню отношений между партнерами. Эти уровни отношений находятся в определенном противоречии, которое разрешается лишь на зрелой стадии любви. Согласно Фрейду, лишь взрослая генитальная любовь способна гармонично объединить эти два начала. Сексуальное начало в человеке врожденное, с возрастом меняется только его объект. Нежность — приобретенное качество, генезис которого связан с интроекцией материнской любви, а развитие — с характером детско-родительских отношений. Материнская любовь, по мнению А. Ламперт [Lampert, 1997], первый вид любви, возникший в процессе эволюции и первый опыт любви в истории каждого человека. Эта «двойная первичность» делает материнскую любовь прототипом всех видов человеческой любви. Чтобы любить и быть любимым в зрелости, человек должен быть любимым с самого детства. Этот принцип действует уже на высших ступенях эволюционной лестницы животного мира в отношении формирования сексуального и родительского поведения, что было убедительно продемонстрировано М. Харлоу и Г. Харлоу в известных экспериментах с обезьянами. В юности на генитальной стадии происходят второй выбор сексуального объекта и окончательное преодоление комплекса Эдипа (Электры) как полный отказ от сексуального влечения к родителю противоположного пола и перенос его на другой объект. Интеграция сексуального и эротического начала обеспечивает гармонию супружеских отношений, дезинтеграция приводит к серьезным проблемам.

Однако юношеская любовь еще не освобождается до конца от прежней связанности с историей детско-родительских отношений. Влюбленность может рассматриваться как своеобразная форма регрессии на более ранние стадии развития и реконструкция отношений в диаде мать—ребенок, соответствующих младенчеству и раннему детству [Lampert, 1997]. Например, страх расстаться друг с другом, возможность лишиться общения с партнером воспринимаются «смерти подобно» и равнозначны переживаниям младенца, сталкивающегося с ситуацией сепарации с близким взрослым. Идеализация партнера, «возведение на пьедестал» сродни «обожевлению» маленьким ребенком родителя как самого могущественного и всесильного. Подобно тому, как ребенок, взрослея, обнаруживает ошибочность своих взглядов в отношении беспредельности власти и возможностей родителя, супруги в браке испытывают чувство крушения иллюзий, обнаружив реальные слабости и ошибки своего кумира и будучи вынужденными «низвергнуть» его с пьедестала. В отношениях любви с партне-

ром молодой человек воспроизводит противоречивость своих отношений с матерью, суть же этой противоречивости состоит в сосуществовании и взаимодействии двух противоположных тенденций — тенденции поиска защиты, близости, опеки, с одной стороны, и стремления (стимулирования) к независимости и автономии — с другой. Баланс этих тенденций меняется с возрастом в сторону все большего преобладания тенденции к самостоятельности и автономии. Проекция такого противоречия на отношения любви приводит к тому, что партнеры постоянно испытывают конфликт между стремлением к установлению возможно большей близости, реализующей страх сепарации со значимым Другим, и стремлением к автономии, дистанцированию с партнером, отражающим боязнь быть ассимилированным другим, потерять индивидуальность, идентичность, независимость. Чем больший интерес проявляет в паре один из партнеров к другому, чем более явной становится его стремление к сближению, тесному и постоянному общению, тем больший отпор проявляет второй партнер, тем более явными становятся его стремление к дистанцированию и независимости, попытки уйти от взаимодействия с партнером. И наоборот, чем меньшую заинтересованность в нас обнаруживает партнер, чем более он склонен проявлять интерес к другому, тем острее переживаем мы угрозу разлуки и сепарации, тем более настойчивой и бескомпромиссной становится наша борьба за возвращение партнера. Анализ генезиса любви и супружества в контексте особенностей детско-родительских отношений получил благодаря работам корифеев психоанализа широкое признание и стал традиционным (З. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромм и др.) Установление эмоциональной дифференцированности партнеров на основе разумного баланса привязанности и автономии признано условием эффективности функционирования семейной системы в целом (М. Боуэн).

Одной из наиболее интересных и содержательных попыток психологического анализа любви является теория Э. Фромма [1990], который считал любовь ядром человеческого существования. Любовь рассматривалась им как способ противодействия обезличиванию, отчуждению человека от природы и других людей, острому чувству одиночества, потере гармонии с миром. Из возможных путей преодоления одиночества — конформизма и соглашательства, труда и развлечений, плодотворной творческой активности в сотрудничестве с другими людьми и любви — психологически оправданными являются лишь два последних. Однако в рыночном обществе потребления, где человек оказывается отчужден от продуктов своего труда, активная творческая деятельность и сотрудничество оказываются невозможными. Второй путь обретения гармонии человека с природой и миром — путь любви — признается единственно возможным и универсальным. В силу своей биологической природы и полярности полов в эротической любви человек направлен на реинтеграцию с природой через полное слияние и соединение с другим человеком, мужчины с женщиной.

Фромм выделяет различные виды любви:

- эротическую — любовь между мужчиной и женщиной;
- братскую, выступающую как идеал отношений между людьми, основанных на уважении, равноправии и сотрудничестве;
- материнскую, пронизанную заботой и ответственностью; это любовь безусловная, иррациональная, любовь к слабому, где преобладает стремление отдать;
- любовь к себе как действенное утверждение бытия и продуктивности своего существования; ее отсутствие не позволяет человеку строить отношения любви с другими людьми, поскольку не способный любить себя не может дать любви и другому;
- любовь к Богу, воплощающую в себе утверждение жизни во всех формах ее проявления.

Фромм считает, что способность человека любить не дана от природы. Это искусство, которым надо овладеть. Любовь формируется прижизненно, и то, какой она будет, определяется свободным выбором каждого. Общество предлагает для выбора два модуса жизнедеятельности (иметь или быть) и соответствующие им два модуса любви: любовь как обладание и любовь как бытие.

Первый модус — *любовь как обладание* — характерен для общества потребления, где действует принцип «все на продажу». Любовь выступает своеобразным денежным эквивалентом обмена услугами и товарами («я тебя люблю, а ты мне за это...»), становится предметом купли и продажи. Происходит обмен: мужчины предлагают статус, деньги, власть; женщины — красоту, хозяйственность, плодовитость и т.д. При создании семьи акцент переносится на фазу поиска брачного партнера, тут можно видеть особый накал страстей и настоящий азарт игрока — получить больше, отдать меньше. Начинается торг, где все взвешивается и оценивается, где продавцы и покупатели пытаются обмануть, «всучить», совершить выгодную сделку. «Несчастливая любовь» у сторонников модуса обладания также интерпретируется в терминах купли-продажи: либо вы «переплатили», либо вам «недодали».

Второй модус — *любовь как бытие* — творческая, активная любовь, обеспечивающая условия для личностного роста обоих партнеров. Это зрелая, гармоничная форма любви.

Важнейшими характеристиками существования бытийной любви, согласно Фромму, являются сохранение целостной индивидуальности партнеров и продуктивная личностная направленность. В отношениях бытийной любви каждый из партнеров сохраняет целостность и автономность личности. Парадокс ее состоит в том, что два человека являются единым целым и в то же время каждый остается самим собой. Личность, выступая частью целостности «Мы», утверждает также себя индивидуальностью, активным субъектом в построении «Я—Ты» отношений.

Продуктивная направленность личности в бытийной любви реализуется в том, что, в отличие от любви-обладания, отношения с партнером здесь строятся преимущественно по принципу «отдавать». Отдавая себя в дар другому, человек обогащает другую личность и одновременно подтверждает себе и другим ценность собственной жизни. Способность отдавать, актуализировать и выражать себя в значимом отношении есть высшее проявление духовной силы личности, полноты и радости бытия. Фромм подчеркивает, что способность любить формируется лишь при условии отказа личности от философии потребления, от желания эксплуатировать других и преодоления нарциссизма.

Любая форма зрелой любви, будь то любовь материнская, братская или эротическая, включает ряд общих компонентов, тесно связанных между собой: заботу, ответственность, уважение и знание.

Забота о партнере есть проявление способности отдавать, не связанной, не регламентированной соображениями выгоды и эквивалентности обмена, проявление истинной сути бытийной любви.

Ответственность в любви означает свободу выбора принятия заботы о партнере, готовность к самоотдаче и утверждения себя (Я) в другом (Мы). Ответственность не означает присвоения права личности принимать решение за другого, даже если этот другой уступает в опыте, мудрости и образованности; не допускает манипулирования партнером во имя достижения, пусть даже самых высоких, целей.

Уважение партнера предполагает признание его права на выбор собственного жизненного пути и своей судьбы, даже если этот выбор представляется необоснованным; веру в то, что партнер способен осуществить ответственный разумный выбор.

Знание позволяет строить отношения любви с учетом потребностей, интересов и стремлений каждого из партнеров. В основе формирования знания лежит процесс децентрации, развития способности увидеть проблему глазами всех его участников, с учетом различных познавательных перспектив, образно говоря, «влезть в шкуру партнера».

Эротическая любовь, как и другие формы любви, характеризуется исключительностью. Исключительность любви проявляется во всем: в уникальности партнера, предполагающей невозможность сравнения его с кем-либо и замены кем бы то ни было, в уникальности самих отношений, где нет и не может быть норм, правил и стандартов. Эта идея Фромма перекликается с пониманием любви в трудах С.Л. Рубинштейна, где любовь выступает как утверждение неповторимости существования другого человека.

Любовь, согласно концепции Фромма, не врожденный дар, а искусство; овладеть им можно лишь в результате практики любви, главным результатом которой становится вера в другого человека, в его возможности, в его личностное развитие. Практика любви предполагает дисциплину как требовательность к себе; сосредоточенность, умение слушать партнера, жить на-

стоящим, ощущая жизнь в ее каждом мгновении; терпение и труд над обретением мастерства.

В эпигенетической концепции Э. Эриксона [1995] любовь рассматривается как психологическое новообразование ранней зрелости (молодости), кристаллизующее в себе позитивные достижения предыдущих стадий развития; как способность, позволяющая разрешить противоречие между осознанием личностью своей уникальности и направленностью на установление близких, интимных отношений с другими людьми. Любовь понимается как психосоциальное свойство, предоставляющее возможность разделения личностной идентичности в равноправных отношениях и предполагающее сохранение верности партнеру, готовность к самоограничению и альтруизму.

В гуманистической психологии А. Маслоу рассматривает потребность в любви как одну из базовых потребностей человека, образующих, наряду с физиологическими потребностями, потребность в безопасности, в самоуважении и самоактуализации, иерархическую структуру. Она строится по типу пирамиды, где каждая потребность, занимающая более высокое место в иерархии, основывается на предыдущих и может быть удовлетворена лишь при условии удовлетворения потребностей нижних слоев пирамиды. В этой иерархии потребность в любви и привязанности основывается на потребности в безопасности. Соответственно, если фрустрирована потребность в безопасности, то адекватное проявление и удовлетворение потребности в любви затруднено. Подобно Фромму, Маслоу выделяет два типа любви: *дефицитарную любовь*, в которой основной функцией любви является восполнение дефицита удовлетворения потребностей личности, и *любовь бытия*, в которой сама активность любви выступает как самоценность. Дефицитарная любовь выполняет инструментальную функцию — любовь как средство получения благ, привилегий, преимуществ. Бытийная любовь альтруистична, в ней главное — благо партнера, его успехи, бескорыстная помощь ему, готовность к самопожертвованию. Бытийная любовь способствует самоактуализации личности.

В концепции любви Р. Мэя, воплощающей принципы гуманистического экзистенциализма, *любовь-эрос* рассматривается как стремление к творчеству, единению и воспроизводству, способность к созиданию. Она раскрывает путь к самореализации, расширению границ самости, обретению высших форм истины, красоты и добра [Мэй, 1997]. Главные мотивы любви, согласно Мэю, — стремление к самоутверждению и надежда на спасение от одиночества. Любовь-эрос объединяет, обеспечивая вселенную внутренней связью, как указывал еще Платон в известном сочинении «Пир». Любовь Ромео и Джульетты — жизнь, отданная во имя любви, — преодолевает вражду двух знатных родов. Благодаря любви человек постигает все три измерения сознания, переходя от безличного к личностному как стремлению любить определенного человека и, наконец, к трансличному, где происходит постижение смысла любви в жизни человека. Любовь уг-

любляет сознание человека, поскольку в нем возникает нежность к другому человеку как осознание его потребностей, желаний и чувств; слияние с любимым открывает новое бытие личности. Любовь — это переживание своей способности доставлять удовольствие другому, благодаря чему происходит выход личности за пределы своего Я. Наконец, в любви формируется способность отдавать и принимать. Если баланс этих двух процессов нарушается, то нарушаются и отношения любви. Стремление лишь отдавать, не принимая взамен, обнаруживает тенденцию доминировать над партнером. Стремление брать, не отдавая взамен, приводит к опустошению. Любовь — это процесс активного творчества, поэтому, считает Мэй, любовь и воля — неразделимы. Любовь — это личностный свободный выбор, осуществление любви требует участия воли. Мэй пишет, что люди «любят и волеют мир». Любят — значит формируют мир, привнося в него часть самих себя. Волеют — значит творят мир своим решением. Парадокс любви, по Мэю, заключается в сочетании высочайшей степени осознания самого себя как личности в отношениях любви и высочайшей степени погруженности в другого человека.

К. Роджерс значительно обогащает наши представления о любви как процессе общения и установления отношений, вводя требование конгруэнтности — внутренней честности личности в отношении своего внутреннего мира, исключающей самообвинение и самозащиту. Конгруэнтная коммуникация, честная, искренняя, безоценочная, лишенная попыток манипулирования партнером и отрицающая «двойной стандарт» требований и прав для себя и партнера, является основой семейного общения. Одним из наиболее перспективных направлений психологической и психотерапевтической работы с семьей справедливо считается оптимизация общения между супругами, родителями и детьми на основе усвоения принципов и техник конгруэнтного общения.

§ 3. Развитие любви как чувства

Проблема генезиса и развития любви — одна из наименее разработанных в психологии эмоций. Здесь можно выделить функциональный и собственно онтогенетический аспект.

Процесс функционального развития любви можно проследить, основываясь на классической работе Стендаля «О любви» (1822). Ключевым понятием, раскрывающим сущность становления отношения любви, является «кристаллизация».

Как рождается любовь?

Первый этап — *восхищение предметом любви*. Что-то в другом человеке привлекает наше внимание, поражает нас, заставляет остановиться, почувствовать восхищение. Иногда — красивая внешность, походка, голос, ино-

гда — тонкое суждение, глубокая мысль, иногда — поступок, смелость, благородство, доброта. Красота, по Стендалю, неперенное условие рождения любви: «Красота для рождения любви необходима, как вывеска. Нужно, чтобы безобразие не представляло препятствия». Вывеска останавливает, привлекает внимание, безобразие может оттолкнуть. Однако сама красота — это не только красота физическая, красота тела. Это и красота ума, воли, духа человека. Итак, начало зарождения любви связано с выделением будущего предмета любви из окружения и превосходной эмоционально-позитивной его оценкой. Переживание восхищения наделяет партнера в ваших глазах исключительностью и ставит его в центр вашего внимания.

Второй этап — *изучение предмета любви*. Всестороннее исследование партнера, повышенная чувствительность ко всем его поведенческим проявлениям, внешнему виду, суждениям. Здесь еще нет любви, присутствует только доброжелательный интерес к личности партнера и неосознанная симпатия, обусловленная восхищением.

Третий этап — *зарождение любви и первая кристаллизация чувств*. Зарождение любви связано с переживанием наслаждения от вида ее предмета и общения с ним. Решающее значение для развития любви имеет первая кристаллизация чувств. Стендаль называет ее особой деятельностью ума, направленной на наделение предмета любви всеми возможными достоинствами. Личность партнера подвергается систематической положительной оценке. Информация о партнере селекционируется и проходит особую обработку — преувеличение достоинств, игнорирование или искажение недостатков (оборачивание их в достоинства), что приводит к «сгущению достоинств и добродетелей» партнера и идеализации его образа. Если нет реальной близости и общения с партнером, наступает кристаллизация воображаемого разрешения.

Четвертый этап — *рождение сомнения*. Идеализация образа партнера в определенный момент поворачивает носителя чувства любви к самому себе и рождает сомнение в том, насколько же он сам достоин любви своего избранника, столь уважаемого, совершенного и «богоподобного» существа. Это этап возникновения ориентировки на себя как возможного объекта любви, начало поиска ответа на вопрос: «Почему и за что я любим?»

Пятый этап — *вторая кристаллизация чувств*. Получение подтверждения наличия ответной любви направляет процесс самоисследования и саморазвития личности в сторону выделения и культивирования в себе лучших качеств и достоинств, которыми она уже обладает, которые хочет видеть в себе и которыми ее наделяет предмет любви. Вторая кристаллизация чувств — это личностный рост в направлении возвращения в себе тех достоинств, которые сделают человека неотразимым, избранным, любимым. Итак, на пятом этапе развития любви происходит интенсивный личностный рост носителя чувства любви в контексте построения отношений со значимым Другим.

Шестой этап — *развитие отношений любви в сторону достижения полной близости и единства с ее объектом.*

Ключевое значение для понимания психологических механизмов влияния отношений любви на развитие личности имеют этапы первой и второй кристаллизации, по сути представляющие собой процесс идеализации образа партнера (предмета любви) и собственного образа. В.С. Соловьев рассматривал идеализацию в ее позитивном значении как способность видеть в партнере не только те свойства и качества, которыми он уже обладает, но и те, которые могли бы быть. Умение увидеть в партнере потенциальные, пока еще скрытые от других достоинства и совершенства и отнестись к нему так, будто они уже реальность, строить свое общение и поведение, уже учитывая эти потенциальные достоинства, составляет великую мудрость любви. «Обожествление любимого существа» необходимо для того, чтобы твои совершенства, пока еще скрытые не только от других, но даже и от тебя самого, существующие как бы в проекте того, каким ты мог бы стать, увидел в тебе твой партнер и эксплицировал в близком общении и деятельности, создавая необходимые условия для их интериоризации. Идеализация образа партнера — это своеобразный «кредит доверия», выдаваемый любимому человеку, будь то родительно-детские или эротические отношения. Вторая кристаллизация представляет собой целенаправленную работу личности над собой, реализующую цели саморазвития и самосовершенствования. Психологический смысл первой кристаллизации заключается в том, что в образ партнера и в образ Я личность включает потенциальные качества и строит свои отношения с партнером, ориентируясь на эти качества как реально существующие. Смысл второй кристаллизации заключается в целенаправленном саморазвитии, работе над тем, чтобы «приподнять себя» до партнера. Отношения любви — это зона ближайшего развития личности, прежде всего в аспекте формирования способности к самореализации и самоактуализации.

При в общем позитивной оценке кристаллизации, имеющей крайностью идеализацию образа партнера, необходимо учитывать и возможные негативные последствия этого процесса. Идеализация может стать причиной серьезных нарушений межличностных отношений и общения с партнером в том случае, когда идеализированный образ вступает в противоречие с реальными качествами партнера (т.е. выходит за пределы обозначенной выше зоны ближайшего развития) или когда кристаллизация не сопровождается реальной работой личности по самостроительству.

Интересную модель функционального развития любви применительно к подростковому и юношескому возрасту предлагает П.П. Блонский. Poleмизуя с Фрейдом в вопросе об изначальной инфантильной сексуальности как фундаментальной характеристике развития личности, Блонский в своей блестящей работе «Очерки детской сексуальности» (1974) выделяет и прослеживает четыре основные стадии развития любви в онтогенезе, ста-

вы в центр рассмотрения подростковый и юношеский возраст. На первой стадии впервые возникает потребность в эротической любви, обусловленная процессом полового созревания. Это время, окрашенное переживанием «томления», неудовлетворенности, одиночества, страха, тоски, апатии. Вторая стадия связана с любовной сенсibilизацией и осознанием потребности любить, началом поиска объекта любви. Интересно, что осознание потребности предшествует возникновению самого чувства. Задача влюбиться, полюбить выступает для подростка как значимая, подтверждающая его статус взрослого. Возникает повышенная чувствительность ко всему, что связано с любовью, нежностью, эротическим влечением. Начинаются интенсивные поиски объекта любви. Для этого периода характерны кратковременные увлечения, непостоянство, ветреность. Поиск объекта любви представляет собой ситуацию опробования новых отношений, их примеривания к себе, моделирования и проигрывания с различными партнерами, это взрослая «игра в любовь» методом проб и ошибок. Наконец, наступает третья стадия — стадия влюбленности. Осуществлен выбор объекта любви, и игра закончилась. На этой стадии образуется единство переживания сексуального влечения и любви. Интенсивность, яркость и серьезность чувств молодого человека достигают пика своего развития. На четвертой стадии происходит все большее сближение с объектом любви, устанавливаются все планы отношений, включая интимную физическую близость.

Проблема последующих стадий развития отношений любви имеет два возможных варианта решения. Сторонники первого исходят из бытийной сущности любви и рассматривают ее развитие как результат активной творческой работы личности, как искусство создания условий для личностного роста и самореализации каждого из партнеров (Фромм, Маслоу). Приверженцы второго варианта считают более вероятным сценарий развития любви от глубокой страстной влюбленности к охлаждению, привыканию, однообразию и, наконец, к возникновению негативных установок и раздражению в отношении партнера (В.И. Зацепин, С.В. Ковалев). Признавая вариативность и разнообразие развития любви в браке, И.М. Сеченов говорил о таких формах любви на поздних стадиях жизненного цикла, как платоническая любовь (минимальная представленность компонента страсти, эроса), любовь-обладание и любовь по привычке. Последняя форма любви, вероятно, представляет собой компенсаторное поведение, направленное на решение важной задачи в старости — сохранения стабильности мира на фоне утраты прежних физических и социальных возможностей.

§ 4. Искажения и нарушения чувства любви

Материнская, родительская любовь — первый вид любви, который познает человек. Дефицит и нарушения родительской любви, дисгармоничность дет-

ско-родительских отношений являются причиной искажений и нарушений развития способности человека любить сначала в детском возрасте — в форме нарушений привязанности, — а затем и во взрослом — собственно любви (Э. Фромм, К. Хорни, А. Маслоу, Дж. Боулби, Э. Эриксон, Й. Лангмейер, З. Матейчек).

В своей концепции развития невротической личности Хорни представляет механизм искажения развития потребности и способности человека любить. Она считает, что нарушения любви связаны с фрустрацией потребности ребенка в безопасности. Напомним о сходстве этой позиции с идеей Маслоу о том, что неудовлетворенность потребности в безопасности приводит к нарушению удовлетворения потребностей в любви и аффилиации. Ощущение безопасности формируется у ребенка в младенчестве и раннем детстве и зависит от качества родительского (материнского) ухода. Хорни вводит понятие «базальной тревожности» — экзистенциального переживания мира как всеисильного, враждебного, агрессивного источника угрозы и переживания себя в этом враждебном мире — беспомощного, уязвимого, незащитного, отверженного. В зависимости от степени удовлетворения потребности в безопасности в детском возрасте взрослый человек выбирает разные стратегии отношения к миру и социальному окружению:

- стратегию движения «к людям», проявляющуюся в уступчивости, конформности, высоком уровне потребности в аффилиации, повышенной потребности быть принятым, любимым;
- стратегию движения «от людей», выраженную в стремлении к изоляции, уходу, отказу от установления близких, интимных отношений;
- стратегию движения «против людей» — враждебность, конфронтацию, попытку подчинить себе партнера.

Зрелой любви здоровой личности Хорни противопоставляет «невротическую» потребность в любви и «невротическую» любовь. Невротическая потребность в любви — это преувеличенная потребность человека в эмоциональной привязанности, положительной оценке себя со стороны окружающих и повышенная чувствительность к фрустрации этих потребностей, проявляющаяся в непомерном страхе отвержения, реального или воображаемого.

Невротическая любовь, в отличие от любви здоровой личности, неразборчива, не насыщаема и навязчива. Неразборчивость невротической любви проявляется в том, что ее носителю хочется, чтобы его любили *все*. Зрелая любовь избирательна — здоровая личность ждет любви, уважения и признания лишь от тех людей, кого любит и ценит сама. Ненасыщаемость — ненасытность любви проявляется в том, что человеку постоянно требуются подтверждение своей значимости и исключительности для партнера, доказательства любви словом и (или) действием, в то время как «в норме» подтверждение сложившихся отношений и чувств партнеров, их своеобразное «озвучивание» становится необходимым лишь в нестабиль-

ных ситуациях неопределенности, при зарождении отношений любви или в ситуации кризиса отношений. Человек, требующий внимания партнера, оправдывает этой целью любые средства — провокации, вызов на скандал, выяснение отношений. Такую любовь характеризуют высокая степень ревности, навязчивость, стремление во что бы то ни стало сохранить свою исключительность для партнера по принципу «цель оправдывает средства»: в ход идут угрозы, шантаж, взывание к жалости, попытки «купить любовь» партнера. Действие защитных механизмов, нацеленных на уменьшение тревоги, связанной со страхом быть отвергнутым, в зависимости от стратегии, реализуемой невротической личностью, может иметь следствием стремление к власти, отрицание любви и изоляцию и эмоциональную дистанцированность от людей. Однако неадекватность указанных защит приводит лишь ко все большему возрастанию тревоги и чувствительности личности, к депривации потребности всегда, везде и всеми быть любимым.

Психологически адекватный путь удовлетворения потребности человека быть принятым людьми и признанным как личность лежит в сфере выбора жизненных целей, обеспечивающих возможности самореализации личности в профессиональной, социальной активности, в межличностных и семейных отношениях.

Искажения чувства любви связаны с детско-родительскими отношениями. По мнению Фромма [1990], патологические формы любви возникают в результате переноса невротической личности на партнера ожиданий и чувств, связанных с фиксацией на образе отца или матери. Он выделял специфику влияния каждого из родителей на формирование способности любить и утверждал, что личность матери и отца, супружеские отношения по-разному влияют на способность детей любить и быть любимыми. Важнее в этом плане все-таки мать — она дает образец безусловной, принимающей любви. Если ребенок сталкивается с низким уровнем материнского принятия или даже отвержением, то в дальнейшем вероятность возникновения проблем установления эмоциональных связей в отношениях с супругом и собственными детьми резко возрастает. Низкий уровень принятия ребенка отцом, воплощающим социальные требования, ожидания и оценки ребенка, приводит к формированию чувства неполноценности, неуверенности, низкой социальной компетентности [Адлер, 1990]. Эмоциональная холодность и дистанцированность в супружеских отношениях даже при условии внешнего благополучия семьи и заботы родителей о ребенке создает дефицит переживания им чувства безопасности, рождает тревожность и лишает ребенка возможности наблюдать образец аффективно-положительных искренних отношений любви.

В случае нарушения детско-родительских отношений, согласно Фромму, можно наблюдать следующие виды отклонений в любви: любовь нарциссическую, невротическую, псевдолюбовь в формах сентиментальной (любовь-поклонение) или маниакальной (любовь-преследование) любви.

Нарциссическая, по сути эгоистическая, любовь является результатом неудовлетворенной потребности в материнском принятии. Человек предпочитает модус «брать» модусу «давать», быть любимым, но не любить самому. Отношения носят ярко выраженный потребительский характер.

Невротическая любовь (в узком смысле слова, поскольку все перечисленные виды любви, безусловно, относятся к невротической) представляет собой искажение отношений между партнерами вследствие проекции собственных проблем на партнера либо на детей, выступающих в таком случае лишь как средство достижения человеком собственных целей, инструментом разрешения его проблем.

Псевдолюбовь реализует «голод и отчаяние поклоняющегося». Отличительной особенностью любви-поклонения является, по сути, равнодушие к истинной личности предмета любви и к реальным отношениям с партнером. Любовь-поклонение строится в мире грез, фантазий и воображения, воплощая стратегию ухода и игнорирования реальности. Сентиментальная любовь «реализуется» или в прошлом, или в будущем («как все у нас было/будет хорошо»). Она культивирует идеализированный (искаженный) образ отношений. В этом случае значим Я и мои чувства, а личность партнера — всего лишь декорация, фон, на котором разворачиваются Наши Отношения в соответствии с предписанным невротической личностью сценарием.

Любовь-преследование, или маниакальная любовь, характеризуется одержимостью, страстной влюбленностью, навязчивостью и настойчивостью в достижении цели. Она наступает внезапно (обрушивается как лавина), отличается лабильностью, резкими перепадами чувств и отношений к партнеру, чередованием маниакальной и депрессивной фаз по принципу «из огня да в полымя», «горячо—холодно». Образ партнера и отношений с ним, как правило, не имеет ничего общего с действительностью. Его личность в этом случае тоже незначима, не выступает предметом внимания и интереса (такое отношение к партнеру близко подростковым увлечениям, когда важен сам факт, состояние влюбленности, а не ее объект). Предмет увлечения далек, недостижим и возведен на пьедестал, превращен в кумир. Любовь оторвана от реальности и направлена на создание замещающего фантазийного мира. Маниакальная любовь — это своего рода компенсаторная, защитная реакция на ненасыщаемую потребность в любви. Любовь-преследование легко оборачивается своей противоположностью, кумир низвергается с пьедестала, невротическая личность вновь переживает отвержение, повторяя травмирующую ситуацию отвержения родительского, и все повторяется по кругу.

В отличие от невротической зрелые формы любви характеризуются направленностью на познание личности партнера, разделением идентичности, образованием целостности «Мы» при сохранении автономии каждой личности. В начале отношений любви центром внимания человека выступает

«Я», и в партнере он ищет подтверждение своей идентичности и личностной ценности, затем предметом ориентировки и исследования становится партнер — «Ты», получающий в значимом личностном отношении подтверждение значимости своей личности, и, наконец, формируется «Мы».

В ряде исследований реализуется «аналитический» подход, состоящий в попытках анализа чувства любви путем разложения его на компоненты, различные сочетания которых образуют диапазон видов любви [Sternberg, 1988; Столин, 1986; Спиваковская, 1999; и др.].

Р. Стернберг предложил трехкомпонентную теорию любви. Графическую ее модель у него представляет треугольник, в котором каждая из вершин символизирует компонент любви. Первая вершина — интимность, чувство симпатии, связи и близости с любимым человеком, предполагающая близость чувств, интересов, ценностей и убеждений. Вторая вершина треугольника — страсть как эротическое, физическое, сексуальное влечение к партнеру. Третья — решение/обязательство. Решение означает выбор личности именно этого партнера в качестве предмета любви. Обязательство предполагает принятие личностью на себя обязательства любить и быть верным партнеру в долговременной перспективе. Указанные три компонента составляют чувство любви в различных пропорциях страсти, эротического влечения, близости, симпатии и обязательств, которое можно представить сообразным треугольником. В зависимости от соотношения всех компонентов можно говорить о различных видах любви. Совершенная любовь предполагает гармоничное сочетание всех трех компонентов: близости, страсти и обязательств. Романтическая определяется преобладанием близости, симпатии и страсти. Любовь-дружба выступает как сочетание близости и обязательств. Слепая любовь — это страсть, подкрепленная обязательствами. В случае доминирования лишь одного из компонентов, в соответствии с теорией Стернберга, мы наблюдаем страстную влюбленность (страсть), симпатию (интимность, близость) и пустую любовь (обязательства).

§ 5. Виды любви

И.С. Кон [1989] выделяет шесть видов любви:

- *эротическую любовь (любовь-страсть)*, характеризующуюся высокой интенсивностью чувства, страстным стремлением к полному физическому контакту, обладанию, единению с партнером;
- *гедонистическую любовь*, выступающую как наслаждение, игра, флирт. Личность партнера здесь незначима, его роль инструментальна. Отношения неглубокие, непрочные, измена допускается, расставание с партнером легко и не оставляет в душе травмирующих переживаний;
- *любовь-дружбу* — спокойную, теплую и надежную. Основное внимание в отношениях любви-дружбы обращается на эмоциональную поддержку,

эмпатию, познание партнера, взаимообогащение через духовное и личностное общение. Любовь-дружба основывается на равноправии и уважении друг друга. Здесь существует разумный баланс между стремлением отдать частицу своего Я и суметь принять то, что дает тебе партнер. Последнее выступает не меньшим благом и талантом любви, чем умение отдать;

- *прагматическую любовь* — любовь рассудочную, по расчету, любовь, реализующую модус «иметь». Важную роль в отношениях такой любви играют прагматические ценности (улучшение материальных условий существования, повышение статуса, получение каких-либо выгод, привилегий). Подобные отношения не отличаются глубиной чувств, интенсивностью и содержательностью межличностных контактов. В прагматической любви партнеры являются компаньонами по совместному предприятию и нуждаются друг в друге до тех пор, пока это предприятие является прибыльным. Как только источник благ и привилегий иссякает, отношения прерываются и бывшие партнеры устремляются на поиски более выгодного варианта;

- *бескорыстную любовь* — любовь-самоотдачу, альтруистическую любовь. В этом случае позиции партнеров несимметричны. Бескорыстно любящий стремится отдавать, ничего не желая брать взамен. Это материнская любовь в лучшем смысле слова. Однако в супружеских отношениях, в отличие от детско-родительских, отношениях потенциально равных партнеров, асимметричная самоотдача может привести к фактическому неравенству и, по сути, к лишению партнера возможности актуализировать себя в роли «дающего», ограничить возможности его личностного роста и самореализации. В таких случаях возникает опасность инвалидизации партнера, обесценивания его возможностей;

- *любовь-манию* — иррациональную любовь-одержимость, характеризующуюся стремлением к тотальному обладанию партнером. Личность партнера не выступает как самооценność и вне отношений вообще не рассматривается. Для этого вида любви характерна неуверенность, зависимость от поведения объекта влечения. При разочаровании образ партнера в восприятии резко меняется от «идола» до «полного ничтожества».

По мнению Кона, можно говорить о межполовых различиях в предпочтении того или иного вида любви: женщины более склонны к любви-дружбе, бескорыстной любви, а также прагматической, в то время как мужчины больше склонны к эротической и гедонистической любви. Маниакальная любовь является уделом невротической личности, а также часто наблюдается в подростковом и юношеском возрасте в период становления способности любить.

В.В. Столин при анализе эмоциональной связи в супружеских отношениях и А.С. Спиваковская в исследовании отношений детско-родительских исходят из трехкомпонентной структуры чувства любви, позволяющей создать типологию ее видов. Столин указывает, что при описании любви используются преимущественно два критерия-дихотомии: «любовь—нена-

висть» и «доминирование—подчинение». Однако такой способ описания позволяет выделить лишь три вида любви, далеко не исчерпывающих всего многообразия ее вариантов: гармоничная любовь (любовь—равноправие), «жертвенная любовь» (любовь—подчинение) и «деспотическая любовь» (любовь—доминирование).

Предложенная Столиным и Спиваковской трехмерная модель отношений любви включает три измерения: симпатия/антипатия, уважение/презрение, близость/дальность.

Исходя из предложенной модели можно вывести четыре типа любви (присутствуют отношения симпатии) и восемь типов супружеской позиции (здесь можно видеть как отношения симпатии, так и антипатии). Типы любви включают действенную, отстраненную любовь, любовь по типу действенной жалости и по типу снисходительного отстранения. *Действенная любовь* характеризуется симпатией, уважением и близостью. В поведении проявляется в общих интересах, интенсивном общении на различные темы, сотрудничестве и совместной деятельности, интимности и подлинной близости отношений. *Отстраненная любовь* сочетает симпатию и уважение к партнеру с определенной дистанцированностью. Такое отношение возможно в случае значительной разницы в возрасте, социальном положении, образовании, что предполагает неравенство позиций и определенный разрыв в сфере интересов. Недостаточная близость может быть также обусловлена неудовлетворенностью сексуальными отношениями, что находит отражение в переживании чувства утраты любви. *Любовь как действенная жалость* выступает как симпатия и близость на фоне отсутствия уважения к партнеру. Примером таких отношений может быть мезальянс, объединяющий в брачном союзе партнеров с большой социальной и статусной дистанцией, или отношения в семье алкоголика, где, несмотря на открытое неуважение к пьющему мужу, супруга относится к нему с симпатией в форме жалости и готова к сохранению семьи во что бы то ни стало. Любовь по типу *снисходительного отстранения* основывается лишь на симпатии при дефиците уважения и большой межличностной дистанции. Как правило, это ситуация «разочарования» в супруге (любимом человеке), неудовлетворенности сложившимися отношениями. Часто в этом случае отношения строятся по принципу опеки, снисхождения к некомпетентности и неупешности партнера.

Четыре остальных типа супружеских отношений объединяет отсутствие положительной эмоциональной связи. Если в супружеских отношениях сохранена близость, то семейные отношения поддерживаются, но уровень интенсивности конфликтов резко возрастает, они приобретают всеобъемлющий, затяжной, хронический характер. Если близость утрачена, то семья распадается, мера цивилизованности развода супругов в значительной степени определяется сохранением уважения друг к другу.

§ 6. Социально-психологический подход к любви в контексте проблемы аттракции

Аттракция как симпатия к другому человеку является безусловным компонентом чувства любви [Гозман, 1987]. В рамках социально-психологического подхода изучались факторы, способствующие возникновению аттракции и выступающие как условия привлекательности партнера. Назовем некоторые из них.

Внешняя привлекательность. В зрелом возрасте становятся важны не только внешние физические данные, но и духовно-психологические, личностные качества. Идеал привлекательной внешности обусловлен как культурно-историческими, социальными условиями, так и субъективными критериями оценки. Внешняя привлекательность человека определяется не только оценкой его со стороны партнера, но в значительной степени и его собственной самооценкой. Если самооценка высока и адекватна или даже несколько превосходит уровень адекватности, то это находит отражение в таких особенностях поведения личности, как уверенность, доброжелательность, направленность на установление отношений и коммуникацию, способствующих большему самораскрытию партнеров.

Социальные характеристики — принадлежность к определенному социальному уровню, образование, статус, профессия, социальная успешность и т.д. Успешность и удачливость способствуют усилению аттракции, неудачников избегают.

Уровень развития коммуникативных способностей — способность к открытой коммуникации, к самораскрытию, искренности в пределах сохранения интимного личностного «пространства безопасности» партнеров (неприемлемость «душевного эксгибиционизма»), умение коммуницировать свои чувства, проявлять эмпатию в отношении партнера. Отсутствие коммуникативной компетентности резко негативно сказывается на аттракции.

Сходство установок, идей, взглядов, ценностей. Для успешного функционирования семьи особенно важны общность ценностей профессиональной деятельности, сходство взглядов на воспитание детей и родительство.

Предсказуемость, прогнозируемость поведения партнера, особенно в стрессовых, напряженных ситуациях, на основе знания его личностных свойств и стабильности его поведения в повторяющихся ситуациях. Непредсказуемость не отпугивает, но осложняет понимание намерений партнера и может привести к деструкции отношений. Предсказуемость не идентична рутинности и стереотипности поведения.

Ситуативные факторы. К ним можно отнести следующие:

- регулярность контактов;
- возможность реализации совместной деятельности;
- оказание друг другу помощи (забота, помогающее поведение). Доказано, что уровень симпатии к партнеру у помогающего выше, чем у того, кому

помощь оказывается. Иными словами, мы привязываемся к тому, кому мы больше помогаем. Напротив, известен феномен избегания человека, оказавшего нам значительную помощь. В супружеских отношениях не должно быть грубого дисбаланса в выполнении обязанностей и ролей. В интересах сохранения взаимной симпатии и привлекательности ни один из супругов не должен вваливать на себя все проблемы семьи и принимать на себя роль «палочки-выручалочки». Каждый член семьи ради стабилизации в ней эмоциональных связей должен быть готов и сам оказать помощь, и попросить о ней, и принять помощь от партнера.

Совместное переживание опасности, угрозы жизни. Этим фактором объясняется известный феномен повышения уровня сплоченности семьи при переживании кризисных, фрустрирующих ситуаций (вспомним пословицу о необходимости съесть пуд соли, чтобы узнать друг друга и установить истинно гармоничные отношения).

Фактор оценки со стороны партнера. Проявляется в том, что аттракция возникает при условии отсутствия значительного расхождения самооценки и оценки со стороны партнера.

В исследовании М.Н. Риди и др. [Reedy et al., 1982] предметом изучения стали изменения значимости аффективных и поведенческих компонентов, составляющих, по мнению авторов, отношения любви в период перехода от ранней к средней зрелости, пожилому возрасту и старости. К таким компонентам были отнесены эмоциональная безопасность, уважение, сексуальная интимность, коммуникация, игровое и помогающее поведение (взаимопомощь) и лояльность (терпимость). Было отмечено, что при наличии определенной стабильности можно говорить также об изменениях значимости каждого из компонентов на протяжении зрелых периодов онтогенеза. Например, при сохранении стабильности помогающего и игрового поведения наблюдалось возрастание значения эмоциональной безопасности и взаимной терпимости на фоне снижения роли, отводимой в отношениях между супругами уважению. Несколько снижалось значение общения. Значение сексуальной сферы плавно возрастало к середине жизненного цикла, а затем столь же плавно снижалось. Таким образом, на первом плане отношений любви между супругами на всех стадиях жизненного цикла оказывается аффективная составляющая любви — эмоциональная безопасность, сопереживание, симпатия, что в целом соответствует основному тезису семейной психологии и семейной психотерапии о том, что именно функция эмоционального взаимопонимания и сопереживания, психотерапевтическая функция являются системообразующими для современной семьи.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- любовь представляет собой социокультурный, исторический феномен, имеющий историю своего развития;
- любовь имеет активно-деятельностную творческую природу, формируется в процессе жизни на основе интериоризации опыта детско-роди-

тельских отношений и присвоения социокультурного опыта, форм и «модусов» любви в контексте органического и полового созревания;

- любовь направлена на самореализацию личности, преодоление отчужденности и обретение единства и целостности; обеспечивает саморазвитие личности в исключительных, близких отношениях со значимым Другим;

- важным фактором возникновения нарушений способности любить является искажение детско-родительских отношений и, в первую очередь, отношений с близким взрослым на протяжении ранних стадий онтогенеза.

§ 7. Ролевая структура семьи

Основными параметрами ролевой структуры семьи являются характер главенства, определяющего систему отношений власти и подчинения, т.е. иерархическое строение семьи, и распределение ролей в соответствии с теми задачами, которые решает семья на данной стадии своего жизненного цикла.

Ролевая структура семьи в значительной степени определяется ведущими семейными ценностями, иерархия которых развивается на протяжении жизненного цикла семьи, отражая изменение значимости ее функций. Например, после рождения детей центральное место в семье занимает воспитательная функция, а ценность родительства становится ведущей. Сравнение приоритетности ценностей у молодоженов и лиц, вступающих в брак, обнаружило значимые различия: у лиц, вступающих в брак, ценности имеют четкую семейно-бытовую направленность, а у благополучных молодоженов наблюдается сбалансированность ценностей семейных и связанных с профессиональной деятельностью супругов [Олейник, 1986]. Семейные ценности регламентируют образ жизни семьи, распределение ролей и установление главенства.

Главенство в семье определяет ее иерархию и организацию функционирования, характер принятия решений, меру участия членов семьи в управлении ее жизнедеятельностью, отношения власти — доминирование и подчинение.

Авторитарная система отношений означает сосредоточение функций управления и принятия решений в руках одного члена семьи. Демократическая система отношений — равноправное участие всех членов семьи в управлении и принятии решений. Тенденцией развития современной семьи является переход от авторитарной к демократической системе отношений, что, в первую очередь, обусловлено становлением правового и экономического равноправия мужчин и женщин. Главенство может носить единоличный характер (персональное главенство) и быть совместным. В первом случае все или большинство наиболее значимых для семьи функций оказываются сосредоточены в руках одного человека. Такая форма главенства

вряд ли может быть эффективна с точки зрения теории управления, однако в кризисные периоды развития семейной системы единоличное главенство оказывается адекватным и полезным. В стабильные же периоды оптимальной формой руководства является совместное главенство. Оно бывает с разделением функций и без (эгалитарный вариант). Для определения формы главенства в семье приоритетны такие функции, как материальное обеспечение, планирование семейного бюджета, «психотерапевтическая» функция семьи, воспитание детей. Фактическое главенство зависит от распределения функций в семье и меры участия ее членов в решении проблем. Однако наряду с фактическим главенством существует и главенство формальное, т.е. приписываемое по определенным правилам. В случае расхождения фактического и формального главенства возникают конфликты, борьба за признание фактического руководства, за установление главенства одного из членов семьи. Традиционно формальное главенство приписывается мужу, в то время как фактическое в равной степени распределяется между мужем и женой. Краткое перечисление вариантов распределения власти в семье показывает всю сложность и многообразие внутрисемейных отношений, связанных с руководством и управлением семьей.

Отношения власти как доминирования — подчинения имеют и обратную сторону — принятие социальной ответственности главы семьи за ее благополучие и функционирование, что предполагает решение задач обеспечения безопасности семьи, определение ее целей и перспектив, координацию действий, направленных на достижение этих целей, создание психологической атмосферы уверенности и оптимизма в отношении прошлого, настоящего и будущего семьи.

Отношения доминирования — подчинения в семье могут быть охарактеризованы по следующим параметрам: кто именно доминирует в семье; основания (причины) доминирования; степень транзитивности отношений доминирования—подчинения; предполагает ли доминирование также и принятие ответственности доминирующим лицом [Дружинин, 1966]. В случае единоличного авторитарного главенства в семье может доминировать — отец (патриархальная семья), мать (матриархальная семья), ребенок (детоцентристская семья). В основе доминирования (применения власти) могут лежать авторитет и уважение к главе семьи, дань традициям и подчинение закону, признание компетентности лидера и делегирование ему права руководства и принятия решений, использование принуждения и насилия, «подкуп», лесть и манипуляция членами семьи. Под транзитивностью отношений доминирования — подчинения понимаются однонаправленность власти в иерархической структуре семьи и перенос отношений доминирования, осуществляемый фигурой, занимающей более высокую позицию в иерархической структуре семьи, на других ее членов, занимающих нижние ступени. Например, отец, являясь главой семьи, доминирует над матерью, мать — над ребенком, значит, и для ребенка отец также выступает властной

фигурой, обладающей большими полномочиями и привилегиями, чем мать. Нетранзитивность предполагает более сложные отношения, в которых каждый член семьи занимает разную позицию по отношению к другим ее членам.

Роль — это нормативно одобряемая модель поведения, ожидаемая от человека, занимающего определенную социальную позицию и позицию в межличностных отношениях. Содержание роли и ее выполнение регулируются нормами, т.е. определенными выработанными и принятыми группой правилами, которым необходимо следовать для реализации совместной деятельности [Андреева, 1980]. Существуют правила, предписания, касающиеся как принятия ролей, так и их исполнения. Важны также контроль за выполнением роли и санкции, как внешние, так и внутренние, направленные на восстановление баланса семейной деятельности за счет определенного воздействия на члена семьи, не выполняющего свою роль. Степень принятия членом семьи своей семейной роли определяет эффективность ее выполнения и, как следствие, успешность функционирования семейной структуры в целом.

В ролевой структуре семьи выделяют план конвенциональных и план межличностных ролей.

Конвенциональные роли предписаны социокультурным окружением, стандартизованы, определяют постоянные права и обязанности членов семьи, представляя собой перечень форм поведения и способов их реализации, регулируемых правом, моралью, традициями. Межличностные роли индивидуализированы, определяются конкретным характером межличностных отношений в семье, кристаллизуя в себе уникальный опыт семейного межличностного общения.

Ролевая структура семьи обеспечивает эффективное ее функционирование и удовлетворение потребностей всех ее членов с учетом следующих требований:

- ролевая согласованность — требование непротиворечивости ролей, образующих целостную систему, как в отношении ролей, выполняемых одним человеком, так и семьей в целом;
- выполнение роли должно обеспечивать удовлетворение потребностей личности в рамках семьи;
- принятые роли должны соответствовать возможностям личности, нельзя допускать «ролевой перегрузки»;
- выполнение ролей должно обеспечивать удовлетворение потребностей всех членов семьи.

Конвенциональные роли могут быть классифицированы по различным основаниям. Типология семейных ролей в соответствии со статусом родственных отношений включает роли мужа, жены, родителей — матери и отца, детей — сына и дочери, сиблингов — брата и сестры, прародителей — бабушки и дедушки и пр. Подчеркнем, что набор прав и обязанностей в соот-

ветствии с родственным статусом определяется историческими, культурными, этническими особенностями семьи и значительно варьируется в зависимости от перечисленных факторов.

В основу классификации ролей Ф. Ная [Nye, 1976] положен функциональный принцип, позволяющий выделить следующий набор ролей: «кормилец» семьи, хозяин (хозяйка) дома, ответственный за уход и воспитание младенца, воспитатель детей, сексуальный партнер, «семейный психотерапевт», несущий ответственность за поддержание родственных связей, организатор досуга и развлечений (рекреационная функция семьи), организатор семейной субкультуры. При распределении конвенциональных ролей наблюдается полоролевая дифференциация, которая определяется особенностями представлений супругов о ролях мужчин и женщин в обществе и семье, особенностями полоролевой идентичности и реальным распределением ролей в семье между супругами [Алешина, Борисов, 1989]. Можно говорить о традиционной, обусловленной биологическим критерием распределения функций, антитрадиционной и равноправной полоролевой дифференциации. Традиционализация ролей в семье по тендерному принципу связана с рождением и воспитанием маленьких детей. В современной семье, тяготеющей к равноправному распределению ролей, полоролевая дифференциация достаточно подвижна и свободное изменение ролей супругов позволяет семье более эффективно решать свои проблемы.

Остановимся на характеристике функциональных ролей в семье. Роль «кормильца» соответствует выполнению функции обеспечения материального благополучия семьи. В традиционной семье эта роль принадлежит мужу. В Современной, как правило, работают оба супруга. Выполнение роли «кормильца» фактически предопределяет решение вопроса о власти и главенстве в семье.

Роль хозяина (хозяйки) дома реализует функцию организации и поддержания быта. В традиционной семье эта роль отводится жене. В эгалитарных семьях эти ролевые функции распределяются примерно поровну с учетом культурных стереотипов и представлений о роли мужчины и женщины в «поддержании семейного очага». Как правило, они совмещаются с ролью «министра финансов» семьи, ответственного за проектирование семейного бюджета и держателя кошелька. Традиционно такую роль играет жена, однако все чаще и чаще наблюдается тенденция совместного ее выполнения.

Роль ответственного за воспитание младенца выделяется из воспитательной функции семьи и выступает обособленно по причине теснейшего взаимодействия ребенка в младенческом возрасте с близким взрослым. Возможности выполнения родителем, принимающим на себя функцию воспитателя младенца, других функций крайне ограничены. Традиционные нормы предписывают выполнение этой роли матери. В современной эгалитарной семье ее достаточно успешно выполняют отцы, однако нет, по-

жалуй, ни одной другой роли, где тенденция традиционализации распределения семейных ролей проявляла бы себя настолько сильно. Так, кормление грудью — биологически обусловленная функция матери; предпосылки синхронности взаимодействия матери и ребенка закладываются еще в период пренатального развития; наконец, опережающие темпы формирования материнской родительской позиции по сравнению с родительской позицией отца делают именно мать наиболее адекватной фигурой для формирования первой социальной потребности ребенка в контакте со взрослым и в привязанности.

Реализация роли воспитателя детей (более старшего возраста), предполагающая управление процессом социализации, морального развития, становления компетентности, как правило, осуществляется обоими родителями. Степень участия отца в процессе воспитания определяется следующими факторами:

- уровнем образования. Общая тенденция состоит в том, что чем выше уровень образования отца, тем более активен он в воспитании ребенка;
- полом ребенка. Считается, что отец уделяет больше внимания сыну, а мать — дочери, но если межличностные отношения родителей характеризуются любовью и нежностью, то уровень эмпатии и активность участия отца в воспитании дочери могут быть выше;
- возрастом ребенка. Чем старше ребенок, тем больше включен отец в процесс его воспитания, однако налицо преимущества более раннего включения отца в воспитание ребенка, проявляющиеся, по крайней мере, в трех направлениях. Во-первых, возрастает вероятность формирования безопасной привязанности в отношениях ребенка с отцом. Во-вторых, формирование отцовской родительской позиции осуществляется по типу возрастания компонентов безусловного принятия ребенка. В-третьих, благодаря совместной с матерью воспитательной деятельности возникает необходимая основа для выработки единой родительской позиции, помогающей избежать непоследовательности и противоречивости семейного типа воспитания.

Роль сексуального партнера включает проявление активности и инициативности в сексуальном поведении. Традиционно роль лидера в сексуальных отношениях отводится мужу, однако в последнее время ситуация выглядит далеко не так однозначно в связи с ростом активности женщин.

Роль «психотерапевта» обеспечивает удовлетворение потребностей членов семьи в эмоциональном взаимопонимании, поддержке, безопасности, ощущении личностной самооценности и является ключевой в современной семье. Традиционно она отводится женщине в силу признания ее большей эмоциональной чувствительности, однако в действительности дело обстоит так далеко не всегда. Муж в роли семейного «психотерапевта», как правило, укрепляет свою лидерскую позицию и реальное главенство в семье.

Перечисленные роли имеют скорее «внутренний» характер и не предполагают выхода за пределы границ семейной системы. Наряду с ними

можно говорить и о семейных ролях, реализуемых в контексте более широкого социального окружения, осуществляющих посредническую функцию между семьей и социальной средой. К ним относятся роли ответственного за поддержание родственных связей, организатора досуга и семейной субкультуры.

Роль ответственного за поддержание родственных связей предполагает лидерство в организации общения с родными и близкими, участие в семейных ритуалах, церемониях, праздниках, осуществление необходимой материальной и психологической поддержки нуждающимся членам расширенной семьи, социального контроля. Традиционно эту роль исполняла жена, сейчас нет четкого приоритета, принятие этой роли определяется характером родственных отношений и личностными особенностями членов семьи.

Роль организатора семейного досуга, реализующего рекреационную функцию семьи, направлена на планирование и проведение выходных дней и отпусков. Важность этой роли возрастает в современной ситуации дефицита межличностного общения в семье. Организация досуга способствует либо сплочению, либо деструкции семьи. Принятие и исполнение этой роли определяется личностными качествами супруга (активностью, компетентностью, организационными способностями).

Роль организатора, творца семейной субкультуры, своеобразного духовного лидера семьи, определяющего ее интересы, культурные запросы, увлечения, возникла относительно недавно и отвечает функции духовного общения и обеспечения условий для культурного роста членов семьи. Как правило, эту роль принимает на себя наиболее компетентный и заинтересованный член семьи. Исполнение ролей организатора семейного досуга и организатора семейной субкультуры достаточно часто совмещает один член семьи в силу их содержательной близости. Семейная культура включает ритуалы и обряды жизненного цикла, сопровождающие основные семейные события (помолвка, свадьба, рождение детей, похороны и пр.). Семейная праздничная культура — новогодние обряды, празднование дней рождения, юбилеев, других знаменательных дат семейного календаря — имеет ритуально-игровой характер, определяет историю семьи, выполняя функцию ее интеграции и укрепления сплоченности, обеспечивает формирование ее самосознания. Семейный этикет регламентирует поведение членов семьи, задает его нормативность. Особенность его — в сочетании свободы поведения («фамильярности») и высокой устойчивости моделей поведения, обеспечивающих возможность предвосхищения поведения членов семьи и согласованность их действий без жестких ограничений [Разумова, 2000].

Межличностные роли определяют характер межличностного взаимодействия, включая роли покровителя, опекуна, опекаемого, друга, сексуального партнера.

Типичной проблемой ролевой структуры современной семьи, где оба супруга работают, является ролевая перегруженность и дилемма идентичное-

ти работающей женщины. Сущность такого ролевого конфликта в несовместимости ролевых ожиданий и невозможности выполнения субъектом, занимающим определенный социальный статус, предписанных и принятых им ролей. Причина возникновения ролевого конфликта работающей женщины связана с невозможностью успешного выполнения ею большого количества ролей — семейных и профессиональных — в силу противоречивости, предъявляемых к ним требований; отсутствием необходимых физических ресурсов для полноценного выполнения ролей; чрезмерностью требований к выполнению ролей, устанавливаемых самой женщиной [Алешина, 1989; Гаврилица, 1998]. В патриархальной культуре женщине всегда приписывали роли «домохозяйки» и «хранительницы домашнего очага». Эти нормативные роли до сих пор признаются как типичные для женщин, определяющие их женственность и тендерную роль, в конечном счете их идентичность. Достаточно часто профессиональная деятельность женщины рассматривается как «смещение» ее предназначения на незначимые цели, потому что разделение труда между полами в семье якобы оправдывается большей приспособленностью женщин к заботе о других, к материнству, к уходу за детьми и их воспитанию, к заботе о других (Т. Парсонс). Противоречивое отношение к участию женщин в семейной и профессиональной сферах ныне обусловлена «двойным стандартом приоритетов». С одной стороны, производственная активность слабого пола — необходимое условие жизнедеятельности и социального прогресса общества, а с другой — высшим предназначением женщины и, соответственно, ядром ее идентичности провозглашаются дом, дети, забота о семье. Однако чрезмерная эмоциональная и деятельностная фиксация на карьере или семье приводит к эмоционально-личностным нарушениям. «Захваченность» карьерным ростом чревата эмоциональным обеднением, отсутствием личной жизни, а погруженность в семейные проблемы ограничивает возможности творческой самореализации, приводит к зависимости и социальной изоляции.

Показателями ролевого конфликта являются отсутствие одобрения и поддержки работы жены со стороны мужа, неуважительное отношение к ее профессиональной деятельности; чувство вины перед семьей, испытываемое работающей женщиной; ощущение раздвоенности между семьей и работой, переживание острой нехватки времени. Показано, что особенности мотивации профессиональной деятельности женщины влияют на характер протекания такого конфликта. Если доминирующим является мотив обеспечения материального благополучия семьи, то ролевая напряженность возрастает, а если — социального признания, успеха, достижений, то ролевая конфликтность и уровень внутренней напряженности снижаются. Особенно резко возрастает фрустрированность, когда женщине не удается успешно, с ее точки зрения, реализовать позицию матери, а приоритет ценности материнства у нее достаточно высок [Гаврилица, 1998]. В то же время данные исследования условий и факторов психического здоровья женщины свидетельствуют

о большей благополучности работающих женщин. Это объясняется тем, что, согласно теории аккумуляции ролей, расширение набора ролей, выполняемых субъектом, и сфер его самореализации приводит не только к росту напряженности, но и к формированию более высокой толерантности к неудачам и жизненным невзгодам. Неудача в одной области самореализации может быть с лихвой компенсирована успехом в другой. Кроме того, работающая женщина получает возможность более полно контролировать свою жизнь, автономию и самостоятельность, что в итоге находит отражение в большей ее удовлетворенности семейной жизнью.

Можно выделить три основные стратегии разрешения ролевого конфликта работающей женщины, различающиеся в зависимости от степени активности самой женщины в ситуации, вызывающей фрустрацию. Первая стратегия состоит в изменении социально-экономических условий жизни женщины, вторая — в осуществлении структурных изменений семьи, которые позволили бы женщине успешно сочетать семейную роль с профессиональной. Третья стратегия направлена на изменение установок и ценностных ориентации женщины через разрешение ценностно-смыслового конфликта и построение собственной иерархии социальных ролей. Если женщина осуществляет осознанный выбор той или иной сферы самореализации — профессиональной или семейной — и оценивает свою деятельность в этой сфере как успешную, то происходит снижение ролевого конфликта. Если ее ценностный выбор в пользу семейной или профессиональной сферы так и не осуществляется, то сначала происходит утрата интереса к работе, затем — стремление уделять больше внимания себе и семье и, наконец, отказ от профессиональных ролей в пользу семейных. В исследовании О. А. Гаврилицы [1998] было также показано, что психологический пол женщины, а именно степень выраженности маскулинности или фемининности, в значительной степени обуславливает разрешение ролевого конфликта. Сильная выраженность маскулинных или фемининных полоролевых качеств облегчает выбор профессиональной или семейной сферы и способствует более успешной адаптации к ней.

Принятие ролей осуществляется в соответствии с социокультурными нормами и стандартами, определяющими критерии оценки успешности выполнения ролей. Ролевое поведение характеризуется степенью идентификации исполнителя с ролью, т.е. степенью принятия ответственности за выполнение роли, ролевой компетентностью, сформированностью мотивационного и операционно-технического компонентов ролевого поведения; конфликтностью роли, т.е. противоречивостью в сознании человека поведенческих моделей, необходимых для реализации роли [Эйдемиллер, Юстицкис, 1999; Алешина, 1994]. Значительное влияние на ролевое поведение оказывает фактор родительской семьи каждого из супругов. Можно выделить два возможных типа воздействия этого фактора на принятие и исполнение роли: 1) повторение (воспроизведение) в собственной семье характе-

ра распределения семейных ролей и исполнение усвоенных ролей в той форме, в какой они исполнялись в родительской семье; 2) отвержение семейного уклада родительской семьи. Одной из причин отвержения может стать неблагополучие детско-родительских отношений в семье одного из супругов.

Принятие семейных ролей в значительной мере определяется также влиянием особенностей мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер членов семьи, а также личностных их особенностей, например зависимости/автономии в принятии решений.

Серьезным фактором, в значительной мере определяющим характер принятия межличностных ролей в семье, являются сиблинговые взаимоотношения в собственной семье супругов. Модель отношений с братьями и сестрами, позиция в этих отношениях с легкостью переносится на собственного супруга и детей, определяет претензии на лидерство, отношение к вопросу о власти, сотрудничестве, кооперации, соревновательности.

Репертуар усвоенных в детстве и подростковом возрасте межличностных ролей и опыт их исполнения переносится супругами в свою семейную жизнь, определяет характер межличностного взаимодействия [ЧерниковД998].

Можно выделить несколько вариантов сочетания ролевых ожиданий в зависимости от сиблинговых позиций:

- комплементарный брак — взаимодополняющие сиблинговые позиции супругов. Например, позиции старшего и младшего ребенка. В случае комплементарности наблюдается наиболее благоприятный вариант формирования ролевой структуры: есть взаимодополняющие ожидания, готовые стереотипы межличностных ролей и опыт их исполнения;
- частично комплементарный брак — частичное совпадение сиблинговых позиций супругов. Например, позиции среднего и старшего ребенка лишь частично оправдывают ожидания супругов в отношении межличностного взаимодействия;
- некомплементарный брак — тождественность сиблинговых позиций супругов, ведущая к конкуренции в борьбе за присвоение одной и той же межличностной роли.

Естественно, не существует жесткой зависимости формирования межличностных ролей и взаимодействия в семье от степени комплементарности сиблинговых позиций, хотя такое влияние несомненно. Длина и легкость пути к взаимопониманию определяются скорее личностными особенностями супругов. Степень комплементарности по-разному определяет характер межличностных ролей и показатель удовлетворенности браком на разных стадиях супружества. Чем моложе семья, тем сильнее выражено это влияние.

Впрочем, не только конфликтное сочетание межличностных ролей, но и сами роли могут оказывать психотравмирующее воздействие как на их ис-

полнителя, так и на остальных членов семьи и семью в целом. Патологизирующие роли (Х. Рихтер) в зависимости от их субъекта могут быть индивидуальными и семейными. Причины семейных патологизирующих ролей лежат в области нарушений в системе «семья — социальное окружение». Феномен патологизирующих ролей является показателем дисфункции семьи как целостной системы. К индивидуальным патологизирующим ролям относят роли вроде «семейный козел отпущения», «позор семьи», «любимчик», «бэби», «больной член семьи» и т.п. Исполнитель роли «козел отпущения» является чем-то вроде «громоотвода», служит мишенью для эмоционального отреагирования остальных членов семьи. Достаточно часто он спокойно относится к эмоциональным реакциям домочадцев и принимает эту роль, осознавая ее положительный эффект. «Позор семьи» выступает в качестве своеобразного экрана, на который «проецируются» остальные члены семьи, он признается семьей или отдельными ее членами виновником всех несчастий и, как правило, эту роль отвергает. «Любимчик» является как бы посредником между конфликтующими членами семьи, носителем эмоционального начала, объединяющего семью, и тем самым препятствует открытому решению проблемы. «Бэби» — вечное дитя независимо от возраста, ему прощаются все проступки и прегрешения, его роль — быть подтверждением достоинств остальных членов семьи, а также основой ее сплоченности в его опеке. Равно как и «больной член семьи» — основа для ухода от реально существующих проблем и объединения в заботе о «страдальце».

К патологизирующим семейным ролям, обусловленным нарушением связей семьи с социальным окружением, относят роли «семья-театр», «семья-крепость», «семья-санаторий» и др. Например, в «семье-крепости» превалируют враждебное отношение к социальному окружению, стремление к изоляции, социальному дистанцированию, агрессивные формы реагирования. «Семья-театр» как бы живет на сцене, выставляя напоказ заботу, ласку, взаимопонимание, оставаясь при этом «глухой» к потребностям и интересам своих членов в реальной жизни.

Генезис и функционирование патологизирующих ролей определяются действием защитных механизмов, обусловленных личностными проблемами каждого из членов семьи, а также нарушением функционирования семьи в целом.

В основе патологизирующих ролей лежат нарушения представлений членов семьи друг о друге, о себе и семье в целом — феномен «семейных мифов» [Ferreira, 1966; Мишина, 1983; Эйдемиллер, Юстицкис, 1999].

§ 8. Семейное самосознание

Следует различать объективную картину жизни семьи и ее внутреннюю картину — совокупность субъективных образов семьи у ее членов. Т.М. Ми-

шина ввела понятие «образ семьи», или образ «Мы», — своеобразное семейное самосознание, важнейшей функцией которого является регуляция поведения семьи на основе согласования позиций отдельных ее членов.

Семейное самосознание — согласованный образ семьи, разделяемые всеми ее членами представления о ценностях семьи, ее статусе, образе жизни, ролях, главенстве, нормах и правилах взаимодействия.

Важнейшим компонентом семейного самосознания является *семейная судьба*. Можно говорить о двух основных значениях этого понятия. В первом случае речь идет об общей судьбе рода, семьи как единого субъекта. Каждый член семьи мыслит свои жизненные планы и выстраивает свою судьбу в контексте жизненных целей и судьбы семьи как единого целого. Во втором — о семейной судьбе как разделенном представлении членов семьи о сходстве персональных судеб и жизненного пути родственников, их согласованности в пределах родственной сферы [Разумова, 2001]. Сходство судеб выступает как повторяемость обстоятельств и особенностей наиболее важных семейных событий: знакомства будущих супругов, возраста и обстоятельств заключения брака, продолжительности жизни, болезней, времени рождений, дат смерти и др. Наиболее часто воспроизводимый сценарий общности семейной судьбы — это «несчастливая женская судьба», в которой дочери повторяют материнскую судьбу. Анализ рассказов о семейной судьбе позволяет усмотреть в них не только объективное сходство, но и стремление интерпретировать членами семьи близкие события семейной жизни как сходные, закономерно повторяющиеся, несущие в себе скрытое мистическое значение.

Семейный «календарь» выполняет функцию фиксации дат или периодов повторяющихся событий — дней рождений, бракосочетаний, смертей, интервалов между значимыми семейными событиями. В случае, когда совпадают даты двух или нескольких равно эмоционально окрашенных событий — например, дня рождения или бракосочетания, — это число становится «семейным днем», считается членами семьи приносящим удачу. Повторяемость смертей рассматривается как рок, к определенной дате приближаются с тревожным ожиданием, стремятся избежать сходных с трагическим семейным событием обстоятельств, чтобы «отвратить несчастье». В семье часто происходит мифологизация совпадения дат смертей и рождений. Основой такой мифологизации является неосознанное представление о том, что новый родственник вытесняет/приходит на смену старому и получает свою «долю» семейной жизненной энергии и пространства [Байбурин, 1993]. Следствием мифа становится рождение установки на поиск и преувеличение сходства родственников и тем самым неосознанное подкрепление повторяемости судеб за счет создания объективных условий генезиса сходных черт.

Еще один важный компонент семейного самосознания — *семейная история*. Она воплощена в семейной родословной, семейной автобиографии, семейных реликвиях, фотографиях, семейном имени.

Семейная автобиография включает рассказы о создании и распаде семьи, которые создаются и транслируются в контексте эталонных идей и представлений об идеальном супружеском союзе. Основными темами таких рассказов становятся идеи предназначенности брачных партнеров друг другу, предопределенности их союза («от судьбы не уйдешь», «сердцу не прикажешь») в силу сходства или судьбы, высшей мистической силы; описание первой встречи и своеобразного «узнавания» суженого взглядом, случайным физическим контактом, любви с первого взгляда; история несогласия и сопротивления родителей браку; ухаживание как цепь «испытаний», которые должен пройти каждый из партнеров, чтобы доказать свою «истинность» как единственно возможного супруга, предназначенного «свыше»; преодоление внешних трудностей, разлук, расстояний; воспоминания о свадьбе, рождении и смерти [Разумова, 2002].

Семейные реликвии — это предметы, длительное время сохраняющиеся в семье и передаваемые по наследству, почитаемые семьей и несущие на себе символическое отражение истории семьи и рода. Выделяют два вида реликвий: 1) предметы-символы, создаваемые для выполнения функций освящения истории рода и объединения членов семьи; 2) предметы, изначально имеющие обрядовое или эстетическое значение. Круг реликвий достаточно широк. Это могут быть иконы, обручальные кольца как символ бракосочетания, украшения; предметы, связанные с рождением, памятные датами (бирки из роддома, первый молочный зуб, подарки к юбилею); предметы, связанные с домом, семейной трапезой как ритуалом объединения людей (серебряные ложки, «фамильный» фарфор); часы, природные предметы (засушенные цветы, горсть земли, камни) и предметы, сделанные собственными руками. Часто реликвия имеет особую историю, «вписанную» в историю семьи. Реликвии могут быть исключенными из бытового использования, а могут по-прежнему хранить свою предметно-орудийную функцию. Например, чашкой-реликвией могут пользоваться по назначению, а могут хранить в шкафу за стеклом на видном месте. Реликвия рассматривается семьей как талисман, приносящий счастье и оберегающий от неудач. Этим, например, объясняется существующий в обществе запрет на продажу и утрату реликвий. Психотехническое значение действия передачи реликвий «по наследству», из рук в руки состоит в укреплении семьи и утверждении особой роли человека, получающего семейную реликвию, — роли ответственного за благополучие семьи, продолжателя и хранителя ее истории и традиций. По мере взросления детей их знакомят не только с самой реликвией, но и с тем знанием — семейным преданием, которое раскрывает историю семьи через символическое значение предмета-реликвии. Передача реликвий имеет ритуализированный характер (дарение, устное или письменное завешание) и смысл инициации члена семьи, получающего дар, во взрослость, признание его автономии и одновременно связи с семьей. Реликвии могут являться предметом семейной гордости, подтверждать статус семьи, ее достижения и

уникальность, социальное признание и, таким образом, укреплять чувство семейной идентичности. Могут они также символизировать семейную тайну и в силу этого утаиваться от детей и других «непосвященных» членов семьи.

Семейные фотографии и семейный альбом обеспечивают единство истории рода, четко структурируют временную ретроспективу. Фотографирование позволяет запечатлеть моменты счастья, положительного эмоционального состояния, наиболее значимых жизненных, мемориальных событий семейной жизни. Групповой семейный снимок, по сути, есть воспроизведение «идеального» образа семьи, где пространственное расположение, одежда, позы, жесты, мимика участников группового фото, предметы интерьера четко выверены в соответствии с этим образом. Вот почему анализ семейных фотографий и создание «семейного портрета» стали излюбленными техниками проведения семейного консультирования и семейной психотерапии. С их помощью можно воссоздать, объективировать и сделать предметом рефлексии историю семьи и межличностных отношений в ней. Обычай носить с собой фотографии членов семьи также раскрывает семейному консультанту особенности эмоциональных привязанностей и симпатий консультируемых, приоритетность и значимость в их семейных отношениях.

«Семейное имя» как наречение детей именами покойных или здравствующих родственников из поколения в поколение также выполняет функцию стабилизации семьи и рода. Имена, передаваемые «по наследству», имянаречение «в честь» уважаемого и любимого родственника отражают стремление закрепить в роду «фамильные» черты, накрепко ассоциированные с определенным именем, подтвердить близость и единство членов семьи, общность рода и связь поколений. Мифологизация семейного имени выступает в форме запрета на то, чтобы давать одинаковые имена здравствующим родственникам, «удвоение» имен будто бы может привести к смерти, поскольку один из родственников должен «уступить дорогу» другому [Разумова, 2001].

В случае гармоничного развития семьи формируется адекватный образ «Мы», отражающий характер супружеских отношений, согласованное ролевое поведение и стиль жизни семьи. Источником формирования образа «Мы» является совместная деятельность и внутрисемейное общение. В случае возникновения дисфункции семьи и нарушений межличностной коммуникации актуализируются механизмы защиты и формируется неадекватный образ «Мы» — так называемые семейные мифы, выполняющие функцию регуляции отношений в дисфункциональной семье.

Семейное самосознание как неосознаваемое единство представлений о семье является причиной известного феномена сбывшихся предчувствий главных событий в семье (смертей, несчастных случаев, болезней, свадеб близких родственников и т.д.) или общих сновидений. Психологическое содержание предчувствия — ориентировка в ситуации пространственно-временных раз-

рывов общения между членами семьи [Новик, 1994]. Синхронизация ориентировки «героя произошедшего события» и члена семьи, предчувствовавшего это событие, становится возможной именно на основе согласованности взглядов на семью, правила и сценарии семейного функционирования.

Искаженный образ «Мы» включает *кредо* семьи — ее принципы и ценности; ожидания в отношении ролевого поведения каждого из ее членов; субъективный образ семьи (может не совпадать с объективной картиной ее жизни). На формирование семейных мифов оказывают влияние «наивно-психологические теории», неадекватные способы каузальной атрибуции [Эйдемиллер, Юстицкис, 1999], селективность и предвзятость отбора информации, преувеличение, сверхгенерализация, дихотомия мышления и т.д. В основе неэффективности наивно-психологических теорий в объяснении динамики внутрисемейных взаимодействий лежат низкая степень коммуникативной компетентности, использование житейских понятий и моделей для описания поведения партнера. Селективность отбора информации (предвзятость) и сверхгенерализация приводят к формированию неадекватного образа члена семьи и искаженному восприятию семейной системы в целом. Например, родители могут принимать как должное хорошую учебу и ответственное выполнение домашних заданий ребенком, а случайно полученная «двойка» или невыполненное домашнее задание воспринимается ими как типичное поведение — и складывается миф о «безответственном лодыре и лентяе».

Т.М. Мишина [1983] выделяет некоторые защитные механизмы, используемые семьей при создании семейных мифов и патологизирующих ролей. К ним, в частности, относятся:

- проекция как проецирование на социальное окружение или на другого члена семьи отвергаемых в себе потребностей, мотивов, влечений, представлений. Например, если доминирующим эмоциональным фоном семьи является переживание отсутствия чувства безопасности и базового доверия к миру, что вступает в противоречие с Я-концепцией, приписывающей Я открытость, доверие, доброжелательность, то механизм проекции приведет к формированию враждебного отношения к социальному окружению, к сплочению семьи на основе единства намерений противостоять внешней агрессии — и образуется так называемая «семья-крепость»;

- расщепление как вытеснение и подавление одним из супругов своих отвергаемых личностных качеств в сочетании с культивированием их в партнере. Например, жена, осуждающая и подавляющая в себе агрессивность, недоброжелательность в отношении мужа, провоцирует его на агрессивное поведение в ситуации конфликта, в результате чего рождается семейный миф об идеальной терпимой жене — «мученице, несущей свой крест» и муже-злодее.

Сочетание использования различных защитных механизмов создает разнообразие мифов.

Обязательным компонентом консультативной работы с семьей должно стать изучение особенностей образа «Мы». В случае искажения представлений членов семьи о себе, друг друге и о семье в целом семейные мифы должны стать мишенью психокоррекционных воздействий.

§ 9. Особенности межличностной коммуникации в семье. Нарушения общения

Межличностная коммуникация в семье отвечает задачам обмена информацией, согласования усилий и выполнения ролей в совместной деятельности, установления и развития межличностных отношений, познания партнера и самопознания [Андреева, 1980; Лисина, 1986; Петровская, 1987]. Особенностью межличностной коммуникации в семье является высокая эмоциональная насыщенность и интенсивность общения.

Структура коммуникативного акта включает следующие звенья:

- возникновение потребности и мотивов общения;
- определение задач коммуникации (информационно-познавательная, задачи воздействия на поведение и деятельность партнера, подтверждения или изменения характера межличностных отношений, предоставления обратной связи партнеру о его личностных характеристиках и своем отношении к нему, получения обратной связи от партнера о себе и его отношении к себе);
- передача информации, включая выбор определенного содержания (что хочу сказать) и выбор способа кодирования (как хочу сказать) с учетом задач коммуникации;
- получение информации партнером, включая процессы декодирования содержания, реконструкции намерений и мотивов партнера по коммуникации;
- анализ полученной информации и принятие решения о содержании ответного акта коммуникации;
- передача информации, включая выбор определенного содержания (что хочу сказать) и выбор способа кодирования (как хочу сказать) с учетом задач коммуникации и т.д.

Процесс межличностной коммуникации опосредуется системой образов, выполняющих важную регулирующую и ориентирующую функцию. Указанная система включает образы: «Я», «Другой моими глазами», «Я глазами другого», «Наши отношения», «Наши отношения для другого» и «Наши отношения для меня глазами другого». Эмоциональная насыщенность указанных образов приводит к перегрузке коммуникационного канала и возрастанию вероятности нарушений межличностной коммуникации в случае искажения или недостаточной адекватности хотя бы одного из них.

В работах Л.А. Петровской, Г.М. Андреевой, Э.Г. Эйдемиллера, К. Вацлавика, В. Сатир, К. Роджерса, Т. Гордона выделены условия эффективно-

гомежличностного общения в семье, включающие как общие принципы организации успешной коммуникации, так и специфические нормы и правила, устанавливаемые применительно к семье:

- открытость коммуникации;
- высокая активность коммуникации, обеспечивающая интенсивное обсуждение значимых для членов семьи проблем. Регламент семейной жизни должен предусматривать специальное время и создание ритуалов для возможности такого обсуждения — вечернее совместное чаепитие, разговор с детьми перед сном и т.д.;
- необходимая степень самораскрытия в процессе общения, конгруэнтность общения;
- согласованность представлений о семейном укладе, общность семейных ценностей, адекватность семейного самосознания, согласованная целостность системы «Мы»;
- точность невербальной коммуникации, непротиворечивость вербальных и невербальных сообщений;
- сенситивность к высказываниям партнера, использование техники активного слушания («Ты-сообщений») с обратной связью;
- безоценочность и эмпатическое принятие партнера как условие позитивного развития эмоциональных отношений в семье, создания атмосферы психологической безопасности и гармонизации образа Я партнера;
- проявление любви, взаимной эмпатии и поддержки, уважения партнера, что особенно важно в кризисных периодах жизненного цикла семьи и при возникновении стрессовых, фрустрирующих и проблемных ситуаций;
- формирование семейного языка — определенных, согласованных и легко узнаваемых семейных символов, традиций, норм. Семейный словарь включает особые имена, прозвища, символы значимых событий (годовщины знакомства, первого свидания, объяснения и пр.), шутки, остроты, дразнилки, «приколы», семейные рассказы. Существует согласованный язык взглядов, мимики, жестов, поз. Семейные реликвии — предметы, связанные с определенными «знаковыми» событиями семьи, — также выполняют важную функцию стабилизации семейного общения, взаимодействия и формирования семейного самосознания, задающего нормативность жизни семьи.

Нарушения межличностного общения — одна из наиболее актуальных проблем семейного функционирования. Можно выделить следующие *виды нарушений межличностной коммуникации* в семье: 1) противоречивость вербальной и невербальной коммуникации; 2) возникновение коммуникационных барьеров; 3) манипулирование партнером в процессе коммуникации, злоупотребление управлением коммуникацией (Э. Берн); 4) нарушение и искажение передачи чувств (В. Сатир); 5) «отклоненная» коммуникация; 6) парадоксальная коммуникация; 7) «замаскированная» коммуникация — мистификация (Р. Лэнг); 8) борьба за коммуникационный канал.

Трудности в общении часто возникают из-за низкой коммуникативной компетентности супругов и использования ими высказываний типа коммуникационных барьеров, затрудняющих процесс эффективного общения. Типы неэффективных высказываний включают: приказания, прямое инструктирование; предостережения, угрозы; нотации, морализаторство; советы и разъяснения; логическую аргументацию; прямую негативную оценку; высмеивание, навешивание ярлыков; похвалу; интерпретацию поведения, постановку диагноза; расследование, допрос; утешение, успокаивание; отвлечение внимания, уход от проблемы [Гордон, 1997]. Причинами нарушения межличностного общения в семье также выступают перегруженность информационного канала и требование учета системы опосредующих образов, неадекватность самих опосредующих образов, личностные особенности супругов.

Если трудности общения приобретают хронический характер, возникает так называемая «коммуникационная проблема» [Эйдемиллер, Юстицкис, 1999], связанная с существованием актуальной потребности одного из членов семьи в помощи или содействии партнера и неадекватностью способа передачи информации. Э.Г. Эйдемиллер выделяет три этапа развития коммуникационной проблемы: информационно-дефицитный, этап замещающе-искаженного коммуницирования и поведенчески-коммуникационный. В супружеских отношениях достаточно часто дефицитной информацией, т.е. информацией, передача которой оказывается затруднена, является просьба о подтверждении любви, обращение за эмоциональной поддержкой и сопереживанием. Например, муж испытывает потребность в выражении любви, поддержки со стороны жены, однако обращение с подобной просьбой не согласуется с его представлениями о маскулинности и о себе как сильной личности. На первом, информационно-дефицитном этапе реальная коммуникация заменяется воображаемой, частично невербальной — поведение мужа представляет собой молчание, «сверлящий» и умоляющий взгляд вслед уходящей жене, мысленные призывы. На следующем этапе происходит замещение и искажение информации, поскольку непосредственное выражение супругом своих потребностей диссонирует с его ожиданиями и предписанным сценарием ролевого поведения («когда приходится быть сильным, а хочется быть слабым...»). Например, муж, вместо того чтобы сказать: «Побудь со мной, мне не хватает твоего внимания, и вообще я сегодня устал и чувствую себя жалким», говорит: «Что-то я плохо себя чувствую...» Жена, бросая все, мчится в аптеку и, возвращаясь, обнаруживает «тяжелобольного», почти умирающего полчаса назад мужа развалившимся в кресле перед телевизором. Скандал. Наконец, на поведенческом этапе начинается манипулирование партнером с целью заставить его делать то, что желает носитель «дефицитной информации». В нашем случае муж использует любые средства для того, чтобы заставить жену все время проводить дома рядом с ним (упреки, использование мнения родственников в целях давления и пр.). Отношения катастрофически ухудшаются.

ся, наблюдается потеря взаимного доверия, эскалация конфликта. Исходная потребность так и не удовлетворена, более того, шансов на эмоциональную поддержку и взаимопонимание уже почти не осталось.

«Отклоненная» коммуникация представляет собой односторонний процесс, в котором один из партнеров, по сути, занимает позицию изоляции и молчаливого отказа от коммуникации. Внешне такая коммуникация выступает как монолог вместо диалога, в общении партнеров отсутствует зрительный контакт. Блестящей иллюстрацией отклоненной коммуникации может стать картина совместного ужина, изображенного на картине В. Ван Гога «Едоки картофеля». Вечер, крестьяне собрались за столом за скудным ужином. Казалось бы, совместная трапеза объединяет, едоки вроде глядят друг на друга, однако продолжение линии взгляда легко обнаруживает, что на самом деле *ни один* из них не смотрит на сотрапезника, взгляд каждого из них устремлен в никуда — коммуникация разорвана!

Парадоксальная коммуникация представляет собой передачу по коммуникационному каналу одновременно двух взаимоисключающих сообщений, каждое из которых должно быть воспринято партнером как истинное [Эйдмиллер, Юстицкис, 1999]. Противоречивое сообщение подкрепляется еще и запретом его замечать или комментировать. Например, супруг, вернувшись домой, застаёт заплаканную жену и встревоженно спрашивает: «Что случилось?». Следует ответ со слезами на глазах: «Все в порядке, у меня все хорошо!»

«Замаскированная» коммуникация, или мистификация, часто используется супругами в условиях актуального или хронического семейного конфликта и представляет собой маскирование и затушевывание противоречий и конфликтов в отношениях с целью сохранить статус-кво, не объективировать конфликтную ситуацию. Мистификация состоит в том, что один член семьи отвергает адекватную интерпретацию семейной ситуации, своих чувств и переживаний, предлагаемую партнером.

Борьба за коммуникационный канал выступает как попытка одного из членов семьи установить безусловное доминирование и главенство над партнером в форме стремления сохранить за собой «последнее слово», утвердить первенство и создать ощущение, что именно ему принадлежит право на решение всех семейных проблем независимо от их ранга. В основе подобного нарушения межличностной коммуникации лежит неразрешенная проблема главенства в семье.

Межличностное общение в семье является ключевым моментом ее жизнедеятельности, определяет эффективность ее функционирования и ресурсы роста и развития. Наиболее перспективным направлением работы с дисгармоничной семьей признается оптимизация внутрисемейного общения.

Семейное информационное пространство неоднородно как с точки зрения его содержания, так и открытости для всех членов семьи. «Семейные тайны», или «скелеты в шкафу», включают информацию о криминальных

и этически ненормативных поступках членов семьи, «неестественных» смертях, трагических событиях, психических заболеваниях и других «позорных» болезнях; супружеских изменах; некоторых мотивах и обстоятельствах заключения брака; конфликтах супругов, актах насилия в семье и пр. Доступ к такой семейной информации наиболее ограничен для детей. Информация о многих событиях семейной жизни и истории оказывается для них закрытой или табуированной до достижения ими определенного возраста. Например, под запретом оказывается интимная жизнь родителей, события, которые могут нанести ущерб репутации родителей и других членов семьи [Разумова, 2001].

Распределение ролей и характер общения определяют формы взаимодействия и сотрудничества в семье. С.В. Ковалев [1987, 1988] предлагает следующую классификацию *типов взаимодействия в семье*:

- сотрудничество — гибкое распределение ролей в зависимости от стадии жизненного цикла семьи, конкретной ситуации, индивидуальных особенностей членов семьи; взаимная поддержка и взаимопомощь, высокий уровень эмпатии, готовность *вместе* решать конфликтные ситуации;

- паритетные отношения — союз, основанный на взаимной выгоде и равных правах партнеров. По сравнению с сотрудничеством паритетные отношения характеризуются более низкой степенью эмпатии и взаимопомощи. При разрешении конфликтных ситуаций каждый партнер стремится к личной выгоде, игнорируя интересы семьи как целого. Вместе с тем есть готовность искать компромиссное решение, понимание преимуществ сотрудничества с партнером;

- соревнование — явно выраженное стремление к первенству на фоне сохранения доброжелательности к партнеру. В семье сочетаются, с одной стороны, кооперация на основе решения общих задач, интересов, эмоциональная поддержка, эмпатия, с другой — стремление утвердить свое превосходство в чем-либо — 'в профессиональной деятельности, карьере, претензиях на любовь и уважение детей. Однако самоутверждение осуществляется не за счет унижения партнера, а достижения реального превосходства;

- конкуренция — желание обойти и «подавить» партнера любыми средствами. Превосходство над ним рассматривается как единственный вариант самоутверждения. Отношения супругов окрашены завистью, ревностью к успехам друг друга, ожесточением в борьбе за лидерство и единоличное главенство. Однако и при ярко выраженной конкуренции центростремительные силы обеспечивают сохранение семьи за счет общих задач, интересов и эмоциональной привязанности;

- антагонизм — дисфункциональность и дисгармоничность семьи, несовместимость, противоречивость интересов ее членов, хронический всеобъемлющий конфликт, переходящий в кризис, искажение или утрата эмоциональной привязанности. Как правило, антагонизм интересов и отношений супругов приводит к распаду семьи.

Т.М. Мишина [1987] дополняет приведенную классификацию, выделяя такие виды амбивалентных супружеских отношений, характеризующих дисфункциональную семью, как соперничество, псевдосотрудничество и изоляция. Соперничество отличается частыми открытыми столкновениями супругов, обусловленными несогласованностью семейных ролей и низким уровнем эффективности функционирования семьи; отношения супругов амбивалентны, враждебность соседствует с доброжелательностью. Псевдосотрудничество супругов выглядит как вполне благополучные отношения, забота о партнере нередко преподносится в гипертрофированном варианте. Однако реальной помощи и эмоциональной взаимной поддержки в такой семье нет. Изоляция предполагает дистантные отношения супругов, в которых внешняя согласованность действий сочетается с эмоциональной разобщенностью.

§ 10. Конфликты в семье

Любая семья сталкивается в процессе своей жизнедеятельности с проблемными ситуациями, разрешение которых осуществляется в условиях противоречивости индивидуальных потребностей, мотивов и интересов ее членов. Конфликт определяется как столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений субъектов взаимодействия.

Л.А. Петровская [1982] выделила следующие категориальные основания анализа конфликта: структура, динамика, функции, типология. Структура конфликта характеризуется конфликтной ситуацией (участники и объект конфликта) и' инцидентом (открытое столкновение участников конфликта). В динамике конфликта выделяются этапы: возникновение объективной предконфликтной ситуации; осознание этой ситуации как конфликтной; инцидент; разрешение (завершение конфликта); послеконфликтная ситуация [Анцупов, Шипилов, 1992]. Можно говорить о позитивной (конструктивной) и негативной (деструктивной) функциях конфликта. Конструктивная функция состоит в объективировании источника разногласий и противоречий и создании условий для устранения конфликта, в профилактике стагнации отношений, стимулировании развития отношений и их оптимизации [Донцов, Полозова, 1980].

В современной психологии принято считать, что важно не столько уметь предотвращать конфликты, сколько эффективно их разрешать. Избегание конфликта не снимает проблемы противоречий в семье, а только усугубляет ее, сохраняя депривацию значимых потребностей членов семьи. Конфликт может быть конструктивным и деструктивным, повышать степень сплоченности, ценностно-смыслового единства и эффективности функционирования семьи либо, напротив, усиливать ее дисфункциональность [Петровская, 1982].

Конструктивный конфликт характеризуется следующими признаками:

- проблема разрешается на основе интеграции, компромисса и учета интересов всех членов семьи;
- в результате укрепляются отношения между супругами, улучшается взаимопонимание и возрастает способность эффективно разрешать **новые** конфликты, снижается уровень конфликтности в семье в целом;
- после наступает улучшение эмоционального климата в семье в целом и эмоционального статуса каждого члена семьи: исчезают тревоги, страхи, напряженность.

Деструктивный конфликт, в отличие от конструктивного, характеризуется тем, что:

- проблема не решается — происходит либо полное подчинение одним участником конфликта другого, силовое навязывание своего варианта решения проблемы, либо решается формально, либо наблюдается уход от проблемы — прерывание конфликта (мнимое перемирие) (С.В. Ковалев);
- противоречивость потребностей и интересов сохраняется, потребности члена семьи, вышедшего из конфликта «побежденным», остаются неудовлетворенными;
- в результате возникают эмоциональное отчуждение, дистанцирование, чувство одиночества, тревоги, безысходности (когда конфликты накапливаются); став хронической, такая ситуация может привести к невротизации и депрессии.

Таким образом, конструктивный конфликт — это конфликт, где «нет побежденных и победителей», где выигрывают обе стороны, а деструктивный — это «навязывание победителем своей воли побежденному» [Гордон, 1997].

В зависимости от динамики различают конфликты актуальные, т.е. реализуемые в настоящее время и непосредственно связанные с определенной проблемой, и прогрессирующие, в которых масштаб и интенсивность противостояния участников все более нарастает. Выделяют также привычные конфликты, возникающие по любому поводу и характеризующиеся эмоциональной усталостью партнеров, не прилагающих реальных усилий для их разрешения. За привычными конфликтами, как правило, скрыты глубинные противоречия, подавленные и вытесненные из сознания.

По степени выраженности конфликты могут быть открытыми, явно проявляющимися в поведении и неявными, скрытыми. Последние представляют особую опасность, так как приводят к возникновению коммуникационной проблемы, когда истинная причина конфликта не является предметом обсуждения и часто даже не осознается.

В основе возникновения конфликта лежат причины, определяющие его зону [Петровская, 1982; Сысенко, 1989; Эйдемиллер, Юстицкис, 1999; Ковалев, 1987]:

- неадекватная мотивация брака, когда мотивы вступления в брак лежат вне сферы семейно-брачного союза;
- нарушение ролевой структуры семьи вследствие несогласованности представлений ее членов о семейном укладе, семейных ценностях; различий представлений о супружеских ролях, ролевых ожиданий; конфликтности роли и ролевой перегрузки (например, трудности совмещения женской карьерных целей, задач воспитания детей и функций «хозяйки дома»); некомпетентности выполнения роли и в силу этого недостаточного удовлетворения потребностей членов семьи;
- неразрешенность проблемы семейного лидерства в форме борьбы за него обоих супругов, существования непризнанного лидерства и лидерства за пределами нуклеарной семьи; реализация авторитарно-директивного стиля руководства в форме силового доминирования; неэффективность руководства и управления семьей;
- несогласованность и противоречивость представлений о ценностях, целях и методах воспитания детей;
- дисгармоничность сексуальных отношений, в основе которой в значительном числе случаев лежат более глубокие причины, связанные с нарушениями и искажениями чувства любви;
- нарушения и искажения чувства любви; переживание его утраты; отсутствие или дефицит эмоциональной поддержки и взаимопонимания;
- ограничение возможностей личностного роста, включая проблемы роста профессионального и самореализации каждого из членов семьи; низкая степень подтверждения самооценности Я в рамках семейной системы, ущемление личного достоинства, недостаточное уважение партнерами друг друга;
- осложнение межличностной коммуникации вследствие низкой коммуникативной компетентности и нарушений социальной перцепции, неадекватности образа партнера и характера отношений с ним;
- низкий уровень материального благополучия; стесненные жилищные условия; неэффективное планирование и исполнение бюджета; финансовые разногласия, связанные с преувеличенными материальными потребностями одного из членов семьи, с решением вопроса о вкладе каждого из супругов в семейный бюджет;
- низкий уровень кооперации, взаимопомощи и взаимоподдержки в решении хозяйственно-бытовых проблем семьи, разделении домашнего труда, уходе за детьми и стариками;
- неэффективная система отношений нуклеарной семьи с расширенной семьей вследствие чрезмерной размытости или жесткости границ; неспособность нуклеарной семьи к гибкой реконструкции границ семейной системы, особенно на переходных стадиях ее жизненного цикла;
- неэффективная система взаимодействия между родительской и детской подсистемами, чрезмерная жесткость их границ;

- ревность, супружеская измена;
- отклоняющееся поведение одного из членов семьи (алкоголизм, агрессия и насилие, использование психоактивных веществ, склонность к азартным играм и т.д.);
- несогласованность супружеских представлений об оптимальном режиме проведения досуга, отдыхе, характере отношений и общения с друзьями.

Указанные причины определяют зоны конфликта, которые могут быть соотнесены с основными функциями семьи.

В исследовании М.А. Уисмана, А.Э. Диксона и Б. Джонсона [1997] был проанализирован опыт семейных терапевтов, работающих с супругами. Критериями анализа стали частота проблемных ситуаций, трудности терапии данной проблемы и степень деструктивного влияния неразрешенной проблемы на семью. Наиболее распространенными проблемами в супружеских отношениях за последние десять лет были признаны нарушения общения (87%), борьба за власть и главенство (62%), нереалистические ожидания, предъявляемые к семье и супругу (50%), сексуальные проблемы (47%), неспособность эффективно разрешать семейные конфликты (47%), неудовлетворенность проявлением любви и привязанности супругом (45%), финансовые вопросы (43%), утрата чувства любви (40%), разный взгляд на воспитание детей (38%), серьезные личностные проблемы одного из супругов (38%), конфликт ценностей (35%), ролевой конфликт (32%). Наиболее трудно поддавались терапии утрата чувства любви, алкоголизм, борьба за власть и главенство, личностные проблемы, физическое насилие и агрессия, нарушения общения. По мнению опрошенных психотерапевтов, наиболее разрушительное воздействие и деструктогенный эффект оказывали на супружеские отношения физическое насилие и агрессия, алкоголизм, утрата чувства любви, инцест, нарушения коммуникации и борьба за власть и главенство. Сравнительный анализ показал, что наиболее разрушительные виды деструкции семьи оказываются и наиболее резистентными к терапии, т.е. терапевтический эффект достигается здесь с наибольшим трудом. Обобщение полученных данных позволило проранжировать проблемы семьи с учетом всех трех выделенных показателей — частоты обращений, трудностей терапевтического воздействия и деструктогенного эффекта. В результате наиболее проблемными областями семейных отношений были признаны утрата чувства любви, борьба за власть и главенство, межличностная коммуникация, нереалистические ожидания, предъявляемые к семье и супругу, алкоголизм, физическое насилие и агрессия.

В работе В.П. Левкович и О.Э. Зуськовой [1985], посвященной супружеским конфликтам, исследовались объективно благополучные семьи, т.е. семьи с хорошими материальными и жилищными условиями, в которых алкоголизм, аморальное поведение супругов, измены отсутствовали. Оказалось, что наиболее частой причиной конфликтов в таких семьях было нарушение культуры общения, несоблюдение супругами норм повседневной жизни,

этических норм общения и взаимодействия. На второе место авторы поставили низкий уровень удовлетворения потребностей супругов в защите Я-концепции, ущемление личностного достоинства, недостаток уважения, умаление ценности Я. Третье место разделили две сферы супружеских взаимоотношений — ролевое взаимодействие и информированность о различных сторонах жизни партнера и мире его внутренних переживаний. Конфликты в этом случае возникали из-за несогласованности ролевых ожиданий и неудовлетворенности ролевым поведением партнера, неразрешенности проблемы лидерства и главенства, а также в силу недостатка близости, доверия и взаимопонимания между супругами.

В зависимости от частоты, глубины и характера выраженности конфликтов выделяют кризисные, конфликтные, проблемные и невротические семьи. В кризисной семье противоречия интересов и потребностей супругов охватывают все важные сферы жизнедеятельности семьи, партнеры проявляют враждебность и отсутствие конструктивного подхода к разрешению конфликтов. Конфликтная семья характеризуется постоянством столкновений интересов, однако усилия партнеров направлены на поиск пути разрешения конфликтов. Проблемная семья отличается длительным сохранением ситуации депривации потребностей членов семьи, что находит отражение в высокой готовности к конфликтам и обострении отношений между супругами. Высокий уровень семейной тревоги, эмоциональная напряженность и лабильность, фрустрированность членов семьи характеризуют семью невротическую.

Характеристики семейного конфликта включают инициатора (потенциального инициатора) конфликта, участников конфликта, состав которых может выходить за пределы нуклеарной семьи, способ разрешения (переработки) конфликта, динамику его протекания и результаты.

Поведение участников конфликта весьма разнообразно. Дж. Г. Скотт [1991] выделяет следующие стратегии, различающиеся по степени эффективности разрешения конфликта: доминирование; уход, избегание; уступчивость; компромисс; сотрудничество. Доминирование как стратегия ориентации лишь на собственные интересы при полном игнорировании интересов партнера изначально обречено на неуспех, так как пренебрежение интересами партнера в семье усугубляет ее дисфункциональность. Уход и избегание как отказ от своих интересов в сочетании с неготовностью пойти навстречу интересам партнера приводят к отложенному конфликту и преобразованию его в хронический. Уступчивость как отказ от своих интересов и готовность пойти навстречу партнеру — к хронической фрустрации одного из партнеров, несимметричности отношений, дисбалансу в распределении прав, ответственности, власти, к снижению устойчивости и стабильности функционирования семьи. Достаточно эффективным способом разрешения конфликтов является компромисс между его участниками, сориентированными на поиск взаимоприемлемого решения

проблемы путем взаимных уступок. Сотрудничество как поиск решения, в максимальной степени отвечающего интересам обоих партнеров, не только позволяет успешно преодолеть противоречия, но и способствует личностному росту участников конфликта, повышает общий уровень их коммуникативной компетентности, открывая принципиально новый способ взаимодействия в конфликтной ситуации.

Проблема содержания и динамики переработки конфликта в семье получила подробное и глубокое освещение в концепции позитивной семейной психотерапии Н. Пезешкиана [1993]. Он выделяет четыре основные формы переработки конфликтов: телесную — через ощущение и восприятие; деятельностьную — через разум и деятельность; социально-коммуникативную — через контакты, использование традиций; и общения — через воображение и интуицию. Эффективную переработку конфликта обеспечивают единство и согласованное взаимодействие всех четырех форм. Тело дает верное отражение ситуации; социальные контакты и традиции — возможность воспользоваться мудростью родителей и опытом предшествующих поколений; воображение и интуиция помогают прогнозировать будущее и найти решение; разум и деятельность позволяют воплотить это решение в жизнь. При доминировании одной из форм — телесной, деятельностью, сферы воображения или социальной — неизбежно возникает ограниченность возможностей разрешения конфликта и, как следствие, неэффективность результата.

В случае преимущественной переработки конфликта лишь по одному из «каналов» возникают дисфункциональные нарушения, обнаруживающие себя в определенных симптомах. При доминировании телесных реакций наблюдаются нарушения сна (бессонница или повышенная сонливость), функций питания (анорексия или булимия — невожатержанность в еде, обжорство), сексуальные нарушения (невожатержанность по типу донжуанства, нимфомании или, напротив, отвращение к сексу), а также разнообразные психосоматические расстройства.

При неадекватном превалировании активно-деятельностного способа преобразования конфликтной ситуации наблюдаются варианты ухода от реальной проблемы. В одном случае уход проявляется в феномене бегства в работу, в профессиональную или же какую-либо другую замещающую деятельность — хобби, увлечения, — в другом, наоборот, обнаруживается пассивность, апатия, отказ от деятельности либо ее дезорганизация. Симптомами преобладания этой формы переработки конфликта являются направленность на достижение, результат (синдром отличника), боязнь успеха и боязнь неудачи, проблемы самооценки.

Если преобладает социально-коммуникационная форма переработки конфликта, то также могут наблюдаться две противоположные дезадаптивные стратегии поведения. Первая сводится к социальной гиперактивности, бегству в общение от реального разрешения проблем. Эта стратегия проявляется в стремлении к чрезмерно тесному интенсивному общению, в эмо-

циональной зависимости от группы, неосознанном желании реализовать неудовлетворенную потребность в привязанности, высокой социальной тревожности. По сути, это поверхностное псевдообобщение, таящее в себе опасность некритического использования традиционных стереотипов разрешения конфликтов в приложении к собственной ситуации. Вторая стратегия представляет собой изоляцию и избегание контактов, уход от общения и, как следствие, лишение себя возможности получить социальную поддержку. Проявлениями этой стратегии являются боязнь контактов, аутистические тенденции, предрассудки.

Переработка конфликта посредством воображения, мифотворчества, искусства, фантазии может стать очень эффективным методом, поскольку опирается на творческий подход к разрешению конфликта, расширяет возможности рационального поля решений. Однако воображение, оторванное от разума, деятельности, традиций, телесности, уводит человека в мир мечты и иллюзорного разрешения проблемы, что часто влечет за собой лишь усугубление конфликта.

Н. Пезешкиан выделяет два типа конфликта — базовый и актуальный. Актуальный характеризуется актуальной структурой отношений, однако его генезис и развитие определяются базовым конфликтом. Чтобы понять происхождение и истинные причины актуального конфликта, нужно обратиться к анализу того, как строились отношения в родительской семье каждого из супругов. Базовый конфликт, носителем которого является человек, представляет собой как бы кристаллизацию истории рода. Родовой опыт актуализируется человеком в собственной семье и порождает актуальный конфликт. Образующими структурами базового конфликта являются взаимоотношения личности с родителями и сиблингами; взаимоотношения родителей между собой, представляющие образцы супружеского партнерства; взаимоотношения родителей и социального окружения, дающие модели межличностного взаимодействия, на основе которых выстраиваются подобные отношения в собственной семье; мировоззрение родителей, их жизненная философия и отношение к религии, оказывающие влияние на личностный выбор идеологии, религии, жизненной философии, общего мировоззрения, который определяет семейные ценности и цели; распределение ролей в семье и семейный уклад. Путь к разрешению актуального конфликта в психотерапии лежит через объективирование базового конфликта к выявлению причин и работе с ними в направлении их позитивного переосмысления.

Другим эффективным путем решения конфликтов является модель «семейного совета», предлагаемая Т. Гордоном [1997] для разрешения конфликтов в детско-родительских отношениях, но потенциально столь же эффективная для разрешения супружеских конфликтов. Центральной идеей модели «семейного совета» является тезис о том, что в конфликтной ситуации, какова бы она ни была, какими бы причинами ни была инициирована, не должно быть «победителей» и «побежденных». Автор считает, что выяснение причин

возникновения конфликта, выявление его виновника и инициатора не помогут разрешить проблему, а лишь усугубят ее. Конструктивный подход, по мнению Гордона, состоит в поиске решения проблемы на основе принципа равноправия всех участников конфликта независимо от возраста и ролевой позиции в семье. Незыблемым при этом является правило обязательной приемлемости способа разрешения конфликта для всей семьи.

В модели «семейного совета» выделяются шесть основных этапов разрешения проблемы:

- идентификация и определение конфликта как следствия противоречивости мотивов и интересов членов семьи (объективирование, вербализация и осознание сути конфликта в процессе обсуждения проблемы всей семьей);
- генерирование и регистрация всех возможных альтернатив разрешения проблемы независимо от того, насколько они устраивают участников конфликта. На этом этапе действует правило безоценочного принятия и запрета на критику любых, даже самых невероятных решений;
- обсуждение и оценка каждой из предложенных на предшествующем этапе альтернатив. Правило: альтернатива не принимается, если хотя бы один из участников не согласен. Для оптимизации процесса принятия решения используется, в частности, техника Я-высказываний, позволяющая одним участникам конфликта более четко заявить свою позицию, избежав упреков, обвинений и осуждения со стороны остальных. Гордон указывает, что проблемы часто возникают не в результате пренебрежения интересами членов семьи или их отвержения, а просто из-за недостаточного понимания их потребностей и мотивов. Если в процессе группового обсуждения всего арсенала выдвинутых предложений ни одно из них не принимается, то обсуждение продолжается до тех пор, пока не будет найдено решение, устраивающее всех;
- выбор лучшего приемлемого для всех членов семьи решения проблемы;
- выработка путей реализации решения; составление конкретного плана его исполнения, включая ответственность и обязанности каждого из участников, их действия, условия выполнения с точностью до деталей;
- определение критериев оценки результата семейного договора, форм и способов контроля и оценки.

На двух последних этапах особое значение приобретают объективирование договора в письменном виде, четкость и конкретность определения последовательности и содержания действий каждого члена семьи.

«Семейный совет» является достаточно эффективной формой работы с семейными проблемами, даже если в основе конфликта лежат глубинные причины, которые при реализации модели «семейного совета» не становятся предметом анализа и переосмысления, как, например, в позитивной семейной психотерапии Пезешкиана. Успех работы «здесь-и-теперь» определяется тем, что история семьи — это не только опыт рода и родительской семьи, но и опыт, создаваемый в актуальных супружеских и детско-родительских отношениях. Технология «семейного совета» рождает новый, уни-

кальный опыт уважения партнера и бережного отношения к его потребностям и интересам, опыт, который меняет характер взаимоотношений в семье, улучшает эмоциональное взаимопонимание, содействует более полному удовлетворению потребностей всех ее членов и тем самым улучшает качество функционирования семьи в целом. Такая практика разрешения проблемных ситуаций активизирует способности личности к самостоятельному выходу из конфликтов. Преимуществом метода «семейного совета» является и то, что он требует значительно меньше времени и трудозатрат, чем психотерапевтическая работа с семьей.

§11. Сплоченность семьи

Сплоченность семьи как интегративная характеристика ее функционирования включает два момента: во-первых, степень эмоциональной близости или привязанности членов семьи друг к другу; во-вторых, сформированность семейного самосознания, когнитивным аспектом которого является образ «Мы», а аффективным — чувство «Мы». В психологии семьи существуют различные подходы в определении сущности и механизмов формирования сплоченности семьи [Эйдемиллер, Юстицкис, 1999].

В рамках механистического атомистического подхода развивается «балансная концепция» сплоченности, оперирующая понятием баланса «проемьных» и «антисемьных» сил. Предполагается, что у каждого члена семьи есть центростремительные («за семью») и центробежные («против семьи») мотивы. Простой арифметический баланс этих сил определяет степень стабильности семьи. Например, если ребенок является объединяющим центром семьи, т.е. мотивы воспитания определяют баланс сил в пользу сохранения семьи и сплочения ее на основе воспитания детей, то в тот момент, когда функция воспитания себя исчерпает, возможен распад семьи. Возражения против теории баланса сил сводятся к двум основным аргументам: во-первых, в действительности мотивы достаточно трудно оценить по критерию их центростремительности/центробежности, что чревато произвольностью их толкования; во-вторых, в рамках данного подхода каждый член семьи рассматривается как изолированный элемент, системный характер семьи во внимание не принимается, не рассматривается взаимодействие отдельных подсистем.

Концепция совместимости ставит сплоченность семьи в зависимость от сходства и различий в мировоззрении, ценностно-смысловой сфере, компетентности ее членов. Высокая степень сплоченности семьи обеспечивается единством ценностей, мировоззрения и семейных представлений (взглядов на семейный уклад, распределение ролей и главенство) в сочетании с комплементарностью в отношении компетентности ее членов (знаний, умений, навыков). Признавая безусловные достоинства данного подхода, в

частности рассмотрение семьи как целостной системы и учет влияния семьи родительской на формирование сплоченности нуклеарной семьи, следует указать на известную противоречивость теоретических положений этой концепции эмпирическим данным. Например, достаточно часто комплементарные семьи оказываются деструктивными, не обнаруживая сплоченности, или, напротив, обнаруживают высокую ее степень вкуче с эффективностью функционирования, не будучи комплементарными.

Весьма интересной и психологически обоснованной представляется концепция «коллективистической идентификации» как механизма семейной интеграции, развиваемая А. В. Петровским [1982]. В основе сплоченности, по мнению автора, лежат два социально-психологических механизма. Первый из них — механизм эмоциональной идентификации с семьей (по принципу «боль семьи—моя боль») предполагает наличие у членов семьи высокой степени развития эмпатии, способности к взаимопониманию, сопереживанию и сочувствию. Степень сплоченности семьи в значительной мере определяется преобладанием в ней отношений симпатии и положительных эмоций, что позволяет нейтрализовать эмоциональную напряженность, дистресс и фрустрацию. Вторым механизмом является механизм «общности семейной судьбы»: личность связывает свои жизненные планы, свое благополучие и возможности личностного саморазвития именно с семьей. Указанные механизмы групповой идентификации дополняют друг друга. Важным условием развития сплоченности семьи является гармоничность сочетания образа «Мы» (семья) и образа «Я».

Необходимым условием интеграции и сплоченности семьи считается также супружеская совместимость. Можно выделить три основных подхода к проблеме супружеской совместимости: структурный, функциональный и адаптивный [Обозов, Обозова, 1984]. В рамках *структурного подхода* под совместимостью супругов подразумевается соответствие личностных и индивидуально-типологических характеристик партнеров. Причем совместимость может предполагать и сходство характеристик, и их различие вплоть до контраста, но такие параметры, как ценностные ориентации, социально-психологические, коммуникативные установки, мотивы, интересы, в случае совместимости супругов должны быть сходны. В то же время определенные типологические особенности (например, свойства нервной системы) могут сочетаться по контрасту. Сходные и контрастные характеристики должны в совокупности обеспечивать устойчивую и эффективную структуру взаимодействия супругов.

Функциональный подход рассматривает психологическую совместимость супругов как меру согласованности их ролевых моделей поведения, обеспечивающую высокую эффективность функционирования семьи, удовлетворения потребностей ее и всех ее членов.

Адаптивный подход интерпретирует совместимость супругов как позитивные межличностные их отношения, хорошее взаимопонимание и эффек-

тивное общение. Совместимость означает толерантность, высокую степень терпимости к особенностям поведения и личности друг друга, готовность принимать супруга таким, какой он есть. Супружеская совместимость характеризуется степенью супружеской адаптации и взаимного приспособления [Антонов, 1998].

Показателями степени супружеской совместимости могут выступать: 1) согласованность семейных ценностей; 2) согласованность ролевых ожиданий в отношении целей и ролевых моделей поведения супругов; 3) совпадение взаимных оценок супругов выполнения каждым из них своих семейных ролей; 4) принятие личностных и поведенческих особенностей партнера, готовность учитывать их в сотрудничестве.

Антиподом совместимости считают несовместимость супругов, отличающуюся особенностями которой являются отчуждение и «психическое насыщение» друг другом.

Задача обобщения теоретических представлений о сплоченности семьи как системы была поставлена в рамках циркулярной модели Д. Олсона [Olson, 1993], выделяющей два параметра оценки сплоченности семьи: 1) пластичность, гибкость в управлении семейной системой, распределении ролей, правил и норм, регулирующих отношения членов семьи; 2) эмоциональность взаимоотношений, степень эмоциональной близости партнера.

В зависимости от степени пластичности руководства и управления семейной системой Олсон различает ригидную, структурированную, гибкую и хаотичную структуру. Ригидная ролевая структура характеризуется жесткой централизацией функций, единоличным главенством и иерархической системой управления, что не позволяет эффективно разрешать проблемы семьи, особенно при переходе ее на новую стадию жизненного цикла. Структурированная (скоординированная) семейная система характеризуется нарастанием демократических тенденций управления, установлением ролевой структуры и системы правил с учетом мнений членов семьи. Однако структурированная система еще не обладает необходимой степенью гибкости и пластичности, что влечет возрастание конфликтности при изменении ролевой структуры семьи. Набор регулирующих роли норм и правил жесткий и достаточно медленно подвергается корректировке в случае необходимости. Гибкость семейной системы основывается на демократическом стиле руководства: равноправии, эгалитарности либо участии всех членов семьи в распределении ролей и обязанностей. В соответствии с возникновением новых задач и функций в семье легко меняются как роли, так и регулирующие их правила. Хаотичная семейная система определяется неустойчивым руководством, неопределенностью распределения ответственности и обязанностей между членами семьи. Роли четко не определены, ролевая структура не установлена. Функционирование семьи в целом характеризуется сиюминутностью, «полевым» поведением, несбалансированностью. Хаотичность обычно возникает в кризисные, переломные моменты развития семейной системы.

В зависимости от степени эмоциональной близости можно говорить об эмоциональной разобщенности, раздельности (дистантности), связанности, чрезмерной эмоциональной вовлеченности («спутанности»). Эмоциональная разобщенность характеризуется значительной дистанцией между членами семьи, низкой заинтересованностью друг в друге. Причинами разобщенности могут быть нарушения чувства любви, боязнь близких отношений, невротический страх быть нелюбимым, несформированность самой потребности в общении, неадекватные типы тревожной привязанности («избегающий» тип). Раздельность (дистантность) предполагает наличие эмоционального принятия, любви при сохранении значительной дистанции во взаимодействии и высокой степени эмоциональной автономии. Связанность рассматривается как оптимальный уровень надежной эмоциональной связи, характеризующейся эмоциональной близостью, высокой степенью эмпатии по отношению к партнеру, дистанцией эмоционального взаимодействия. Принципиальное отличие эмоциональной связанности от симбиоза является высокая степень личностной дифференцированности партнеров, когда каждый выступает и воспринимается партнером как автономный самостоятельный субъект. Чрезмерная эмоциональная вовлеченность, эмоциональная «спутанность», «склеенность» характеризуются наличием очень интенсивных, часто невзаимных, несимметричных отношений. Нет четких границ личности в эмоциональном взаимодействии.

Пересечение двух избранных критериев (характера эмоциональной связи и гибкости управления семейной системой) образует континуум типов семей, различающихся по степени сплоченности. Полярность характеристик семьи по каждому критерию (измерению) определяет низкую степень сбалансированности семейной системы и является показанием для осуществления психологической и психотерапевтической помощи семье, собственные ресурсы которой, как правило, оказываются уже недостаточными. На протяжении жизненного цикла семьи уровень ее сплоченности изменяется в связи с возникновением новых задач, необходимостью принятия новых членов и изменения границ семейной системы. Например, рождение ребенка в семье, стимулирующее традиционализацию функций, приводит к изменению сбалансированности и сплоченности от гибкой раздельности (в период беременности) к хаотичной связанности (сразу после рождения ребенка) и к ригидной связанности (на протяжении первого года жизни ребенка).

§ 12. Субъективная удовлетворенность браком

Субъективная удовлетворенность браком, являясь эмоционально-оценочным отношением супругов к семье, далеко не всегда соответствует объективному уровню эффективности ее функционирования. Ее можно предста-

вить по аналогии с известной формулой У. Джемса, раскрывающей содержание самооценки личности как отношение реальных достижений к ожидаемым. Тогда субъективная удовлетворенность браком будет определяться как отношение реальности выполнения партнером своих обязательств к ожидаемым, а причинами низкого уровня субъективной удовлетворенности браком будут либо неудовлетворенность адекватных потребностей супругов, либо нереалистические, чрезмерно завышенные ожидания в отношении брака и партнера. В случае низкой субъективной удовлетворенности браком корректировать надо либо реальное ролевое поведение и межличностную коммуникацию, либо ожидания супругов, особенно если они неадекватно завышены. Например, если молодые супруги не изменяют своих чрезмерно восторженных и нередко «оторванных от жизни» представлений о семейной жизни, зачастую предвещающих вступление в брак, на более реалистические, не сумеют начать «работать над собой», не попытаются изменить партнера, то их ждет разочарование, крушение иллюзий. О. Уайльд писал, что мужчины женятся от скуки, женщины — из любопытства, но в конце концов и те и другие испытывают разочарование.

Низкая субъективная удовлетворенность браком характеризуется разной степенью ее осознания. В случае осознанной неудовлетворенности браком супруг открыто заявляет о своем желании что-то изменить в супружеских отношениях, семейном укладе, распределении ролей, переживании чувства ненужности, обиды, несправедливости. Если неудовлетворенность браком недостаточно осознанна, существует в форме «тлеющей» неудовлетворенности [Эйдемиллер, Юстицкис, 1999], то жалобы выражаются в форме переживаний страхов, тревоги, неуверенности, чувства фрустрации.

Субъективная удовлетворенность браком может быть полной, когда супругов полностью устраивает сложившаяся модель семейной жизни и отсутствует желание что-либо изменить, и частичной, когда есть направленность на изменение каких-либо аспектов семейной ситуации.

К факторам, влияющим на степень субъективной удовлетворенности браком, относятся стадия жизненного цикла семьи, супружеский стаж, сходство ценностей у супругов, их пол, трудовая занятость, наличие в семье детей.

Существует связь между стадией жизненного цикла семьи и степенью субъективной удовлетворенности браком: минимальная удовлетворенность браком наблюдается в семьях с детьми младенческого возраста, максимальная — до рождения детей. Субъективная удовлетворенность браком снижается в переходные периоды жизненного цикла семьи и в семьях с маленькими детьми.

Изучение зависимости субъективной удовлетворенности браком от стажа супружеской жизни обнаружило сложную нелинейную зависимость [Алешина, 1987]. По данным исследования Х. Фелдман, Г. Спаниел и др., динамика изменения степени субъективной удовлетворенности браком может быть отобразена с помощью U-образной кривой. На начальных стади-

ях супружества удовлетворенность достаточно высока, на средних — резко падает, а на стадии 18—20 лет вновь растет. Возможными причинами возрастания удовлетворенности браком на поздних стадиях супружества являются «когортный эффект», возрастно-психологические особенности супругов, расширение сфер самовыражения родителей после завершения выполнения функции воспитания детей, проявляющееся в реализации вне-семейных карьер — в профессиональной, социальной деятельности, увлечениях, хобби, — на что раньше времени у супругов просто не хватало. «Когортный эффект», в частности, состоит в том, что к моменту изучения степени удовлетворенности браком выборка пожилых пар качественно изменяется — дисгармоничные семьи распадаются, удельный вес гармоничных в выборке увеличивается. Такие возрастно-психологические особенности пожилых людей, как социальная конформность и стремление к социально-желательным оценкам своей жизни («жизнь прожили хорошо»), актуализация защитных механизмов (рационализация — «если мы прожили столько лет, значит, мы были хорошей семьей», вытеснение, отрицание и др.), отрицание самой возможности развода в преклонном возрасте, обуславливают тенденцию восприятия пожилыми людьми своего брака успешным. Кроме того, страх одиночества в пожилом возрасте заставляет более внимательно и терпимо относиться к партнеру, ориентироваться на него, что объясняет большую близость и умение разрешать возникающие проблемы более эффективно, чем раньше.

Ценностное единство оказывается значимым фактором для субъективной удовлетворенности браком лишь при условии длительного семейного стажа — более 25 лет.

Тендерные различия проявляются в более высокой степени удовлетворенности браком у мужчин, чем у женщин [Rhyne, 1981].

Наличие детей в семье положительно влияет на степень субъективной удовлетворенности браком. Исследование влияния ухода взрослых детей из семьи на удовлетворенность браком показало, что «синдром пустых гнезд», проявляющийся в эмоционально-негативном паттерне переживания «утраты смысла жизни», наблюдается лишь в том случае, когда прекращение выполнения воспитательной функции порождает жизненную пустоту (родители не работают, нет значимых интересов, низкий уровень образования), супруги давно далеки друг от друга и не имеют общих «точек соприкосновения» и интересов, а отношения взрослых детей и родителей дистантны или конфликтны. Известно также, что исполнение матерями ролей бабушек в семьях взрослых детей значительно повышает уровень их субъективной удовлетворенности браком (Дж. Робертсон). Родительство уменьшает вероятность возникновения депрессии и ее выраженность, снижает уровень заболеваемости и смертности.

Важным фактором субъективной удовлетворенности браком является трудовая занятость жены. Обнаружено, что работающие женщины в том

случае, когда мотивация профессиональной деятельности выходит за пределы чисто утилитарно-прагматической, обнаруживают более высокий уровень субъективной удовлетворенности браком, чем неработающие жены-домохозяйки [Крайг, 2000]. Причины этого феномена исследователи усматривают в удовлетворении мотива самореализации в профессиональной деятельности, повышающей уровень самоуважения и самопринятия женщин, и в возможности получить эмоциональную поддержку у коллег по работе, развернуть широкую сеть социальной поддержки и помощи.

Важным предиктором степени удовлетворенности браком являются стратегии совладающего поведения (копинга), используемые супругами при решении семейных проблем. Было показано, что позитивный подход, направленный на конструктивное разрешение проблем, и переговоры повышают уровень субъективной удовлетворенности браком, в то время как другие формы копинга — конфронтация, уход, избегание, настаивание на своих интересах, конфликт, подчинение и селективное игнорирование — приводят к снижению степени удовлетворенности браком. В исследовании Ж. Бушара [см.: Carter, McGoldrick, 1988], сочетающем метод «поперечных срезов» и лонгитюд, было изучено более 500 супружеских пар. Полученные результаты обнаружили существенные гендерные различия в стратегиях копинга при столкновении с семейными проблемами. Во-первых, оказалось — вопреки традиционным представлениям, будто женщинам свойственны более пассивные стратегии, — что на самом деле мужчины чаще используют стратегии отрицания и ухода, в то время как оба супруга в равной степени прибегают к стратегиям проблемно-фокусированным. Вместе с тем не было выявлено существенных различий в общем соотношении эффективных и неэффективных стратегий копинга между мужчинами и женщинами. Во-вторых, были установлены гендерные различия в характере связи между использованием стратегии копинга и удовлетворенностью браком. Например, у мужчин использование стратегии отрицания негативно сказывается на степени удовлетворенности браком, а у женщин нет. Полученные в исследовании результаты свидетельствуют также о необходимости учета соотношения копинговых моделей партнеров, взаимодействие которых определяет в конечном счете эффективность разрешения проблем семьи.

Характер профессиональной деятельности женщины, обеспечивающий для нее «независимую» от семьи сферу самовыражения и дружеского общения, повышает уровень удовлетворенности браком у обоих супругов.

§ 13. Дисгармоничные (дисфункциональные) типы семей

К дисгармоничным относят семьи, в которых в силу нарушения различных аспектов семейного функционирования систематически не удовлетворяются базовые потребности членов семьи и не реализуются основные ее задачи,

специфические для каждой стадии жизненного цикла. Известны различные подходы к классификации дисфункциональных семей [Olson, 1993; Личко, 1989; Эйдемиллер, Юстицкис, 1999; Столин, 1986; Черников, 1998].

На основании характера эмоциональных связей, степени гибкости и пластичности управления семьей, а также характера взаимодействия семейных подсистем Д. Олсон выделяет несколько типов дисфункциональных структур семьи:

- несбалансированная семья, характеризующаяся разобщенностью либо чрезмерной эмоциональной связанностью, ригидностью или хаотичностью;
- коалиционная семья, т.е. семья, в которой в рамках подсистем или в отношениях подсистем возникают коалиции, находящиеся в конфронтации, противостоянии, антагонизме друг с другом и нарушающие баланс и функционирование семьи в целом. Коалиции могут быть открытыми, или межпоколенными (образуются в результате объединения членов семьи, принадлежащих к разным поколениям), и скрытыми. Межпоколенные коалиции — противостояния внутрисемейных групп по типу «родитель и ребенок против второго родителя», «прародитель и ребенок против родителей», «родитель и прародитель против второго родителя» (известные противостояния тещи и жены против мужа и свекрови и мужа против жены!) и т.д. В отличие от открытых, скрытые коалиции внешне солидарны, однако реальные отношения строятся по принципу скрытой враждебности и противостояния. Для скрытых коалиций типичны коммуникационная проблема и нарушения межличностного общения, в котором четко выделяются два плана: внешний, соответствующий социальным ожиданиям, и подтекст, раскрывающий подлинный характер взаимоотношений членов семьи;
- коалиционная семья, основой стабилизации которой является приписывание патологизирующей роли одному из членов семьи, получившему в семейной психотерапии название «идентифицированного пациента», носителя дисфункции семьи. Коалиция выполняет в таком случае важную функцию сплочения и сохранения целостности семьи;
- дисгармоничная семья с аутсайдерами, чей социометрический статус крайне низок;
- семья с «перевернутой иерархией», характеризующаяся инверсией ролей. Например, за ребенком закрепляется статус родителя.

А.Е. Личко [1989] определяет гармоничную семью как семью, характеризующуюся теплой эмоциональной привязанностью, отсутствием конкуренции и противостояния, эффективным выполнением ролевых обязанностей и демократическим управлением без узурпации власти. Что касается дисгармоничных семей, то здесь можно говорить о таких вариантах, представляющих собой последовательность нарастания дисфункциональности семьи на пути к распаду, как собственно негармоничная семья, деструктивная, распадающаяся и распавшаяся. Еще одним особым вариантом дисгармоничной семьи является ригидная псевдосолидарная семья.

Собственно негармоничную семью отличает «семейный перекосяк» как доминирование в семье отношений власти—подчинения; эмоциональная зависимость и несимметричность эмоциональных отношений; игнорирование одним из членов семьи своих обязанностей и функций, связанных с семейной ролью, в ущерб интересам других членов семьи; отсутствие сотрудничества, партнерства, взаимопомощи. Важной особенностью негармоничной семьи является фактическое неравноправие, отношения принуждения: одни (один) члены семьи как бы «эксплуатируют» возможности других, ограничивая их личностный рост.

Функционирование деструктивной семьи порождает семейные проблемы и конфликты. Такой семье свойственны неравномерность и не взаимность эмоциональных привязанностей; чрезмерная автономия и независимость членов семьи; отсутствие сотрудничества и взаимопомощи в решении проблем.

Ригидная псевдосолитарная семья сохраняет внешнее благополучие, сплоченность и видимость успешного выполнения своих функций: достаток в семье, налаженный быт, забота о детях. Однако за внешней благостной картиной обнаруживается отсутствие или дефицит сущностных характеристик семьи — эмоциональной теплоты, поддержки, эмпатии, демократичности управления; отношения власти строятся по жесткому типу доминирования — подчинение; имеет место высокая степень ригидности семьи в регламентации норм и правил поведения ее членов, включая строгие санкции за их невыполнение. Отношения в семье строятся не на основе любви — привязанности, а зависимости и подчинения. Ригидная псевдосолитарная семья может сохранять стабильность достаточно долго, поскольку члены ее в силу неудовлетворенности потребности в любви и эмоциональном взаимопонимании испытывают постоянную высокую тревожность, вынуждающую их подчиняться властному давлению главы семьи взамен на обретение определенной стабильности и чувства безопасности.

Еще два типа семьи представляют, по сути, две последовательные стадии ее распада: распадающаяся и распавшаяся семья.

Распадающаяся семья характеризуется хроническим состоянием высокой конфликтности, захватывающей все более широкую область ее жизнедеятельности; прекращением выполнения членами семьи широкого спектра ролевых обязанностей и функций. Зачастую «единство» семьи сохраняется лишь за счет общей жилплощади, вынуждающей супругов жить вместе, и отсутствия юридического оформления прекращения брака.

Распавшаяся семья — это семья, осуществившая юридическое прекращение брака и фактическое разделение супругов. Однако даже оформившая развод семья сохраняет определенные функции, например воспитания детей или материальной поддержки детей и бывших супругов.

На фоне определения типов дисгармоничных семей особое значение приобретает вопрос о том, каким требованиям должна отвечать гармоничная семья. Всестороннее ее описание представлено в работе Ф. Уолша [Walsh, 1996]. Мо-

дель эффективной гармоничной семьи включает несколько базовых элементов, соответствующих ключевым аспектам функционирования семейной системы:

- разделенное членами семьи семейное самосознание, основанное на близких эмоционально-позитивных отношениях заботы и взаимопомощи («Мы — одна семья», а не «Я в семье»). Характер семейного самосознания определяет то, как личность строит свои отношения с другими членами семьи;
- уважение автономии и индивидуальных различий, учет интересов и потребностей, обеспечивающих успешное развитие и хорошее самочувствие членов семьи, включая все поколения от самых молодых до старых;
- взаимоуважение, поддержка, равное распределение прав и обязанностей между супругами;
- эффективное авторитетное родительство и детско-родительские отношения, обеспечивающие защиту и безопасность ребенка; процесс воспитания и социализации ребенка на основе уважения и принятия его прав; поддержку другим уязвимым членам семьи;
- наличие адекватных ресурсов, обеспечивающих экономическую безопасность, психологическую и социальную поддержку семьи в контексте расширенной (прародительской) семьи, социальной группы (друзья, знакомые, коллеги), системы социальных институтов (общество в целом). Поскольку семья испытывает нужду в поддержке извне, особенно в переходные, кризисные периоды своего развития и в период ненормативных кризисов, очень важное значение для ее жизнестойкости и толерантности приобретает социальная политика государства;
- организационная стабильность, характеризующаяся ясностью, последовательностью и предсказуемостью моделей поведения и взаимодействия в рамках семьи;
- адаптивность как гибкость и готовность к изменениям в соответствии с внешними требованиями и внутренними запросами; адаптивность к нормативным и ненормативным кризисам жизненного цикла семьи; адаптивность в направлении готовности справляться со стрессами и высокой эмоциональной напряженностью в семье за счет эффективной реализации психотерапевтической ее функции;
- открытость коммуникации, характеризующаяся четкостью и ясностью правил и ролевых ожиданий (опосредующие процесс коммуникации образы должны быть достаточно ясными). Цель коммуникации — обеспечить возможность свободного выражения чувств эмпатии, эмоциональной поддержки, преобладание позитивного эмоционального фона;
- эффективное разрешение проблем и конфликтов;
- разделенная система убеждений и ценностей в рамках всех сосуществующих поколений семьи, обеспечивающая доверие, близость и возможность успешно разрешать проблемные ситуации.

Уолш указывает, что все выделенные базовые элементы составляют целостную систему, где характеристики каждого из них находятся в неразрыв-

ной связи и взаимодействии с остальными, определяя общую эффективность функционирования семьи. Степень выраженности элементов и их конкретные характеристики определяются также видом семьи (нуклеарная, расширенная, семья с приемными детьми, гомосексуальная, двухкарьерная и т.д.) и стадией ее жизненного цикла (семья супругов без детей, семья с подростками, стареющие родители и молодой одинокий взрослый и пр.). Вместе с тем каждая семья уникальна и исключительна в выборе своего собственного пути достижения гармонии и баланса. Перефразируя Л.Н. Толстого, можно сказать: «Все счастливые семьи счастливы по-своему!»

Вопросы и задания

1. Каковы основные характеристики семьи как системы?
2. Какие компоненты любви выделяются в различных ее теориях (Э. Фромм, Р. Мэй, Р. Стернберг)?
3. Назовите основные критерии типологии любви и приведите примеры ее классификаций.
4. Какое отражение находят функции семьи в ее ролевой структуре?
5. Что определяет главенство в семье?
6. Какие виды главенства улучшают функционирование семьи? Какие дезорганизуют? Почему? Приведите примеры.
7. Чем различаются конвенциональные и межличностные семейные роли?
8. Дайте определения «ролевого конфликта» и «ролевой перегрузки» в семье. Соотнесите эти понятия и приведите примеры.
9. Каковы критерии оценки эффективности ролевой структуры семьи?
10. Как связаны sibлинговые позиции супругов (порядок рождения в родительской семье) и ролевая структура семьи?
11. Каковы генезис и причины устойчивости патологизирующих ролей в семье?
12. В чем сходство и различия семейного самосознания и семейных мифов? Приведите примеры.
13. Каковы причины и условия формирования семейных мифов?
14. Каким требованиям должна удовлетворять эффективная семейная коммуникация?
15. Чем обусловлены нарушения коммуникации в семье?
16. Можно ли избежать конфликтов в супружеских отношениях? Аргументируйте свой ответ.
17. Назовите наиболее частые причины семейных конфликтов? Оцените возможности предупреждения таких конфликтов и сформулируйте соответствующие профилактические рекомендации.
18. Какие стратегии и способы разрешения конфликтов вам известны? Дайте оценку эффективности каждой из стратегий. Какие стратегии в семейной жизни используете вы сами?
19. Сформулируйте основные принципы и правила работы «семейного совета». Покажите на конкретном примере, как должна строиться работа с конфликтом по этому методу?
20. В какой степени супружеская совместимость влияет на сплоченность семьи?
21. От чего зависит субъективная удовлетворенность браком? Оцените вклад каждого фактора и обоснуйте свой ответ.
22. Можно ли считать гармоничной семью с выраженной асимметричностью эмоциональных отношений между ее членами? Обоснуйте свой ответ. Назовите типы дисгармоничных семей.
23. Каковы психологические особенности функционирования гармоничной семьи?
24. Сформулируйте основные задачи психологической помощи семье, испытывающей трудности в своем функционировании.

Глава 3

ДЕГСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 1. Семья как институт первичной социализации ребенка

Важнейшая социальная функция семьи — воспитание подрастающего поколения. Семья в современном обществе рассматривается как институт первичной социализации ребенка. Родительство имеет социокультурную природу и характеризуется системой предписанных культурой и обществом норм и правил, регулирующих распределение между родителями функций ухода за детьми и их воспитания в семье; определяющих содержание ролей, модели ролевого поведения. Родители несут ответственность перед обществом за организацию системы условий, соответствующих возрастным особенностям ребенка на каждой из ступеней онтогенеза и обеспечивающих оптимальные возможности его личностного и умственного развития [Кон, 1988]. В истории родительства все более явной становится тенденция возрастания значения института семьи. Прежде ответственность за воспитание ребенка возлагалась на общество, в то время как индивидуальное родительство охватывало лишь относительно непродолжительный период детства ребенка до начала вступления его в трудовую деятельность или начала выполнения им социальных функций, но с изменением задач социализации ребенка в рамках семейного воспитания на каждой из возрастных стадий его развития претерпевают изменения также конкретные формы и средства воспитательных воздействий, характер отношений ребенка с родителями.

Главными задачами семьи являются формирование первой социальной потребности ребенка — потребности в социальном контакте (М.И. Лисина), базового доверия к миру (Э. Эриксон) и привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт) в младенчестве; формирование предметно-орудийной компетентности в раннем возрасте и социальной компетентности в дошкольном, сотрудничество и поддержка в освоении системы научных понятий и осуществлении самостоятельной учебной деятельности в младшем школьном возрасте; создание условий для развития автономии и самосознания в подростковом и юношеском возрасте. Эмоциональная насыщенность и эмоционально-позитивный характер межличностных отношений, устойчивость, длительность и

стабильность взаимодействия с партнером, совместная деятельность и сотрудничество со взрослым как образцом компетентности, социальная поддержка и инициирование к самостоятельной деятельности делают семью уникальной структурой, обеспечивающей наиболее благоприятные условия для личностного и интеллектуального развития ребенка.

§ 2. Основные характеристики детско-родительских отношений

Детско-родительские отношения составляют важнейшую подсистему отношений семьи как целостной системы и могут рассматриваться как непрерывные, длительные и опосредованные возрастными особенностями ребенка и родителя отношения. Детско-родительские отношения как важнейшая детерминанта психического развития и процесса социализации ребенка могут быть определены следующими параметрами:

- *характер эмоциональной связи*: со стороны родителя — эмоциональное принятие ребенка (родительская любовь), со стороны ребенка — привязанность и эмоциональное отношение к родителю. Особенностью детско-родительских отношений по сравнению с другими видами межличностных отношений является их высокая значимость для обеих сторон;

- *мотивы воспитания и родительства*;

- *степень вовлеченности* родителя и ребенка в детско-родительские отношения;

- *удовлетворение потребностей* ребенка, забота и внимание к нему родителя;

- *стиль общения* и взаимодействия с ребенком, особенности проявления родительского лидерства;

- *способ разрешения проблемных и конфликтных ситуаций*; поддержка автономии ребенка;

- *социальный контроль*: требования и запреты, их содержание и количество; способ контроля; санкции (поощрения и подкрепления); родительский мониторинг;

- *степень устойчивости и последовательности* (противоречивости) семейного воспитания.

Интегративные показатели детско-родительских отношений:

- *родительская позиция*, определяемая характером эмоционального принятия ребенка, мотивами и ценностями воспитания, образом ребенка, образом себя как родителя, моделями ролевого родительского поведения, степенью удовлетворенности родительством;

- *тип семейного воспитания*, определяемый параметрами эмоциональных отношений, стилем общения и взаимодействия, степенью удовлетворения потребностей ребенка, особенностями родительского контроля и степенью последовательности в его реализации;

• *образ родителя как воспитателя и образ системы семейного воспитания у ребенка.* Этот показатель стал предметом научного исследования и широкого обсуждения сравнительно недавно. Возникновение интереса к изучению позиции ребенка в системе детско-родительских отношений обусловлено тем, что ребенок, как и родитель, является их активным участником. Изменение воспитательной парадигмы от отношения к ребенку как объекту воспитания к гуманистической установке — ребенок как субъект воспитания и равноправный участник отношений, произошедшее в последней четверти XX в. в общественном сознании, является основой пересмотра концепта детско-родительских отношений в сторону все большего учета позиции самого ребенка как активного творца этих отношений.

Роль образа родителя и ребенка в детско-родительских отношениях состоит в ориентировке в указанной системе отношений с целью достижения согласованности и сотрудничества в решении задач совместной деятельности и обеспечении необходимых условий гармоничного развития ребенка. Особенности интеграции образов родителя и ребенка в детско-родительских отношениях исследуются в работах Л.И. Вассермана [1995], Г.Т. Хоментаускаса, Е.О. Смирновой [2001], В.В. Абраменковой [2000], О.А. Карабановой [2001, 2002], И.М. Марковской [1999].

§ 3. Характер эмоциональных отношений

Родительская любовь

Эмоциональная сторона детско-родительских отношений в значительной степени предопределяет благополучие психического развития ребенка и реализацию воспитательного потенциала родительства как социального института. Эмоциональное отношение к партнеру у родителей и ребенка в контексте их отношений имеет различное происхождение, психологическое содержание и динамику развития. Если применительно к супружеским отношениям можно говорить о принципиальном равенстве партнеров — как в отношении генезиса, так и развития и реализации эмоциональной связи, — то в случае детско-родительских отношений природа детской и родительской любви оказывается различной. Эмоциональное отношение родителя к ребенку квалифицируется как феномен родительской любви (Э. Фромм), причем в современной психологии четко разделяют эмоциональное отношение к ребенку матери и отца, выступающее как материнская или отцовская любовь. Наряду с понятием родительской любви используется термин «принятие» (А. Рое, М. Сегелман, А.И. Захаров, Д.И. Исаев, А.Я. Варга), характеризующий аффективную окраску отношения родителя к ребенку и признание его самооценности. Эмоциональная близость (В.В. Столин) определяет аффективный знак отношения (симпатия — антипатия) и эмоциональную дистанцию между родителем и ребенком.

Термин «привязанность» (*attachment*) используется для обозначения отношения ребенка к родителю. В современной психологии теория привязанности Дж. Боулби является общепризнанной и наиболее авторитетной в исследовании феномена любви ребенка к родителю. Подчеркнем, что сама теория привязанности в рассмотрении характера отношения ребенка к родителю (близкому взрослому), выходя за пределы чисто эмоционального аспекта, включает, в рассмотрение также закономерности развития познавательной деятельности и умственного развития ребенка в зависимости от особенностей детско-родительского взаимодействия.

Родительская любовь имеет социокультурную, историческую природу. Вплоть до XVIII в. общественная ценность родительской любви была относительно невысока. Социокультурные ожидания предписывали родителям воспитывать ребенка, проявлять заботу о его душе и телесном благополучии, контролировать, наказывать в случае необходимости, но не квалифицировали родительскую любовь как особую добродетель. Одной из причин такого положения была высокая детская рождаемость на фоне высокой смертности, многодетность семьи. В средневековой Европе умирало около 30% детей в возрасте до 5 лет. Во второй половине XIX в. семья С.А. и Л.Н. Толстых потеряла пятерых детей из двенадцати. Родители делили свое внимание между многими детьми, часто теряя их в самом раннем возрасте. Близкие эмоциональные длительные отношения родителей с ребенком были редкостью в силу особенностей семейного уклада и образа жизни семьи того времени. Только во второй половине XVIII в. в Европе материнская любовь становится обязательной нормативной установкой [Кон, 1988], а со второй половины XIX в. возникает детоцентристский тип семьи. В современном обществе социальная ценность родительской любви чрезвычайно велика, а интимно-эмоциональная близость родителей с детьми в условиях малодетной семьи и планирования рождения детей представляет собой массовое явление. Все это привело к тому, что родительская любовь сегодня рассматривается обществом как «норма» психического здоровья человека, а поведение и личность родителя, имеющего несчастье не любить своего ребенка, — как патология, психическое отклонение, проявление аморальности и распушенности. Однако было бы несправедливо обвинять и осуждать таких родителей, конечно при условии выполнения ими родительского долга, проявления заботы, внимания и опеки в отношении ребенка. Любовь к ребенку — эмоциональная близость и взаимопонимание — не является врожденной способностью матери и отца и не возникает по мановению волшебной палочки с рождением ребенка. Способность его любить формируется в практике родительства, в процессе совместной деятельности и общения с ребенком, принося матери и отцу ощущения счастья, полноты самореализации и самозавершенности. Напротив, переживание «нелюбви», отвержения ребенка вызывает у родителя тяжелые эмоционально-личностные расстройства — чувство вины, депрессию, тре-

возность и страхи, нарушения Я-концепции в форме самоотвержения и низкой самооценки. Поэтому в таких случаях стратегия психологической помощи семье строится как последовательное решение следующих задач: стабилизация эмоционального состояния родителя — осознание отвержения ребенка и объективирование причин и механизма формирования не любви к нему — преодоление чувства вины — оптимизация общения и сотрудничества с ребенком — повышение уровня эмпатии, эмоционального взаимопонимания и привязанности в диаде родитель — ребенок.

В континууме значений эмоционального отношения родителя к ребенку можно выделить несколько вариантов отношений, от безусловно положительного до открыто негативного полюса.

- Безусловное эмоциональное принятие ребенка (любовь и привязанность «несмотря ни на что»). Безусловное принятие предполагает дифференциацию родителем личности ребенка и его поведения. Отрицательная оценка и осуждение родителем конкретных поступков и действий ребенка не влечет за собой отрицания его эмоциональной значимости и снижения самооценности его личности для родителя. Такой тип эмоционального отношения наиболее благоприятен для развития личности ребенка, поскольку обеспечивает полное удовлетворение потребностей ребенка в безопасности, любви, заботе и в аффилиации в отношениях с родителями.

- Условное эмоциональное принятие (любовь, обусловленная достижениями, достоинствами, поведением ребенка). В этом случае любовь родителя ребенок должен заслужить своими успехами, примерным поведением, выполнением требований. Любовь выступает как благо, награда, которая не дается сама собой, а требует труда и старания. Лишение родительской любви — достаточно часто используемый вид наказания в подобных случаях. Подобный тип родительского отношения провоцирует у ребенка возникновение тревоги и неуверенности.

- Амбивалентное эмоциональное отношение к ребенку (сочетание позитивных и негативных чувств, враждебности и любви).

- Индифферентное отношение (равнодушие, эмоциональная холодность, дистантность, низкая эмпатия). В основе такой позиции лежит несформированность материнской позиции, инфантильность и личностная незрелость самого родителя.

- Скрытое эмоциональное отвержение (игнорирование, эмоционально-негативное отношение к ребенку).

- Открытое эмоциональное отвержение ребенка.

А.С. Спиваковская, основываясь на трехмерной модели любви, предлагает оригинальную типологию любви родительской. Напомним, что тремя измерениями чувства любви в рамках данной модели выступают: симпатия/антипатия; уважение/презрение и близость — дальность.

Причины нарушений родительской любви изучены еще недостаточно, однако некоторые из них можно назвать:

Таблица 2

Типы родительской любви (по А.С. Спиваковской)

Тип любви/отвержения	Характеристики любви/отвержения	Родительское поведение	Родительское кредо
1. Действенная любовь	симпатия уважение близость	Принятие ребенка; внимание и интерес, уважение его прав и обязанностей; сотрудничество и готовность прийти ему на помощь	«Я люблю моего ребенка таким, какой он есть, он самый лучший»
2. Отстраненная любовь	симпатия уважение дистантность	Принятие ребенка; недостаток внимания и заботы; гипопротекция; низкий уровень кооперации и помощи	«У меня прекрасный ребенок, но я очень занят»
3. Действенная жалость	симпатия неуважение близость	Принятие ребенка; недоверие к нему; излишняя опека и потворствование	«Хотя мой ребенок недостаточно умен и развит, но это мой ребенок и я люблю его»
4. Снисходительное отстранение	симпатия неуважение дистантность	Принятие ребенка; отстраненность; гипопротекция, оправдание неблагополучия болезнью ребенка, плохой наследственностью	«Нельзя винить моего ребенка в том, что он такой, — есть объективные причины»
5. Отвержение	антипатия неуважение дистантность	Отвержение ребенка; ограничение общения, игнорирование; гипопротекция, граничащая с безнадзорностью	«Не люблю своего ребенка и не хочу иметь с ним дела!»
6. Презрение	антипатия неуважение близость	Отвержение ребенка; тотальный контроль, применение наказаний, отсутствие поощрений, преобладание в родительской воспитательной системе запретов	«Я мучаюсь и страдаю от того, что мой ребенок так плох»
7. Преследование	антипатия уважение близость	Отвержение ребенка; доминирующая гиперпротекция, жестокое обращение, тотальный контроль	«Мой ребенок — негодяй, и я докажу это!»
8. Отказ	антипатия неуважение дистантность	Отвержение ребенка; гипопротекция и безнадзорность, попустительство, игнорирование	«Я не хочу иметь дело с этим негодяем!»

• **Фрустрация** жизненно важных потребностей родителя в связи с воспитанием ребенка. Депривация может охватывать достаточно широкий спектр потребностей, субъективная значимость которых во многом определяется степенью личностной зрелости родителя: потребность в сне и отдыхе; в безопасности; в общении с друзьями; личные достижения, карьера, профессиональный рост. В этом случае психологическая помощь должна быть направлена на поиск способа удовлетворения жизненно важных потребностей

родителя при сохранении им полноценной функции ухода за ребенком и его воспитания, а также на развитие ценностно-смысловой сферы родителя.

- Мистификация и искажение образа ребенка как результат проекции негативных качеств и приписывания их ребенку; идентификация ребенка с аверсивной личностью, вызывающей отвращение у родителя, и, как следствие, перенос на него негативного эмоционального отношения. Психологическая работа в этом случае должна быть направлена на объективирование причин подобной проекции, их анализ и помощь родителю в разрешении глубинного конфликта, лежащего в основе актуализированных защитных механизмов.

- Негативное эмоциональное отношение к ребенку как проявление посттравматического стресса. Возникает вследствие фатального совпадения рождения ребенка или начального периода его воспитания, сенситивного к формированию привязанности, и психологической травмы, например утраты близкого человека. Ребенок приобретает значение символа травмирующей ситуации либо ассоциируется с ней. Психологическая помощь здесь строится в контексте преодоления посттравматического стресса.

- Личностные особенности родителя (инфантильность, акцентуации характера, невротический тип личности, неадекватный тип привязанности самого родителя, эмоциональные расстройства). Здесь требуется индивидуальное психологическое консультирование, а в случае необходимости и психотерапия. Примером разрушающего влияния на психическое развитие ребенка может служить так называемая «шизофреногенная мать», обнаруживающая в отношениях с ребенком холодность, эмоциональную дистантность и отвержение, недостаток уважения и признания ребенка; ее поведение характеризуется властностью, деспотичностью, низкой эмпатией. Матери, переживающие депрессию, также склонны к отвержению ребенка. Характерным стилем воспитания в этом случае становится либо гиперопека, переходящая в безнадзорность, либо тотальный контроль, в котором актуализация чувства вины и стыда у ребенка становится основным методом воспитательного воздействия.

- Индивидуально-типологические особенности ребенка — «трудный темперамент», чрезмерное возбуждение, проблемы дисциплины, невнимательность, импульсивность, — опосредующие формирование родительского отношения. Обнаружено, что родители склонны воспринимать детей с более сильным темпераментом как более зрелых. Важное значение для формирования эмоционального отношения родителя к ребенку имеет степень соответствия их темпераментов. Если темперамент ребенка противоположен родительскому, это может восприниматься родителем как негативная характеристика его личности или признак инфантильности и незрелости. Например, порывистость и импульсивность ребенка, противоположная сдержанности и неторопливости родителя, воспринимается последним как проявление слабости ребенка.

• Низкая степень удовлетворенности браком и конфликтность в супружеских отношениях.

Материнская и отцовская любовь

Говоря о родительской любви, традиционно разделяют материнскую и отцовскую любовь как различающиеся по содержанию, природе, генезису и формам проявления (З. Фрейд, А. Адлер, Д. Винникотт, М. Дональдсон, И.С. Кон, Г.Г. Филиппова). Признавая существование двух социальных институтов родительства—материнства и отцовства, важно не только отметить серьезные различия в реализации материнства и отцовства как качественно своеобразных форм родительства, но и указать на их сходство. В работах Э. Галински [см.: Крайг, 2000] выделяются шесть стадий родительства, содержание и последовательность которых задается логикой развития сотрудничества родителя и ребенка. На каждой из них родитель решает определенные задачи, связанные с необходимостью перестройки детско-родительских отношений с учетом развития ребенка и его возрастающей самостоятельности. Первая стадия — стадия *формирования образа* — продолжается от момента зачатия до рождения ребенка и рассматривается как исходная в формировании родительской позиции. Именно на этой стадии формируется первичный образ детско-родительских отношений, включающий представление о целях и ценностях воспитания, образ идеального родителя как эталона, представление о ребенке и взаимодействии с ним. На второй — *стадии выкармливания* (от рождения до 1 года) — центральной задачей становится формирование привязанности и первых форм сотрудничества и совместной деятельности с ребенком. Первичная иерархизация ценностей и ролей в контексте развития идентичности родителей также осуществляется именно на этой стадии. *Стадия авторитета* (от 2 до 5 лет) знаменует переход родителей к решению задач социализации ребенка и, соответственно, к первой оценке эффективности процесса воспитания. Насколько мой ребенок отвечает идеальному его образу, созданному в моем представлении? Могу ли я принять ребенка таким, какой он есть? Насколько я сам удовлетворяю себя как родитель? Ответы на эти вопросы предполагают рефлекссию, развернутую родителем по поводу содержания и оснований его отношений с ребенком и переход к более продуманной системе воспитания с учетом «работы над ошибками» раннего периода становления родительства. Четвертая стадия — *стадия интерпретации* — приходится на младший школьный возраст: здесь родители подвергают ревизии и пересмотру многие концепции воспитания, которых прежде придерживались в своем общении с детьми. Пятая — *стадия взаимозависимости* — характеризуется изменением структуры властных отношений: родители должны перестроить свои отношения с подростками с учетом их стремления к автономии и независимости. Характер перестройки отношений со взрослеющими детьми может сделать их партнерскими или, в случае деструктивного ее развития, отношениями со-

перничества и противостояния. На шестой стадии — *стадии расставания* — родители должны окончательно признать взрослость и независимости детей, принять их психологический «уход» и решить непростую задачу переосмысления и оценки того, какими же родителями они были.

Природа и генезис материнства

Фундаментальным открытием психоанализа стало положение о роли матери (близкого взрослого) в психическом развитии ребенка. Внешний мир (среда) открывается ребенку через взрослого и в первую очередь выступает как мир человеческих интерперсональных отношений, мир людей [Фрейд, 1991; Адлер, 1990; Фрейд, 1993; Винникотт, 1995; Эльконин, 1989]. 3. Фрейд считал, что именно мать является для ребенка источником переживания чувства удовольствия и объектом первого сексуального выбора.

Из признания решающей роли матери (близкого взрослого) в психическом развитии ребенка рождается вопрос о том, как влияет поведение матери на становление личности. Д. Винникотт [1995] одним из первых предложил гипотезу гармоничного взаимодействия среды и ранних интрапсихических процессов. Он предлагает рассматривать в качестве объекта развития на ранних стадиях онтогенеза не отдельно мать и ребенка, а целостную диаду мать—ребенок. В силу беспомощности младенца и зависимости его от матери ребенок и мать представляют собой единое целое. Мать не только обеспечивает условия телесного, физического развития ребенка, но и, реализуя функцию держания и телесного контакта (*holding*), обеспечивает процесс персонализации — становление Я ребенка, т.е. дифференциацию субъекта и среды и формирование автономной личности. Становление собственного Я (*Self*) осуществляется через развитие от абсолютной (экстремальной) зависимости к относительной независимости и автономии. Механизмом становления независимости выступает процесс реализации ребенком omnipotentных желаний и первичной агрессии в отношениях с матерью (близким взрослым). Терпение к проявлениям агрессивности, забота о ребенке, удовлетворение его потребностей, реализация матерью «поддерживающего» поведения создают условия для гармоничного развития ребенка [Winnicott, 1965]. Поведение и позиция матери является существенным условием эффективности этого процесса. Винникотт рассматривает способность матери создавать благоприятную среду для развития ребенка как ее природную способность. Мать должна довериться своей интуиции и действовать спонтанно, обучение может только мешать реализации этой способности. Любовь и забота, теплое, принимающее, уважительное отношение матери к ребенку создают необходимую установку доверия и стимулируют самостоятельную активность ребенка в отношении его саморазвития. Благодаря психоанализу проблема детско-родительских отношений, качества материнского ухода и типа воспитания стала центральной в изучении закономерностей развития личности в дет-

ском возрасте. Особенности материнской и отцовской любви, позиция обоих родителей в воспитании не только обуславливают индивидуальную траекторию развития ребенка, но и выступают существенным условием прогрессивного нормативного развития личности [Адлер, 1990; Хорни, 1993].

В решении вопроса о природе материнской любви и материнской позиции можно выделить два подхода — эволюционно-биологический (Дж. Боулби, Винникотт Д.) и культурно-исторический (М.И. Лисина, Г.Г. Филиппова).

Согласно *эволюционному подходу* материнская любовь имеет биологические, природные предпосылки, составляет естественную характеристику женщины и не нуждается в дальнейших объяснениях [Bowlby, 1988]. Родительское поведение с точки зрения биологической перспективы является запрограммированным. Человеческий ребенок — самый беспомощный и менее подготовленный к жизни с момента рождения из всех видов живых существ. Возможность его выживания напрямую зависит от заботы родителей. Известно, что именно мать является первичным и основным близким взрослым, предоставляющим ребенку уход и защиту на протяжении всей человеческой истории. Уникальность позиции матери в реализации функции родительской заботы обосновывается тем, что мать, в отличие от отца, наиболее адекватно реализует репродуктивную функцию именно в тесной стабильной связи с ребенком. Это обусловлено полной уверенностью матери в своем родительском статусе, более коротким по сравнению с мужчинами репродуктивным периодом в онтогенетическом цикле, более длительным интервалом между рождением детей и большими энергетическими затратами на протяжении периода их вынашивания и родов [Trivers, 1972]. Боулби утверждает, что сохранение материнского инстинкта в процессе эволюции в условиях утраты человеком большинства инстинктивных форм поведения связано с его особым значением для сохранения человеческого рода. Важную роль в «запуске» материнского поведения в отношении ухода и заботы о младенце играют гормоны, связанные с беременностью и лактацией, в частности окситоцин. Например, высокий уровень окситоцина указывает на глобальные изменения, подготавливающие уход за младенцем, — большее спокойствие, высокую толерантность к стрессу и монотонии [Dozier, 2000]. Высказывается предположение о существовании критического периода импринтинга в формировании материнской любви и привязанности к младенцу, когда определенные «ключевые раздражители» запускают врожденную программу ухода, заботы и привязанности матери. Однако есть данные о том, что приемные родители, не проходившие через период импринтинга, оказываются способны к формированию надежной позитивно-эмоциональной связи в отношениях с приемными детьми [Singer et al, 1985].

В рамках *культурно-исторического подхода* материнство рассматривается как социальный институт, развивающийся на протяжении истории че-

ловчества. Э. Бадинтер считает, что в понятие «материнская любовь» в разные исторические эпохи вкладывается неодинаковое содержание. Значимость ролей жены, матери и свободной женщины на протяжении истории меняется. Материнство выступает как одна из социальных ролей женщины, и, значит, формирование материнской позиции и соответствующей ролевой модели поведения определяют ценности, установки, традиции и нормы культуры общества. Хорошо известны прямо противоположные примеры материнского поведения — от самопожертвования до пренебрежения материнскими обязанностями. В современном обществе растет социальное сиротство — отсутствие опеки и заботы при живых родителях. Все чаще мы сталкиваемся с феноменом отказных детей, случаями продажи матерями своих детей, принуждения их к антисоциальным действиям (попрошайничеству, проституции, воровству и пр.), жестокого обращения, избияния и т.д. Появился даже соответствующий термин для обозначения подобного поведения — «уклоняющееся материнство». Все эти факты подвергают сомнению тезис о врожденной инстинктивной природе материнства и свидетельствуют в пользу культурно-исторического подхода.

Материнская позиция представляет собой результат присвоения личностью опыта социокультурной практики материнства, формируется в специфической деятельности по уходу за ребенком и его воспитанию, обусловлена культуральными особенностями и детскими воспоминаниями матери о воспитании в ее собственной семье. Развитие материнства детерминировано врожденными предпосылками (психофизиологическими, гормональными механизмами), активной деятельностью самой женщины и заданными в культуре «идеальными формами материнства», культурными моделями ролевого поведения матери. Например, формирование материнского эмоционального принятия ребенка в значительной мере определяется позицией матери в период беременности и ее ориентацией на культурно заданные формы поведения. Известно, что у женщин, которые в период беременности думают о ребенке, разговаривают с ним, эмоциональная связь с ребенком в постнатальном периоде формируется значительно быстрее. С другой стороны, было бы неверно игнорировать органические предпосылки формирования материнской позиции. М. Мид на основе изучения ритуалов и традиций воспитания детей в первобытных культурах пришла к выводу, что материнская забота и привязанность обусловлены самими органическими условиями зачатия, вынашивания, родов и кормления грудью. Вместе с тем социальные установки и предписания могут исказить материнскую позицию: там, где общество жестко предписывает принцип законнорожденности, мать незаконнорожденного ребенка может лишить его жизни или бросить на произвол судьбы.

В становлении родительства можно выделить ряд стадий: принятие решения о рождении ребенка, беременность, период становления родительства, период зрелого родительства, период «постродительства» (реализация ролей бабушек и дедушек) (В. Миллер).

Г. Г. Филиппова [1999] выделяет *шесть этапов онтогенеза материнской сферы*, определяющих становление материнской позиции женщины и ее психологическую готовность к реализации родительской функции. Первый этап — *взаимодействие с собственной матерью* — начинается с внутриутробного развития и продолжается всю жизнь, выступая в качественно новых формах на каждой стадии онтогенеза. Он определяет формирование ценностной и эмоциональной основы материнского поведения. Мать выступает для девочки значимой фигурой, кристаллизующей в себе образ материнства, посредником между ней, девочкой, и социокультурной практикой материнства. Опыт взаимодействия с матерью является основой формирования собственной материнской идентичности женщины. Ценностное отношение матери к дочери определяет у той формирование ценностного отношения к собственному ребенку. Хорошо известны факты нарушения материнского поведения вплоть до отвержения и жестокости по отношению к ребенку в случае, когда собственный детский опыт отношений с матерью определялся переживанием отвержения, нелюбви, игнорирования. Ценность материнства возникает у девочки позже на основе переживания и рефлексии социальных оценок материнства как культурной модели поведения и отношения к материнству ее собственной матери. Процесс усвоения материнской роли регулируется психологическими механизмами ассимиляции, идентификации, осознанного обучения родительству.

Второй этап — *игровой* — обеспечивает ориентировку девочки в содержании материнской роли в условиях наглядного моделирования в сюжетно-ролевой игре. Игра «в семью» и «дочки-матери» открывает для ребенка возможности экспериментирования в области материнского поведения, формирования устойчивого образа-эталона материнской роли. Игра в «дочки-матери» издавна культивировалась в народной педагогике как школа подготовки девочки к материнству. Одной из первых игрушек, вручаемых девочке родителями, была кукла. Кукла передавалась от матери к дочери, ее хранили, специально изготовляли. Девочки шили ей одежду, играли с ней, вывозили на праздники. По тому, как содержалась кукла, какие наряды имела, как играла с ней девочка, судили о том, хорошей ли матерью она станет. Куклы как отобразительные игрушки и игра в семью являлись важным элементом социализации в подготовке ребенка к будущей семейной жизни.

Третий этап — *нянчение* (от 4–5 до 12 лет) как привлечение девочки к реальному уходу за младенцем и его воспитанию. Нянчение в современной семье более связано с рождением второго ребенка и включением старшего в процесс воспитания малыша. В истории общества в примитивных культурах уже шести-семилетние дети включаются в процесс заботы о шестимесячных и более старших детях. Аналог нянчению младенцев можно наблюдать и в поведении высших животных, ведущих стадный образ жизни. Например, у шимпанзе старшие детеныши играют с младшими, осуществ-

ляют взаимное обыскивание, охраняют малыша от других особей, переносят их на безопасное расстояние и т.д. В нянченье Г.Г. Филиппова выделяет два периода. Содержанием первого является налаживание эмоционально-личностного общения с младенцами первых шести месяцев жизни. Второй период предполагает осуществление ухода старшего ребенка за младшим, овладение инструментальной его стороной. Здесь формируется индивидуальный стиль эмоционального сопровождения ухода за младенцем. Сенситивным периодом для формирования установки на нянченье является возраст 6—10 лет. Именно тогда ребенок, ухаживающий за младенцем, получает возможность реализовать свою потребность в серьезной, взрослой, социально значимой деятельности, причем в привлекательной для него игровой форме и без принятия всей полноты ответственности за благополучие и здоровье малыша. Возникает вопрос — почему подростковый возраст, по мнению автора, исключен из зоны сенситивности к нянченью? Ведь именно подросток приобретает необходимую техническую умелость и компетентность в уходе за младенцем, да и перспектива материнства для подростка, несомненно, значительно ближе, чем для младшего школьника. Дело в том, что без предварительного формирования опыта эмоционально-позитивного общения с младенцем переход к технической стороне ухода может вызвать у подростка неприятие и брезгливость, а необходимость отвлечения на заботу о младшем siblinге, порождающая недостаток времени для общения со сверстниками, формирует установку в отношении младенца как помехи, препятствия на пути реализации собственных интересов, неприятной обузы. Именно такая установка нередко проявляется у молодых мам, казалось бы имеющих достаточный подростковый опыт ухода за младенцем в собственной прародительской семье.

Четвертый этап — *дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер* — приходится на период полового созревания. Главной Задачей этого этапа становится интеграция ценностей половой жизни и материнства на основе их первоначального разделения. Психологические проблемы связи рождения ребенка и собственно сексуальных отношений, в частности внебрачной беременности и воспитания ребенка, предохранения от беременности и ее планирования, определяют развитие мотивационной и ценностно-смысловой сферы материнства.

Пятый этап — *взаимодействие с собственным ребенком* — включает несколько периодов, определяющих формирование материнской позиции в период беременности и ожидания ребенка и в период ухода за младенцем и его воспитания.

Наконец, шестой этап — это *формирование привязанности и любви к ребенку как к личности* (начиная с раннего возраста). На этом этапе происходит развитие отношения матери к ребенку в направлении преодоления симбиотического типа отношений и дифференциации границ «Я» — «ребенок». Оно синхронизируется с кризисом первого года жизни и перестрой -

кой социальной ситуации развития ребенка раннего возраста в форме преодоления системы отношений «Пра—Мы» (Л.С. Выготский) и выхода в пространство субъектно- (лично-) ориентированного сотрудничества ребенок — взрослый.

Исследование девиаций материнского поведения [Брутман и др., 1994; Брутман и др., 2000; Радионова, 1996; Филиппова, 1999] обнаружило, что группу риска составляют женщины с устойчивым игнорирующим типом переживания беременности. Игнорирующий тип сложнее всего поддается коррекции и находит выражение в таких деструктивных характеристиках родительского отношения, как эмоциональное отвержение, авторитарность, директивность, гипопротекция и т.п.

Специальный интерес в связи с проблемой природы материнской любви (органическая/биологическая или культурно-историческая) представляют случаи отказа матерей от новорожденных детей. Отказ представляет собой крайний вариант отвержения матерью ребенка. Психологические особенности матерей-отказниц и причины отказа стали предметом исследования М.С. Радионовой и Ф.Е. Василюка. По его данным, в Москве 1—1,5% матерей отказываются от своих детей в родильных домах. В период с 1991-го по 1997 г. в Москве число социальных сирот увеличилось с 23 до 48% при общем снижении поступления детей в эти учреждения на 11 % и при уменьшении показателей рождаемости фактически в полтора раза. Было показано, что отказ матери от ребенка переживается как кризис, вызванный конфликтом мотивационно-потребностной сферы. Авторы выделили значимые компоненты структуры кризисной ситуации: сознательную установку матери на материнство или отказ от него, мотивы, реализующие неосознанные влечения, т.е. природное спонтанное влечение к материнству; трудности или проблемность социальной ситуации (негативное отношение близких к рождению ребенка; отсутствие материальных средств к существованию; необходимость продолжения учебы и т.д.). На основе противоречивого сочетания этих компонентов возникает кризис принятия женщиной материнской роли, находящий различные варианты своего разрешения. Причем основное значение при выборе того или иного варианта имеют личностные особенности матери. Авторы делают вывод о том, что отказ от ребенка возможен только при определенном личностном типе. В работе выделено четыре типа личности: инфантильный, реалистический, ценностный и творческий. Инфантильный тип личности выступает фактором риска отказа матери от ребенка, отказ носит импульсивный характер и представляет собой защитное действие. Для матерей инфантильного типа характерно амбивалентное или резко отрицательное отношение к ребенку («ребенок — виновник моего несчастья»). Если все-таки ребенок принимается, то в его отношении устанавливается симбиотическая связь («ребенок — часть меня»). В случае отказа от ребенка прослеживается неблагоприятный анамнез — мать в детстве была объектом отвержения и испытывала дефицит любви со стороны собственной матери. Стратегия переживания кризиса инфантиль-

ми матерями избегающая, поведение по типу вытеснения. В отношении беременности наблюдается своеобразная «агнозия»: женщина может узнать о своей беременности в середине, а то и в последней ее трети, часто — от других. Как правило, она не задумывается о своем состоянии, пускает все на самотек, наконец, легко отказывается от ребенка непосредственно перед родами или сразу после. Никаких переживаний, конфликтов, угрызений совести.

Реалистический тип личности: отказ от материнства — целенаправленный поступок. Рационально взвешиваются все «за» и «против». Во главу угла ставятся интересы самой матери. Отношение к ребенку инструментальное: если может быть полезен для получения благ и привилегий — мать будет его воспитывать, если нет — откажется. Например, не хватает ребенка для улучшения жилищных условий — она приходит и забирает ребенка, хотя раньше категорически от него отказывалась. Стратегия — рассудочная, рациональная; отношение к ребенку — индифферентное, холодное. Психологическими особенностями такой матери являются низкий уровень природного влечения, материнской потребности и, как правило, низкий уровень эмпатии. В анамнезе: сдержанность и холодность в отношениях с близкими в собственной, прародительской семье. Отказ от ребенка происходит еще до родов или после них. Как правило, мать не испытывает ни сомнений, ни тяжелых эмоциональных переживаний. Тем не менее часто отказ юридически не оформляется — на всякий случай, вдруг ребенок еще понадобится.

Для ценностного типа ценность материнства очень высока, социальная роль матери значима. Конфликт обусловлен отсутствием спонтанного влечения к материнству или трудными внешними обстоятельствами. Как правило, женщина рождает ребенка без мужа, без поддержки или в очень стесненных материальных и жилищных условиях. Кризис длителен, продолжается в течение всей беременности и после рождения ребенка. У матери констатируется высокий уровень эмоциональных переживаний. На этом фоне часто возникает чувство вины, и в результате ребенок становится объектом проекции негативных эмоций, отношение к нему амбивалентное. Стратегия — колеблющаяся. Постоянная борьба мотивов, ситуация выбора, трудность принятия решения.

Для творческого типа личности отказ от ребенка маловероятен даже при самых неблагоприятных обстоятельствах. Социальная ценность материнства и природное к нему влечение велики. Отказ от материнства для таких матерей равносителен утрате или угрозе утраты смысла жизни. Отношение к ребенку — безусловно эмоционально-положительное, он «свой», «человек, о котором я забочусь».

Причинами отказа от детей бывают нестабильность и угроза распада собственной семьи, материальная необеспеченность, личностная незрелость, искажения личностного развития, депрессивные и аффективные расстройства, отвержение собственными матерями в анамнезе матерей-отказниц [Брутман, Варга, Хамитова, 200.0]. Депривация материнской любви,

переживаемая отвергаемым ребенком, приводит к нарушениям в формировании материнской позиции в зрелости.

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о том, что, признавая наличие природных предпосылок материнства, нельзя забывать о неоспоримости приоритета в детерминации характера эмоционального отношения к ребенку социально-исторических факторов.

Роли матери и отца в развитии ребенка

В концепции Э. Фромма материнская и отцовская любовь рассматриваются как имеющие разную природу, генезис, формы проявления и оказывающие различное влияние на развитие ребенка.

Фромм [1990], анализируя традиционную семью, противопоставлял материнскую и отцовскую любовь как любовь безусловную и любовь требовательную. Материнская любовь по своей природе безусловна, не связана с достоинствами и достижениями ребенка. Любовь матери, по Фромму, слепа и не знает справедливости. Мать изначально признает самоценность ребенка и строит отношения по типу альтруистической любви, готовности к самопожертвованию, самоотдаче. Материнская любовь дана ребенку изначально как дар, она является основой формирования у ребенка базового доверия к миру, открытости и готовности с ним взаимодействовать (Э. Эриксон). Отцовская любовь — требовательная, условная, это любовь, которую ребенок должен заслужить. Она, в отличие от материнской, не имеет врожденных предпосылок, а формируется на протяжении первых лет жизни ребенка. Чтобы заслужить отцовскую любовь, ребенок должен соответствовать определенной системе социальных требований. Традиционная роль отца — носитель социальных норм и требований по отношению к ребенку, образец стандартов поведения. Любовь отца выступает как социальное одобрение поведения ребенка, соответствие определенным ожиданиям. В детях отец, как и мать, видит возможность самоактуализации, и в силу этого на ребенка возлагаются определенные отцовские ожидания в отношении его достижений, карьеры, результатов. В ребенке для отца воплощена возможность продолжения рода. Традиционно культурные нормы вменяют в обязанность мужчины дать и воспитать семье наследника, как продолжателя рода, хранителя традиций и родовой памяти («Я люблю тебя, потому что ты похож на меня»). Отцы в большей степени приветствуют появление наследника (мальчика) и более склонны принимать его взросление и созревание, чем взросление и созревание девочки [Соопер, Grotevant, 1987]. Бездетность является одной из причин острого переживания мужчинами кризиса середины жизни, когда «социальные часы» требуют отчета о том, «воспитал ли ты сына». Для женщины «социальные часы» пробивают раньше и вопрос о самореализации в рождении и воспитании ребенка приобретает остроту и актуальность уже в период кризиса 27—30 лет.

Отец, согласно Фромму, выполняет функцию социального контроля и является источником требований, норм поведения, санкций. Исследования

показывают, что подростки скорее согласны принимать наказания со стороны отца, чем матери. Если наказывает мать, это воспринимается как эмоциональное отвержение, проявление нелюбви и враждебности [Siegal, 1987].

Для формирования гармоничной личности необходимы и отцовская, и материнская любовь. Лишь наличие той и другой обеспечивает формирование духовно здоровой, гармоничной, зрелой личности. Искажения материнской и отцовской любви, инверсии ролей приводят к нарушениям и искажениям развития ребенка. Фромм дает следующие примеры сценариев развития ребенка при искажении и инверсии ролей отца и матери. Так, сочетание любящей и чрезмерно властной матери и слабого и зависимого отца приведет к формированию излишней зависимости от матери, склонности к опеке и заботе, отсутствию дисциплинированности, автономии, ответственности, что особенно губительно сказывается на мальчике. Недостаток материнской любви чреват центрацией на матери и жадной безусловной материнской любви. В этом случае в собственной супружеской жизни человек будет стремиться быть любимым, но не любить самому. При холодной, дистантной, отстраненной матери и авторитарном и строгом отце ребенок будет ориентирован на отца, поскольку отцовскую любовь, в отличие от материнской, он при определенных условиях может получить (заслужить). Тогда главными ценностями для него становятся закон, порядок и авторитет. Формируется тип холодного карьериста, направленного на достижения и успех во что бы то ни стало. Наблюдается предпочтение «мужских» видов деятельности, отрицание чувств, низкая эмпатия. У девочек из-за трудностей идентификации с матерью часто возникают проблемы с формированием полоролевой идентичности. В собственной семье с большой вероятностью будет воспроизведена та же модель супружеских отношений. Фромм дополняет эту картину сценарием развития ребенка, родители которого не любят друг друга, взаимно сдержанны и холодны. Ребенок, лишенный близких контактов и испытывающий дефицит проявления чувств, постоянно будет находиться в страхе и тревоге, замкнется в себе, уйдет в мир переживаний и грез. Альтернативой может стать формирование «социально провоцирующего» типа личности, поведение которой будет строиться на том, чтобы любыми средствами привлечь к себе внимание, вызвать чувства родителей, пусть даже и негативные, и, приняв на себя удар, освободиться от переживания страха и тревоги.

Концепция А. Адлера содержит интересные дополнения, позволяющие яснее представить роли матери и отца в развитии личности ребенка. Отношение матери к ребенку имеет ключевое значение для формирования чувства социальной общности и социальной идентичности. Помимо безусловного эмоционального его принятия, мать своим образцом нежности и заботы о детях, муже, людях вне семейного круга демонстрирует модель поведения, побуждаемого социальным интересом. Мать учит ребенка любви и заботе о других людях, поощряет его к формированию товарищеских, дружеских интересов за пределами семьи. При этом она не должна замы-

каться только на ребенке, она обязана реализовывать доброжелательные отношения к другим членам семьи и к более широкому социальному окружению. Желательно, чтобы мать не ограничивалась лишь воспитанием детей, но была включена в социальные виды деятельности. Функция отца в воспитании ребенка состоит в поощрении его активности, направленной на развитие социальной компетентности, необходимой ребенку для преодоления комплекса неполноценности. Отец ставит задачи, дает образцы способов решения, оказывает необходимую помощь, стимулирует автономию ребенка и его направленность на достижение целей.

Формирование отцовства и отцовской любви — достаточно сложная задача. Иногда говорят о «кризисе становления (начала) отцовства», особенно в случае рождения первого ребенка. Принятие роли отца — это достаточно длительный кризис переосмысления себя и своей роли в жизни, связанный с новой ответственностью за благополучие семьи и детей, переосмыслением и перестройкой отношений как в семье, так и за ее пределами. Обычно формирование родительской позиции отца начинается где-то со второй половины беременности жены и нередко растягивается на весь первый год жизни ребенка. Для формирования полноценной эмоционально-позитивной связи отец—ребенок в качестве профилактической меры необходимо как можно раньше вовлекать отца в процесс воспитания ребенка, используя разнообразные формы — от общения с ребенком в период внутриутробного развития до присутствия при родах. Современный тип отцовства характеризуется значительным разнообразием параметров участия отца в воспитании ребенка [Cabrera et al., 2000], например:

- доступность (присутствие отца и возможность ребенка обратиться к нему);
- включенность в совместную деятельность (прямые контакты, уход за ребенком, совместная деятельность);
- ответственность (финансовое и материальное обеспечение, организация образовательно-воспитательной среды, общение с учителями);
- мониторинг, т.е. информированность о занятиях ребенка, его местонахождении, интересах, желаниях, потребностях.

Активное участие отца в воспитании маленького ребенка способствует формированию надежного типа привязанности, благополучному эмоциональному его развитию. В младшем школьном возрасте включенность отца в процесс воспитания находит отражение в высокой успеваемости ребенка; в подростковом возрасте близкие и тесные отношения с отцом также связаны с высокой успеваемостью, эмоциональным благополучием, являются важной превентивной мерой против делинквентного поведения подростков. Отметим также, что ответственность отца за финансовое обеспечение детей способствует благополучному их развитию еще и опосредованно. Поэтому даже в случае, когда отец проживает отдельно и его контакты с ребенком ограничены, роль отца в воспитании ребенка трудно переоценить.

Ряд исследователей (А. Адлер, Э. Фромм) утверждали, что воспитательная модель родительского поведения отцов и матерей варьируется в зависимости от пола ребенка. Дифференцированный подход матери и отца к дочери и сыну является важным условием формирования полоролевой идентичности ребенка. М. Сигал [Siegal, 1987] проанализировал результаты 39 исследований, в которых сравнивались особенности поведения матери и отца во взаимоотношениях с сыновьями и дочерьми. В 20 исследованиях были получены статистически значимые поведенческие различия отца в воспитании дочерей и сыновей. Причем степень выраженности этих различий менялась в зависимости от возраста ребенка. С детьми младенческого и раннего возраста отцы общаются, не делая существенных различий между сыновьями и дочерьми. Различия возникают в явной форме и постепенно усиливаются начиная с дошкольного возраста. Отцы чаще контактируют с мальчиками, поощряют их спортивные игры, исследовательскую деятельность, проявляют в отношениях с мальчиками большую строгость и директивность, менее аффективны. Принято считать, что отцы играют значительную роль в развитии маскулинных качеств у мальчиков и фемининных у девочек, причем к маскулинным качествам относят автономность, самостоятельность, конкурентность, направленность на достижения, инициативу, а к фемининным — высокий уровень эмпатии, заботливость, способность к сопереживанию, коммуникативность. Соответственно, и отношения с каждым из родителей ребенок строит по-разному. К матери дети чаще обращаются за проявлениями близости и эмоциональной поддержки, а отец обычно выступает как партнер в совместных делах и источник авторитетного мнения [Thornton et al., 1995].

Так же как взаимодействие родителя с ребенком опосредуется полом ребенка, так и ожидания детей в отношении поведения родителей опосредуются полом ребенка. Девочки ожидают большей поддержки от родителей, приписывают им большее количество обязательств, чем мальчики [Stein, Wemrners et al., 1998].

Качество супружеских отношений влияет на качество отношений детско-родительских. Представление ребенка об отце и отношения с ним в большей степени зависят от взаимоотношений супругов, чем от представления ребенка о матери и отношения с ней [Amato, Booth, 1996]. Отношение ребенка к родителю опосредуется отношением к последнему супруга, в первую очередь отношением матери к отцу, а не его супружескими качествами. Принятие ребенком отца зависит от супружеской теплоты отношения матери к отцу [White, 1999].

Полоролевая идентификация мальчиков и девочек идет принципиально различными путями [Массобу, 1980; Алешина, Воловик, 1991]. Социальное окружение предлагает мальчикам и девочкам различные образцы и модели полоролевого поведения для подражания и идентификации. Однако если семья неполная, то отец в силу ограниченности или отсутствия с ней контактов

не выступает как образец для подражания. Поскольку уже в раннем и дошкольном возрасте взрослые предъявляют к ребенку социальные ожидания в отношении сформированности у него маскулинных или фемининных черт, то в условиях дефицита образцов мужественности маскулинная идентичность формируется не по принципу подражания образцу, а как бы «от обратного»: «Не смей плакать, ты же не девочка!» Другими словами, мужчина приравнивается к «не-женщине», поведение мужчины строится как прямо противоположное поведению женщины. Очевидно, что реальная социально заданная модель мужского поведения, сочетающая в себе как маскулинные, так и фемининные черты, никак не соответствует этому искусственному представлению. В итоге формируется гротескная маскулинность, т.е. не истинная маскулинность, а фемининность со знаком «минус». Например, поскольку женщина отличается эффективностью, способностью к сопереживанию и сочувствию, то настоящий мужчина должен быть лишен эмоциональной чувствительности и способности к эмпатии. Многие «супермены», предлагаемые для подражания средствами массовой информации, представляют, по сути, именно такие гротескные образцы. В образовательных учреждениях женщины также составляют основной круг воспитателей ребенка, поэтому мальчик, воспитывающийся без отца, практически обречен на трудности освоения полоролевого поведения.

У девочек, в отличие от мальчиков, мать изначально выступает как образец для полоролевой идентификации. Однако в силу характера тесной совместной деятельности в раннем возрасте, подкрепленной эмоциональной симбиотической связью с матерью, девочки испытывают трудности иного рода. Это проблемы дифференциации Я на основе преодоления симбиоза и противопоставления себя матери. Соответственно, возникают помехи на пути осознанной ориентации дочери на мать как образец полоролевого поведения. В подростковом возрасте девушка, решая проблему построения личностной идентичности, сталкивается с двумя противоречащими друг другу задачами. Задача автономизации и освобождения от родительской опеки и влияния требует дистанцирования дочери от матери. Решение другой задачи — построения полоролевой идентичности — требует идентификации с образцами женственности, в частности подражания полоролевым моделям поведения, носителем которых является мать. Исходная противоречивость задач развития находит выражение в противоречивости отношений девушки с матерью, которая должна, с одной стороны, установить определенные личностные границы и автономию, а с другой — идентифицировать себя с матерью как моделью полоролевого поведения. Если баланс личностной автономии и близости дочери с матерью нарушен, то возможны два варианта установления женской идентичности. В случае дистантности и конфликтности отношений с матерью можно наблюдать построение женской идентичности путем отрицания образца материнского поведения, что вряд ли продуктивно, особенно если модель материнского поведения отве-

чает социокультурным нормам и ожиданиям. В случае недостаточной дифференцированности личностных границ и симбиотической зависимости от матери некритичная интроекция ролевой модели поведения может проявиться в низкой индивидуации личности и неадекватной полоролевой идентичности дочери (по типу «навязанной» полоролевой модели или предрешиения идентичности). В силу указанных обстоятельств важное значение в процессе становления полоролевой идентичности девушки приобретает отец. Функция отца состоит в том, чтобы, подчеркивая и выделяя фемининные черты дочери, дать ей возможность утвердить свою полоролевую идентификацию, сохраняя ориентацию на идентичность матери, но в собственном уникальном варианте. Идеальный отец видит в девочке будущую женщину, восхищается ею и подчеркивает в ней черты женственности.

Специфика отношения родителей к детям разного пола осознается родителями и часто выступает как реализация целенаправленного воспитания детей с учетом тендерных различий. По данным исследования Д. Баумринд [Baumrind, 1975], отцы характеризуют себя как строгих и использующих физические наказания с сыновьями, но не с дочерьми. Матери считают себя более снисходительными в отношениях с мальчиками, а в отношениях с девочками требуют большего послушания. В воспитании детей разного пола родители ставят и разные задачи. И в детстве, и в подростковом возрасте мальчиков поощряют к большей независимости и стратегическому мышлению, а девочек — к зависимости и умению решать конкретные проблемы [Walkerdine, 1985]. Матери предъявляют более высокие ожидания к дочерям в отношении достижения зрелости и автономии [Dekovik, Nooin, Meeus, 1997].

Специфика материнского/отцовского отношения к дочери или сыну определяется также возрастом, характером взаимоотношений между супругами, количеством детей в семье и сиблинговой позицией (порядком рождения ребенка в семье), индивидуально-личностными особенностями детей.

Возраст ребенка влияет на выраженность различий в отношении к нему матери и отца в зависимости от его пола. На протяжении младенческого и раннего возрастов тендерные особенности воспитания нивелируются. Тогда же отец больше дистанцирован от воспитания, чем в дошкольном и младшем школьном возрасте ребенка, — в значительной мере это объясняется тем, что в этот период отцы решают задачу материально-финансового обеспечения семьи и развития собственной карьеры. В подростковом возрасте сына и дочери различия в отношении к ним отца и матери выражены максимально.

Взаимоотношения и характер общения между супругами, степень субъективной удовлетворенности браком также оказывают влияние на специфику отношения матери и отца к ребенку своего и противоположного пола. Если отношения гармоничные, то отец больше внимания уделяет воспитанию детей, подчеркивая фемининные качества дочери и своим поведением в отношении матери ориентируя сына на выполнение традицион-

ной мужской роли, воспитывая в нем такие маскулинные качества, как автономию, ответственность, настойчивость, направленность на достижения. Если отношения между супругами достаточно сложные, то могут возникать межпоколенные коалиции «мать и дочь против отца», «отец и сын против матери», что приводит к нарушениям в личностном развитии детей. Другим следствием холодности и дисгармоничности отношений между супругами может стать отвержение родителем ребенка противоположного пола по механизму проекции (матерью — сына, отцом — дочери). Более редким вариантом является делегирование сыну матерью нетипичных функций — поддержки, опоры, ответственности за благополучие семьи — по сути, делегирования сыну функций супруга.

Когда в семье один ребенок, отец уделяет ему больше внимания, если это мальчик, а когда двое детей — внимание родителей распределяется с предпочтением к ребенку своего пола. Полоролевые установки отцов в семье, где дети одного пола, значительно более экстремальны, чем отцов, имеющих детей разных полов. У матери в отношении к сыну чаще, чем в отношении к дочери, присутствует тенденция к установлению очень близких эмоциональных отношений симбиотического типа, но в отношениях с дочерью эта установка фактически реализуется чаще. По мере взросления сын от матери постепенно отдаляется, а дочь, наоборот, сближается с ней. У отца обычно наблюдается предпочтение ребенка своего пола. Согласно эволюционному подходу мальчики менее жизнестойки, более болезненны, уязвимы в силу того, что продолжение рода в большей степени определяется представительницами женского рода, которые благодаря механизму естественного отбора приобрели большую устойчивость и жизнестойкость. Поэтому биологически оправданно то, что родители значительно больше уделяют внимания сыну, чем дочери.

Что касается sibлинговой позиции, то наиболее значимые различия в материнском и отцовском отношении к ребенку связаны с позицией старшего и младшего ребенка. Отец уделяет больше внимания старшему ребенку, связывая с ним основные ожидания, а мать проявляет более снисходительное и потворствующее отношение к младшему.

К индивидуально-личностным особенностям ребенка, оказывающим влияние на формирование отцовской или материнской позиции, относят темперамент, послушание/непослушание (готовность следовать дисциплине), а также импульсивность/способность действовать в соответствии с планом. Мать оказывается более чувствительной к темпераменту ребенка, чем отец. При «трудном темпераменте» нередко наблюдается амбивалентное отношение и даже эмоциональное отвержение ребенка матерью. Послушание ребенка в большей степени влияет на формирование отцовской позиции, чем материнской. Что касается импульсивности ребенка, то здесь трудно говорить о каких-либо явно выраженных различиях реагирования матери и отца.

Во второй половине XX в. семья претерпела значительные изменения, связанные со все более широким участием женщин в общественном производстве и соответствующим пересмотром традиционных ролей супругов в семье. Современная нетрадиционная семья характеризуется тем, что мать, за исключением периода рождения детей и воспитания их в раннем возрасте, работает. Соответственно, изменение ролей супругов приводит и к изменению модели социализации детей. Если раньше отцов рассматривали скорее как «помощников» матерей в воспитании детей [Cabrera et al., 2000] либо как носителей социальных требований и ожиданий к поведению и достижениям ребенка (Э. Фромм), то теперь отцы наравне с матерями становятся полноправными родителями, чей вклад в воспитание не ограничивается функциями обучения и контроля, а включает и эмоциональное общение с ребенком, и первичный уход за младенцем. Эта тенденция к эгалитарности в реализации родительской функции обоими супругами находит отражение в термине «со-родительство», используемом вместо понятий «материнство» и «отцовство», когда говорят о семье, где оба супруга работают и вносят равный вклад в материальное обеспечение семьи. Возникает модель отцовства, в рамках которой отец реализует новую модель эмоционального отношения к ребенку — условную отцовскую и безусловно-принимаящую материнскую любовь. Новая модель отцовства оказывает положительное влияние на развитие детей обоих полов, причем именно для мальчика любящий, ласковый, заботливый отец является той моделью полоролевого поведения, которая обеспечивает благоприятные условия для формирования маскулинных черт.

Трудовая занятость матери оказывает различное влияние на детей в зависимости от ее мотивации и того, какой личностный смысл имеет для нее работа. Если профессиональную деятельность женщина рассматривает как сферу самоактуализации, если работа приносит удовлетворение и чувство самореализованности личности, то дети не только не страдают от того, что мать вынуждена делить свое внимание между домом и работой, но и получают определенные преимущества. Так, общение с детьми у работающих матерей становится более содержательным, включает познавательные формы, игру, совместную деятельность и позитивное эмоциональное взаимодействие. Напротив, если работа для матери не более чем средство заработать на жизнь, то мать, разрываясь между обязанностями хозяйки дома, профессиональными функциями и воспитанием детей, испытывает ролевую перегрузку, стресс. Переживание неудовлетворенности рождает чувство вины, напряжение и выражение негативного аффекта при общении с детьми.

В неполной семье с работающими матерями мальчики оказываются более уязвимыми к факту отвлечения матери на профессиональную деятельность. Так, работающая мать с высшим образованием оказывает позитивное влияние на развитие дочери, предоставляя ей возможность реализовать и утвердить себя в новой социально значимой и высоко оцени-

ваемой семьей роли хозяйки дома, в то время как развитие сыновей, испытывающих депривацию общения с матерью, может быть с большей вероятностью искажено. У мальчиков снижается успеваемость в школе, повышается тревожность, возрастает риск возникновения девиантного поведения [Bronfenbrenner, 1989]. Отцы в таких семьях, как правило, предъявляют более высокие ожидания в отношении успехов и достижений дочерей.

§ 4. Характер эмоционального отношения ребенка к родителю

Виды привязанности

Проблема формирования положительного аффективного отношения ребенка к близкому взрослому (родителям) является одной из наиболее актуальных в психологии развития и психологии личности (З. Фрейд, Э. Эриксон, К. Хорни, Дж. Боулби, М. Эйнсворт, А. Валлон, Л.С. Выготский, М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин). В отечественной психологии проблема формирования первой социальной потребности ребенка — потребности в социальном контакте — подверглась всестороннему изучению. Было доказано, что она связана с эмоционально-позитивным переживанием ребенка и основана на удовлетворении близким взрослым потребности ребенка в новых впечатлениях, а механизмом ее формирования является опережающая инициатива взрослого, создающего зону ближайшего развития ребенка [Лисина, 1986].

В зарубежной психологии проблема формирования аффективного отношения к близкому взрослому (матери и отцу) связывалась с удовлетворением врожденного сексуального влечения (З. Фрейд), с формированием чувства базового доверия к миру (Э. Эриксон), с удовлетворением взрослым потребности ребенка в чувстве безопасности (К. Хорни). Последний тезис — о роли взрослого в обеспечении защиты, безопасности и протекции — был принят как основополагающий постулат концепции привязанности Дж. Боулби, в рамках которой дано теоретическое объяснение механизмов формирования эмоционально-позитивного отношения ребенка ко взрослому.

Боулби, основываясь на эволюционной и этологической теориях, рассматривал привязанность как модель поведения, обеспечивающую достижение и сохранение контактов с близким взрослым, удовлетворяющим потребность ребенка в безопасности, а поведение привязанности — как кибернетическую систему с контролем и обратной связью, считая, что ребенок активен в поиске близости со значимой фигурой взрослого. Лишь установление ребенком необходимой близости и удовлетворение потребности в безопасности открывает возможность для его познавательной активности и исследования ситуации. Фундаментальным тезисом теории привязанности является предположение об интернализации ребенком «рабочей модели» образа значимого взрослого, которая приобретает ориенти-

рующее значение и, выделяя родителя, придает контакту с ним исключительное для ребенка значение.

Сенситивным периодом для формирования привязанности является первый год жизни ребенка. Примерно в 6—10 месяцев, в связи со становлением первой формы «сохранения объекта», у ребенка возникает избирательность в отношении взрослых, происходит объективирование фигуры родителя как предмета привязанности. Если до 12 месяцев привязанность оказывается несформированной, то психическое развитие ребенка нарушается.

Можно выделить следующие этапы формирования привязанности:

- 0—6 месяцев — начало реализации потребности в контакте и близости со взрослым, необходимых для выживания ребенка, в форме поведенческой модели привязанности;

- 6—12 месяцев — на основе формирования «сохранения объекта» сохранение образа матери как объекта поведенческой модели привязанности. Начало отделения своих от чужих. На чужих взрослых у ребенка 6—7 месяцев возникает реакция страха. Интернализация образа матери и четкое выделение фигур привязанности;

- до 2 (3) лет — возникновение и развитие реакции на сепарацию и разлуку с матерью. Сепарация в этом возрасте выступает как фактор риска, провоцирующий развитие невротической потребности в любви. Формирование определенного вида привязанности, обусловленного особенностями материнского поведения и историей развития ребенка (наличием случаев сепарации).

М. Эйнсворт разработала и операционализовала диагностическую процедуру, направленную на выявление типа привязанности. Значимость определения типа привязанности обусловлена тем, что на развитие самооценки и самопринятия, тревожности и склонности к фобиям, познавательное развитие ребенка оказывают влияние различные типы привязанности. В экспериментах Эйнсворт были выделены три основных типа привязанности: надёжная (безопасная) привязанность и две тревожных — тревожно-избегающая и тревожно-амбивалентная (протестующая) привязанности. Позднее эти виды привязанности были дополнены тревожно-дезорганизованным типом. Критериями выделения типов привязанности в исследовании Эйнсворт стали особенности эмоциональной связи ребенок—взрослый, характер взаимодействия и близость контактов ребенка со значимым взрослым, особенности реагирования на сепарацию и воссоединение с близким взрослым и особенности познавательной активности ребенка. Соответственно названным критериям можно дать следующую характеристику типам привязанности ребенка.

Надёжная привязанность полностью удовлетворяет потребность ребенка в безопасности, характеризуется высокой степенью позитивного эмоционального взаимоотношения, близостью и интенсивностью взаимодействия, реакцией дистресса на сепарацию и положительной эмоциональной реак-

цией на воссоединение, высокой степенью познавательной активности ребенка.

Тревожно-амбивалентная (протестующая) привязанность характеризуется неуверенностью ребенка в получении помощи и поддержке со стороны взрослого, тревожностью как основной характеристикой эмоциональной связи, поведенческой стратегией поиска контакта и близости со взрослым, реакцией выраженного дистресса на отделение от взрослого и амбивалентным реагированием (радостью и гневом) на воссоединение с объектом привязанности, реакцией резкого снижения познавательной активности в угрожающей ситуации, т.е. в ситуации разлуки с близким взрослым. Реакции протеста на разлуку со взрослым ярко выражены либо в форме «мнимой смерти», либо импульсивно-агрессивного поведения.

При *тревожно-избегающем* типе привязанности, как и в предшествующем случае, главной характеристикой эмоциональной связи будет тревожность. Ребенок склонен к ожиданию отвержения со стороны взрослого, к уверенности в отсутствии помощи со стороны взрослого. В силу всего этого ребенок предпочитает стратегию избегания взрослого, что находит отражение в особенностях его реагирования на сепарацию и воссоединение со взрослым. При воссоединении ребенок демонстрирует избегание или отвержение взрослого. Познавательная активность ребенка также оказывается ограниченной стратегией избегания.

Тревожно-дезорганизованный тип привязанности отличается восприятием ребенком мира как враждебного и угрожающего. Страх вызывает и близкий взрослый, и предметная ситуация. Доминирование тревоги и страха вызывает дезорганизацию, непредсказуемость и хаотичность поведения ребенка.

Наконец, самым неблагоприятным вариантом развития привязанности может стать ее отсутствие. Несформированность привязанности может быть обусловлена либо изначальным упущением сенситивного периода, либо быть результатом необратимого повреждения привязанности. Например, повреждение привязанности может произойти при длительной сепарации ребенка раннего возраста (до трех лет) с матерью или другим близким взрослым, выступающим объектом привязанности, если ранее была сформирована привязанность тревожного типа. Мера деструктивного влияния сепарации на привязанность, по мнению Боулби, определяется влиянием следующих факторов: характером эмоциональной связи с близким взрослым и опытом взаимодействия с ним ребенка до сепарации (типом сформированной ранее привязанности); индивидуально-типологическими и личностными особенностями самого ребенка, в частности его темпераментом; возможностью компенсации дефицита общения с близким взрослым, т.е. возможностью взрослых, опекающих ребенка, заменить мать в период сепарации.

В ряде исследований было показано, что ненадежная привязанность ведет к нарушениям развития Я, низкой самооценке и самопринятию, высо-

кой эмоциональной неустойчивости, страхам, высокой тревожности, депрессии, росту делинквентности поведения [Bowlby, 1988; Ainsworth, 1982; Crittenden, 2000]. Таким образом, особое значение приобретает вопрос об условиях формирования надежной безопасной привязанности.

Привязанность формируется в диадическом отношении ребенка с близким взрослым, обеспечивающим первому заботу, протекцию и безопасность. Тип привязанности в значительной мере определяется базовыми характеристиками матери или другого близкого взрослого, проявляющимися в общении и совместной деятельности с ребенком. Такими базовыми качествами матери, обуславливающими формирование надежной привязанности, являются:

- эмоциональное принятие ребенка и способность коммуницировать его в действии (любовь и уважение личности ребенка);
- чувствительность, сенситивность к поведению ребенка; способность выделять те особенности его поведения, которые сигнализируют о его потребностях, нуждах и желаниях;
- понимание состояния ребенка и причин этого состояния, адекватный когнитивный образ ребенка;
- респонсивность в отношении потребностей ребенка, отзывчивость матери как умение адекватно реагировать на состояние и нужды ребенка;
- постоянство, последовательность, непротиворечивость поведения матери, обеспечивающая ребенку возможность ориентироваться в поведении матери и адекватно отвечать на него;
- высокий уровень субъектности общения: субъектная ориентация матери на ребенка, а не отношение к нему как к объекту ухода и манипуляций. Построение материнского поведения и взаимодействия с ребенком с учетом его активности и потенциальных возможностей. Примером такой субъектности может служить различное поведение матери в отношении близнецов, учитывающее их индивидуально-личностные особенности [Crittenden, 2000].

Исследование качеств матери, необходимых для формирования надежной безопасной привязанности и развития предметной деятельности ребенка, обнаружило некоторые закономерности [Попцова, 1994]. Так, нарушения респонсивности (гипертрофированности или недостаточная отзывчивость) и низкая субъектность общения даже при условии высокой степени эмоционального принятия ребенка матерью приводят к замедлению темпа психического развития ребенка, а низкая степень эмоционального принятия и отзывчивости матери в сочетании с субъектно-ориентированным общением — к отставанию ребенка в развитии.

Броуди выделяет четыре типа установок матери в отношении воспитания, определяющих модели ее взаимодействия с ребенком.

1. Легкое приспособление матери к потребностям и поведению ребенка. Мать адекватно и легко меняет свои воспитательные методы в соответствии с новыми ситуациями и новыми возможностями ребенка, хорошо по-

нимает его потребности; для нее характерен положительно-эмоциональный тон общения и взаимодействия с ребенком. Девизом таких матерей является «Воспитание — это радость в жизни».

2. Сознательное целенаправленное приспособление матери к поведению ребенка, требующее мобилизации всех ее сил. Высокая тревожность, связанная с ее опасениями оказаться недостаточно эффективной и компетентной матерью. «Воспитание ребенка¹ — это большая ответственность».

3. Материнская установка определяется прежде всего чувством долга и ответственности. Уровень эмоционального принятия ребенка достаточно низкий. Характерно отношение матери к воспитанию как к тяжелой работе, которую необходимо выполнить несмотря ни на что. «Воспитание — это мой крест и мой долг».

4. Поведение матери неадекватно потребностям ребенка. Причинами такой неадекватности являются низкий уровень сенситивности и понимания ребенка матерью и, соответственно, низкий уровень респонсивности и отзывчивости. Часто наблюдается изменение эмоционального отношения к ребенку от положительно-эмоционального в сторону амбивалентного, и даже отвержения ребенка. Воспитание для таких матерей — тяжелая кара, представляющаяся явно незаслуженным наказанием! К этой группе можно отнести матерей, которые предпочитают общение лишь с одной возрастной группой детей, например любящих детей и испытывающих к ним нежность, лишь пока они маленькие. Как правило, в этом последнем случае формируется ненадежная, избегающая или дезорганизованная привязанность.

Исследования показали, что типы привязанности развиваются на протяжении всего жизненного цикла, основываясь на модели привязанности, сформировавшейся в раннем детстве, и новых видах психической и поведенческой компетентности [Bowlby, 1988; Attachment in Adults, 1996]. Так, исследование связи между типом привязанности у взрослых и характером супружеского взаимодействия обнаружило ее значимость. Выяснилось, что супружеские пары, характеризующиеся безопасной привязанностью для обоих супругов, легче переживают вынужденную разлуку и сепарацию и обнаруживают более высокий уровень субъективной удовлетворенности браком, чем пары, в которых хотя бы у одного из супругов диагностируется тревожный тип привязанности. Интересные тендерные различия были выявлены в работе Д. Кона [см.: Attachment in Adults, 1996]. Так, если для мужей с безопасной привязанностью характерен более низкий уровень конфликтности в семейных отношениях и более эффективное общение, чем для мужей с тревожным типом привязанности, то для жен такой закономерности выявлено не было.

П. Криттенден [2000] изучала развитие привязанности в контексте защитных стратегий личности в дошкольном, младшем школьном и подростковом возрастах. Вслед за Боулби автор исходит из представления о том, что с возрастом ребенок становится все более активным участником взаимодействия с близким взрослым, защитные стратегии его поведения все

более опосредуются складывающимся у него умственным образом диадического отношения ребенок — взрослый. Выбор стратегии переработки опыта общения и построения защитного поведения — когнитивной или аффективной — определяет дальнейшее развитие привязанности.

Надежная привязанность, основанная на чувстве безопасности, с возрастом находит выражение во все более широком спектре форм поведения, реализуемых ребенком в отношении близкого взрослого, (родителя). Надежная, безопасная привязанность реализуется в детско-родительских отношениях, основывающихся на взаимоуважении партнеров, взаимопонимании и эмоциональном принятии. В совместной деятельности и общении наблюдаются хороший уровень кооперации, высокая степень автономии и эмоциональной дифференциации ребенка.

Сдержанная привязанность также основана на чувстве безопасности, но носит более дистантный характер. Ребенок кажется самостоятельнее, чем в предшествующем случае, реальная интенсивность и плотность детско-родительского взаимодействия гораздо ниже. За дистантностью взаимодействия скрыта осторожность ребенка, его опасения стать объектом отрицательной оценки взрослого, потерять любовь и привязанность. Ребенок очень чувствителен к оценкам взрослого, особенно негативным, и к наказанию. Родительское отношение воспринимается ребенком скорее по типу отцовской любви, т.е. любви, обусловленной выполнением требований, обязательств, любви, которую надо заслужить. Сдержанная привязанность является типом переходным от надежной привязанности к избегающей.

Реактивный тип привязанности занимает промежуточное место между привязанностью надежной и амбивалентной, характеризуется очень высокой степенью эмоциональной насыщенности отношений и лабильностью, неустойчивостью эмоциональных состояний. Ребенок постоянно ждет от родителя подтверждения любви, очень чувствителен к поощрениям, испытывает повышенную потребность в ласке и одобрении.

Дети с избегающим типом привязанности, используя когнитивные защитно-отклоняющие стратегии для предупреждения возможного невнимания, отвержения и обвинения со стороны родителей, реализуют такие формы поведения, как игнорирование, отрицание, изоляция, компульсивное (навязчивое) послушание, услужливость. Формируется личностный тип так называемого «послушного ребенка» — конформный, уступчивый, тихий. Четыре вида привязанности — социально-уступчивый/вытесняющий, изолированный, навязчиво-заботливый, навязчиво-послушный — порождают варианты подобного послушного поведения. Социально-уступчивый ребенок подстраивается под взрослого, вытесняя из своего сознания факты невнимательного, пренебрежительного и отвергающего отношения к нему взрослого. Подавление и вытеснение выступают здесь главными стратегиями защиты. Изолированный тип характеризуется обособленностью поведения, внешним равнодушием и индифферентностью к вниманию и обще-

нию со взрослым. Навязчивая заботливость проявляется в своеобразной инверсии ролей ребенка и родителя и принятии ребенком функций опекающего и заботливого родителя. Навязчивое послушание в стремлении предупредить и угадать все желания и выполнить все поручения взрослого по типу: «Мамочка, что надо сделать? Я уже». Интерпретация ребенком отношения к нему родителя в этом случае сводится к рассуждению о том, что он недостаточно хорош и не заслужил его любви и ласки. Надо стать лучше, и тогда отношение родителей изменится в лучшую сторону. Поэтому ребенок стремится быть во всем первым и добиваться успеха, стремится всем услужить и быть полезным родителям. Очевидно, что привязанность такого типа приводит к формированию невротической потребности в любви — все должны любить ребенка, и ребенок старается во что бы то ни стало заслужить эту любовь. Принудительно-послушный тип привязанности, в отличие от предыдущего, характеризуется крайне пассивным поведением. Отсутствие инициативы как в интеллектуальной деятельности, так и в общении, кажущееся безразличие к отношению окружающих людей, отказ от задач, представляющихся ребенку трудными, нежелание прилагать усилия к преодолению трудностей — черты поведения ребенка, свидетельствующие о стратегии выученной беспомощности и низком самопринятии. «Я плохой, и поэтому мне лучше вообще ничего не делать» — кредо такого личностного типа.

Амбивалентная (тревожно-протестующая) привязанность порождает аффективные формы переработки конфликта неудовлетворенности ребенка характером отношений с родителями. Борьба за любовь, внимание и заботу родителя принимает явно выраженную аффективную форму. Налицо феномен «капризного ребенка», трудности родительско-детского взаимодействия и в ряде случаев обращение родителей за психологической помощью.

Амбивалентная привязанность отличается стремлением ребенка контролировать взрослого, использованием манипулирования, угроз, шантажа, взывания к жалости. Ребенок выбирает угрожающую либо умиротворяющую стратегию воздействия на поведение родителей. В случае угрожающей стратегии борьба за внимание родителей ведется такими средствами, как капризы, шум, крик, угрозы, агрессия, настаивание на своем. В случае умиротворяющей стратегии — демонстрация своей беспомощности, зависимости от родителей, неспособности выжить без их заботы и участия, «игра на чувствах» родителя. Например, ребенок провинился и, чтобы избежать наказания и получить подтверждение родительской любви и принятия, намеренно демонстрирует родителю преувеличенное чувство вины: «Я буду плакать, пока ты меня не простишь».

Криттенден выделяет также типы привязанности, лежащие в пограничной области и за пределами нормы: пунитивно-соблазняющий, угрожающе-параноидальный, промискуитетный (неразборчивый), компульсивно-изолирующийся.

Пунитивно-соблазняющий тип привязанности представляет собой крайние формы привязанности амбивалентной, где пунитивный тип предполагает применение тактики наказания ребенком родителя («Ты меня сегодня ругала, я с тобой больше разговаривать не буду»), нанесения ущерба и проявление физической и вербальной агрессии. Например, капризный ребенок, настаивая на своем, кусается до крови, дерется, использует бранные слова и т.д. «Соблазняющий» вариант поведения предполагает установление отношений типа: «Если ты со мной будешь хорошим, то я тебе...» (предложение благ и привилегий).

Угрожающе-параноидальный тип привязанности характеризуется низким уровнем базового доверия к миру, враждебностью, ожиданием угрозы. Поведение ребенка строится по принципу: «Все против меня, все враги, все хотят причинить мне вред, надо нанести удар первым». Например, ребенок никогда не попросит игрушку, не возьмет ее просто, а всегда толкнет, ударит, отберет. Нередко он избирает себе жертву из членов семьи (обычно бабушек, дедушек) и начинает целенаправленно ее изводить.

Избегающий тип привязанности в экстремальных формах выступает как компульсивно-изолирующийся и промискуитетный (неразборчивый). Компульсивно-изолирующийся тип исходит из установки, что полагаться в жизни можно только на самого себя и свои силы, а от социального окружения можно ждать лишь неприятностей. Стратегией защитного поведения здесь становится изоляция — «движение от людей» (К. Хорни) по принципу «Я сам по себе». Промискуитетный тип проявляется в неразборчивости межличностных связей, нарушении избирательности и селективности в установлении значимых отношений, искажении приоритетности лиц из социального окружения. Так, ребенок может отпустить руку матери и уйти с незнакомой женщиной, сказавшей: «Какой ты хорошенький! «Пойдешь со мной?» Неразборчивость в установлении привязанности является фактором риска виктимизации таких детей, резко увеличивающим вероятность того, что именно они окажутся жертвами насилия и агрессии.

Поскольку типы привязанности, развиваясь и трансформируясь на протяжении жизненного пути личности, составляют основу построения ею близких межличностных отношений, то, по мнению Криттенден [Crittenden, 2000], характер отношения родителя к ребенку будет определяться типом привязанности. Соответственно, в рамках детско-родительских отношений будет возрастать вероятность формирования взаимодополняющих реверсивных диадических сочетаний типов привязанности. Например, родитель, демонстрирующий поведение по типу беспомощности, будет индуцировать у ребенка поведение типа компульсивной заботы; или родитель, защитное поведение которого строится по типу навязчивого послушания, будет провоцировать формирование у ребенка угрожающе-пунитивного типа привязанности.

Анализ особенностей внутренней позиции ребенка в отношении родителей позволяет выделить различные варианты переживания ребенком

детско-родительских отношений [Хоментаскас, 1985]. Четыре типа внутренней позиции ребенка, определяемой его восприятием отношения к нему родителей и особенностями отношения его самого к родителям, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Типы и воспитательное значение внутренней позиции ребенка в детско-родительских отношениях (по Г.Т. Хоментаскасу)

Тип внутренней позиции	Особенности типа семейного воспитания	Особенности личностного развития ребенка
1. «Я нужен и любим, и я люблю вас тоже»	Эмоциональное принятие сотрудничества и кооперация; взаимное уважение и демократический стиль общения; авторитетный тип воспитания	Доверие к людям и готовность к сотрудничеству; высокая самооценка и самопринятие; социальная компетентность; надежная привязанность
2. «Я нужен и любим, а вы существуете ради меня»	Воспитание по типу кумира семьи; потворствующая гиперпротекция; культ ребенка и его желаний	Эмоционально-личностный эгоцентризм; неадекватно завышенная самооценка и искажение Я-концепции; низкая социальная и коммуникативная компетентность; аффект неадекватности; амбивалентная привязанность
3. «Я нелюбим, но всей душой стремлюсь приблизиться к вам»	Низкое эмоциональное принятие ребенка, амбивалентность, явное или скрытое отвержение; воспитание в условиях повышенных требований и моральной ответственности; доминирующая гиперпротекция; феномен делегирования и перфекционизма	Низкая самооценка и самопринятие; искажение развития Я-концепции; чувство вины и неполноценности; тревожность и фрустрированность; перфекционизм; конформизм; эмоциональная зависимость; тревожный избегающий или амбивалентный тип привязанности
4. «Я не нужен и не любим, оставьте меня в покое»	Амбивалентность принятия, явное или скрытое отвержение; гипопротекция, безнадзорность; доминирующая гиперпротекция строгость санкций и жестокое обращение; авторитарно-директивный стиль общения; отстраненность родителей	Тревожные типы привязанности (амбивалентный и избегающий); низкое самопринятие и самооценка; агрессивность и враждебность; высокая тревожность; фрустрация потребности в любви и заботе; отсутствие базового доверия к миру

Эмоциональный климат в семье определяется не только отношением родителя к ребенку и ребенка к родителю в терминах эмоционального принятия, материнской и отцовской любви и привязанности, но и характером *аффективных взаимоотношений* в диаде родитель—ребенок (А.С. Спиваковская, Г.Т. Хоментаскас). Параметрами их определения являются эмоциональный знак и симметричность отношений. Соответственно, можно выделить варианты взаимоотношений.

Взаимные, симметричные отношения:

- эмоциональное взаимное принятие. Для ребенка характерно базовое переживание того, что он любим и дорог в семье, и родители чувствуют ответную его любовь. Такие отношения обеспечивают гармоничное развитие ребенка: высокую самооценку и самопринятие, доверие и доброжелательность к миру, готовность к сотрудничеству со взрослыми и сверстниками;
- симметричная негативная установка. Обе стороны — и родители, и ребенок — взаимно отвергают друг друга. У ребенка, как правило, негативное отношение к родителям вторично, за исключением варианта аномального развития, и является следствием эмоционального отвержения или амбивалентности отношений родителей. В результате у ребенка формируется тотальная враждебность по отношению к миру, агрессивность, низкая степень самопринятия, негативная амбивалентная самооценка. Часто наблюдается его демонстративное, социально-провоцирующее, протестующее поведение.

Невзаимные, асимметричные отношения:

- односторонняя родительская любовь. Ребенок горячо любим родителями и является объектом их заботы, внимания, безграничного обожания и любви. Сам же ребенок занимает отстраненную позицию, не испытывая по отношению к родителям эмпатии, эмоциональной привязанности, тепла. Обычно такой тип взаимоотношений является результатом нарушений семейного воспитания по типу потворствующей гиперпротекции или воспитания по типу кумира семьи. У ребенка формируются неадекватно завышенная самооценка, возникают трудности общения вследствие эмоционально-личностного эгоцентризма, проблемы с установлением отношений сотрудничества и кооперации, высокая конфликтность. Наблюдаются трудности адаптации к новой социальной ситуации, новому социальному окружению. Получение негативной обратной связи приводит к формированию у такого ребенка амбивалентной самооценки, а в значительном числе случаев к формированию аффекта неадекватности и, как следствие, к дезадаптации, частым конфликтам, уходу, изоляции, агрессии. В случае варианта воспитания по типу «кумир семьи» возникают трудности волевой регуляции деятельности и произвольно-го поведения;

- односторонняя привязанность ребенка. Ребенок испытывает по отношению к родителям привязанность и любовь, а родители холодны и не отвечают взаимностью. Следствием такого искажения аффективных детско-родительских отношений становится формирование тревожных вариантов привязанности. Невротический тип личности, вероятность формирования которого весьма велика, характеризуется неуверенностью в себе, низкой самооценкой, высокой тревожностью, ненасыщаемой потребностью в любви.

Единственным благоприятным вариантом детско-родительских отношений является взаимное эмоциональное принятие, обеспечивающее гармоничное личностное развитие и высокий уровень удовлетворенности жизнью как ребенка, так и родителя. На ранних стадиях онтогенетического

развития решающая роль в формировании аффективных взаимоотношений принадлежит взрослому, но уже начиная со второго полугодия жизни все более их начинает определять активное поведение ребенка. Темперамент ребенка, родительские установки, особенности мотивационно-потребностной и ценностной сфер родителя составляют психологические условия для построения эмоциональных взаимоотношений в детско-родительской подсистеме семьи.

§ 5. Мотивы воспитания и родительства

Родительство может рассматриваться как особая деятельность, имеющая органические предпосылки и культурно-историческую природу. Родительство, включающее, как отмечалось выше, институт отцовства и материнства, является социально-предписанной, опосредствованной культурным опытом, нормами, традициями и общественно значимой деятельностью. Как и всякая другая, родительская деятельность характеризуется иерархической системой мотивов, включающих мотивы смыслообразующие и побудительные, «только знаемые» и «реально действующие» (А.Н. Леонтьев), осознаваемые (сознательные намерения) и бессознательные (побуждения). О нарушениях мотивационной системы деятельности, реализующей задачи воспитания и родительства, можно говорить либо тогда, когда смыслообразующие мотивы не адекватны содержанию реализуемой деятельности, либо если гипертрофирован один из мотивов или мотивы противоречат и не согласуются друг с другом. Глубокий психологический анализ мотивов воспитания ребенка родителями и следствий их искажения представлен в работах А.С. Спиваковской [1985, 1999]. Все мотивы воспитания она подразделяет на три группы: реализующие ценностное отношение к ребенку, социальные и инструментальные.

Первую группу составляют мотивы деятельности, определяющие ценностное отношение к ребенку: мотив, реализующий потребность в привязанности, эмоциональном контакте и поддержке, и мотив, реализующий потребность в смысле жизни. Ребенок для родителя обладает самоценностью как личность, детско-родительские отношения строятся как диалогическое общение равноправных партнеров, стимулируя личностный рост каждого из них [Петровская, Спиваковская, 1983].

Мотив, реализующий потребность в привязанности, эмоциональном контакте и поддержке, является естественным стремлением личности к установлению эмоционально-позитивной связи со значимым Другим. Часто именно этот мотив выступает как смыслообразующий в родительском воспитании. Нарушения и искажения воспитания возникают тогда, когда ребенок является для родителя единственным человеком, в отношении которого может быть реализована эта потребность. Неполные семьи составляют в

этом отношении группу риска, поскольку возможности общения и контактов одинокого родителя, воспитывающего ребенка, часто бывают ограничены в силу ролевой перегруженности и при ребенке сконцентрированы все аффективные переживания родителя. Другим вариантом нарушения процесса воспитания может стать высокая мотивация эмоциональной близости и привязанности при низкой эмоциональной дифференцированности ребенка и родителя. В случае симбиотической связи с ребенком родитель оказывается чрезмерно вовлеченным в детско-родительские отношения и аффективно зависимым. Причиной такой гипертрофированной зависимости могут быть неадекватные формы привязанности самого родителя, переносимые на отношения с ребенком, или невротическая потребность в любви. Возможное следствие — искажение семейного воспитания по типу потворствования и вседозволенности или воспитания по типу «кумир семьи». Неопределенность, размытость личностных границ в детско-родительских отношениях становится препятствием в формировании личностной идентичности и решении задачи автономизации и становления самостоятельности в подростковом возрасте.

Мотив, реализующий потребность в смысле жизни, является важнейшим смыслообразующим мотивом родительства. Полная самореализация личности в зрелости предполагает передачу ребенку опыта и накопленной мудрости в процессе его воспитания и наставничества, выступая для зрелой личности возможностью осуществления самотождественности, после завершения индивидуального жизненного цикла [Эриксон, 1995; 1996]. Однако если воспитание ребенка — единственный смысл и ценность в жизни родителя, то в момент завершения выполнения им воспитательной функции неизбежно наступает кризис экзистенциального типа, связанный с необходимостью переосмысления жизненного пути, построения новых жизненных смыслов и целей. Если переосмысление оказывается непродуктивным, родитель сталкивается с ситуацией утраты смысла жизни и переживанием пустоты и личностного краха.

К социальным относятся такие мотивы воспитания, как мотив долга и мотив социального самоутверждения (престижный). Особенность такой мотивации в том, что воспитание ребенка выступает как условие социального признания и достижения (подтверждения) родителем своего социального статуса. Воспитание в глазах родителя является важной задачей, возложенной на него обществом, и успешность ее решения определяет меру социального успеха и признания воспитателя. На первый план здесь выступает стремление родителя быть во всем идеальным, непогрешимым, образцовым. Воспитание является ответственной социальной миссией, реализация которой обеспечивает всеобщее признание и самоуважение. При неадекватном доминировании социальных мотивов ребенок выступает для родителя скорее как объект воспитания и обучения, чем как уникальная личность, обладающая самоценностью и правом на выбор собственного пути развития.

Третья группа — инструментальные мотивы — объединяет мотивы деятельности воспитания, в которой ребенок является средством реализации и других потребностей родителей. Мотив, реализующий потребность достижения, является значимым мотивом-побудителем. В процессе воспитания родители, безусловно, предъявляют определенные требования к уровню достижений и успехов ребенка как важному фактору и критерию оценки эффективности самого процесса воспитания. Однако, если родители не соизмеряют «планку достижений» с индивидуально-личностными особенностями и интересами ребенка, с уровнем его возможностей и зоной ближайшего развития, если сами достижения и успехи становятся самоцелью — успех во имя успеха, — то сама сущность процесса воспитания как создания системы условий для оптимальной траектории развития ребенка с учетом его индивидуальности утрачивается. Ценностное значение личности ребенка не высоко, отношение родителей к нему и к своей воспитательской деятельности определяется уровнем достижений ребенка. Как правило, за неадекватными необоснованными требованиями к достижениям ребенка скрываются нереализованные потребности самого родителя, так называемый феномен делегирования. Делегирование — это проекция на ребенка не реализованных самим родителем целей и возложение ответственности за их достижение. Например, мама в детстве мечтала играть на рояле. Из-за ограниченности материальных средств родители купили ей для занятий не желанное фортепьяно, а баян. Собственного сына мать отправляет в музыкальную школу учиться по классу фортепьяно, невзирая на откровенное нежелание сына, отсутствие необходимых склонностей и способностей. В семье постоянно возникают конфликты из-за успехов в «музыкалке», практически развернуты «военные действия», но мать тверда и настойчива в своем решении дать сыну музыкальное образование: «Надо ценить то, что делают для тебя родители! У меня не было такой возможности. Вот вырастешь и будешь мне благодарен!»

Мотив воспитания у ребенка определенных качеств обусловлен системой целей воспитания и наличием у родителей идеального образа «Мой ребенок», т.е. образа того, каким они хотят видеть своего ребенка, какие качества в нем воспитать. Сознательное родительство и целенаправленный процесс воспитания, несомненно, должны строиться на культурных нормах, идеалах и ценностях, определяемых родителями, но соотносенных с интересами и индивидуальностью самого ребенка. Искажение процесса воспитания связано с доминированием мотива воспитания определенных качеств, приобретающих абсолютную ценность и не соотносенных с возрастными особенностями ребенка и реальностью жизненной ситуации. Например, желая воспитать в ребенке правдивость и честность, родители требуют полного отчета в мелочах, абсолютной прозрачности во всех его поступках, отношениях и действиях, отрицая право ребенка на конфиденциальность, тайну и интимно-личностное пространство переживаний и

мыслей. Итогом насильственного культивирования честности, понимаемой как обязательная отчетность перед родителями во всех, даже самых незначительных действиях, часто является прямо противоположный результат — скрытность, боязнь откровенности, избегание Открытых искренних отношений. Механизмом такого искажения воспитания может быть проекция собственных негативных качеств на ребенка, приписывание их ему и борьба с нежелательными и осуждаемыми в себе качествами посредством навязчивого формирования прямо противоположных у ребенка.

Спиваковская наряду с указанными выше мотивами выделяет мотив реализации в воспитании ребенка определенной педагогической системы. В случае гипертрофирования этого мотива утверждение определенной системой научных взглядов на воспитание превращается в самоцель, а ребенок — в полигон для проверки той или иной педагогической концепции. Тогда индивидуальные его особенности не соотносятся с воспитательной системой, постулаты которой приобретают незыблемую абсолютную ценность.

Структура мотивации родительства и воспитания детей определяется различной ценностью ребенка в семье. В исследовании Е.Н. Ачильдиевой [1990] было выделено три типа семей, в которых дети имеют различную ценность. Первый тип характеризуется высокой ценностью ребенка, воспитание детей в таких семьях, как правило малодетных, — целенаправленная осознанная деятельность родителей. В семьях второго типа дети имеют низкую ценность, рождение их есть результат внешних, сложившихся обстоятельств (позднее осознание нежелательной беременности, отсутствие планирования рождения детей и т.д.), воспитание имеет стихийный характер; такая семья, как правило, многодетная, образовательно-культурный и интеллектуальный уровень родителей в значительном числе случаев невысок. В семьях третьего типа ребенок рассматривается как средство получения благ и привилегий, социального признания и самоутверждения родителей. Ребенок выступает как инструментальная ценность, в воспитании преобладают мотивы самоутверждения родителей и утилитарно-прагматические.

§ 6. Степень вовлеченности родителя и ребенка в детско-родительские отношения

Социальная ситуация развития ребенка в младенчестве характеризуется максимальным слиянием ребенка и близкого взрослого (Л.С. Выготский, А. Фрейд, Д. Винникотт, М. Малер, А. Валлон, Э. Эриксон, Дж. Боулби, В.И. Слободчиков). Выготский писал о том, что центром всякой младенческой ситуации является взрослый. Именно близкий взрослый опосредует отношения ребенка с миром, удовлетворяет все потребности ребенка, создает зону ближайшего развития и условия становления его субъектности. Исходными моментами развития субъектности ребенка является неразде-

ленность и недифференцированность границ его собственного Я и уникальная социальная ситуация развития «пра-Мы». Параметр вовлеченности выступает здесь в двух аспектах. Во-первых, как показатель эмоциональной включенности родителя в процесс воспитания ребенка, т.е. показатель аффективной и ценностной значимости ребенка и отношений с ним для родителя, равно как и наоборот — степень аффективной значимости отношений с родителем для ребенка. Другими словами, как показатель эмоциональной значимости для ребенка отношений с родителями.

Во-вторых, вовлеченность может рассматриваться как показатель степени автономизации ребенка. Центральной линией его психического развития является переход от симбиоза с близким взрослым и максимальной зависимости от него к личностной автономии и самостоятельности. Развитие автономии не означает прекращения сотрудничества ребенка со взрослым, это лишь перестройка детско-родительских отношений на качественно ином уровне, где каждый участник выступает как равноправная и равноценная личность не только по явному или скрытому согласию сторон, но и по объективно достигнутому уровню личностной зрелости и компетентности. Степень вовлеченности родителя и ребенка в детско-родительские отношения означает в этом случае степень соучастия и совместности деятельности — от полного слияния до полного отделения, дистанцированности и изоляции. Показателем родительской вовлеченности — заинтересованности может служить время и интенсивность совместной с ребенком деятельности. Высокая вовлеченность родителя означает активное его участие в жизни ребенка, низкая — уход и избегание контактов, стремление отгородиться от проблем ребенка. Позиционирование родителя и ребенка в деловом и эмоциональном субъектном пространстве сотрудничества и взаимодействия, опосредованное возрастнo-психологическими особенностями ребенка, отражает степень вовлеченности родителя и ребенка.

§ 7. Уровень протекции, забота и внимание родителя. Удовлетворение потребностей ребенка

Удовлетворение потребностей ребенка, забота и внимание со стороны родителей характеризуют уровень протекции в воспитании. Потребности ребенка включают витальные базовые (потребность в полноценной пище, тепле, сне, отдыхе, активном движении и пр.), социальные (потребность в защите и безопасности, в любви и привязанности, в социальном признании, в деловом, личностном и познавательном общении) и познавательные потребности. Центром всякой младенческой ситуации, по словам Л.С. Выготского, является взрослый. Именно близкий взрослый опосредует контакты ребенка с миром, через взрослого удовлетворяются все потребности ребенка. Забота и внимание родителей являются психологиче-

ской основой формирования у него потребности в социальном контакте и привязанности.

Э.Г. Эйдемиллер [1996] считает целесообразным различать собственно уровень протекции и степень удовлетворения потребностей ребенка. Уровень протекции характеризует протекцию «на полюсе родителя», т.е. то, сколько сил, времени и внимания уделяют родители процессу воспитания ребенка, какое место занимают мотивы воспитания в ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сфере родителей. Уровень протекции может быть адекватным (соответствующим возрастным и индивидуальным особенностям ребенка), чрезмерным (гиперпротекция) и недостаточным (гипопротекция). В случае гиперпротекции мотивы родительства и воспитания доминируют в мотивационно-потребностной сфере, находя отражение в поглощенности и сосредоточенности родителя на проблемах воспитания ребенка. Напротив, ситуация гипопротекции отличается недостатком внимания родителя к ребенку, дефицитом общения, игнорированием родителем проблем ребенка, низкой готовностью прийти на помощь и низкой интенсивностью сотрудничества и совместной деятельности.

Степень удовлетворения потребностей ребенка характеризует уровень протекции «на полюсе ребенка», т.е. его субъективное переживание внимания и заботы, проявляемое к нему родителем. Адекватное удовлетворение потребностей ребенка предполагает гармоничность баланса удовлетворения как витальных, так и высших (духовных, социальных, познавательных) потребностей ребенка, обеспечивающую возможности для его оптимального личностного и умственного развития. Вариантами отклонений здесь являются потворствование, игнорирование потребностей ребенка и дисгармоничность в их удовлетворении. Потворствование выражается в стремлении родителей к максимальному некритичному удовлетворению любых потребностей ребенка по принципу «желание ребенка — закон» [Эйдемиллер, 1996]. Игнорирование потребностей ребенка предполагает систематическую депривацию более или менее широкого их круга. Наиболее уязвимыми при этом оказываются, как правило, высшие потребности — в сотрудничестве и совместной деятельности с родителями, в эмоциональном и познавательном общении. Дисгармоничность удовлетворения потребностей ребенка предполагает игнорирование одних и некритичное, чрезмерное удовлетворение других. Например, при чрезмерной интенсивности познавательных форм активности ребенок может испытывать депривацию потребности в эмоциональном контакте, любви и ласке родителей. Наоборот, заласканный и избалованный домашними ребенок, не знающий отказа ни в чем, что касается еды, лакомств, малейшее желание которого немедленно угадывается родителями, буквально задыхается в затхлой атмосфере невежества, где нет места духовным интересам и познавательным видам активности (вспомним детство Илюши Обломова, блестяще описанное в романе Л.Н. Толстого). Типичным вариантом дисгармоничности

удовлетворения потребностей ребенка родителями является потворствование в области материально-бытовых потребностей и пренебрежение в области потребностей высших; в основе его лежит стремление родителей «откупиться» от ребенка за недостаток любви и внимания либо низкий культурный уровень самих родителей, для которых ценность и значимость духовных потребностей крайне низка.

§ 8. Стиль общения и взаимодействия с ребенком, особенности проявления родительского лидерства и власти

Система понятий, характеризующих стиль общения и лидерства в детско-родительских отношениях, включает дихотомию доминирование — подчинение, власть, ответственность, директивность, авторитетность.

Френч и Равен выделяют пять видов социальной власти, характеризующих детско-родительские отношения в семье [см.: Дружинин, 1996]:

- *власть вознаграждения*, основанная на контроле поведения ребенка и использовании системы наказаний и поощрений;

- *власть принуждения*, где жесткий и тотальный контроль со стороны родителя фокусируется лишь на нежелательном запрещенном поведении, которое строго наказывается; успехи, достижения, социально-одобряемое поведение ребенка остается без внимания;

- *власть эксперта* базируется на признании ребенком большей компетентности родителя и готовности к подчинению более сведущему и умелому партнеру;

- *власть авторитета* основана на уважении ребенка к родителю как представителю общества, образцу поведения и деятельности личности;

- *власть закона* олицетворяется для ребенка в родителе как носителе социальных правил и норм поведения, исполнителе их и судье.

Ф. Райе выделяет четыре основных стиля руководства и общения родителей с ребенком: автократический; авторитетный, но демократический; либеральный и хаотический. Критерием выделения перечисленных стилей является способ принятия решений. Автократический стиль предполагает единоличное принятие решения родителями без учета мнения и позиции ребенка. Авторитетный, но демократический основывается на совместном принятии решений родителями и детьми с учетом интересов ребенка. Либеральный стиль руководства оставляет инициативу и решение за ребенком. Хаотический характеризуется непоследовательностью управления и руководства, переходом от авторитарных способов взаимодействия к либеральным, демократическим и обратно.

Д. Элдер расширяет указанный список и рассматривает уже семь стилей общения и взаимодействия родителей с детьми применительно к подростковому возрасту [см.: Кле, 1991]. Автократический стиль, как крайний

вариант родительского единоначалия, исключает участие подростка как в обсуждении проблем, так и в принятии решений. Авторитарный стиль, хотя и оставляет за родителем абсолютную власть и неограниченное право принятия решений, допускает для подростка возможность высказывания своего мнения и точки зрения, но без права голоса. Демократический стиль руководства предполагает равноправное участие родителя и подростка в обсуждении и принятии решения с учетом опыта и меры компетентности каждой из сторон. Эгалитарный стиль абсолютизирует равенство позиций родителя и ребенка, не дифференцируя их роли во взаимодействии и, соответственно, не учитывая возрастные, индивидуальные и когортные различия между ними. Разрешающий стиль характеризуется усилением роли и влияния подростка, возрастанием его активности в управлении семейным взаимодействием при возрастающей готовности родителя некритично соглашаться с любым решением, предлагаемым подростком. При попустительском стиле взаимодействия право единоличного решения передается родителем подростку, а подросток уже сам выбирает, информировать ли ему родителей о своих действиях. Наконец, игнорирующий стиль детско-родительского взаимодействия представляет собой полную независимость и дистанцированность партнеров, когда родители не интересуются делами подростка и не принимают в них никакого участия, а подросток не считает нужным информировать их о своих планах и поступках.

Исследования влияния различных стилей руководства на развитие личности ребенка и формирование детско-родительских отношений показали, что наиболее благоприятное воздействие на воспитательный процесс оказывает авторитетный и демократический стиль взаимодействия, в то время как остальные стили приводят к нарушениям личностного развития и дисгармонии межличностных отношений родителей и детей [Райе, 2000]. Авторитарный стиль руководства, основанный на требовании беспрекословного подчинения, приводит к формированию негативизма, протестных реакций или, напротив, к чрезмерной зависимости, безынициативности, низкой волевой регуляции и недостаточной самоэффективности. Отношения родителей и детей оказываются пронизаны враждебностью, агрессивностью, недоверием и отчужденностью. Либерально-попустительский стиль взаимодействия не обеспечивает достаточной ориентации ребенка в социальных ожиданиях, нормах, требованиях, вследствие чего выступает фактором риска в генезисе девиантных форм поведения, социальной дезадаптации. Атмосфера вседозволенности рождает повышенную тревожность, страх, сомнение в собственной ценности, неуверенность в себе [Берне, 1986]. Особенно неблагоприятно на развитии детей сказывается хаотичный, или непоследовательный, стиль руководства и общения, умножающий негативные следствия как авторитарного, так и попустительского стиля.

Демократический стиль общения предполагает равноправный диалог, в котором оба партнера — и ребенок, и родитель — проходят определенный

путь личностного роста. Метод конгруэнтной коммуникации как инструмент демократического общения в системе отношений и взаимодействия ребенок—взрослый, основан на идеях и принципах гуманистической психологии (К. Роджерс, А. Маслоу, А. Адлер, Р. Дрейкурс, Х. Джайнотт, Т. Гордон). Главная цель конгруэнтной коммуникации — обеспечение психологических условий для позитивного личностного развития ребенка — реализуется через установление взаимопонимания между ребенком и взрослым, формирование отношений доверия и сотрудничества, уважения и равенства на основе безусловного эмпатического принятия ребенка. Р. Дрейкурс и В. Зольц [1986] указывают, что равенство между взрослыми и детьми не предполагает их «уравнивания» по знаниям, умениям и жизненному опыту, но означает равные права на уважение и собственное достоинство. Равноправная форма общения открывает путь к формированию позитивной Я-концепции ребенка, характеризующейся высоким самопринятием и признанием самоценности Я, основанной на адекватном представлении о своих качествах и способностях. Важным условием конгруэнтной коммуникации является организация взрослым ориентировки ребенка в чувствах, переживаниях, эмоциональных состояниях как своих собственных, так и партнера по общению на основе отражения и вербализации их в речи. Благодаря этому обеспечивается более высокий уровень осознания ребенком своих чувств и потребностей и, следовательно, формируется способность произвольного управления своим поведением и состояниями. Другой существенной характеристикой конгруэнтной коммуникации является стимулирование и поддержка активности ребенка, направленной на исследование проблемных ситуаций и самостоятельный выбор пути их разрешения в процессе сотрудничества со взрослым.

Метод конгруэнтной коммуникации основан на определенных принципах организации эффективного общения [Ginott, 1972]. Во-первых, любой акт коммуникации должен быть направлен на укрепление самопринятия ребенка, поддержание позитивного образа его Я. Высказывания и поведение взрослого не должны задевать личное достоинство и самоуважение ребенка. Это требование задает основной критерий оценки эффективности коммуникации в детско-родительских отношениях. Во-вторых, коммуникация должна быть безоценочной, что означает запрет на прямые оценки личности и характера ребенка, постановку диагноза, «навешивание ярлыков», негативные прогнозы на будущее развитие ребенка. Даже похвала не должна содержать прямых оценок личности ребенка, а представлять собой описание его действий и поступков, их значения для окружающих людей. Необходимо избегать в коммуникации высказываний, которые могли бы стать помехой и препятствием для взаимопонимания и сотрудничества ребенка и взрослого. В-третьих, основной акцент в конгруэнтной коммуникации падает на отражение эмоциональных компонентов активности и деятельности ребенка. Наконец, в-четвертых, взрослый должен поощрять

самостоятельность и инициативу ребенка, но в то же время гарантировать ему помощь и сотрудничество в разрешении трудных проблем и ситуаций. В сотрудничестве родитель должен стимулировать активность ребенка, изобегать советов, готовых рецептов и рекомендаций. Активность родителя должна быть направлена на то, чтобы помочь ребенку наметить возможные пути выхода из проблемной ситуации и самостоятельно осуществить оптимальный выбор ее разрешения.

Реализация намеченных принципов и овладение родителем методом конгруэнтной коммуникации требуют усвоения ряда коммуникативных техник: эмпатического «активного» слушания, эффективной похвалы, использования «Ты-высказываний» и «Я-высказываний» и техники разрешения конфликтных ситуаций.

Техника эмпатического «активного» слушания (эмпатического принятия)

По мнению Т. Гордона [1997], техника «активного слушания» составляет ядро психологической помощи ребенку в его личностном развитии. Она способствует формированию у ребенка позиции открытости и доверия к миру, готовности к сотрудничеству, открывая возможности усвоения культурно-исторического опыта в совместной деятельности со взрослым и создавая условия для формирования базовых психологических структур личности путем интериоризации внешних форм общения и деятельности (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, П.Я. Гальперин). Препятствием для формирования такой позиции открытости к развитию в сотрудничестве со взрослым являются неэффективные способы коммуникации, типичные для взаимодействия и общения ребенка со взрослым в семье. Таких типичных способов коммуникации двенадцать, и их можно разбить на четыре группы в зависимости от направленности речевого высказывания взрослого в коммуникации с ребенком [Гордон, 1997]:

- высказывания с целью воздействия на поведение и деятельность ребенка;
- высказывания, направленные на оценку личности ребенка;
- высказывания, ставящие целью интерпретацию поведения и личности ребенка;
- высказывания как уход от коммуникации с ребенком.

Рассмотрим эти способы коммуникации более подробно.

Высказывания с целью воздействия на поведение ребенка.

1. Приказание, распоряжение, команда. Содержат прямую оценку того, что и как должен делать ребенок; не допускают возможности совместного обсуждения проблемы и поиска решений. Формулируются в повелительном наклонении в двух формах — запретительно-ограничительной («Не делай...») и в форме указания конкретного действия, обязательного для исполнения («Садись за уроки!», «Убери!»).

2. Угроза, предупреждение, предостережение ребенка о возможных негативных для него последствиях невыполнения приказа и команды

взрослого. Структура этих высказываний включает два компонента. Первый содержит описание нежелательного образца поведения и формально начинается со слова «если». Второй начинается со слова «то» и описывает те санкции, которым будет подвергнут ребенок в случае, если описанное действие будет совершено. Как правило, в угрозе и предостережении речь идет о наказаниях, лишениях, негативных следствиях поступка ребенка.

Оба эти вида высказываний в скрытой форме коммуницируют ребенку отсутствие уважения к его чувствам и желаниям, неприятие взрослым его как личности, недоверие к его компетентности и способности самому принять и реализовать решение. Приказания и угрозы вызывают у ребенка страх, переживание тревоги и незащищенности перед волей и властью родителей. Негативное аффективное переживание может привести к возникновению сопротивления и агрессии, раздражения и злости по отношению к родителям либо к формированию покорности и зависимости перед силой и властью. Ни тот ни другой вариант в большинстве случаев не прогнозируется родителями и уж тем более не является целью воспитания. Любая угроза или предостережение вопреки формально «запретительно-ограничительному характеру» как бы «приглашает» ребенка исследовать ее серьезность и реальность ее осуществления, т.е. провоцируют ребенка нарушить запрет. Вспомним, что неперенным компонентом сюжета волшебной сказки является нарушение героем запрета, данного лицом, облеченным властью, с чего, собственно, и начинаются его приключения и испытания, представляющие, по сути, обряд инициации и переход в новый социальный статус (В.Я. Пропп).

3. Проповедь, нотации, морализирование — высказывания, апеллирующие к власти высших авторитетов. Здесь аргументами подчинения нормам и правилам, диктуемым родителями, являются мораль, нравственность, закон, долг, совесть, чувство вины и стыда. Такие высказывания также содержат описание требуемого поведения и непременно включают в свою структуру слова, выражающие долженствование: «должен», «обязан», «надо», которые соотносятся с теми самыми некритически усвоенными требованиями к себе, «непереваренными интроектами», приводящими, по словам Ф. Перлза, к невротизации и личностным расстройствам в зрелом возрасте. Гиперсоциализация, перфекционизм, высокая личностная тревожность, низкое самопринятие — вот далеко не полный перечень последствий нотаций для личностного развития ребенка. Такие высказывания подчеркивают низкий статус ребенка, его зависимое подчиненное положение, неравенство позиций ребенка и взрослого. Использование конструкции «Ты не должен делать так» подчеркивает некомпетентность и «порочность» ребенка, актуализирует у него чувство вины и стыда. Еще одним следствием использования нотаций и поучений может стать растущее с возрастом недоверие ребенка к мере компетентности и авторитету самого взрослого, постоянно ссылающегося на высшие авторитеты для доказательства собст-

венной правоты. У ребенка постепенно зреет сомнение в уверенности взрослого в правоте своих действий и поступков.

4. Советы и разъяснения содержат подробное описание родителем того, что и как нужно делать ребенку. Признавая несомненную важность и необходимость такой формы взаимодействия между ребенком и взрослым, нужно ясно отдавать себе отчет в том, что систематическое ее применение при ограничении самостоятельности ребенка, кооперации и сотрудничества в решении проблем неминуемо приведет к формированию зависимости ребенка от взрослого, его неспособности самостоятельно разрешать поставленные задачи, проявлять инициативу, блокирует развитие личностной автономии.

5. Наставления, логическая аргументация, поучения. Особенность этого вида высказываний состоит в том, что, помимо описания образца желаемого поведения, они содержат аргументацию, почему нужно делать именно так, а не иначе. По сути, эти высказывания претендуют на то, чтобы свести все многообразие форм общения ребенка с родителем к научению, где взрослый выступает в роли носителя мудрости и жизненного опыта, умений и знаний, организующего и руководящего деятельностью ребенка, которому отводится роль некомпетентного исполнителя, неспособного к самостоятельным поступкам и решениям. Систематическое использование подобного вида высказываний, закрепляющего описанное выше распределение ролей в совместной деятельности, формирует у ребенка чувство личностной неадекватности и неполноценности, которое может стать основой формирования комплекса неполноценности, причиной борьбы за власть, превосходство, определить выбор неадекватных жизненных стратегий (А. Адлер). В подростковом возрасте подобная форма коммуникации может вызвать бунт и сопротивление подростка мнениям и воле родителей, в тяжелых случаях — негативизм и конфронтацию. Дефицит практики самостоятельного поиска и принятия решения приводит к задержке развития автономии и формированию зависимости от взрослого, конформности, инфантилизации и инвалидизации ребенка.

Высказывания, направленные на оценку личности ребенка

6. Негативная оценка, осуждение, порицание, «приговор». Высказывания содержат прямую негативную оценку личности ребенка и его действий, указывают на несоответствие качеств личности, уровня достижений и поступков ребенка социальным ожиданиям и требованиям. Подобные высказывания негативно влияют на развитие Я-концепции ребенка, навязывая ему негативное представление о себе и своих возможностях, формируя неадекватно низкую либо искаженную самооценку. Следствием систематической уничижительной критики родителем ребенка может стать хорошо известный в психологии эффект Пигмалиона. Иными словами, подобная критика оказывает прямо противоположное намерениям родителей воздействие.

Вместо «исправления» ребенок, напротив, воплощая в себе худшие ожидания родителей, обнаруживает все те отрицательные черты характера и качества личности, с которыми они вели «непримиримую борьбу».

7. «Наклеивание ярлыков», высмеивание, «обзывание», ругань. Наиболее резкая и грубая форма прямой оценки личности. Оказывает буквально разрушительное воздействие на развитие Я-концепции ребенка. Наиболее неблагоприятными эффектами являются формирование чувства отверженности и эмоционального неприятия, незащищенности, комплекса неполноценности, низкая степень самопринятия, оборонительно-агрессивная, враждебная позиция по отношению к миру. Систематическое использование родителями подобной формы высказываний должно быть квалифицировано как намеренная психологическая травматизация ребенка, эмоциональное отвержение, форма насилия и агрессии. Подобное обращение требует немедленных мер защиты психологической безопасности ребенка.

8. Похвала. Как вид речевого высказывания, содержащего прямую позитивную оценку личности ребенка, она при неверном применении также может стать причиной негативных эффектов в его развитии. Похвала, далекая от реальности либо просто не соответствующая образу Я ребенка, т.е. представлению ребенка о себе и своих качествах, может быть воспринята им как насмешка и издевательство, или поставить под сомнение искренность родителей и понимание ими его чувств и переживаний, или будет воспринята как попытка взрослых манипулировать им. Наконец, избыток похвалы делает ребенка зависимым от социального одобрения, подкрепляет внутреннюю его неуверенность в себе и увеличивает тревожность. Неадекватная избыточная похвала, «захваливание», формирует у ребенка неадекватное представление о своих способностях и возможностях, искажает его восприятие мира и своих отношений с ним и в конечном счете является препятствием для его эффективного общения и деятельности. Чрезмерность и необоснованность родительской похвалы стимулирует развитие у ребенка истероидно-демонстративных черт и является атрибутом потворствующего типа воспитания.

Высказывания, ставящие целью интерпретацию поведения ребенка

9. Интерпретация, постановка диагноза. Данный вид речевых высказываний претендует на интерпретацию мотивов, чувств и переживаний ребенка, определяющих его поведение. Имплицитно они содержат в себе оценку мотивов и чувств ребенка. Речевая их конструкция имеет вид «Я знаю почему...», «Ты ведешь себя так, потому что...». Подобные высказывания вызывают у ребенка переживание угрозы личностной безопасности, нарушают интимность личностного пространства, формируют чувство превосходства взрослого и зависимости от него.

10. Вопросы, расследование, «допрос». Как правило, этот вид речевых высказываний предшествует интерпретации и диагнозу и разделяет с ним

перечисленные негативные эффекты. Закрытые вопросы, т.е. вопросы, требующие односложного ответа «нет» или «да», порождают переживание дискомфорта в силу того, что они выступают как средство манипулирования партнером и порождают ощущение зависимости и беспомощности перед взрослым.

Уход от коммуникации

11. Утешение, успокаивание. Вид речевых высказываний, направленных на устранение эмоционального дискомфорта, переживаемого ребенком, за счет отрицания значимости событий, его вызвавших, обесценивания чувств ребенка. Типичная речевая конструкция для данного вида высказываний: «Из-за этого события не стоит расстраиваться (плакать, огорчаться, переживать)» или просто «Не переживай». Очевидно, что здесь мы имеем дело фактически с приказанием взрослого в отношении чувств ребенка. Эффектом таких высказываний может стать переживание ребенком эмоционального отвержения взрослым его и его чувств, возрастание тревожности, связанной с угрозой вторжения в мир его внутренних переживаний.

12. Отвлечение, внимание, уход. Речевые высказывания, содержащие предложение уйти от рассмотрения проблемы, волнующей ребенка («Не стоит об этом говорить», «Это ерунда», «Дело выеденного яйца не стоит»). Прямой эффект таких высказываний состоит в изменении отношения ребенка к взрослому: установка на родителя как потенциального союзника и помощника в разрешении проблемы, ожидание сочувствия и поддержки сменяются чувством отверженности и потерей взаимопонимания. В дальнейшем опыт такого переживания приводит к отказу от контактов с родителем для разрешения трудных и конфликтных ситуаций.

Итак, все описанные выше двенадцать типичных способов коммуникации родителя с ребенком обнаруживают негативные эффекты для личностного развития последнего [Акслайн, 2000; Байярд & Байярд, 1995; Гиппенрейтер, 1993; Гордон, 1997]. Альтернативой таким способам коммуникации является, как уже отмечалось, техника эмпатического принятия — «активного слушания».

«Активное слушание», согласно Гордону, есть коммуникация с представлением ребенку обратной связи о его чувствах, переживаниях и эмоциональных состояниях. Обратная связь предоставляется через «Ты-сообщение», речевую конструкцию, начинающуюся со слова «Ты» и содержащую развернутое описание чувств ребенка. «Активное слушание» — это не просто высказывание, а определенная позиция в коммуникации, когда взрослый отказывается от оценок, советов, разъяснений, попыток анализа и интерпретации поведения ребенка и сосредоточивается на возможно более полном и четком понимании и описании чувств и эмоциональных состояний ребенка. Функции активного слушания (эмпатического принятия) включают объективирование в речи чувств и переживаний ребенка и, та-

ким образом, коммуницирование их принятия. Это позволяет ребенку получить эмоциональную поддержку родителя, лучше осознать свои чувства и принять на себя ответственность за разрешение проблемы.

Техника активного слушания включает невербальные и вербальные компоненты. К невербальным относятся установление перцептивного контакта с ребенком (позиция лицом к лицу, визуальный контакт на уровне глаз); заинтересованность во взгляде и теплая улыбка родителя; ласковая, мягкая интонация, умеренная громкость голоса и средняя скорость речи; дистанция в пространстве между ребенком и взрослым в пределах 50—70 см. К невербальным компонентам коммуникации можно также причислить ее построение по принципу предоставления инициативы самому ребенку: молчаливое, заинтересованное слушание, выражающее эмоциональную поддержку ребенка, с преобладанием ответных актов коммуникации. Невмешательство родителя в активность и деятельность ребенка в условиях доброжелательного к ней внимания также достаточно ясно сообщает ребенку о принятии.

Вербальные формы выражения эмпатии включают повторение «слово в слово» высказываний ребенка и парафразирование, предполагающее более полное и углубленное описание чувств и переживаний ребенка взрослым по сравнению с исходным высказыванием самого ребенка.

Эмпатическое принятие и активное слушание являются не просто техникой, а личностной позицией взрослого. Как указывает Гордон, для реализации активного слушания родителю необходимо иметь следующие установки:

- хотеть услышать ребенка, поэтому активное слушание можно применять лишь тогда, когда у родителя достаточно времени, чтобы выслушать ребенка, а не прерывать его на полуслове;
- желать быть полезным ребенку в решении его проблем, а не использовать технику активного слушания для того, чтобы заставить его действовать по желанию родителя, т.е. в манипулятивных целях;
- быть готовым принять чувства и эмоции ребенка такими, какие они есть, не пугаться их, не оценивать и не осуждать, даже тогда, когда они вступают в противоречие с установками и моральными ценностями самого родителя, признать право ребенка на эти чувства;
- искренне доверять ребенку и верить в его возможности справиться со стоящими перед ним проблемами, не пытаться из самых лучших побуждений и сочувствия и симпатии к ребенку сделать все за него, верить в возможности его развития как личности;
- воспринимать ребенка как самостоятельную, независимую от вас личность со своей личной жизнью и правом выбора своей судьбы, не принимать на себя ответственность за фактически сделанный ребенком выбор. Ответственность родителя как воспитателя лежит в области создания психологических условий для обеспечения адекватной ориентировки ребенка

в области исследования проблем и принятия решений, в то время как сам выбор осуществляется ребенком и в значительной мере определяется системой его базовых потребностей, мотивов и ценностей. Лишь искреннее принятие ценностных установок, перечисленных выше, позволяет родителю действительно реализовать технику эмпатического принятия во всем ее развивающем потенциале.

Техника эффективной похвалы

Выше уже отмечалось, что при неумелом использовании похвала может стать причиной нарушений и отклонений в личностном развитии ребенка. Это ни в коем случае не означает, что родители должны отказаться от похвалы. Напротив, похвала необходима для гармоничного личностного развития ребенка. Однако эффективная похвала должна отвечать ряду требований. Прежде всего, похвала не должна быть оценочной, т.е. не должна содержать прямых оценок личности. Оценочная похвала в воспитании ребенка не просто бесполезна, но и вредна. Причины негативного эффекта оценочной похвалы в том, что она, во-первых, подчеркивает отношения зависимости — подчинения между взрослым и ребенком, ибо тот, кто хвалит, присваивает себе право оценивать ребенка — особый статус во взаимоотношениях, ставит ребенка и его эмоциональное благополучие в зависимость от своего мнения. Во-вторых, оценочная похвала вызывает у ребенка тревогу и страх потерять расположение взрослого, подвергнуться наказаниям и санкциям за проступок, вызывает настороженность и агрессивно-оборонительную позицию. В-третьих, она становится источником неуверенности ребенка в своих силах — он боится не справиться с задачей, допустить ошибки, не добиться вновь высоких результатов, ставших причиной похвалы и поощрений, не поддержать уже завоеванную им «высокую планку» достижений. Если такой страх принимает хронический характер, то формируется выученная беспомощность, ребенок начинает избегать новых задач, предпочитая пассивность и бездействие опасности совершить ошибку и быть неуспешным. Мотивация избегания неудачи начинает доминировать. В-четвертых, похвала часто воспринимается детьми как попытка родителей ими манипулировать, управлять их поведением и деятельностью в своих интересах.

Похвала не должна быть сравнительной: нельзя сравнивать достижения, успехи, результаты, личностные достоинства ребенка с его сверстников. Каждый ребенок уникален и неповторим, и одно из проявлений индивидуальности ребенка связано с индивидуальностью его зоны ближайшего развития (Л.С. Выготский). Соответственно, оптимум достижений ребенка на актуальный момент развития отличается от достижений других детей. Похвала-сравнение не учитывает реальных возможностей и перспектив, не благоприятствует формированию у ребенка чувства самооценности и самопринятия, создает условия для образования негативной установки и даже зависти по отношению к более удачливому сверстнику. В этом одна из при-

чин феномена «нелюбви» и неприязни в классе к сверстнику-отличнику, которого постоянно ставят в пример остальным учащимся. В том случае, когда достижения ребенка оказываются выше, чем у сверстников, похваласравнение может стать источником формирования у него позиции превосходства и пренебрежения по отношению к ним как менее успешным. И в том и в другом случае это препятствует развитию кооперации и сотрудничества, эмпатии и доброжелательности в отношениях со сверстниками, лишает ребенка возможности обрести хороших друзей.

Похвала, ставящая целью формирование у ребенка способности к саморегуляции и самоконтролю, также не должна содержать в себе прямой оценки. Дело в том, что любая похвала как способ воздействия на ребенка должна быть рассмотрена в двух аспектах: то, что говорит ребенку родитель, и то, что ребенок говорит себе сам [Ginott, 1972]. Второй аспект, часто скрытый от внешнего наблюдения, включает в себя оценку ребенком своих личностных качеств, знаний, умений и степени компетентности в деятельности; оценку ребенком характера своих взаимоотношений с родителем и отношения к нему родителя. Последняя осуществляется ребенком в терминах принятия — отвержения («любит — не любит»), уважения и доверия — неуважения и подозрения, понимания — непонимания [Столин, 1986; Спиваковская, 1985]. Наконец, ребенок сам оценивает уровень своих достижений в данной предметной области, меру приближения к цели и на основании этой оценки выдвигает и принимает новые цели деятельности. Таким образом, мы видим, что в акте коммуникации первый аспект похвалы, т.е. то, что мы говорим ребенку, представляет собой лишь вершину айсберга, основную часть которого составляет второй аспект похвалы — то, что ребенок говорит себе сам. Второй аспект похвалы, реализуемый на полюсе ребенка, представляет собой не что иное, как развернутую оценочную деятельность. Именно второй аспект похвалы составляет сферу формирования регуляторной способности ребенка. Если похвала уже включает прямую оценку, т.е. оценка дана в готовом виде, то отпадает необходимость постановки и реализации контрольно-оценочных задач самим ребенком. Напротив, если взрослый воздерживается от прямой оценки деятельности ребенка и его личности, лишь задавая критерии такой оценки, то это стимулирует развитие ориентировки ребенка и способности его к саморегуляции.

Продуктивная похвала, создавая зону ближайшего развития ребенка, должна строиться как реалистическое и объективное описание действий и усилий ребенка, их результатов и последствий как для него самого, так и для окружающих; содержать искреннее описание действительных чувств родителя, связанных с поступком ребенка. Иными словами, продуктивная похвала должна задавать критерии оценки и ориентиры для ее осуществления, оставляя оценку самому ребенку. Эффективное исполнение продуктивной похвалы определяется наличием у родителя базовых установок на

эмпатическое принятие ребенка, описанных выше. Безусловно, применение продуктивной похвалы должно быть соотнесено с возрастными психологическими особенностями ребенка и дозировано в соответствии с возможностями ребенка самостоятельно осуществлять оценку своей деятельности и степенью компетентности в решении задачи. Поэтому для детей младшего возраста вполне допустимы и даже целесообразны как формулирование в прямой форме критериев оценки и соотнесение их с деятельностью ребенка и ее результатами, так и конечный совместный вывод о деятельности ребенка и ее успешности. Похвала взрослого должна стать зоной ближайшего развития способности ребенка к саморегуляции, основой для формирования реалистической позитивной Я-концепции [БйЯ-кон986].

Техника использования «Ты-высказываний» и «Я-высказываний»

Техника использования «Ты-высказываний» и «Я-высказываний» составляет важный компонент метода конгруэнтной коммуникации. Она была разработана и апробирована в работах К. Роджерса, Т. Гордона, Х. Джайнотта. «Ты-высказывания» представляют собой речевые высказывания, начинающиеся со слова «Ты», а «Я-высказывания», соответственно, со слова «Я». «Ты-высказывания» используются в ситуации активного слушания и представляют собой максимально точное и глубокое, развернутое описание чувств ребенка. Они также позволяют отразить и объективировать в речи чувства и переживания ребенка, обеспечивают более высокий уровень их осознания, а значит, открывают возможность сделать первый шаг на пути овладения чувствами и произвольного управления ими [Выготский, 2000]. Вербальное отражение эмоциональных переживаний ребенка взрослым обеспечивает эмпатию, позволяет адекватно сориентироваться в проблемной ситуации, принять ответственность за ее решение и осуществить правильный выбор.

«Я-высказывания» используются родителем в ситуации конфликта и конфронтации, столкновения интересов ребенка и родителя. Нередко поведение ребенка вызывает у родителя негативные эмоциональные реакции, ощущение психологического дискомфорта и неприязни, это затрудняет эмпатическое принятие ребенка, создает угрозу фальши и неискренности в детско-родительских отношениях. «Я-высказывания» позволяют родителю искренне и эмоционально честно выразить свои чувства по отношению к поведению ребенка в форме, необходимой, чтобы сохранить отношения уважения, эмпатии и принятия, вместе с тем побуждая ребенка изменить свое поведение с учетом интересов родителя [Байярд & Байярд, 1995; Гордон, 1997]. «Я-высказывания» представляют собой точное и аккуратное выражение родителем своих чувств в отношении поведения ребенка, они не содержат приказаний, советов и команд, т.е. готовых решений вопроса о выходе из конфликтной ситуации, оставляя его открытым, не таят опасности низведения и унижения личности ребенка, поскольку лишены оценоч-

ных суждений и предоставляют ребенку право принять на себя ответственность за разрешение конфликтной ситуации.

Структура «Я-высказывания» включает четыре компонента. Первый: точное и корректное описание чувств и эмоций, которые испытывает родитель в отношении поведения ребенка («Я огорчен», «Я расстроен», «Мне не нравится», «Я не люблю»). Важно отразить в «Я-высказывании» первичные чувства, т.е. те, что возникают сразу же в момент конфронтации или конфликта с ребенком, и быть предельно искренним в их описании. Не нужно забывать о том, что для ребенка особую значимость имеют невербальные компоненты коммуникативного акта. Дети, особенно младшие, чрезвычайно чувствительны к интонации, мимике, позе, жестам. Поэтому рассогласование между вербальными сообщениями, выражающими не истинные, а нарочито демонстрируемые родителем чувства, и невербальным сообщением об истинном эмоциональном состоянии взрослого, безошибочно декодируемым ребенком, приводит к нарушению сложившихся отношений доверия и взаимопонимания, рождает у ребенка неуверенность и тревожность.

Второй компонент представляет собой точную характеристику поведения ребенка или ситуации, вызывающей описанные выше чувства родителя. Обычно второй компонент высказывания начинается со слова «когда». Лучше, если описание поведения ребенка дается по возможности в безличной форме, – поскольку использование местоимения «ты» может создать у ребенка впечатление, будто только его поведение раздражает родителя, и вызвать чувство обиды, переживание отвержения.

Третий компонент включает описание причин возникновения негативной реакции родителя. Как правило, конкретизации их предшествует оборот «потому что». Основная опасность формулирования третьего компонента «Я-высказывания» кроется в соскальзывании родителя на осуждение поведения и личности ребенка.

Четвертый компонент представляет собой описание возможных последствий поведения ребенка в случае, если оно будет продолжено. Здесь нельзя переходить к прямым угрозам в адрес ребенка, предупреждениям о вмешательстве взрослого в его поведение. Итак, полная структура «Я-высказывания» включает четыре компонента: описание чувств и эмоций родителя; характеристику поведения ребенка или ситуации, вызывающей эти чувства; описание причин возникновения аффективной реакции; указание возможных результатов и следствий продолжения поведения ребенка.

Поскольку третий и четвертый компонент «Я-высказываний», как указывалось выше, таят в себе угрозу перехода к неэффективной коммуникации, в ряде случаев оказывается целесообразно ограничиться лишь первыми двумя компонентами (например, при недостаточной коммуникативной компетентности родителей или когда партнерами по коммуникации оказываются дети младшего дошкольного возраста, которые еще не могут разобратся в причинно-следственной связи компонентов высказывания).

Проблема в использовании «Я-высказываний» в детско-родительских отношениях состоит в том, что дети часто их игнорируют. Тогда приходится их повторять. Нередко дети возвращают «Я-высказывание» взрослому, сообщая о своих желаниях и интересах («Я хочу...») и настаивая на них. В этих случаях родителю уместно перейти к развернутому формулированию запретов и ограничений, если они еще не нарушены, либо использовать *технику разрешения конфликтных ситуаций* (см. § 15).

§ 9. Социальный контроль: требования и запреты, их содержание и количество; способ контроля; санкции (поощрения и наказания); родительский мониторинг

Категория социального контроля отражает известное положение о том, что цель воспитания — управление процессом социализации ребенка. В таком случае контроль выступает как целенаправленное руководство родителем жизнью ребенка. Говоря о контроле, следует различать два основных подхода, определяющих положение родителя и ребенка в этом процессе. Первый, традиционный подход исходит из представления о ребенке как *объекте воспитания*, находящемся в подчинении у воспитателя, занимающего главенствующую руководящую позицию. Родитель определяет цели, ценности воспитания, методы и формы контроля, оценки и санкции, презентует их ребенку и контролирует выполнение им необходимых требований и запретов. Второй подход провозглашает принципиальное равенство ребенка и родителя в воспитательном процессе. Ребенок наряду с родителем рассматривается как *активный субъект* воспитательного процесса, детско-родительское взаимодействие приобретает личностно-ориентированный, субъектный, диалогический характер. Со временем степень активности самого ребенка в воспитательном процессе возрастает, и в подростковом возрасте уже возможно говорить об изменении характера воспитания — переходе подростка к самовоспитанию.

Можно ли в воспитании вообще обойтись без контроля, требований и запретов, не ограничивают ли они свободу ребенка? Однако, как справедливо указывает Р. Дрейкурс и В. Зольц [1986], личная свобода невозможна без признания права на свободу за другими. Поэтому для обеспечения свободы каждого человека необходима дисциплина, определенные ограничения, ответственность за их исполнение.

Социальный контроль является важнейшим компонентом процесса воспитания в семье и, как система родительской дисциплины, включает:

- систему требований и запретов;
- способ контроля исполнения требований и запретов;
- систему санкций (наказаний и поощрений);
- родительский мониторинг.

Требования и запреты

Система требований и запретов конкретизирует социальные ожидания в отношении уровня достижений ребенка, его поведения и деятельности, преломленные через систему ценностей и целей воспитания его родителей. В практике воспитания необходимо различать декларируемые и реальные его ценности и цели. Родителями декларируются, как правило, социально одобряемые, гуманистические ценности воспитания, но реальные его ценности и цели зачастую оказываются весьма далекими от них.

Я. Корчак, говоря о воспитании ребенка в семье, использовал понятие «воспитывающая среда», т.е. тот дух, который царит в семье и выражает принятые в ней ценности, нормы и правила. Догматическая среда насаждает ценности традиций, авторитета, необходимости их сохранения как жизненного императива; труда как закона, самоограничения и самопреодоления. Результатом развития ребенка в такой среде становится пассивность, исполнительность, отсутствие инициативы и творчества. Идеальная среда исповедует ценности уважения к человеческой мысли, определяя развитие в ребенке активности, творчества, готовности к самоизменению. Среда безмятежного потребления, реализующая ценности потребительского общества, формирует отношение к труду, работе как средству получения материальных благ и привилегий, лишенному для личности самостоятельной ценности. Среда внешнего лоска и карьеры культивирует приоритет успеха, достижений, власти, следствием чего становится формирование тщеславия, жадности, враждебности к окружающим людям [Корчак, 1990]. Таким образом, важны не декларируемые, а реально принятые в семье жизненные ценности, определяющие конкретную систему требований, предъявляемых в процессе воспитания к ребенку.

Каждый родитель мечтает вырастить «хорошего ребенка». Однако достаточно часто под «хорошим» подразумевается «удобный» ребенок — послушный, исполнительный, конформный, проявляющий ответственность в границах тех заданий и обязанностей, которые поручает ему взрослый. Это может быть работа по дому, домашние задания, уход за младшими братьями и сестрами и пр. Вместе с тем вряд ли можно предположить, что родители, задаваясь целью воспитать «хорошего» ребенка, хотят видеть его безынициативным роботом-исполнителем, безропотно выполняющим работу, порученную ему лицом, наделенным властью. Конечно, нет! Противоречие состоит в том, что многие личностные качества, которые родители действительно хотят видеть в своем ребенке — творчество, смелость, самоуважение, целеустремленность и настойчивость в достижении поставленной цели, — в повседневной жизни и общении с ним могут быть «не удобны» родителю. Особенно остро это чувствуется на этапе их становления и формирования в детские годы, причиняющих родителям лишние хлопоты и волнения.

Требования и запреты являются крайне важным и совершенно необходимым компонентом воспитания, выполняющим ряд важных функций. Во-первых, они объективируют реальные, а не декларируемые цели воспитания ребенка. Во-вторых, в них представлены образцы и правила социально желательного поведения и деятельности ребенка. В-третьих, они создают условия для формирования способности ребенка произвольно регулировать свою деятельность и общение в соответствии с заданными нормами и правилами. Необходимость, соблюдения ограничений и запретов обеспечивает развитие саморегуляции и самодисциплины. Требования и запреты позволяют также структурировать и организовать среду, обеспечивая безопасное, т.е. прогнозируемое и поддающееся разумному контролю со стороны ребенка, пространство жизнедеятельности. Известно, что ситуация неопределенности, непредсказуемости, дефицит наличной информации становятся причиной, порождающей тревожность и негативные эмоциональные переживания (Н. Симонов). Введение ограничений/регулирующих отношения ребенка с социальным и предметным окружением, снимает неопределенность, повышает прогнозируемость изменений, уверенность в себе, способствует актуализации чувства личностной безопасности.

Требования конкретизируют позитивные ожидания, предъявляемые к ребенку, т.е. описание того поведения и тех результатов и достижений, которые хочет видеть родитель. Запреты определяют негативные ожидания, т.е. формы поведения и личностные качества ребенка, которые родитель хотел бы избежать — «чего нельзя делать». Формулирование ожиданий в виде требований является, безусловно, более продуктивным. Требования задают положительный социальный эталон поступков и качеств, образец для подражания, стимулируют мотивацию достижений и активность ребенка. Запреты, напротив, ограничивают активность, приводят к формированию зависимости, пассивности, безынициативности ребенка, стимулируют развитие мотивации избегания неудач и блокируют формирование мотивации достижений.

Желательно, чтобы количество запретов в воспитании ребенка было сведено к минимуму. Однако существуют запреты, которых избежать невозможно. Содержание их, помимо внешнего ограничения, включает и сущностную сторону — социально одобряемую и поощряемую ценность, определяющую отношения человека с миром людей и миром предметов. Основные необходимые запреты касаются:

- здоровья ребенка (запрет на действия, которые могут повредить его здоровью и жизни самого ребенка);
- физической и личностной безопасности окружающих людей (запрет на действия, которые составляют угрозу жизни, здоровью и противоречат норме уважения личности другого человека);
- сохранности материальных, культурных и духовных ценностей (на деструктивные разрушающие действия в отношении природной и культурной среды).

Таким образом, все многообразие запретов, по сути, может быть сведено к трем указанным группам. Разумным количеством ограничений и запретов будет минимальное число конкретизации описанных выше четырех важнейших компонентов социального контроля. Основным принципом введения ограничений для родителя должно стать стремление сократить до минимума их количество.

Количество и содержание требований должно соотноситься с возрастными и индивидуальными особенностями ребенка, а также с воспитательными ценностями родителя. В зависимости от соответствия требований возрастно-психологическим индивидуально-личностным особенностям ребенка можно говорить об их чрезмерности — сверхтребовательности родителя к ребенку — или о *строгости* воспитания. В противоположном случае речь идет о недостаточности требований — вседозволенности или попустительстве в отношении воспитания ребенка. Соотношение требований и запретов уточняет характер социального контроля в воспитательном процессе. Если в воспитании преобладают запреты, то следует говорить об ограничительном характере контроля, если требования — о формирующем типе контроля, т.е. о целенаправленном воспитании в ребенке определенных качеств и способностей.

Важное значение для эффективности воспитания имеет форма презентации ребенку требований и запретов. В работах Х. Джайнотта [1986], Т. Гордона [1997], Ю.Б. Гиппенрейтер [1993], ГЛ. Лэндрета [1994], О.А. Карабановой [1997] сформулированы принципы предъявления требований и запретов. Для того чтобы требования и запреты действительно были приняты ребенком и выполнялись, воспитателю необходимо руководствоваться определенными правилами.

Во-первых, запреты должны предъявляться в императивной форме, носить всеобщий характер, иметь равную и неизбежную обязательность для всех, исключать возможности «двойного стандарта» и «двойной морали».

Во-вторых, запреты должны предъявляться в безличной форме. Следует избегать «Ты-высказываний», высказываний типа приказов, команд, прямых распоряжений, формулировок, оскорбляющих и унижающих достоинство ребенка, проявлений неуважения к его личности.

В-третьих, запреты должны быть предъявлены ГЛ. Лербальной (словесной) форме, ясной и понятной для ребенка. Аргументация в пользу необходимости соблюдения запретов должна указывать на последствия и результаты поступков ребенка, нарушающих запреты и правила, для других людей [Hoffman, 1975]. Обсуждение последствий нарушения запретов должно быть на языке, понятном ребенку.

В-четвертых, предъявление запретов должно осуществляться до нарушения правил, а не в его момент. Родителям необходимо уметь предвосхищать нарушение запретов и невыполнение требований, не дожидаясь момента, когда запреты будут нарушены, а требования не выполнены. Подобно тому как

проще предупреждать, а не лечить болезнь, проще и эффективнее предупреждать нарушения детьми запретов, а не иметь дело с уже совершившимся фактом. Поведение родителей должно носить прогнозирующий, предвосхищающий характер, поскольку важно точно определить оптимальный момент «интервенции». Тактика его в конфликтной ситуации будет различна в зависимости от того, наличествует ли еще только угроза нарушения запрета или запрет фактически уже нарушен, причем очевидно социально неадекватное поведение ребенка. Установление ограничений и запретов в игре как в первом, так и во втором случае осуществляется в несколько шагов, предпринимаемых в неодинаковой последовательности [Ginott, 1972; Лэндрет, 1994].

В первом случае ребенок выражает явное и однозначное намерение нарушить запрет. Последовательность шагов родителя должна быть следующей.

Первый шаг — активного эмпатического слушания — вербального выражения взрослым чувств, желаний, потребностей ребенка, необходимого для установления взаимопонимания и диалога. Нужно дать ребенку обратную связь о том, что вы знаете о его чувствах и желаниях, понимаете и признаете их. В противном случае ребенок будет продолжать настаивать на своем, повторяя вновь и вновь о своих желаниях и справедливо полагая, что взрослый просто не понимает его намерений и нуждается в дополнительных разъяснениях. Признание чувств и желаний ребенка как проявление уважения его личности и его права на собственный внутренний мир переживаний способствует укреплению доверия и сотрудничества с родителем. Речевое объективирование чувств ребенка позволяет ему лучше осознать их, уточняет действительное значение эмоциональных переживаний, позволяет снять или ослабить эмоциональную напряженность. Однако все эти позитивные эффекты возможны лишь в случае аккуратного и точного отражения в речи взрослого чувств и намерений ребенка.

Второй шаг — введение ограничения-запрета в ясной, понятной ребенку безличной форме, как тотальное безусловное ограничение.

Третий шаг — предложение альтернативы запрещенному действию. Значение этого шага состоит в том, что он раскрывает перед ребенком принципиально новую возможность: альтернативу исследования проблемной ситуации и поиска новых путей ее разрешения вместо настаивания на неприемлемом и негативно оцениваемом поведении. Этот шаг — своего рода обучение ребенка эффективному способу разрешения конфликтных ситуаций, где «нет победителей и нет побежденных» (Т. Гордон). Такой способ поведения в конфликте основан на генерировании различных альтернативных вариантов, исследовании их возможных последствий и осознанном выборе оптимального способа выхода из конфликта. Значение этого шага состоит не просто в переключении активности ребенка на другой вид деятельности, а в том, что закладывается основа новой позиции ребенка в проблемной ситуации, в определенной степени преодолевается его эгоцентризм в понимании возможностей разрешения проблемы.

Успешность третьего шага зависит от того, насколько привлекательным для ребенка окажется предлагаемое альтернативное действие. Необходимо учитывать интенсивность мотивов и чувств ребенка, степень осознанности им собственных намерений и желаний. Как правило, для большинства детей дошкольного и младшего школьного возраста особую значимость имеет общение и совместная деятельность со взрослым, в силу чего предложение родителем совместной деятельности обычно приветствуется ребенком и принимается «на ура». Иногда бывает необходимо предложить ему на выбор несколько альтернатив. Вместе с тем нельзя излишне увлекаться придумыванием множества альтернативных вариантов, поскольку задача выбора может оказаться для ребенка непосильной даже в интеллектуальном плане.

Во втором случае запрет фактически нарушен — и последовательность шагов родителя меняется по сравнению с описанным выше вариантом.

Первый шаг — необходимо немедленно блокировать социально неадекватное поведение ребенка. Способами такого блокирования являются: прерывание действия, ребенка путем лишения его объекта, принудительное ограничение активности ребенка (обнять и прижать руки к телу), временная его изоляция. Такое поведение родителя нередко воспринимается ребенком как насильственное, поэтому при необходимости должно сопровождаться предоставлением ребенку возможностей для эмоционального отреагирования. Для прерывания нежелательных действий ребенка дошкольного или младшего школьного возраста уместны игровые приемы.

Второй шаг — нужно обеспечить эмоциональное отреагирование. Как правило, ситуация нарушения запретов и ограничений чрезвычайно аффектогенна и характеризуется высокой степенью эмоциональной напряженности. Поэтому сразу же после блокирования неадекватных форм поведения необходимо предоставить «нарушителю» возможность эмоциональной разрядки в социально приемлемом варианте. Эмоциональное отреагирование может осуществляться в действенной и в игровой форме. .

Последующие шаги — с третьего по пятый — соответствуют логике предъявления ограничений и запретов в условиях, когда поведение ребенка еще находится в рамках социально приемлемого. Эти шаги — вербализация, т.е. словесное объективирование чувств, желаний и потребностей ребенка; формулирование запрета или ограничения и предложение альтернативного действия — являются необходимыми на пути формирования у ребенка способности к регуляции собственной деятельности.

Сотрудничество ребенка со взрослым, обеспечивающее организацию необходимых условий для того, чтобы требования были приняты, осмыслены и выполнены ребенком, является оптимальной формой профилактики нарушения родительских требований и запретов. Лишь после того, как ребенок уяснит их содержание, сам убедится в необходимости их выполнения, лишь по мере того, как у него будут сформированы для этого психоло-

Тотальный контроль охватывает фактически все сферы жизнедеятельности ребенка до мелочей. Родитель стремится быть в курсе всех мыслей, чувств и переживаний ребенка, а не только его поступков и поведения. Под контролем находится все. Я вижу тебя насквозь — вот девиз родителя — поборника тотального контроля, результатом которого становятся утрата ребенком чувства безопасности и интимности собственного внутреннего мира, рождение тревоги, потеря чувства свободы, переживание зависимости от родителя, чувство подчинения, собственной беспомощности и бессилия.

Систематический контроль дифференцирует сферы жизнедеятельности на зоны, подлежащие контролю со стороны родителя, и зоны самостоятельности и полной ответственности ребенка. Систематический контроль — это контроль, признающий право ребенка на самостоятельность и автономию при сохранении содержательного и стабильного наблюдения родителя за его поведением и деятельностью. Безусловно, систематический контроль представляет собой оптимальную форму контроля. Однако при его осуществлении необходимо учитывать возрастные возможности ребенка. В идеале родитель должен стремиться к постепенной передаче функций контроля самому ребенку через этапы их совместного и совместно-разделенного контроля к самоконтролю. Й. Раншбург и К. Поппер [1983] считают, что целью воспитания является уменьшение внешних ограничений, необходимых на ранних этапах развития личности, и замещение их внутренними ограничениями, т.е. переход от внешнего контроля к самоконтролю.

Ситуативный (несистематический) контроль является случайным как по сферам приложения, так и по своему содержанию и систематичности. Это непоследовательный, непродуманный, не обоснованный возрастнопсихологическими и индивидуально-личностными особенностями ребенка контроль. Несистематичность контроля зачастую приводит к формированию у ребенка стратегии выполнения требований родителя лишь при условии внешнего контроля и большой вероятности проверки. Например, ребенок выполняет домашнее задание лишь тогда, когда знает наверняка, что родитель проверит выполнение задания, и не садится за уроки, если уверен, что родитель занят и ему сейчас не до проверки. Случайный характер родительского контроля находит отражение в низкой эффективности самоконтроля ребенка.

Отсутствие контроля и попустительство крайне негативно влияют на развитие у ребенка чувства ответственности, способности к произвольной регуляции деятельности и воли. Для детей, воспитывающихся в атмосфере бесконтрольности и попустительства, характерны импульсивность, низкий уровень развития просоциальных форм поведения, трудности саморегуляции, низкая самооэффективность.

Контроль может осуществляться по результату действия (его продукту) и по способу действия. В случае контроля по результату родитель не уделяет должного внимания причинам неуспешности ребенка, выяснению

гические предпосылки, а именно способность к произвольной регуляции поведения и воля, — лишь тогда ответственность за выполнение требований и соблюдение запретов может быть в полной мере возложена на самого ребенка. До этого момента ответственность в равной мере должна быть разделена между ребенком и родителями. Запрет, предъявляемый в момент его фактического нарушения, ни в коем случае не должен подвергаться дискуссии или сопровождаться солидной аргументацией и разъяснением, почему, например, нельзя драться. Обсуждение и дискутирование запрета в этом случае «зашумляет» само содержание вводимого ограничения; вызывает у ребенка подозрения, что вы сами не слишком уверены в справедливости вводимого запрета, и поэтому вселяет сомнения в необходимости обращать на него внимание; оказывается просто недоступным для ребенка младшего возраста, не способного проследить логику вашего рассуждения, и тем самым становится излишним. Обсуждение оснований, определяющих содержание того или иного запрета, может быть уместно вне ситуации нарушения запрета.

Требования и запреты не должны противоречить друг другу. Как правило, ребенок в семье является объектом воспитательных воздействий со стороны нескольких взрослых — матери, отца, бабушек, дедушек и т.д., поэтому крайне желательным является согласованная позиция всех воспитателей относительно количества и содержания требований и запретов. Однако единство позиций не должно быть результатом отказа кого-то из родителей от своих воспитательных ценностей. Лучшим вариантом является случай, когда каждый из родителей реализует систему требований, отвечающую его установкам. Непротиворечивость системы требований и запретов является безусловным благом, но лишь в случае ее достижения по взаимному согласию и убеждению. Если же единство позиций есть результат «кровавой, бескомпромиссной борьбы» и навязывания родителями друг другу своей точки зрения, то это единство вряд ли может быть полезным в воспитании ребенка. Итогом такой борьбы часто становится фактический уход родителя, потерпевшего «поражение», из участия в процессе воспитания. Если же родитель все-таки принимает навязанную, чуждую ему точку зрения на цели и методы воспитания и даже пытается реализовать ее в воспитании, то ребенок, остро чувствуя фальшь и формализм требований, отвергает и нарушает их. Тем самым ребенок провоцирует родителя на открытое выражение своего отношения к заданным нормам, исследуя действительную позицию родителя в отношении необходимости их выполнения.

Способ контроля исполнения требований и запретов

В зависимости от широты сферы приложения контроль может быть тотальным, систематическим, ситуативным и может отсутствовать (попустительство).

того, почему поведение ребенка не отвечает заданным требованиям и ожиданиям. Контроль по способу действия отличается тем, что первоочередное внимание родитель уделяет именно причинам неудач ребенка и несоответствия его поведения социальным требованиям. Центральным становится вопрос о том, какая дополнительная помощь и сотрудничество необходимы ребенку для организации его деятельности, для достижения успеха. Контроль по результату не имеет смысла, если ребенок не владеет способом действия.

Система санкций (наказания и поощрения)

Психологическое значение и смысл поощрений и наказаний состоит в предоставлении ребенку обратной связи о соответствии его поведения и поступков социальным ожиданиям и принятым в обществе нормам и правилам. Функция поощрений и наказаний — регуляция поведения ребенка посредством положительного или отрицательного подкрепления его действий. Современная гуманистически-ориентированная педагогика провозглашает принцип отказа от наказаний как метода воспитания ребенка, указывая на негативный эффект наказаний для развития его личности, недопустимость построения отношений в системе родитель—ребенок с позиции силы, неограниченной власти и принуждения. Полностью солидаризируясь с указанным подходом, трудно отрицать необходимость в процессе воспитания предоставления ребенку негативной обратной связи о его поступке. Встает вопрос о психологическом содержании понятия наказания и правомерности его использования. В наказаниях и поощрениях отражены определенные требования к деятельности и личности ребенка, модель социально желательного, предпочтительного поведения. Интериоризация требований и моделей, норм и правил обязательно требует организации ориентировки субъекта в различных моделях поведения, и с этой точки зрения наказание и поощрение как способы предоставления ребенку информации о социальной оценке его действий выступают как условия интериоризации социальных моделей поведения.

Психологический анализ проблемы наказаний и поощрений представлен в психоанализе (З. Фрейд), индивидуальной психологии (А. Адлер), поведенческом подходе (Б.Ф. Скиннер, А. Бандура), гештальтпсихологии (К. Левин), гуманистическом направлении (К. Роджерс, Т. Гордон, Я. Корчак, Р. Дрейкурс).

Проблема наказаний и поощрений рассматривалась Фрейдом в контексте его теории психосексуального развития личности. Основополагающим тезисом Фрейда являлось положение о противостоянии и враждебности двух миров: социального — мира взрослых и мира ребенка. Родители, являясь носителями социальных норм, ограничивающих врожденные эротические влечения ребенка, подчиненного принципу удовольствия, прибегают в процессе его воспитания к различного рода репрессивным мерам и наказа-

ниям. Впервые к использованию наказаний родители обращаются на анальной стадии психосексуального развития ребенка (1—3 года), когда впервые возникает открытое его противостояние обществу. На фаллической стадии в ходе преодоления эдипова комплекса средствами воздействия на поведение ребенка становятся инициирование у него чувства страха перед наказанием (комплекс кастрации), чувства вины, процесс идентификации с родителем (подражание его поведению и личностным особенностям). На последующих стадиях развития по мере формирования структуры Супер-Эго и интроекции социальных норм, запретов и правил, выступающих в форме родительских требований, внешняя регуляция поведения ребенка преобразуется в саморегуляцию, когда основным механизмом становится моральная тревога, чувство вины, стыда, самообвинение.

Согласно Адлеру, основной целью развития личности является преодоление чувства неполноценности и упрочение чувства превосходства [1990]. Источниками формирования комплекса неполноценности в детстве являются неполноценность органов, чрезмерная опека (потворствование) и отвержение со стороны родителей. Таким образом, по мнению Адлера, решающую роль в формировании гармоничной здоровой личности играют родительское отношение и тип семейного воспитания. Анализируя методы родительского воспитания, Адлер делает акцент на системе поощрений и положительных подкреплений, справедливо полагая, что любое наказание подкрепляет чувство неполноценности и ведет к формированию устойчивого ее комплекса. Наказания порождают озлобленность, равно как и метод принуждения и метод командования ребенком. Родительский авторитаризм в применении наказаний приводит к борьбе ребенка за власть и личное превосходство. Такое воспитание не обеспечивает у него формирования социального интереса и направленности на социальные цели. Взаимоуважение членов семьи является, по мнению Адлера, главным принципом семейного воспитания. Следование ему ведет к отказу от «силовых» методов воспитания, признанию необходимости учета интересов и потребностей ребенка и приоритетности стратегии поддержки и поощрений. Функция поощрения обеспечивает ребенку переживание чувства собственного достоинства и уважения к своей личности. Одним из важнейших методов воспитания Адлер считает метод использования естественных логических рассуждений, помогающий ребенку на практике осознать или почувствовать последствия и результаты своих действий.

В поведенческом (бихевиоральном) подходе проблема наказаний и поощрений рассматривается в контексте теорий научения как вопрос об организации эффективной системы положительных и отрицательных подкреплений для формирования социально желательного поведения. Б.Ф. Скиннер рассматривает проблему наказаний и поощрений в рамках созданной им теории оперантного научения [1954]. Оперантное поведение — это поведение, судьба которого — закрепление или торможение — полностью определяется

его последствиями. Если последствия благоприятны для организма, то вероятность повторения поведения увеличивается, если нет — уменьшается. Оперантное поведение, таким образом, контролируется последствиями. Существуют негативное (аверсивное) и позитивное подкрепления. Первое способствует ослаблению и подавлению нежелательных форм поведения, второе усиливает социально желательное поведение. Скиннер выявил условия эффективности подкрепления. Во-первых, оно должно немедленно следовать за поведением, отсрочка во времени снижает эффективность подкрепления. Причем чем младше ребенок, тем более важным становится выполнение этого требования. Во-вторых, контроль должен быть систематическим и постоянным — ни один поступок, ни одна реакция ребенка не должны остаться без подкрепления, положительного или отрицательного. В-третьих!, подкрепление должно соответствовать интересам и потребностям контролируемого человека. Скиннер, характеризуя аверсивные (негативные) подкрепления, выделял два основных метода аверсивного контроля: наказание и негативное подкрепление. Под наказанием понимается аверсивное последствие нежелательного поведения, уменьшающее вероятность его повторения. Наказание может быть «позитивным» и «негативным». Позитивное предполагает актуализацию аверсивного события всякий раз, когда ребенок осуществляет нежелательное поведение. Например, когда ребенок плохо себя ведет, его шлепают и бранят. Негативное наказание предполагает устранение возможного позитивного подкрепляющего стимула после нежелательного поведения. Например, если ребенок не выучил уроки, его лишают сладкого, не разрешают смотреть телевизор, лишают прогулки и т.д. Оказалось, что применять негативные наказания (ограничения) эффективнее, чем позитивные (аверсивное подкрепление). Негативное подкрепление, согласно Скиннеру, — это устранение, избегание или ограничение аверсивного стимула.

Скиннер решительно выступал против использования форм контроля, основанных на аверсивных стимулах, считая их неэффективными. Во-первых, наказания нежелательного поведения могут вызывать страх, тревогу, эмоциональные расстройства, антисоциальные действия, потерю уверенности, самоуважения. Например, ученик, наказанный родителями за плохую оценку, может начать прогуливать уроки, портить школьное имущество, вести себя агрессивно в отношении учителя и одноклассников, т.е. аверсивное подкрепление, ставящее целью избежать нежелательного поведения, может вызвать поведение еще более неадекватное и социально опасное. Во-вторых, в случае использования аверсивного подкрепления отсутствие контроля, как правило, приводит к возобновлению нежелательного поведения. С точки зрения Скиннера, значительно более эффективным является использование позитивных подкреплений по причине отсутствия негативных побочных явлений.

Разработанные на основе оперантной теории научения Скиннера методы поведенческой терапии широко используются в практике воспитания детей и подростков в образовательных учреждениях и в семье. Наиболее ин-

тересной в репертуаре методов оперантного научения представляется «техника жетонной экономики», построенная на систематическом контроле и положительном подкреплении материальными благами и привилегиями желательного поведения. При хорошей, психологически продуманной организации эта техника оказывается достаточно эффективной для инициации и закрепления желательного поведения. Вместе с тем использование метода «жетонов» почти неминуемо приводит к нежелательному побочному эффекту — формированию прагматической ценностной ориентации субъекта, морали «выгодного обмена» по принципу: ты — мне, я — тебе. Примером использования техники «жетонов» в семейном воспитании может быть метод материального вознаграждения ребенка за выполнение домашних обязанностей или хорошую учебу в школе. Некоторые родители даже разрабатывают специальный «прейскурант» оценки успехов и «добрых дел» ребенка: получил «пятерку» — получи пять рублей, получил «двойку» — отдай десять рублей и т.д.

Проблема формирования саморегуляции на основе самонаказания и самоподкрепления разрабатывалась в теории социального научения А. Бандуры. Подражание социальным моделям поведения, получающим позитивное подкрепление, является в теории социального научения основным путем приобретения ребенком новых форм поведения, которые, таким образом, можно приобрести и в отсутствие внешнего подкрепления. Для саморегуляции поведения особенно важно, чтобы субъект мог предвидеть возможные последствия и результаты действия и учитывать их при построении собственного поведения. Внешнее подкрепление, согласно Бандуре, имеет три функции: 1) функцию собственно подкрепления, 2) информативную и 3) побудительную. Информативная функция подкрепления позволяет человеку составить представление о том, какое поведение является желательным, сформировать его образ. Иначе говоря, указывает на то, «что такое хорошо и что такое плохо». Благодаря информативной функции подкрепления человек может понять, каковы последствия того или иного поведения. Наблюдая за поведением других людей и получая косвенное подкрепление, ребенок получает возможность «учиться на ошибках других». Побудительная функция подкрепления состоит в том, что регуляция собственного поведения осуществляется людьми с опорой на образ возможных последствий. В процессе развития человек переходит от внешних форм регуляции поведения к саморегуляции, основанной уже не на внешних подкреплениях, а на внутренних ограничениях, самонаказании и самопоощрении. Для обеспечения процесса саморегуляции необходимы следующие условия: наличие у субъекта образа модели правильного поведения, осуществление самоконтроля на основе плана контроля своих действий, оценка соответствия своих действий модели желательного поведения, самоподкрепление в форме самопоощрения или самонаказания. Примером самоподкрепления могут быть такие действия, как похвала самого себя,

разрешение себе самому съесть леденец из коробочки, вознаграждение себя просмотром фильма или телевизионной передачи. Говоря о самонаказании, Бандура указывает на то, что в процессе социализации ребенок обычно переживает такую последовательность событий: проступок — состояние внутреннего дискомфорта и тревоги — наказание — облегчение. Наказание является событием, снимающим тяжелое эмоциональное состояние, связанное с переживанием нарушения принятых норм поведения. Именно поэтому зачастую наказание воспринимается человеком как определенное благо, избавляющее от тревожных чувств и самоосуждения. Реакции самонаказания в форме самоосуждения и самокритики за недостойные поступки в значительной степени позволяют человеку разрешить аффектогенную ситуацию и уменьшить негативные реакции других. Например, если родители видят, что ребенок сам осуждает себя за плохую отметку или недостойный поступок, вряд ли они станут его наказывать. Напротив, они постараются ободрить ребенка и выразить уверенность в том, что подобный проступок больше не повторится. Итак, поощрения и наказания в теории социального научения Бандуры выступают не просто как внешняя детерминанта, определяющая поведение ребенка, но как форма внутреннего контроля и саморегуляции на основе самоподкрепления.

В гештальтпсихологии психологический анализ поощрений и наказаний представлен в работе К. Левина «О поощрении и наказании» (1931). Поощрения и наказания рассматриваются там как способы структурирования поля [см.: Зейгарник, 1981]. Согласно Левину, ситуацию наказания составляют три главных элемента: задача (неприятная или неинтересная для ребенка), угроза наказания, барьеры (физические и психологические), которые ставит взрослый, считая, что ребенок постарается уклониться и от решения задачи, и от наказания. Например, поставив перед ребенком непривлекательную и сложную для него задачу уборки комнаты, взрослый может запереть его в комнате (физический барьер) и прочесть нотацию, отругать за лень и безответственность (психологические барьеры). Однако, по мнению Левина, в ситуации угрозы наказания у ребенка не возникает положительного отношения к задаче и стремления к ее решению. Напротив, в ситуации угрозы наказания создающаяся отрицательная валентность приводит к формированию у ребенка устойчивого нежелания выполнять задачу, негативизму как в отношении задачи, так и в отношении взрослого. Поощрение также интерпретируется Левиным с позиций теории «поля». Необходимость поощрения определяется наличием барьеров в решении ребенком поставленной задачи. Для преодоления этого барьера взрослый с помощью поощрения придает этой задаче дополнительную положительную валентность, чтобы переструктурировать поле и облегчить ребенку преодоление барьера. Таким образом взрослый объединяет неприятную для ребенка (выполнение поставленной задачи) и приятную (получение поощрения) ситуацию единым барьером и создает условия для выполнения задачи.

В гуманистической психологии исходным положением является утверждение самооценности личности ребенка и принципа равноправия и уважения как основополагающего в воспитании. Базовой установкой гуманистической психологии является эмпатическое принятие ребенка, безоценочность и уважение права ребенка на выбор собственного пути развития. В гуманистическом подходе подчеркивается недопустимость наказаний в его воспитании. Напротив, основой воспитания должны стать любовь, взаимопонимание, уважение к ребенку, поощрение его активности, самостоятельности, инициативы и творчества. Поощрения и равноправное сотрудничество со взрослым являются основными способами воспитания в ребенке Личности. Р. Дрейкурс писал о том, что ребенку для развития необходимы поощрения так же, как растениям для их роста необходима вода. Я. Корчак [1990] утверждал, что чем больше у ребенка свободы, тем меньше необходимости в наказаниях; чем больше поощрений, тем меньше наказаний. Свобода и поощрения должны составить основу методов воспитания ребенка. Спектр негативных последствий наказаний для развития личности ребенка включает чувство отверженности, страх потери родительской любви, детскую ревность, амбивалентное отношение к родителям, детскую ложь, социальные провокации [Фромм, 1991].

Выбор тех или иных способов поощрений и наказаний в воспитании ребенка должен определяться четким осознанием того, что косвенным результатом использования любого метода становится формирование у ребенка определенных личностных качеств. Вопрос состоит в том, каким мы хотим видеть нашего ребенка? Что хотим получить в результате воспитательного воздействия методом наказаний или поощрений? Удобное для родителя поведение ребенка или автономию личности с обоснованной системой ценностей? В каждом наказании или поощрении заключен определенный стандарт отношения к миру, людям и самому себе, кристаллизована определенная жизненная ценность. В физическом наказании — ценность грубой силы и власти, в похвале — ценность достижений и социального признания. Р. Сире считал, что все способы наказаний и поощрений подразделяются на наказания и поощрения, ориентированные на объектно-предметные последствия, на предметный мир (объектно-ориентированные), и ориентированные на социальное значение поступка ребенка (субъектно-ориентированные). В современной психологии приоритетность второй группы поощрений и наказаний для воспитания личности ребенка признается несомненной.

Виды наказаний

Арсенал наказаний достаточно широк и включает такие виды, как физические наказания (физическая агрессия), вербальная агрессия, аффективное воздействие на ребенка, лишение родительской любви, ограничение активности ребенка, лишение благ и привилегий, инициирование чувства вины, принуждение к действию, наказание естественными последствиями, отло-

женный конфликт, блокирование нежелательного действия, логическое объяснение и обоснование (Р. Кэмпбелл, Х. Джайнотт, Д. Лешли, П. Лич, Й. Раншбург, П. Поппер, Э. Лешан, Д. Нельсен, Л. Лот, С. Глен, А.С. Спиваковская и др.).

Охарактеризуем кратко каждый из перечисленных видов наказаний.

Физические наказания, по сути, представляют собой вариант физической агрессии — намеренное причинение вреда, нанесение физического и психологического ущерба ребенку, связанное с переживанием боли, страхом перед болью, низведение и унижение личности ребенка. Физические наказания представляют реальную угрозу жизни и здоровью ребенка и являются абсолютно недопустимыми, будь то реальное действие или угроза физического наказания. Применение физических наказаний приводит к формированию морали «власти, силы и принуждения», низкому уровню усвоения норм про- социального поведения, развитию безынициативности, покорности, зависимости, тревожности, особой житейской изворотливости, лжи, агрессивности. Р. Кэмпбелл считает, что частые и суровые физические наказания приводят к снижению чувства вины у ребенка и тем самым препятствуют формированию у него моральной саморегуляции и здорового самосознания. Физические наказания становятся причиной значительного роста агрессивности, склонности к насилию и жестокости в отношении к другим людям.

Вербальная агрессия представляет собой достаточно распространенный вид наказания, проявляющийся в различных формах: порицаниях, упреках, ворчливости, осуждении, прямой и косвенной негативной оценке личности ребенка. Основное негативное последствие — нарушение личностного развития, связанное с формированием у ребенка низкого самопринятия и самооценки, зависимости, тревожности, неуверенности в себе, мотивации избегания, скрытности, зависти. Оценивая эффект вербальной агрессии в отношении ребенка следует иметь в виду, что все высказывания родителя интерпретируются ребенком с точки зрения получения информации о себе (какой я есть); о родителе (какой человек отец/мать); об отношении родителя к ребенку («любит — не любит»). Частое проявление вербальной агрессии, негативная оценка ребенка, «навешивание ярлыков» приводят к переживанию им чувства отверженности и нелюбви со стороны родителей.

Аффективное воздействие (гнев, ярость, крик). Неконтролируемые аффективные вспышки родителя ведут к потере ребенком чувствительности, способности к эмпатии, вызывают чувство страха. Теряется авторитет родителя. Защитная реакция приводит к потере чувствительности к крику, повышенному тону, родительским окрикам. К данному виду способов воздействия на ребенка мы не относим выражение чувств как способ ориентации ребенка в аффективном состоянии родителя. Здесь подразумевается крайняя форма эмоционального воздействия на ребенка.

Лишение родительской любви. Родитель в случае нарушения ребенком его требований демонстрирует в открытой форме свое отвержение: «Я тебя

больше не люблю», «Ты мне не нужен». Поведенческая форма этого вида наказаний представляет собой избегание контактов с ребенком (физического, перцептивного, деятельностного), стремление уйти, покинуть помещение, в котором находится ребенок, демонстративную от него изоляцию. Исследования показывают неприемлемость в большинстве случаев такой формы наказания, вызывающей у ребенка переживание эмоционального отвержения, страх, тревогу, потерю чувства безопасности. Вместе с тем иногда подобная форма воздействия оказывается весьма эффективной, если для ребенка становится очевидным преходящий, ситуативный характер родительского гнева, не выражающего устойчивого чувства и эмоционального отношения к ребенку, т.е. относящегося не к его личности, а к конкретному поступку.

При такой форме воздействия родитель использует технику «Я-сообщений» («Мне очень неприятен твой поступок, мне обидно») [Гордон, 1997]. Поскольку лишение родительской любви оказывает значительное воздействие на поведение и аффективное состояние ребенка, ею нельзя злоупотреблять.

Ограничение активности ребенка как вид наказания предполагает действия родителя, ограничивающие возможности деятельности и занятий ребенка: поставить в «угол», запереть в комнате, посадить дошкольника на стульчик и не разрешить встать, лишить прогулки, запретить играть и т.п. Ограничение активности ребенка вызывает чувство обиды, переживание беспомощности и зависимости от взрослого, провоцирует развитие пассивности или безынициативности либо негативизма и протестных реакций. В случае систематического использования такой вид наказания негативно отразится на развитии ребенка в целом. Запирание ребенка в темных помещениях может вызвать возникновение страхов, фобий, усилить тревожность.

Лишение благ и привилегий (материальных благ, сладкого, просмотра Передач, привлекательных занятий, отказ в покупке игрушек, интересной поездке). Этот вид наказаний включает введение временного запрета на права, которыми уже обладал ребенок. Например, подростку запрещается приходить домой позже 20 часов, хотя ранее он обладал привилегией возвращаться в 21 час. Действенность такого наказания определяется степенью значимости для ребенка того блага или той привилегии, которой он лишается вследствие проступка. Отрицательные стороны такого вида наказаний обусловлены жестко заданной позицией власти и доминирования родителя.

Инициирование чувства вины. Этот вид наказания выступает в форме внушения ребенку представления о том, что он совершил недостойный в моральном отношении поступок, с целью вызвать у него переживание чувства вины и стыда. Чувство вины может рассматриваться как показатель интериоризации моральных ценностей. Инициирование чувства вины может быть оправданно, когда система моральных норм и правил ребенком еще не присвоена. Однако даже в этом случае переживание вины не долж-

но быть чрезмерным, не должно приводить к формированию наказующего самосознания и низкого самопринятия и самоуважения. Главное — не превратить ребенка в маленького неудачника, избегающего малейших трудностей и любой активности, где, как ему представляется, он может оказаться неуспешным. Если система нравственных норм и требований уже присвоена ребенком и чувство вины является ответной реакцией на собственный проступок, инициирование чувства вины может быть вредно и опасно. Наказание ребенка в ситуации, когда он сам испытывает угрызения совести и чувство вины, может вызвать защитную реакцию и обесценивание тяжести проступка. При использовании такого способа воздействия на ребенка следует учитывать, что чувство вины возникает уже в дошкольном возрасте.

Принуждение к действию. Родитель любыми способами заставляет ребенка совершить желаемое действие, не объясняя при этом причин и не обосновывая необходимости его совершения. Например, принудительное мытье рук без объяснения причин воспринимается ребенком как проявление насилия и произвола со стороны родителя. Здесь возможно два негативных следствия для личностного развития ребенка — формирование негативизма в отношении родителей и социальных требований и стандартов вообще или пассивная покорность и подчинение власти. К тому же постоянное принуждение ребенка к действию отрицательно влияет на развитие его самостоятельности и способности к саморегуляции.

Наказание естественными последствиями основывается на личном опыте ребенка, сталкивающегося с непосредственными результатами своих поступков [Нельсен, Лот, Глен, 1997]. Так, в случае причинения какого-либо ущерба ребенок обязан сам справиться с ситуацией (разлил — убрал, получил двойку — исправил, разорвал что-то — сам зашил и т.п.). Этот вид предоставления обратной связи представляется весьма эффективным, поскольку помогает найти конструктивный выход из ситуации ущерба. Такое поведение ребенка лучше всего воспитывается в совместной деятельности со взрослым, демонстрирующим модели желательного поведения личным примером. Трудность его внедрения состоит для родителя в том, что, как правило, ему трудно отказаться от варианта немедленного реагирования на проступок ребенка. Наиболее продуктивной здесь будет выжидательная позиция родителя, подразумевающая, например выдерживание паузы (просчитать до 15—30), предоставление ребенку возможности проявить инициативу, отказ от требования немедленных действий. Наказание естественными последствиями «дозировается» в зависимости от возраста ребенка и его компетентности. Его следует отличать от наказания трудом. В первом случае сам ребенок усматривает связь между трудовыми операциями и следствиями своих действий и труд для него — самостоятельный выбор пути устранения их нежелательных последствий; во втором случае труд рассматривается как принуждение, сопровождается переживанием стыда и вины и приобретает негативную эмоциональную окраску.

Отложенный конфликт предполагает наличие паузы между проступком ребенка и ответной реакцией взрослого. Этот вид воздействия может быть полезен, когда родитель чувствует, что в силу негативного эмоционального состояния он неспособен контролировать ситуацию.

Блокирование нежелательного действия применяется в ситуации, когда поведение ребенка представляет угрозу для него самого, окружающих людей, для сохранности материальных или духовных ценностей. Блокирование выступает в форме прерывания действия ребенка. Важно немедленно физически остановить действие и, если ситуация высокоаффективно заряжена, подождать с объяснениями и анализом ситуации до момента аффективной «разрядки». Объяснения, анализ и ориентировка в проблемной ситуации должны быть вынесены за пределы ситуации конфликта.

Логическое объяснение и обоснование направлено на организацию ориентировки ребенка в последствиях его поступка для окружающих людей. Этот метод включает предупреждение ребенка о возможных последствиях его действий для других людей. Конструктивность данного метода обусловлена формированием у ребенка сенситивности к результатам своей деятельности, развитием эмпатии. По образному выражению М. Хоффмана, это дисциплина, ориентированная на других [Hoffman, 1975]. Такой воспитательный метод благоприятствует моральному развитию ребенка.

Итак, очевидно, что, за исключением таких способов воздействия на ребенка, как наказание естественными последствиями, блокирование нежелательного действия и логическое объяснение, наказаний в процессе воспитания следует избегать. Для того чтобы наказание было продуктивным, необходимо соблюдать ряд рекомендаций. Важно соотнести наказание с возрастом ребенка и тяжестью проступка. Наказание не должно быть отложенным, поскольку отложенное наказание порождает страх, тревогу, депрессию. Нельзя наказывать, будучи в состоянии аффекта. Родители не должны объединяться единым фронтом против ребенка. Каждый из них должен вести себя естественно и сообразно своим представлениям о нормах и правилах поведения и деятельности, хотя, безусловно, следует стремиться к выработке единой системы воспитания. В случае расхождения позиций супругов в отношении воспитания не следует открыто конфронтировать и спорить в присутствии ребенка, критично оценивать супруга, «навешивать ярлыки». Не стоит делать проступок ребенка достоянием общественности, обсуждать его с друзьями и знакомыми. Соблюдение тайны скорее будет способствовать тому, что проступок больше не повторится, потому что коммуницирует веру родителя в ребенка и случайность им содеянного.

Поощрения

Известны такие виды поощрений, как похвала, ласка, совместная деятельность, материальное поощрение, разрешение активности с расширением прав ребенка.

Похвала является самым популярным методом поощрения, используемым родителями. Однако далеко не всякая похвала продуктивна с точки зрения формирования у ребенка личностных качеств. В похвале следует различать два аспекта: то, что родители говорят ребенку, и те выводы, которые делает из похвалы он сам. Второй аспект, безусловно, более важен. Если родительская похвала объективна и реалистична, т.е. адекватно отражает успехи и достижения ребенка в отношении его объективных возможностей и самооценки, то выводы ребенка оказывают позитивный эффект на развитие у него способности к саморегуляции. Продуктивная похвала представляет собой описание результатов действий ребенка и их значения для окружающих.

Неоправданная похвала содержит прямые оценки личности ребенка, сравнения, не адекватна его реальным достижениям и возможностям. Критерии оценки поступка формируются у ребенка достаточно рано. Похвала необходима тогда, когда у ребенка еще их нет. Если они уже сформированы, то может возникнуть ситуация несовпадения критериев родителей и критериев ребенка, поэтому необоснованная похвала будет восприниматься как насмешка. Чтобы избежать этого, необходимо стремиться к тому, чтобы похвала содержала максимально развернутое и обоснованное описание поступка ребенка, в котором надо выделить и вынести на передний план позитивные моменты.

Если ребенка слишком часто хвалят, у него складывается представление о своей зависимости от власти взрослого («он(а) обладает правом меня хвалить»), возникает переживание неравноценности позиций, чувство зависимости, подчиненности (особенно у подростков). Появляется тревога и страх лишиться позитивной оценки взрослого, неуверенность в своих силах либо, наоборот, теряется критичность, возникает комплекс «сверхполноценности». Ребенок может подумать, что его хвалят из намерения заставить сделать то, что хочет родитель, что он является объектом манипуляций.

Если похвала неадекватна представлениям ребенка о себе и своих возможностях, то он решит, что его не понимают. Когда хвалят много, дети могут стать крайне зависимыми от похвалы — нет своего мнения, постоянная опора на взрослых. Сравнительная похвала ставит ребенка на ступеньку ниже лица, с которым его сравнивают, что порождает конкуренцию, зависть, ревность в отношениях со сверстниками. Сравнительная похвала не признает самооценности и уникальности личности ребенка, не учитывает в должной мере его индивидуальные особенности. Крайне вредной может оказаться такая похвала в присутствии третьих лиц, особенно группы сверстников в том случае, когда оценка поступка ребенка не совпадает с оценкой группы.

Ласка представляет собой эмоциональный позитивный контакт ребенка с родителем в вербальной и невербальной (перцептивной, тактильной) форме. Ласка является для ребенка убедительным свидетельством поло-

жительной оценки родителем его поступка, повышает уверенность в себе, чувство безопасности и принятия, самооценку и самоуважение. Однако нельзя использовать ласку как единственный способ подкрепления. Необходимо также, чтобы ласка и выражение любви родителей к ребенку не были жестко привязаны к его успехам и достижениям.

Совместная деятельность включает такие способы поощрения, как совместная игра с ребенком, предложение принять участие в привлекательном общем занятии. Это очень продуктивный вид поощрения, однако недопустимо, чтобы практика совместной деятельности со взрослым в жизни ребенка выступала лишь как средство поощрения. Совместная деятельность со взрослым как важный источник развития познавательных процессов и личности ребенка должна стать неперенным компонентом его повседневной жизни.

Материальное поощрение (подарки, награды) может быть эффективно. Однако такие поощрения не следует связывать с конкретными достижениями ребенка, послушанием, выполнением требований взрослых. Обещание награды за хорошее поведение или за определенный результат может с большой вероятностью привести к формированию прагматического отношения ребенка к выполнению требований и запретов взрослых, причем ребенок начнет ставить условия. Подарки, как и ласка, не должны быть жестко связаны с достижениями ребенка, они должны выступать как подтверждение его значимости и выражение любви и принятия его родителем.

Разрешение активности с расширением прав ребенка. Желательно, чтобы такое разрешение выступало не как награда за конкретное действие, а как оценка взрослости, самостоятельности ребенка. Другими словами, расширение прав ребенка не должно быть следствием произвола и решения взрослого, облеченного родительской властью, но признанием высокого уровня компетентности ребенка, доказанной его поступками и достижениями.

Поощрений в воспитании ребенка должно быть больше, чем наказаний. Поощрений не бывает слишком много. Просто они должны быть адекватно психологически встроены в воспитательную систему родителя: с одной стороны, поощрения должны быть связаны с поступком ребенка, а с другой — нельзя использовать награды, подарки, ласку и т.п. только как подкрепления. Поощрения должны создавать особую атмосферу стимулирования ребенка к самостоятельности и творчеству, принятия ребенка и подтверждения его значимости и самооценности как личности. Поощрения могут оказывать значительное положительное влияние на развитие личности ребенка. Как правило, родители владеют весьма широким репертуаром средств воздействия на ребенка, однако используется он далеко не всегда достаточно эффективно.

Родительский мониторинг

Степень информированности родителей о важнейших сферах жизнедеятельности детей определяет родительский мониторинг, который включает

осведомленность о школьных успехах ребенка и проблемах в его учебной деятельности, круге общения, друзьях, формах и месте проведения досуга, карманных деньгах и о том, как тратит их ребенок, о внешкольных занятиях и т.д. Знание родителя о делах подростка может быть получено из трех источников:

- со стороны самого подростка, который добровольно рассказывает о них родителю;

- как результат специального поиска информации (расспросы, звонки, поиски);

- как результат подчинения подростка родительским указаниям и принятия родительской воли как главного ориентира. В этом случае родитель, по сути, полностью контролирует все виды активности подростка.

Понятия «мониторинг» и «контроль» необходимо дифференцировать с учетом различного характера активности родителя. Истинному мониторингу соответствует только первый из вариантов получения информации. Таким образом, значение мониторинга как особой формы детско-родительских отношений шире, чем просто указание на информированность родителя о делах ребенка. Мониторинг означает особое качество детско-родительских отношений — доверительность, сотрудничество и гармоничность. Контроль же соотносится в этой системе понятий с третьим случаем, т.е. включает элементы давления и явного ограничения прав и свобод ребенка. Наиболее близким к такому пониманию контроля является для нас понятие «авторитарность». Второй вариант может сопровождать как отношения мониторинга, так и отношения контроля [Stattin, Kerr, 2000]. Мониторинг, не включая собственно контроля поведения и деятельности ребенка, является важным условием профилактики девиантного поведения детей и немедленного оказания ребенку помощи в проблемных ситуациях. Отсутствие родительского мониторинга характерно для безнадзорности и гипопротекции.

§ 10. Степень устойчивости и последовательности (противоречивости) семейного воспитания

От степени устойчивости и последовательности семейного воспитания зависит стабильность сохранения основных характеристик воспитательного процесса — типа эмоционального принятия ребенка, количества и содержания требований и запретов, вида контроля, уровня протекции, способов разрешения конфликтов. Неустойчивость (противоречивость) стиля воспитания определяется резким изменением характеристик воспитания на протяжении развития ребенка либо одновременным сочетанием противоречивых его приемов. О противоречивости семейного стиля воспитания можно говорить также в тех случаях, когда различные члены семьи одновременно реализуют

противоположные, противоречащие друг другу приемы и методы воспитания. Например, мать реализует вариант теплого эмоционального принятия и потворствования, а отец — отвержения и сверхтребовательности.

Противоречивость и непоследовательность системы семейного воспитания крайне неблагоприятно сказываются на развитии ребенка. Противоречивость воспитания в раннем возрасте приводит к формированию тревожной амбивалентной привязанности [Crittenden, 2000], а в подростковом — к формированию таких черт характера, как упрямство, противостояние авторитетам, негативизм (К. Леонгард).

§11. Родительская позиция

Понятие «родительская позиция» представляет собой интегративную характеристику, определяющую тип эмоционального принятия ребенка, мотивы и ценности воспитания, особенности образа ребенка у родителя, представления последнего о себе как родителе (образ «Я как Родитель»), модели ролевого родительского поведения, степень удовлетворенности родительством.

Еще в 1930-х гг. были выделены такие родительские установки, как «принятие и любовь», «явное отвержение», «чрезмерная опека» и «излишняя требовательность» [Шванцара, 1978]. Однако определение родительской позиции, основывающееся лишь на одном, хотя и доминирующем параметре родительского отношения, в значительной мере упрощает ее содержание.

Существуют различные варианты определения термина «родительская позиция». А.С. Спиваковская [1981] квалифицирует ее как реальную направленность, в основе которой лежит сознательная или бессознательная оценка ребенка, выражающаяся в способах и формах взаимодействия с детьми. Родительская позиция представляет собой систему родительского эмоционального отношения к ребенку, стиля общения с ним и способов поведения с ним (А.А. Бодалев, В. В. Столин). А.Я. Варга и В.А. Смехов [1986] определяют родительскую позицию как триединство эмоционального отношения родителя к ребенку, стиля общения с ним и когнитивного видения ребенка.

Е.О. Смирнова выделяет в родительской позиции два структурных компонента — личностное и предметное, определяющие своеобразие и внутреннюю конфликтность родительского отношения к ребенку, отражающие ее двойственность. Личностное начало выражено в безусловной любви родителя к ребенку и глубинной привязанности. Предметное задает объективное оценочное отношение взрослого к ребенку, направленное на формирование социально ценных качеств и свойств его личности [Смирнова, Быкова, 2001]. Оценочное отношение обусловлено ответственностью, которую несет родитель за будущее благополучие своего ребенка и его развитие.

Итак, родительская позиция характеризуется эмоциональным отношением к ребенку в терминах принятия/отвержения, особенностями роди-

тельского образа ребенка (когнитивное видение), определенным стилем общения с ребенком, где важной составляющей является структурирование позиций как равноправных или как позиций доминирования—подчинения, дисциплиной как систное иродительских требований, ценностями родительского воспитания, степенью устойчивости (стабильности) или противоречивости (непоследовательности) родительского отношения.

Позитивное родительское отношение определяют:

- относительная непрерывность, стабильность родительского отношения во времени;
- изменение родительского отношения с возрастом ребенка, учитывающее специфику его психологического возраста (Е.О. Смирнова). Очевидно, что при анализе родительского отношения к ребенку необходимо учитывать, насколько оно адекватно возрасту ребенка, задачам его развития и возрастнo-психологическим особенностям;
- уравновешенность в родительском отношении двух противоположных тенденций — тенденции к установлению максимальной близости с ребенком с целью защитить, обеспечить безопасность и заботу и тенденции к предоставлению ребенку автономии и самостоятельности в решении возникающих проблем.

Образ ребенка глазами родителя

Важнейшей составляющей родительской позиции является когнитивный образ ребенка, который выступает в форме ожиданий в отношении компетентности ребенка и его поведения и в форме атрибуций. Последнее означает, что ребенок наделяется определенной системой качеств и предполагается причинное, как правило житейское, объяснение его поведения. Ожидания и атрибуции взаимосвязаны и представляют собой образы, регулирующие родительское поведение и определяющие характер и тактику воспитания [Murphey, 1992].

Можно говорить о глобальном и дифференцированном образе ребенка. Глобальный образ ребенка характеризует черты ребенка данного возраста, представляя собой своеобразный психологический его портрет «глазами родителя». Мера его адекватности определяется степенью психолого-педагогической компетентности и воспитательного опыта родителя. По отношению ко второму и третьему ребенку родитель, как правило, обнаруживает более адекватный глобальный образ. Дифференцированный образ характеризует индивидуально-личностные качества ребенка, определяя его неповторимость и уникальность.

Система родительских представлений, включающих глобальный и дифференцированный образ ребенка, определяется следующими факторами. Во-первых, культурно-исторической природой образа детства. В разных культурах представления о возрастнo-психологических особенностях ребенка неодинаковы. Например, североамериканские матери обнаруживают более высокие ожидания в отношении поведения детей и, соответственно,

предъявляют более высокие требования к ребенку, чем в Японии, где до школы ему разрешается практически все, или в европейской культуре, где требования к поведению, достижениям и компетентности ребенка предъявляются значительно раньше. Во-вторых, особенности когнитивного образа ребенка определяются позицией, которую занимает родитель в отношении к ребенку. Авторитарные мамы преувеличивают в своем образе реальные возможности ребенка, поэтому они больше требуют от детей и меньше им помогают, чем матери, реализующие демократический стиль общения.

Степень адекватности образа ребенка значительно варьируется. Понятно, что абсолютно точного образа быть не может. Безусловно, чем больше соответствует образ ребенка оригиналу, тем лучше, однако оптимальным вариантом когнитивного видения родителем ребенка будет образ, открывающий кредит доверия и создающий зону ближайшего развития личности ребенка. Видеть ребенка таким, каким он может стать и каким он, по мнению родителя, станет в потенциале его возможностей и компетентности, и строить свое взаимодействие и сотрудничество с ним, ориентируясь на потенциал его развития, «зону его ближайшего развития» (Л.С. Выготский), составляет подлинное искусство воспитания.

Родительский образ ребенка оказывает существенное влияние на развитие его личности. Механизмы такого влияния следующие:

- создание зоны ближайшего развития и организация сотрудничества в ее пределах;
- идентификация ребенка с предлагаемым родителями образом;
- моделирование определенного поведения и деятельности ребенка в соответствии с заданными родителем образцами и моделями и регуляция его поведения. В процессе подражания создаются заложенные в образе-модели условия для интериоризации нужных качеств (прекрасная тому иллюстрация — уже упоминавшийся выше «эффект Пигмалиона»);
- механизм обусловливания, когда посредством использования наказаний и поощрений родитель направленно формирует те или иные качества ребенка — наказывает его или поощряет в зависимости от того, насколько поведение ребенка соответствует родительскому образу и ожиданиям. Пособством положительного и отрицательного подкрепления осуществляется коррекция поведения и деятельности ребенка и тем самым закладывается основа для формирования заданных в образе качеств и свойств.

Характер воздействия родителя на ребенка определенным образом преломляется и в сознании самого ребенка. Можно выделить два типа отношения ребенка к родительскому воздействию: 1) принятие и согласие, определяющие идентификацию, моделирование и интериоризация родительских ожиданий; 2) несогласие, протест против роли, навязываемой родителями. Отсюда вытекают два варианта формирования личностных качеств ребенка — как прямо противоположных ожиданиям родителей, так и полностью совпадающих с ними.

Степень соответствия родительского образа Я-концепции ребенка — важное условие принятия либо отвержения ребенком родительского образа. Я-концепция в основных моментах оказывается сформированной уже в дошкольном возрасте, когда у ребенка появляются собственные критерии самооценки, возможность противостоять родителям в попытке модификации его Я.

Неблагоприятное воздействие на развитие личности ребенка оказывает «мистификация», т.е. внушение родителями детям того, в чем они нуждаются, кем являются, каковы их интересы и ценности, навязывание им неадекватной системы представлений о себе (Г. Стерлин). Формы ее таковы: приписывание, делегирование, инфантилизация, инвалидизация.

Приписывание определенных качеств ребенку — позитивных (чуткий, добрый, способный, одаренный) либо негативных (жадный, лживый, недобросовестный, ленивый) — нередко приводит к искажению его личностного развития. При некритичном восторженном отношении родителя к ребенку, излишнем, необоснованном преувеличении его положительных качеств у ребенка может сформироваться неадекватный образ Я, основанный на чувстве превосходства и неуважении к окружающим. Приписывание же ребенку «слабости», испорченности оборачивается снижением у него степени самопрятия, дисгармоничностью развития Я-концепции.

Делегирование предполагает отношение к ребенку как к объекту исполнения родительских целей, замыслов и планов, не реализованных самим родителем. Механизмом делегирования является проекция родителем на ребенка неосуществленных собственных целей и жизненных планов.

Инфантилизация часто возникает вследствие того, что родитель стремится сохранить ту систему отношений, в рамках которой ребенок был послушен, зависим, им удобно было манипулировать; стремится «законсервировать» и остановить ребенка в его личностном развитии и автономизации. Родитель приписывает ребенку интересы, потребности, ценности, соответствующие младшему возрасту; строит свои отношения с ребенком как с маленьким, не по возрасту одевает и т.д. Инфантилизация может проявляться как в позитивной форме, реализующей стремление родителя остановить ход развития на детской стадии, так и в негативной посредством приписывания ребенку отвергаемых детских качеств. В последнем случае, например, родитель может даже обратиться в психологическую консультацию, заподозрив у собственного ребенка отставание в развитии.

Инвалидизация представляет собой принудительное обесценивание позиции ребенка, его интересов, планов, возможностей. В основе инвалидизации часто лежит амбивалентное отношение или скрытое отвержение ребенка. Родитель рассматривает ребенка как ущербного, немощного, даже приписывает ему различные болезни, негативные асоциальные качества и т.п. Возможен специфический вариант инвалидизации — на основе фобии утраты, потворствования и гиперпротекции. Например: повреждение

моторных функций у ребенка вследствие перенесенного полиомиелита, несмотря на благоприятный прогноз, привело к серьезным осложнениям в его развитии; мать, инвалидизируя ребенка, сделала уход за ним смыслом жизни и единственной целью, усадила его в инвалидную коляску, предупреждала малейшие желания, делала все для него и вместо него — и в результате реальные возможности коррекции были утрачены, судьба ребенка сложилась трагически.

Еще одним вариантом искажения родительского образа ребенка является недостаточный учет или *игнорирование реальных трудностей* развития ребенка. Например, часто игнорируются трудности общения ребенка со сверстниками, проблемы с обучением в школе, неспособность самостоятельно осуществлять учебную деятельность. При этом родители склонны преувеличивать, раздувать мелкие проблемы ребенка.

В основе искажения родительской позиции часто лежит *отвержение ребенка*. Приписывание ему негативных качеств, инвалидизация при этом выступают как рационализация своего отвержения, проявление защитной реакции родителя с целью сохранения позитивного самоотношения и самоуважения путем дискредитации «другого».

Родительская позиция, по мнению А.С. Спиваковской [1999], характеризуется определенным стилем поведения, реализуемым во взаимодействии с ребенком. Параметрами ее являются динамичность/ригидность и прогностичность. *Динамичность* определяет способность родителя гибко использовать различные дисциплинарные методы, системы требований, запретов. В *случае ригидности* возможности адаптации воспитательной системы к конкретным условиям и ситуациям оказываются ограниченными. *Прогностичность* характеризует умение родителя предвосхищать в своих методах воспитания будущие возрастные изменения ребенка, способность к экстраполяции и прогнозированию развития ребенка.

Нарушения и искажения родительской позиции оказываются обусловленными неадекватным транслированием ригидных и неэффективных, усвоенных в родительской семье моделей воспитания, низкой степенью психологической и педагогической компетентности родителей; дисфункцией семейной системы и как следствие — искажением родительской позиции; наконец, личностными индивидуальными особенностями самого родителя.

§ 12. Типы семейного воспитания

Основополагающее значение для выделения типов семейного воспитания имели работы Д. Баумринд [Baumrind, 1975]. Критериями такого выделения признаны характер эмоционального отношения к ребенку и тип родительского контроля. Классификация стилей родительского воспитания включала четыре стиля: авторитетный, авторитарный, либеральный, ин-

дифферентный. *Авторитетный стиль* характеризуется теплым эмоциональным принятием ребенка и высоким уровнем контроля с признанием и поощрением развития его автономии. Авторитетные родители реализуют демократический стиль общения, готовы к изменению системы требований и правил с учетом растущей компетентности детей. *Авторитарный стиль* отличается отвержением или низким уровнем эмоционального принятия ребенка и высоким — контролем. Стиль общения авторитарных родителей — командно-директивный, по типу диктата, система требований, запретов и правил ригидна и неизменна. Особенности *либерального стиля* воспитания являются теплое эмоциональное принятие и низкий уровень контроля в форме вседозволенности и всепрощенчества. Требования и правила при таком стиле воспитания практически отсутствуют, уровень руководства недостаточен. *Индифферентный стиль* определяется низкой вовлеченностью родителей в процесс воспитания, эмоциональной холодностью и дистантностью в отношении ребенка, низким уровнем контроля в форме игнорирования интересов и потребностей ребенка, недостатком протекции.

Проведенное Баумринд лонгитюдное исследование было направлено на изучение влияния типа семейного воспитания на развитие личности ребенка.

Роль указанных стилей родительского воспитания — авторитетного, авторитарного, либерального и индифферентного — в формировании личностных особенностей детей стала предметом специального изучения. Параметрами оценки личностных качеств ребенка, зависящими, по мнению автора, от стиля родительского воспитания, были названы: отношения враждебности/доброжелательности, ребенка к миру; сопротивление, социальный негативизм/кооперация; доминирование в общении/уступчивость, готовность к компромиссу; доминантность/подчинение и зависимость; целенаправленность/импульсивность, полевое поведение; направленность на достижения, высокий уровень притязаний/отказ от достижений, низкий уровень притязаний; независимость, автономия/зависимость (эмоциональная, поведенческая, ценностная). Стиль родительского воспитания примерно в 80% случаев удалось идентифицировать. •

Авторитарные родители в воспитании придерживаются традиционного канона: авторитет, власть родителей, безоговорочное послушание детей. Как правило, низкий уровень вербальной коммуникации, широкое использование наказаний (и отцом, и матерью), ригидность и жесткость запретов и требований. В авторитарных семьях было констатировано формирование зависимости, неспособность к лидерству, отсутствие инициативы, пассивность, полевое поведение, низкая степень социальной и коммуникативной компетентности, низкий уровень социальной ответственности с моральной ориентацией на внешний авторитет и власть. Мальчики нередко демонстрировали агрессивность и низкий уровень волевой и произвольной регуляции.

Авторитетные родители обладают большим жизненным опытом и несут ответственность за воспитание ребенка. Проявляют готовность к пониманию

и учету мнения детей. Общение с детьми строится на основе демократических принципов, поощряется автономия и самостоятельность детей. Практически не используются физические наказания и вербальная агрессия, а основным методом воздействия на ребенка становится логическая аргументация и обоснование. Послушание не декларируется и не выступает реальной ценностью воспитания. Отмечается высокий уровень ожиданий, требований и стандартов на фоне поощрения самостоятельности детей. Результатом авторитетного родительства становится формирование у ребенка высокой самооценки и самопринятия, целенаправленности, воли, самоконтроля, саморегуляции, готовности к соблюдению социальных правил и стандартов. Фактором риска при авторитетном родительстве может стать слишком высокая мотивация достижений, превышающая реальные возможности ребенка. В неблагоприятном случае это приводит к повышению риска невротизации, причем мальчики оказываются более уязвимыми, чем девочки, поскольку уровень требований и ожиданий в отношении к ним выше. Для детей авторитетных родителей характерны высокая степень ответственности, компетентности, дружелюбия, хорошая адаптивность, уверенность в себе.

Либеральные родители намеренно ставят себя на одну ступень с детьми. Ребенку предоставляется полная свобода: он должен ко всему прийти самостоятельно, на основании собственного опыта. Никаких правил, запретов, регламентации поведения нет. Реальная помощь и поддержка со стороны родителей отсутствует. Уровень ожиданий в отношении достижений ребенка в семье не декларируется. Формируется инфантильность, высокая тревожность, отсутствие независимости, страх реальной деятельности и достижений. Наблюдается либо избегание ответственности, либо импульсивность.

Индифферентный стиль родительства, демонстрирующий игнорирование и пренебрежение к ребенку, особенно неблагоприятно сказывается на развитии детей, провоцируя широкий спектр нарушений от делинквентного поведения, импульсивности и агрессии до зависимости, неуверенности в себе, тревожности и страхов.

Исследование показало, что сам по себе стиль родительского поведения еще не предопределяет однозначно формирования тех или иных личностных особенностей. Важную роль играют переживания самого ребенка, особенности его темперамента, соответствие типа семейного воспитания индивидуальным качествам ребенка. Чем он старше, тем в большей степени влияние типа семейного воспитания определяется его собственной активностью и личностной позицией.

По данным, полученным на североамериканской выборке (США), распределение родителей по стилям семейного воспитания, выделенным Баумринд, выглядит следующим образом: 40—50% родителей реализуют авторитарный или близкий к авторитарному стиль воспитания; 30—40% — демократический и около 20% — разрешающий или попустительский стиль.

Интегративной характеристикой воспитательной системы является тип семейного воспитания. Критерии классификации типов семейного воспитания и типология представлены в работах А.Е. Личко [1989], Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса (1999), Исаева [1996], А.Я. Варги [1997], А.И. Захарова [1997] и др.

Гармоничный тип семейного воспитания отличается:

- взаимным эмоциональным принятием, эмпатией, эмоциональной поддержкой;
- высоким уровнем удовлетворения потребностей всех членов семьи, включая детей;
- признанием права ребенка на выбор самостоятельного пути развития, поощрением автономии ребенка;
- отношениями взаимного уважения, равноправия в принятии решений в проблемных ситуациях;
- признанием самооценности личности ребенка и отказом от манипулятивной стратегии воспитания;
- обособанной возрастными и индивидуально-личностными особенностями ребенка, разумной и адекватно предъявляемой к нему системой требований;
- систематическим контролем с постепенной передачей функций контроля ребенку, переходом к его самоконтролю;
- разумной и адекватной системой санкций и поощрений;
- устойчивостью, непротиворечивостью воспитания при сохранении права каждого из родителей на собственную концепцию воспитания и планомерное изменение его системы в соответствии с возрастом ребенка.

§ 13. Типы дисгармоничного воспитания

Дисгармоничные типы воспитания весьма разнообразны, но всем им в той или иной степени свойственны:

- недостаточный уровень эмоционального принятия ребенка, возможность эмоционального отвержения и амбивалентного отношения, отсутствие взаимности;
- низкий уровень сплоченности родителей и разногласия в семье в вопросах воспитания детей;
- высокий уровень противоречивости, непоследовательности в отношениях родителей с детьми;
- ограничительство в различных сферах жизнедеятельности детей;
- завышение требований к ребенку или недостаточная требовательность, вседозволенность;
- неконструктивный характер контроля, низкий уровень родительского мониторинга, чрезмерность санкций или их полное отсутствие;

- повышенная конфликтность в повседневном общении с ребенком;
- недостаточность или чрезмерность удовлетворения потребностей ребенка.

Остановимся на кратком описании наиболее частых вариантов дисгармоничного типа воспитания в семье.

Гипопротекция

Характеризуется недостаточностью заботы, внимания, опеки и контроля, интереса к ребенку и удовлетворения его потребностей.

Явное эмоциональное отвержение ребенка выступает как вариант воспитания по типу Золушки. Недостаток интереса, заботы, ответственности и контроля поведения ребенка обусловлен эмоциональным отвержением ребенка и приписыванием его личности негативных черт. Для отвержения характерно неприятие эмоциональных особенностей ребенка, его чувств и переживаний. Родитель предпринимает попытки «улучшить» ребенка, используя для этого жесткий контроль и санкции, навязывает ребенку определенный тип поведения как единственно правильный и возможный (В.И. Гарбузов).

Чистая гипопротекция отличается неудовлетворением потребностей ребенка и отсутствием контроля. Неудовлетворение потребностей может граничить с вариантом безнадзорности, когда не удовлетворяются даже витальные потребности.

Скрытая гипопротекция определяется низким уровнем протекции при формальной заботе о ребенке. Родитель, казалось бы, заинтересован в ребенке, но на самом деле обычно удовлетворяются лишь витальные его потребности. Нет сотрудничества, совместной деятельности, активных содержательных форм общения, нет подлинной заинтересованности и заботы о ребенке. Требования предъявляются, но контроль их выполнения не обеспечивается. Достаточно часто за скрытой гипопротекцией кроется неосознанное эмоциональное отвержение ребенка.

Перфекционизм — рационально обосновываемая гипопротекция. Например, ребенок недостоин любви и заботы, поскольку не выполняет какие-то обязательства, а потому должен быть наказан. В основе перфекционизма лежит искажение образа ребенка и эмоциональное его отвержение.

Потворствующая гипопротекция характеризуется низким уровнем принятия ребенка на фоне потворствования и вседозволенности, когда родители стремятся удовлетворить любые желания ребенка. Дети в такой семье, как правило, избалованные, но, в отличие от семьи с гиперпротекцией, лишены родительской любви. Там стараются всячески избегать общения с ребенком, откупаясь материальными благами и подарками, например отправляют его на все лето в дорогой престижный лагерь. Родители по отношению к ребенку ведут себя холодно и отстраненно, избегают физического контакта, стремятся оградить ребенка от установления близких связей с другими людьми, изолировать. В основе потворствующей гипопротекции

лежит чувство вины родителя из-за отсутствия подлинной любви к ребенку. Часто это переходит в другую крайность, и ребенок становится объектом агрессии, что приводит к трансформации потворствующей гипопротекции в жестокое обращение.

Компенсаторная гиперопека. В ее основе лежит гипопека (нет подлинной заинтересованности, есть элементы эмоционального отвержения). Если в случае потворствующей гипопеки компенсация осуществляется за счет выполнения желаний ребенка, то здесь — за счет повышенной опеки. Ребенок постоянно в центре внимания, высок уровень тревожности родителей в связи со здоровьем ребенка или страх, что с ребенком что-то произойдет.

Гиперпротекция

Характеризуется чрезмерной родительской заботой, завышенным уровнем протекции. Основой гиперпротекции может стать как любовь к ребенку, так и амбивалентное к нему отношение. В некоторых случаях гиперпротекция может сочетаться с эмоциональным отвержением ребенка. Гиперопека может быть обусловленной доминированием мотива эмоционального контакта с ребенком. Тогда преувеличенная забота о нем выражает острую потребность самого родителя в эмоциональных отношениях и страх одиночества. Достаточно часто причиной гиперопеки становится фобия утраты, страх потерять ребенка, тревожное ожидание возможного несчастья.

Потворствующая гиперпротекция. Воспитание по типу кумира семьи: безусловное эмоциональное принятие ребенка, симбиотическая связь с ребенком. Ребенок является центром семьи, его интересы приоритетны, удовлетворение любых потребностей ребенка чрезмерно, требования, запреты, контроль и санкции отсутствуют. Наличествуют только поощрения, но, как не связанные с реальными достижениями ребенка, они теряют свое развивающее продуктивное значение. Культ ребенка зачастую осуществляется в ущерб остальным членам семьи.

Доминирующая гиперпротекция. В основе ее может лежать как эмоциональное принятие ребенка, так и его отвержение или амбивалентное отношение. Авторитаризм родителей при данном типе воспитания, достаточно широко распространенном в нашей культуре, обуславливает чрезмерность требований, стремление контролировать и чувства, и мысли ребёнка, попытку структурировать отношения с ребенком по типу «у меня власть». Диктат и доминантность родителя выступают в форме категоричности, директивности и безапелляционности суждений, в стремлении установить неограниченную власть над ребенком, добиться его полного и беспрекословного послушания. Одной из причин родительской доминантности является недоверие к ребенку, уверенность в том, что сам он не сможет справиться ни с одной из жизненных трудностей, что он неспособен к самостоятельным действиям и нуждается в руководстве и контроле. Доминирующая гиперпротекция характерна для воспитания детей дошкольного и младшего

школьного возраста. Достаточно часто маленького ребенка воспитывают по типу потворствования, а когда он подрастает, гиперопека становится доминирующей и в подростковом возрасте сменяется гипоопекой.

Компенсаторная гиперопека, по сути, может быть приравнена к гипоопеке с точки зрения удовлетворения потребностей ребенка в любви, принятии, содержательном сотрудничестве и кооперации. Вместе с тем родитель оберегает ребенка от воспитательных воздействий со стороны социального окружения, стремится компенсировать недостаток любви излишком подарков и материальных ценностей.

Нематеринская гиперпротекция (со стороны бабушки) обычно носит потворствующий характер, но иногда может принимать и доминирующую форму.

Смешанная гиперопека — это переход от гипер- к гипоопеке, принимающей скрытые формы.

Противоречивое воспитание

Такое воспитание может быть обусловлено реализацией разными членами семьи одновременно различных типов воспитания или сменой образцов воспитания по мере взросления ребенка. Противоречивость выступает как несовместимость и взаимоисключаемость воспитательных стратегий и тактик, используемых в семье в отношении одного ребенка. В некоторых случаях противоречивое воспитание принимает форму конфликтного. Причинами противоречивого воспитания могут стать воспитательная неуверенность родителя, низкая степень его психолого-педагогической компетентности, нормативные и ненормативные кризисы семьи, например в связи с рождением в семье еще одного ребенка или разводом. Нередко противоречивость воспитания оказывается обусловлена большим количеством вовлеченных в процесс воспитания ребенка взрослых, не желающих и не умеющих рефлексировать и согласовывать свои воспитательные подходы. Неравномерность воспитания может проявляться в дефиците эмоционального общения родителя с ребенком в раннем возрасте и «переизбытке» эмоционального контакта в более старшем. Частным случаем противоречивого воспитания является так называемое «маятникообразное» воспитание, в котором запреты отменяются без должных на то причин и разъяснений и затем вновь столь же неожиданно и необоснованно восстанавливаются.

Противоречивое воспитание приводит к формированию у ребенка тревожного типа привязанности, искажению в развитии Я-концепции, росту личностной тревожности, неуверенности в себе и низкому самопринятию.

Воспитание по типу повышенной моральной ответственности

Отличается чрезмерностью требований, предъявляемых к ребенку. По разным причинам к ребенку предъявляются требования, не соответствующие его возрасту и индивидуальным особенностям. Этот разрыв благоприятен для рывка

в личностном развитии, но если отсутствует содержательная помощь со стороны родителей, то в сочетании с жесткими санкциями такой тип воспитания может стать причиной невротизации ребенка. Дети, воспитывающиеся в атмосфере повышенной моральной ответственности, очень обязательны, гиперсоциальны, но склонны к невротизации и соматизации психологических проблем, к высокой тревожности. Причинами такого варианта искажения типа семейного воспитания могут выступать: делегирование; искажение когнитивного образа ребенка (приписывание больших возможностей, чем те, которыми реально обладает ребенок); объективные условия социальной ситуации развития (отец ушел из семьи, мать зарабатывает на жизнь, на старшего ребенка ложится ответственность за младших и домашние заботы).

Гиперсоциализирующее воспитание

Выражается в тревожно-мнительной концентрации родителя на социальном статусе ребенка, его успехах и достижениях, отношении к нему сверстников и месте, занимаемом в группе; на состоянии здоровья ребенка без учета реальных психофизических его особенностей, возможностях и ограничениях (В.И. Гарбузов). Родитель проявляет в отношениях с ребенком чрезмерную принципиальность, не учитывая его возрастно-психологических и индивидуально-личностных особенностей, во главу угла ставит принцип долга, ответственности, социальных обязанностей, норм и правил. Для этого типа воспитания присущи шаблонность, предопределенность воспитательных схем и методов без учета реальных ситуаций взаимодействия и особенностей ребенка. В отношениях с детьми родитель обнаруживает тревожность, мнительность и неуверенность, что самым прямым образом сказывается на личностных особенностях ребенка.

Жестокое обращение с ребенком

Воспитание по типу жестокого обращения (начиная от жестоких физических наказаний и заканчивая эмоциональным отвержением ребенка, недостатком тепла, любви, принятия, холодностью и дистантностью опекуна) характеризуется применением родителем самого широкого спектра наказаний при практически полном отсутствии поощрений, несоразмерностью проступка ребенка и тяжести наказания, импульсивной враждебностью родителя. Как правило, ребенок выполняет в семье роль «козла отпущения», «позора семьи». Образ ребенка искажается родителем, в соответствии с механизмами проекции и рационализации ему приписываются всевозможные пороки и недостатки, патологическая агрессивность, лживость, испорченность, эгоизм и т.д.

Воспитание в культе болезни

Представляет собой специфический тип дисгармоничного семейного воспитания, характеризующийся навязыванием ребенку роли «больного члена се-

мы», созданием особой атмосферы. Отношение к ребенку как к больному, слабому, беспомощному ведет к осознанию им своей исключительности, развитию пассивности, слабости, вседозволенности, к трудностям волевого поведения, эгоизму и демонстративности. Ребенок выполняет в семье патологизирующую роль «больной член семьи».

Воспитание вне семьи

Воспитание в детских учреждениях (домах ребенка, детских домах, интернатах, у дальних родственников) особенно неблагоприятно сказывается на психическом развитии детей. Лишение семьи в раннем возрасте приводит к необратимым или трудно корригируемым нарушениям в формировании привязанности и автономии личности (Дж. Боулби) и базового доверия к миру (Э. Эриксон). Наиболее яркими следствиями такого воспитания становятся расстройства эмоциональной сферы (страхи, тревожность, депрессия, трудности эмпатии), нарушения личностного и умственного развития, высокая агрессивность, жестокость и формирование девиантного, т.е. отклоняющегося от нормы, и делинквентного, выходящего за пределы правовых норм, поведения.

Значительный интерес представляют также выделенные А.Я. Варгой [1997] *неадекватные типы материнского отношения*.

1. Отношение матери к сыну по замещающему типу. Сыну приписывается роль супруга. Отношения в диаде строятся по типу поиска поддержки, перекладывания матерью ответственности и заботы на плечи сына. Сыну навязывается роль главы семьи, необходимость заботы о матери. Это бывает как в неполной, так и в полной семье. В полной — в случае коалиции мать—сын, когда мать недовольна тем, как супруг реализует свою роль. В диаде отец—дочь отношение отца к дочери как к хозяйке дома не провоцирует искажения типа семейного воспитания. Такой вариант воспитания скорее можно рассматривать как воспитание по типу повышенной моральной ответственности, поскольку отец не претендует на исключительность внимания дочери.

2. Симбиотическая связь матери с ребенком, характеризующаяся гиперопекой и низкой степенью эмоциональной дифференциации. Может быть как потворствующей, так и доминирующей, но главная черта симбиотической связи — родитель и ребенок в сознании матери не разделены, представляют единое целое. Это очень плохо в подростковом возрасте, так как симбиоз мешает подростку установить контакты со сверстниками.

3. Лишение родительской любви. Любовь родителя используется как инструмент для манипулирования ребенком, как награда, которую надо заслужить.

4. Воспитание посредством актуализации чувства вины также представляет угрозу для развития личности ребенка, поскольку может стимулировать развитие наказующего самосознания, низкой самооценки и самопринятия.

Е.О. Смирнова [Смирнова, Быкова, 2001] выделяет девять вариантов родительского поведения в зависимости от выраженности личностного и пред-

метного компонента родительского отношения: строгий, объяснительный, автономный, компромиссный, содействующий, сочувствующий, потакающий, ситуативный и зависимый родитель. В каждом из перечисленных вариантов превалирует либо личностный (любовь, сочувствие, сопереживание ребенку), либо предметный (требования, контроль, оценка качеств ребенка) компонент родительского отношения. Строгий родитель директивен, авторитарен, ориентирован на социальные достижения, предъявляет ребенку высокие требования, далеко не всегда согласованные с его возможностями, ограничивает инициативу и активность самого ребенка. Объяснительный использует в воспитании стратегию объяснений, ориентируясь на ребенка как равноправного партнера. Автономный поощряет самостоятельность и независимость ребенка, предоставляя ему возможность самому находить решение проблем. Компромиссный в воспитании придерживается тактики равноценного обмена. Предлагая ребенку непривлекательное задание или поручение, он стремится «уравновесить» его наградой, учесть интересы, потребности и увлечения ребенка. Содействующий чувствителен как к нуждам, так и к потребностям ребенка, всегда готов прийти ему на помощь, ориентирован на равноправное сотрудничество, предоставляет ребенку шанс самостоятельно справиться с проблемой там, где это возможно. Сочувствующий сенситивен к эмоциональному состоянию ребенка и его нуждам, сочувствует ему и сопереживает. Однако реальной помощи не оказывает, конкретных действий, направленных на разрешение проблемы, не предпринимает. Потакующий ставит интересы ребенка выше собственных интересов и интересов семьи. Готов пожертвовать всем, лишь бы удовлетворить потребности ребенка, даже в ущерб себе. Ситуативный меняет свое поведение, требования, запреты, контроль и оценку ребенка в зависимости от конкретной ситуации. Система воспитания достаточно лабильна и изменчива. Зависимый родитель не имеет своего собственного мнения в вопросах воспитания детей, привык полагаться на авторитеты. В случае неудач и трудностей в детско-родительских отношениях апеллирует к педагогам, собственным родителям, психологам, склонен к чтению психолого-педагогической литературы и надеется найти там ответы на волнующие его вопросы.

П. Вюрсмер выделяет четыре типа семей с нарушениями общения: семья, травмирующая детей, навязчивая, лживая и непоследовательная. Первая навязывает ребенку патологизирующую роль как дополнительную к роли жертвы или агрессора, с которыми идентифицирует себя родитель, переживший насилие в детском возрасте. Навязчивая семья осуществляет постоянный и навязчивый контроль за ребенком, вызывающий у него чувство стеснения, стыда и злости; рожающий атмосферу лицемерия и фальши. Лживая семья практикует двойные стандарты, постоянное использование которых приводит к утрате ребенком чувства реальности и деперсонализации, к отчуждению. В непоследовательной, ненадежной семье ребенок ощущает нестабильность и угрозу [Курек, 1997].

Интересный подход к созданию типологии детско-родительских отношений был предложен Г.Г. Семеновой-Полях [2003]. В качестве системообразующих параметров такой типологии автор предлагает использовать характеристики вовлеченности субъекта в детско-родительские отношения, превалирование одного из субъектов отношений и характер взаимодействия родителя и ребенка (жесткость — мягкость). Указанная типология позволила классифицировать описанные ранее в литературе типы семейного воспитания.

§ 14. Дисгармоничные типы воспитания как фактор риска в развитии ребенка

Дисгармоничные типы семейного воспитания создают условия для формирования негативных личностных качеств ребенка, особенно при наличии конституциональной предрасположенности. Однако было бы неверно упрощать характер связи между личностными особенностями ребенка и особенностями родительского стиля воспитания, трактуя их как причинно-следственные. Известно, что одно и то же поведение родителя может вызвать два варианта реагирования ребенка: защитное и дополнительное. Например, авторитарное поведение и диктат родителя могут вызвать защитное поведение подростка (агрессию, негативизм, сопротивление, грубость, уход) либо дополнительную форму отреагирования — зависимость, покорность, безынициативность. Способ реагирования в значительной степени зависит от индивидуальных особенностей ребенка. В подростковом возрасте он определяется особенностями темперамента и характера, готовностью ребенка учитывать всю информацию, его актуальным эмоциональным состоянием и интерпретацией родительских действий [Grusec, Goodnow, Kuczynski, 2000].

В работах А.Е. Личко [1989], Э.Г. Эйдемиллера [1996, 1999] прослежено влияние различных типов семейного воспитания на формирование личности подростка. Гипопротекция, характеризующаяся низким уровнем опеки и удовлетворения потребностей ребенка, отсутствием продуманной системы воспитания и социального контроля (отсутствуют требования и запреты), приводит к усилению выраженности гипертимной, неустойчивой и конформной акцентуации. Жестокое обращение — к усилению эпилептоидной акцентуации и выраженности эпилептоидных черт при конформном типе. Лабильный, сенситивный и астеноневротический тип оказываются крайне уязвимыми к эмоциональному отвержению. Повышенная моральная ответственность создает условия для развития психастенической акцентуации, резко усиливая уже имеющиеся черты психастении. Доминирующая гиперпротекция, направленная, по мнению родителей, на профилактику развития гипертимных черт подростков и на-

ходящая выражение в тотальной гиперопеке и запретительно-ограничительной тактике воспитания, напротив, приводит к обострению реакции эмансипации, выраженности негативной симптоматики подросткового кризиса и, как следствие, к усилению гипертимного типа и выраженности асоциального и антисоциального поведения подростков. Доминирующая гиперпротекция усиливает выраженность «слабых» типов — психастенического, сенситивного, астеноневротического. Потворствующая гиперпротекция предрасполагает к развитию истероидно-демонстративных черт характера при истероидной, гипертимной и лабильной акцентуации, резко усиливая жестокость и агрессивность при эпилептоидном типе.

А.И. Захаров [1982] выделил следующие условия функционирования семьи, порождающие нарушения типа семейного воспитания и невротизацию ребенка:

- искажение супружеских отношений по типу невротически мотивированного взаимодополнения;
- инверсия супружеских и родительских ролей, например выполнение бабушкой роли матери, а матерью — роли отца;
- образование эмоционально обособленных диад и аутсайдеров, «изгоев» в семье;
- высокий уровень семейной тревоги и эмоциональной напряженности;
- депривация потребности ребенка в принятии, сопереживании, общении с родителями;
- практика подавления конфликтов и ухода от проблем.

Личностные особенности матерей также провоцируют развитие у детей неврозов. В частности, Захаров выделяет такие психологические типы матерей детей с неврозами и нарушениями личностного развития, как «снежная королева», «царевна-несмеяна», «спящая красавица», «наседка», «суматошная мать», «унтер Пришибеев», «вечный ребенок». Неблагоприятные психологические черты матери непосредственно влияют на тип семейного воспитания, что оказывается особенно губительным тогда, когда мать односторонне доминирует в воспитании ребенка. Например, низкая эмоциональная экспрессивность, эмпатия и отзывчивость матери предрасполагают к серьезным нарушениям эмоционально-личностного развития ребенка. Преобладание рационального аспекта в воспитании в ущерб эмоциональному ведет к нарушениям эмоционального развития ребенка, низкому уровню развития у него воображения и креативности. По мнению Захарова, классическая триада — тревожность, аффективность (эмоционально бурные проявления родителем своего недовольства ребенком) и гиперсоциальность — образует то сочетание особенностей воспитания, которое влечет за собой невротизацию ребенка.

Захаров [1997] выделил ряд особенностей воспитательного стиля родителей, являющихся фактором риска нарушений эмоционально-личностного развития ребенка (см. табл. 4).

Таблица 4

Особенности воспитательного стиля родителей как фактор риска нарушений эмоционально-личностного развития ребенка (по А.И. Захарову)

Воспитательная черта	Поведение родителя
Непонимание родителем личностного своеобразия ребенка	Соотносит действия ребенка с ригидными эталонами без учета реальных возможностей и способностей ребенка. Например, считает, что ребенок «не хочет» что-то делать, не замечая, что ребенок просто «не может» выполнить предлагаемые требования
Непринятие	Проявляется в двух формах: непринятие самого ребенка (нежеланный ребенок) и непринятие отдельных его черт. В последнем случае родитель пытается «переделать», изменить ребенка
Несоответствие требований и ожиданий родителя	Декларирует одни требования и в то же время ожидает от ребенка прямо противоположного поведения. Ребенок оказывается в ситуации двойного стандарта и неопределенности. Противоречивость системы требований. Часто сопровождается общей неуверенностью в воспитании
Негибкость родителей	Проявляется в шаблонности и стереотипности требований и форм реагирования родителя на различные ситуации. Неполный учет специфики конкретной ситуации влечет за собой несвоевременную и неадекватную реакцию. Для негибких родителей характерны фиксация и застревание на проблемах, малое количество альтернатив при их решении, предвзятость в суждениях и стремление к навязыванию своего мнения
Неравномерность	Проявляется в неодинаковом интересе к ребенку в разные моменты его жизни. Например, когда у ребенка проблемы, родители проявляют к нему повышенное внимание, а когда ситуация стабилизируется, бросают его на произвол судьбы
Непоследовательность	Часто меняет стратегии воспитания. Критерии оценивания, требования и другие значимые характеристики воспитания произвольны. В одинаковых ситуациях родитель реагирует непредсказуемо — за одни и те же поступки иногда хвалит, а иногда наказывает
Несогласованность действий родителей	Определяется разногласиями между взрослыми, воспитывающими ребенка: разные системы требований, санкций, оценок, конфликтами между родителями и другими воспитателями в семье
Аффективность	Отличается излишней эмоциональностью, создающей в семье напряженную, «суматошную» обстановку. При преобладании отрицательных эмоций нарушаются межличностные контакты, исчезает интерес к жизни семьи
Тревожность	Поддерживает в семье атмосферу неуверенности, излишне опекает ребенка, сковывает его свободу необоснованными запретами и т.д. Семья характеризуется сниженным эмоциональным фоном, отсутствием жизнерадостности
Доминантность	Отличается необоснованным стремлением главенствовать над ребенком в любых ситуациях. Родитель подавляет личность ребенка, претендуя на статус единственного для него авторитета
Гиперсоциальность	В стремлении к воспитанию «идеального» ребенка формализует воспитательный процесс, проявляет повышенную принципиальность, нетерпимость к слабостям, склонность к навязыванию ребенку большого количества правил и морализированию, замечаниям и порицаниям. «Всестороннее» обучение и воспитание ребенка ведется без учета его реальных возможностей

Продолжение табл. 4

Воспитательная черта	Поведение родителя
Недоверие к возможностям ребенка	Возможности ребенка недооцениваются, ему отказывается в свободе и доверии на основании его неспособности (чаще мнимой) к самостоятельной деятельности
Нечуткость (недостаточная отзывчивость)	Реакция на потребности и чувства ребенка во многих случаях бывает несвоевременной и неадекватной, вследствие чего возникает ощущение взаимной неудовлетворенности отношениями
Противоречивость	Проявляется в противоречивости требований, запретов, способов контроля, часто сопровождаемой воспитательной неуверенностью

§ 15. Способ разрешения проблемных и конфликтных ситуаций. Поддержка автономии ребенка

Конфликты в детско-родительских отношениях отражают внутренние противоречия развития, в частности между уровнем социальной и умственной компетентности ребенка, его мотивами, потребностями, ценностными ориентациями и особенностями социальной ситуации развития — уровнем предъявляемых требований, сложившейся системой общения и взаимодействия в семье. Конфликты в детско-родительских отношениях выступают как неизбежный момент взросления и приобретения ребенком автономии. Традиционно они рассматривались как негативное явление, отклонение от социальных норм и правил поведения. Действительно, конфликты могут быть отражением вовремя не разрешившегося возрастного кризиса [Выготский, 2000; Эльконин, 1989; Поливанова, 2000; Божович, 1979; Фельдштейн, 1989] или показателем искажений и нарушений в развитии ребенка. Например, возрастание интенсивности конфликтов наблюдается в случае формирования эгоцентрической, демонстративной личности или при низкой социальной компетентности ребенка и нарушении им норм и правил морального поведения [Личко, 1999]. Известно, что высокая конфликтность, неразрешенность конфликтов и их подавление приводят к состоянию фрустрации, напряженности, разрушительно влияют на процессы сотрудничества и кооперации ребенка со взрослыми и сверстниками [Хорни, 1993; Ковалев, 1988; Сорокина, 1999]. Однако конфликты в детско-родительских отношениях прежде всего должны рассматриваться нами в их позитивном значении. Так же как и в супружеских отношениях, конструктивная функция конфликта определяется здесь ростом личностной компетентности ребенка, улучшением отношений участников конфликта, формированием ресурсов и «запаса прочности» для эффективного разрешения будущих проблем. Вместе с тем деструктивная функция конфликта проявляется в возрастании риска возникновения искажений и нарушений развития, в росте безнадзорности и бесконтрольности поведения детей, формировании враждебности в детско-родительских отношениях и утрате базисного доверия к миру [Сысенко, 1989].

Детско-родительские конфликты характеризуются возрастной спецификой их типологии, способами их разрешения и воздействия как на психическое развитие ребенка, так и на детско-родительские отношения.

Можно выделить специфические особенности проявления конфликтов детей разного возраста, учитывая характер основной деятельности ребенка и его общения. Конфликтные проявления отражают сложившуюся систему межличностных отношений и форм сотрудничества и способы самоутверждения личности [Сорокина, 2001]. Например, конфликты в раннем возрасте обусловлены нереализованной потребностью ребенка в доброжелательном внимании и сотрудничестве и связаны с освоением норм кооперации, совместной деятельности и овладением предметно-орудийными навыками. В младшем школьном возрасте основной сферой проявления конфликтов становится учебная деятельность. Функции конфликтных проявлений ребенка в начале обучения состоят в разрешении проблемных ситуаций; формировании у него самосознания и самооценки; формировании необходимой коммуникативной компетентности; способствуют развитию мотивационно-потребностной сферы и формированию саморегуляции и самоконтроля.

Подростковый возраст, в котором главной задачей развития является автономизация от родительской опеки и построение нового типа отношений — отношений равноправия и взаимного уважения, традиционно считаются возрастом повышенной конфликтности и уязвимости детско-родительских отношений. Ф. Райе выделяет пять областей жизни подростков и специфические для каждой из них проблемы, определяющие содержание конфликтов: социальная жизнь и привычки (выбор друзей, проведение досуга, внешний вид, режим дня), ответственность (выполнение обязанностей по дому, бережное отношение к личным вещам и семейной собственности, заработок и расходование денег), школа (успеваемость, поведение в школе, отношение к учебе и учителям, посещаемость занятий и прогулы, выполнение домашних заданий), взаимоотношения в семье (демонстративное неуважение к родителям и другим членам семьи, ссоры и конфронтация с сиблингами), отношение к моральным нормам и социальным предписаниям (в основном их игнорирование — курение, употребление алкоголя и наркотиков; нецензурные выражения; сексуальная распушенность; ложь и обман; несоблюдение законов) [Райе, 2000]. Существенное влияние на частоту возникновения, широту и интенсивность конфликтов и эффективность их разрешения оказывает стиль взаимодействия в семье. Так, в семьях с авторитарным типом руководства уровень конфликтности может стать угрожающим, а в тех, что реализуют демократический стиль общения, вероятность конфликтов снижается при увеличении меры конструктивности их разрешения [Rueter, Conger, 1995]. В семьях с авторитетным стилем родительства (высокий уровень принятия детей, уважение их личности и признание права на автономию, высокая степень вовлеченности в процесс воспитания, заинтересованность в учебе) констатировались низкий уровень

конфликтности, хорошие отношения детей с родителями, их высокая социальная адаптация и школьные успехи [Smetana, 1989]. Что касается тендерных различий во времени достижения пика конфликтности в подростковом возрасте, то было установлено, что девушки преодолевают его несколько раньше (в 14—15 лет), чем юноши (16—17 лет). Вместе с тем было бы неверно представлять отношения подростков с родителями как противостояние и конфликтность во всех сферах деятельности. Чаще всего подростки и родители расходятся во мнениях по вопросам, касающимся повседневной социальной жизни, например стиль одежды, длина волос, выбор друзей, свидания, разговоры по телефону, участие в домашней работе, музыка. Однако в отношении фундаментальных установок и ценностей, определяющих жизненные выборы, подростки чаще обращаются к мнению и советам родителей [Curtis, 1975; Carlson, Cooper, Sprandling, 1991].

Принципы и методы конструктивного разрешения конфликтов детско-родительского взаимодействия представлены в уже упомянутой выше модели «семейного совета» и программе тренинга родительской эффективности (компетентности), разработанной Т. Гордоном, основанной на новом мировоззрении, утверждающем демократические взаимоотношения между родителями и детьми; формировании новой системы ценностей воспитания; отказе родителей от отношения к ребенку как к объекту воспитания и манипуляций; переходе от «субъект-объектной» к «субъект-субъектной» парадигме отношений, основанной на самоценности личности, реальном, а не декларируемом признании прав даже самого маленького ребенка на свободный выбор собственного пути развития. Задачей воспитания для родителей становится не программирование пути развития ребенка, а создание условий для его собственной ориентации и ответственного, т.е. разумного, выбора оптимального пути развития и самореализации [Гордон, 1997; Гиппенрейтер, 1993].

Можно выделить четыре стратегии разрешения конфликтов, которые приводят к обратному эффекту — возрастанию напряженности в детско-родительских отношениях либо к формированию хронического конфликта, — это уход от проблемы, стратегия «мир любой ценой» (родитель «закрывает глаза» на проступки ребенка, игнорирует его асоциальное поведение, воздерживается от критических замечаний ради того, чтобы сохранить хорошие отношения); стратегия «победа любой ценой», когда родитель не останавливается ни перед чем, чтобы стать «победителем» в конфликте; наконец, четвертой стратегией является компромисс, основным недостатком которого — необходимость поступиться своими интересами каждой стороной, что, по сути, приводит не к разрешению конфликта, а к временному откладыванию его решения.

Как известно, конфликт может быть конструктивным и деструктивным, повышать степень сплоченности, ценностно-смыслового единства и эффективности функционирования семьи либо, напротив, усилить ее дисфунк-

циональность. Опыт разрешения конфликтов в отношениях родителей и детей позволяет личности приобрести необходимую социально-психологическую компетентность для конструктивного разрешения возникающих в ходе развития противоречий между новыми возможностями ребенка и прежней системой социальных отношений. Младший школьный возраст является оптимальным для приобретения ребенком необходимой компетентности и умения конструктивно разрешать конфликты в силу того, что на этой возрастной ступени сочетаются возросшая самостоятельность ребенка и сохранение лидерской, руководящей роли взрослого в разрешении проблемных ситуаций. Характер ориентировки участников конфликта, находящийся отражение в образе конфликтного взаимодействия обеих сторон — и родителя, и ребенка, — определяет способы и эффективность его разрешения. Исследование соотношения образов конфликтного взаимодействия «глазами ребенка» и «глазами родителя» позволяет выявить условия конструктивного разрешения конфликта в детско-родительских отношениях и выработать стратегию и тактику коррекционной работы.

Совместно с И.Н. Лисенко нами было проведено исследование конфликтов в детско-родительских отношениях в младшем школьном возрасте [Карабанова, 2002]. Мы предположили, что существуют определенные различия в особенностях восприятия родителями и детьми конфликтного взаимодействия. Мера расхождения его образов у родителей и детей определяется степенью гармоничности типа семейного воспитания.

Особенности восприятия родителями и детьми конфликтного взаимодействия мы оценивали по следующим параметрам: зона конфликтности, уровень (интенсивность) конфликтности, причины конфликтного взаимодействия, особенности поведения родителей в конфликтных ситуациях и способы разрешения конфликтов. Были использованы три шкалы: шкала, устанавливающая инициатора («виновника») конфликта; шкала, устанавливающая способы разрешения конфликта; и шкала, устанавливающая ответственного за разрешение конфликта.

Были выявлены семь зон конфликтного детско-родительского взаимодействия в младшем школьном возрасте: учеба, обязанности по дому, внешний вид и аккуратность, режим, общение с друзьями, свободное время и финансовые вопросы. Наиболее конфликтогенными оказались проблемы выполнения режима (возвращение с прогулки в определенное время, режим питания и т.д.), внешний вид и аккуратность.

Наряду со сходством в восприятии конфликтов родителями и детьми, наблюдались и существенные различия — как в восприятии объекта конфликтов, так и в понимании способов разрешения конфликтных ситуаций. Например, родители считают проблемными такие зоны взаимодействия, как «свободное время», «учеба» и «обязанности по дому», в то время как для младших школьников конфликтогенными являются сферы «общение с друзьями» и «финансы».

Сходство в восприятии способов разрешения конфликтов родителями и детьми определяется общим стремлением к конструктивному разрешению конфликта обоими партнерами и признанием равной ответственности за его разрешение обеими сторонами — как родителем, так и ребенком. Различия лежат в плоскости поиска «виновника» конфликта и его «победителя». Если для родителей характерно возложение ответственности за возникновение конфликта в равной мере на ребенка и на себя самого, то для ребенка — младшего школьника — в подавляющем большинстве случаев «виновником конфликта» является он сам. Налицо позиция потенциальной готовности принятия «вины» за проступок на себя и признания правоты взрослого как более опытного и справедливого. Хотя и родители, и дети в большинстве случаев отводят роль «победителя» в конфликте родителю, дети делают это значительно чаще. Таким образом, можно констатировать позитивные намерения сторон, выражающиеся в направленности родителей и детей на конструктивное разрешение конфликта. Вместе с тем у родителей явно обнаруживается тенденция приписывания вины ребенку, а у детей — готовность к принятию ее на себя. Конструктивности разрешения конфликта мешает также принятие обеими сторонами позиции признания безусловной правоты взрослого, который и должен выйти из конфликта «победителем».

Оказалось, что в целом дисгармоничному типу семейного воспитания соответствует более высокий уровень конфликтности в детско-родительских отношениях. Однако при разных типах дисгармоничного воспитания интенсивность конфликтного взаимодействия меняется по-разному. Так, при потворствующей гиперпротекции и гипопротекции уровень конфликтности приближается к показателям группы родителей с гармоничным типом воспитания. В случае потворствующей гиперпротекции родители, потакая ребенку и идя навстречу его желаниям, предпочитают уступить ему, не вступая в конфликт. При гипопротекции родители уделяют воспитанию ребенка крайне мало внимания, и поведение его, требующее коррекции, не становится предметом их озабоченности. Родители не предпринимают никаких усилий, чтобы как-то на него повлиять. Напротив, наиболее высокий уровень конфликтности, как и следовало ожидать, был зафиксирован в отношении групп, реализующих вариант доминирующей гиперпротекции и противоречивого воспитания. Здесь причинами высокой конфликтности являются чрезмерность или противоречивость требований и запретов, предъявляемых ребенку без учета его индивидуально-личностных особенностей и возрастающей самостоятельности. Стратегии разрешения конфликтов в зависимости от типа семейного воспитания следующие:

Гармоничный тип (без выявленных отклонений типа семейного воспитания)

Родители в равной мере возлагают ответственность за возникновение конфликта на себя и на детей, дети же значительно чаще принимают вину на

себя. И родители, и дети считают, что «победителем» выходит родитель, либо находится компромисс, удовлетворяющий обе стороны, причем эта тенденция очевидна во всех группах. Ответственность за решение лежит как на родителе, так и на ребенке, причем каждая из сторон несколько преувеличивает свою роль в принятии решения.

Потворствующая гиперпротекция

Родители склонны возлагать вину за возникновение конфликтов на себя, а не на ребенка. Позиция детей прямо противоположна: крайне редко ответственность за возникновение конфликта приписывается родителям и максимально часто — себе. Родители считают, что чаще конфликт разрешается компромиссом с учетом интересов и детей, и родителей. Дети же рассматривают завершение конфликта как разрешение его либо в пользу родителей, либо как компромисс. И родители, и дети считают, что конфликт разрешается в сотрудничестве, с учетом интересов ребенка. Родительская роль в этом случае — «опекун-покровитель», готовый закрыть глаза на проступки ребенка и оправдать их недостатком опыта и возрастом ребенка. Комплементарная роль ребенка, которую он вынужден принять в диаде такого типа, — «малыш», «неумеха», неудачник, нуждающийся в покровительстве и опеке со стороны родителя, вынужденный признать право родителя на принятие решений и тем самым на «первенство» в конфликте.

Доминирующая гиперпротекция

Родители в равной мере возлагают ответственность за возникновение конфликта на себя и детей, дети же — на себя. Родители предполагают, что разрешение конфликта осуществляется с участием обеих сторон, дети же уверены в том, что принятие решений осуществляется родителями, которые «всегда правы», и в пользу родителей. Вместе с тем дети признают, что родители стремятся учитывать и их интересы в конфликтной ситуации. Напомним, что именно для группы с доминирующей гиперпротекцией был констатирован максимальный уровень конфликтности. Роли в диаде такого типа хорошо структурированы: родитель — всегда прав, компетентен, опытен, обладает правом принятия решений, пытается учесть интересы «провинившегося» ребенка; ребенок — готов принять вину на себя, признавая превосходство взрослого и собственные недостатки. Родитель — «преследователь», ребенок — «нарушитель», признающий свою вину и право родителя судить.

Гипопротекция

Родители в равной мере делят ответственность за возникновение конфликта между собой и детьми, в то время как дети, как и при потворствовании, считают, что в большинстве случаев вина за возникновение конфликта лежит на них. Родители полагают, что либо «победителем» в конфликте яв-

ляется взрослый, либо находится компромиссное решение. В противоположность остальным группам дети, воспитывающиеся в условиях гипопротекции, как и дети в семьях с противоречивым воспитанием, значительно чаще, чем остальные группы, считают себя наравне со взрослым «победителем» конфликта. В то время как родители, реализующие вариант гипопротекции, не сомневаются, что выход из конфликта находят они сами с привлечением ребенка, дети уверены в своей более активной роли, причем конфликт разрешается, по их мнению, с неременным учетом их интересов. Таким образом, для гипопротекции характерно значительное расхождение представлений родителей и детей о способах разрешения конфликта, важнейшей характеристикой которого является недооценка родителями активной роли детей и приписывание детьми этой роли себе. Роль, приписываемая себе родителями, неадекватна реальному положению дел. Родители искажают образ ребенка и характер детско-родительских отношений, недооценивая активную роль самого ребенка. Недостаточное внимание и влияние родителей на разрешение конфликтных ситуаций позволяет ребенку сохранить известную самостоятельность и независимость от родителей, что предотвращает возможность возникновения конфликтов и открытого противостояния. Дети приучаются самостоятельно разрешать конфликтные ситуации с учетом собственных интересов, а родители вполне удовлетворены своей родительской ролью и, будучи дистанцированы от реального процесса взаимодействия с ребенком, воспринимают детско-родительские отношения как спокойные и бесконфликтные.

Противоречивое воспитание

Для родителей этой группы характерна тенденция перекладывания ответственности за возникновение конфликтов на детей или на внешние обстоятельства. Как и в случае гипопротекции, родители считают, что конфликты разрешаются либо в их пользу, либо с учетом интересов и детей, и родителей. Дети же полагают, что они более активны и влиятельны, чем считают их родители, и значительно чаще оборачивают решение конфликта в свою пользу. Для противоречивого воспитания характерно значительное расхождение в представлениях родителей и детей в вопросе о том, кто является инициатором конфликта и как он разрешается. Родители и дети воспринимают ситуацию детско-родительского взаимодействия прямо противоположно: с точки зрения родителей, она максимально конфликтогенна, с точки зрения детей — конфликтность невысока. Это объясняется тем, что дети, реализуя позицию активного участия в разрешении конфликтных ситуаций, оказываются удовлетворены результатами, а родители, не имея возможности в силу противоречивости и непоследовательности собственных воспитательных установок и требований четко проводить собственную линию поведения, рассматривают детско-родительские отношения как сферу противоречивых интересов и противостояния. Роли в ди-

аде данного типа можно определить так: родитель — «жертва» невыполнения ребенком педагогических требований и правил; ребенок, убедившись в непредсказуемости и непрогнозируемости поведения родителя, пытается сам выстроить линию своего поведения, но далеко не всегда успешно в силу ограниченности собственного опыта.

Особенности конфликтного взаимодействия и мера расхождения образов конфликтного взаимодействия у родителей и детей определяются степенью гармоничности типа семейного воспитания. Полученные в нашем исследовании данные подтвердили это предположение. Было выявлено, что различные дисгармоничные типы семейного воспитания характеризуются разным уровнем конфликтности и стратегиями разрешения конфликтов. Наиболее конфликтогенными оказались такие типы семейного воспитания, как воспитание противоречивое и доминирующая гиперпротекция, характеризующиеся наиболее существенными расхождениями в образах конфликтного взаимодействия. При доминирующей гиперпротекции дети отдают ведущую роль в разрешении конфликтов родителю, утверждая приоритетность его интересов, в то время как, по мнению родителя, взаимодействие строится на равноправной основе. Потворствующая гиперпротекция отличается готовностью родителей принять ответственность за возникновение конфликта на себя и в максимальной степени учесть интересы детей. Таким образом, показано, что дисгармоничность семейного воспитания связана с высоким уровнем конфликтности и расхождением образов конфликтного взаимодействия у участников конфликта. Особенности типа семейного воспитания определяют специфические стратегии поведения детей и родителей в разрешении конфликтов.

§ 16. Психологические особенности отношений родителей с детьми-подростками

Известно, что подростковый возраст является критическим в развитии детско-родительских отношений. На этой возрастной стадии эти отношения перестраиваются на основе признания родителями самостоятельности и взрослости подростка, причем значительно возрастает здесь активная роль самого подростка [Фрейд, 1993; Havighurst, 1967; Maccoby, 1980; Damon, 1983; Moore, 1987; Steinberg, Silverberg, 1986; Эльконин, 1989; Макушина, 2001]. Знание особенностей восприятия подростками детско-родительских отношений позволит выявить закономерности их развития и осуществить необходимую интервенцию с целью профилактики их конфликтности, коррекции и оптимизации.

Автономизация и достижение эмоциональной дифференциации личности в семье, процесс перестройки детско-родительских отношений на качественно иной основе взаимного уважения и равноправия составляет важ-

ную задачу на стадии подросткового и юношеского возраста [Havighurst, 1967]. В первом случае достигается психологическая сепарация подростков от родителей в четырех важных областях: в поведении — функциональная независимость как способность подростка самостоятельно решать свои личные и практические дела с минимальной помощью родителей; в установках и ценностях; в эмоциональной сфере — независимость как свобода от чрезмерной зависимости от родительского одобрения, интимности и эмоциональной поддержки; в конфликтах — как свобода от чрезмерной захваченности эмоциями (гневом, тревогой, чувством вины и ответственности) в отношениях с родителями [Moore, 1987; Sullivan & Sullivan, 1980]. Эмоциональная автономия в этом ряду рассматривается как истинная и в то же время наиболее трудно достигаемая в подростковом возрасте. Лишь 20% подростков решают задачу достижения эмоциональной автономии [Franc et al., 1990], причем успешность ее решения, уровень достигаемой подростком независимости и установление новых границ внутри семейной системы в значительной степени определяются качеством сложившихся к началу подросткового возраста детско-родительских отношений [Эйдмиллер, Юстицкис, 1999; Черников, 1998].

В работе О.П. Макушиной [2001] была поставлена цель исследования форм и причин психологической зависимости подростков от родителей. Полученные результаты позволили выделить содержание феномена психологической зависимости подростков от родителей как особого личностного образования, проявляющегося в амбивалентности отношения подростков к родителям и высокой эмоциональной его напряженности. Суть амбивалентности в сочетании стремления подростка к близким, доверительным, эмоциональным отношениям с родителями, желания получить советы и поддержку, с одной стороны, и переживания помощи и поддержки от родителей как тягостных и обременительных — с другой. Причиной психологической зависимости подростков является фрустрация их потребности в самоактуализации. В зависимости от выраженности психологической зависимости были выделены четыре группы подростков: «зависимые», «негативисты», «независимые» и «неопределенные». Для группы подростков с высокой психологической зависимостью характерно слепое подчинение взрослому, послушание и ориентация на подчинение вне зависимости от конкретной ситуации. «Негативисты» проявляют протест, негативизм, упрямство. Противодействие родителям становится для них самоцелью и средством личностного утверждения и осуществляется вне учета конкретной ситуации взаимодействия. Для «независимых» подростков характерна ориентация на проблемную ситуацию и желание разрешить ее самостоятельно с опорой на собственное мнение. Поведение подростков «неопределенной» группы не позволяет выявить отчетливые тенденции в пользу или против независимого поведения в отношениях с родителями. Полученные результаты позволили автору сделать вывод о том, что психологическая зависимость проявляется в двух ос-

новых формах — форме собственно зависимости и форме негативизма, различающихся по характеру компенсации неудовлетворенной потребности в самоактуализации. В случае собственно зависимости компенсация осуществляется по типу смирения и ухода, а в случае негативизма — по типу бунта и протеста. Психологическая зависимость оказывает негативное влияние на личностное развитие подростков, в частности определяет дисгармоничность развития их Я-концепции. Неразрешенность важнейшей задачи развития этого возраста — достижения психологической независимости, а именно автономии, способности к самоуправлению, самостоятельности позиции и оценок, эмоциональной дифференцированности и установления границ личностного пространства подростка в детско-родительских отношениях, — приводит к искажению развития личности на последующих стадиях возрастного развития.

Стремление подростков к автономии и установлению новой, равноправной системы отношений с родителями уравнивается тенденцией к сохранению и укреплению отношений близости с родителями. Показано, что, хотя в обычных условиях подростки предпочитают компанию сверстников, в более напряженных ситуациях они склонны ориентироваться на помощь и участие взрослых [см.: Jonniss, Smollar, 1985]. Именно родители как значимые взрослые превосходят по степени значимости сверстников и оказывают подростку максимальную помощь в ситуациях поиска близости. С другой стороны, родители уступают сверстникам в ситуациях поиска поддержки. Таким образом, отношения с родителями и в подростковом возрасте по-прежнему остаются для ребенка исключительными и крайне значимыми. Исключительность и целостность этих отношений определяют особый эмоциональный фон — альтруизм, солидарность, чувство значимости отношений, открытость и соучастие [Там же]. Интересно, что значимость отношений подростка с родителями вовсе не связана с его зависимостью и возможностью получить необходимую помощь и поддержку от родителей. Напротив, устойчивые позитивные чувства по отношению к родителям испытывают именно те подростки, которые наиболее успешно сами решают задачу своей автономизации.

Далеки от истины следует признать расхожий миф о том, что родитель является единственным «архитектором и строителем» этих отношений, а ребенок, как пассивный объект воздействия родительской воли и исповедуемых родителем воспитательных принципов, принимает их как данность и лишь в большей или меньшей степени эффективно к ним адаптируется. Детско-родительские отношения — это отношения двухполюсные, где на каждом из полюсов, полюсе родителя и полюсе ребенка, оба участника активно влияют на их генезис и развитие, хотя, безусловно, роли обоих претерпевают значительные изменения на каждой из возрастных ступеней развития [Grusec, Goodnow, Kuczynski, 2000]. Подчеркнем, что активность самого ребенка в построении и развитии детско-родительских отношений,

детерминации их особенностей достаточно велика уже на ранних возрастных стадиях и резко увеличивается в подростковом возрасте. Образ детско-родительских отношений на полюсе подростка и «глазами подростка» становится важнейшим условием их трансформации и развития [Goodnow, 1992; Miller, 1995]. Знание особенностей восприятия подростками этих отношений, определяющих характер их общения и взаимодействия с родителями, позволит определить закономерности их развития, осуществить необходимую интервенцию с целью коррекции, оптимизации и перестройки этих отношений на качественно ином уровне.

Цель проведенного нами исследования состояла в изучении психологических особенностей восприятия подростками детско-родительских отношений в современной российской семье. Оно проводилось в рамках широкомасштабного проекта изучения социоморального развития подростков под руководством А.И. Подольского и П. Хейманса и носило лонгитюдный характер. При этом был использован метод последовательно-поперечных срезов. В исследовании приняли участие 537 испытуемых в возрасте от 12 до 17 лет [Karabanova, Podolskij, Zacharova, 1999; Карабанова, 2002]. Была использована методика ADOR — «Подростки о родителях» в модификации Л.И. Вассермана и др. [1995].

Возрастная динамика развития детско-родительских отношений. Особенности восприятия материнской и отцовской родительской позиции

Полученные результаты были проанализированы по основным параметрам, характеризующим особенности родительской позиции: позитивный интерес, директивность, враждебность, автономия и непоследовательность. Был констатирован достаточно высокий (12—15 лет) и удовлетворительный (в группе 16—17-летних подростков) уровень эмоционального принятия и интереса со стороны отцов.

Несколько иная картина наблюдается в диаде подросток — мать. Практически во всех возрастных группах мы наблюдали снижение уровня позитивного интереса и принятия со стороны матери по сравнению с нормативными значениями. Особенно ярко переживание подростками дефицита тепла и внимания было отмечено в группе 14—15-летних. Эти показатели не могут не вызывать тревоги, поскольку именно материнская роль традиционно связывается с обеспечением переживания ребенком безусловной любви и принятия, чувства безопасности и доверия к миру [Фромм, 1990; Адлер, 1990; Уппе 14—15-лет, 1997]. Полученные нами данные хорошо согласуются с выявленной ранее в ряде исследований тенденцией увеличения уровня негативных чувств по отношению к родителям в раннем или среднем подростковом возрасте, наиболее ярко проявляемой в отношениях дочери и матери [Siegal, 1987].

Возрастная динамика в целом определяется снижением директивности воспитательного стиля отца, его участия в контроле и управлении поведе-

нием подростка. Отец в значительном числе случаев скорее дистантная фигура, чем реальный участник воспитательного процесса в семье.

Уровень директивности матери остается практически неизменным во всех возрастных группах и тем самым вступает в противоречие с нормативной возрастной динамикой ее изменения, предполагающей последовательное снижение с возрастом.

Значительное превышение уровня директивности матери по сравнению с отцом в восприятии подростков свидетельствует о ведущей роли и лидерстве матери в воспитательном процессе, ее основной управляющей и регулирующей функции в современной российской семье.

Подростки воспринимают отношение родителей к себе как враждебное или амбивалентное, подозрительное, с установками на обвинение и порицание. В сочетании с показателями позитивного интереса родителей полученные данные могут быть интерпретированы как острое переживание подростками недостатка тепла и любви со стороны матери и амбивалентности, непонимания и отстраненности со стороны отца.

Подобный образ родительских установок может быть детерминирован по меньшей мере тремя обстоятельствами. Во-первых, объективно сложившимися эмоционально негативными отношениями родителей и подростков; во-вторых, повышенной сенситивностью подростков к эмоциональному отношению родителей, обусловленной тревожным типом привязанности; -я, в-третьих, дефицитом личностно-ориентированного аффективно-позитивного общения подростков с родителями.

Полученные результаты исследования обнаруживают чрезмерно высокую по сравнению с нормативными значениями автономность отца. В сочетании с недостаточной директивностью высокая автономность свидетельствует об отстраненности отца от процесса воспитания детей. Отцовская любовь, сочетающая в себе предъявление социальных образцов желаемого поведения и требовательность, готовность оказать необходимую помощь и поддержку, предложение форм сотрудничества, воплощающих в себе образцы ответственности, целеустремленности и справедливости, является, по мнению ряда исследователей, решающим условием становления социально зрелой личности [Адлер, 1990; Фромм, 1990; Массобу, 1980; Siegal, 1987]. Воспитательная позиция отца, характеризующаяся излишней автономностью, напротив, является фактором риска в решении важнейших задач подросткового возраста — формирования полоролевой идентичности, независимости и ответственности личности. Наши данные позволяют говорить о тенденции возрастания автономности отца в отношениях с ребенком в старшем подростковом возрасте.

Наши данные свидетельствуют о том, что, с точки зрения подростков, родители демонстрируют высокий уровень непоследовательности своего поведения и воспитательских воздействий. Особенно ярко это видно в отношении матери.

Возрастная динамика изменения восприятия подростками особенностей воспитательской позиции отца и матери состоит в следующем. Для отца характерно снижение уровня позитивного интереса при сохранении достаточно высоких показателей враждебности. В подобном сочетании эти изменения свидетельствуют о возрастании эмоциональной отчужденности и враждебности в отношениях с отцом у подростков старшей возрастной группы. Хорошо согласуются между собой взаимно-противоположное снижение уровня директивности и возрастание автономности поведения отца, отражающее картину его фактического «ухода» от проблем воспитания, личностной отгороженности от дел и забот подростка. Следствием такого самоустранения отца из процесса воспитания и становится снижение уровня непоследовательности и противоречивости во взаимодействии с подростком. Можно предположить, что эта тенденция связана не столько с ростом психолого-педагогической компетентности отца, сколько с его меньшим участием в воспитании сына или дочери. Подросток реже сталкивается с непоследовательностью отца, поскольку сам отец стремится избегать общения и взаимодействия с ним. Полученные результаты вызывают особое беспокойство, поскольку выявляют ситуацию «функционально неполной семьи», т.е. семьи, в которой функции одного из родителей систематически не выполняются, в значительном числе семей, традиционно считающихся благополучными по формальному критерию — наличию в семье обоих родителей. Высокий удельный вес «функционально неполных семей» в обследованной нами выборке существенно увеличивает и без того значительную по объему «группу риска» — семей в разводе, в которых отцы принимают недостаточное участие в воспитании детей либо вовсе «отчуждены» от общения с ними.

Возрастная динамика изменения образа родительской позиции в отношении матери выражена гораздо меньше, чем изменение образа родительской позиции отца. Если с возрастом установки отца воспринимаются подростками как менее директивные, а отец — как фигура все более дистантная и отстраненная, выражающая в отношении ребенка все меньше любви, интереса и внимания, то восприятие родительской позиции матери характеризуется ими большей стабильностью.

В отношении матери можно говорить лишь о слабо выраженной тенденции снижения директивности и непоследовательности поведения на фоне определенного роста автономности. Позитивной тенденцией является снижение с возрастом уровня враждебности матери, отражающее процесс постепенной гармонизации ее отношений с подростком в направлении большей эмоциональной близости и принятия. Вместе с тем в ряде случаев наблюдается пик враждебности в возрасте 14—15 лет, что делает картину развития эмоциональных отношений между матерью и подростком более сложной. Устойчивость образа родительской позиции матери позволяет предположить, что, отношения с матерью у подростков в боль-

шей степени детерминируются типом привязанности и сложившейся стабильной структурой межличностных отношений, чем собственно возрастными изменениями.

Анализ связей параметров родительской позиции позволяет предположить, что ядерной характеристикой родительской позиции является эмоциональное принятие родителем ребенка, выраженное в дихотомии позитивный интерес — враждебность. Высокий позитивный интерес родителя, как отца, так и матери, оказывается устойчиво и положительно связан с показателем его автономности. Это выражается в предоставлении подростку родителем необходимой самостоятельности в выборе поведения и видов деятельности, готовности родителей отказаться от диктата, контроля и вмешательства в жизнь подростков в случае позитивного эмоционального принятия. Враждебность же оказывается положительно связанной со степенью директивности родителя в отношении к подростку. Другими словами, чем ниже позитивное эмоциональное принятие подростка, тем более выражена родительская тенденция ограничения его свободы и автономии, стремление родителя к тотальному контролю и гиперпротекции. Аналогичный характер связи обнаруживается и между враждебностью и непоследовательностью поведения родителя: чем ниже принятие ребенка, тем более противоречивым, непоследовательным и непрогнозируемым становится поведение родителя.

Анализ динамики восприятия подростками воспитательного стиля матери и отца в трех срезах позволяет наметить различия в «сценарии» развития родительской позиции матерей и отцов в отношениях с подростками. Для отцов низкий уровень принятия ребенка и его автономности приводит к росту директивности в отношениях с детьми, т.е. развитие идет по «деловому» сценарию — от низкого принятия к нарушению сотрудничества и кооперации. Для материнской позиции эмоциональная и деловая сферы не обнаруживают значимой взаимосвязи в процессе развития материнской позиции. Другими словами, низкое принятие или отвержение подростка значительно реже приводит к позиции отстраненности матери от процесса воспитания. Высокий уровень эмоционального принятия также не гарантирует эффективности «делового» сотрудничества.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что установлены определенные *возрастные особенности восприятия подростками родительской позиции.*

1. В старшем подростковом возрасте обнаружено снижение показателей позитивного интереса к подростку как со стороны матери, так и со стороны отца, свидетельствующее о том, что родители начинают восприниматься подростком как менее любящие, внимательные и заинтересованные. Это приводит к переживанию старшими подростками чувства дефицита тепла, любви, внимания и заботы.

2. В старшем подростковом возрасте наблюдается возрастание показателя автономности отца, который оценивается подростками как всё менее

и менее включенный в процесс воспитания, отстраненный и дистантный. Эта тенденция сочетается со снижением уровня директивности отца, изначально завышенного.

3. Показано, что возрастание негативных показателей детско-родительских отношений падает на период 14—15 лет (кризисный период). Поэтому следует рассматривать его как критический в развитии этих отношений в подростковом возрасте.

Выявлены существенные различия в восприятии подростками роли матери и отца в воспитательном процессе.

1. В восприятии подростков мать более активно включена в процесс воспитания и здесь ей принадлежит главенствующая роль в семье, в то время как отец более пассивен и по мере взросления подростков фактически «самоустраняется» из процесса воспитания. Такое распределение ролей между матерью и отцом в реализации воспитательной функции семьи с подростками находит отражение в существенно более высокой степени директивности матери по сравнению с отцом.

2. Что касается возрастной динамики изменения образа родительской позиции матери и отца, то воспитательный стиль матери оценивается подростками как более устойчивый и стабильный, не претерпевающий существенных изменений с их возрастом. Показатели директивности, автономности, непоследовательности и враждебности не претерпевают существенных изменений. Воспитательный стиль отца более связан с возрастными изменениями ребенка: можно констатировать снижение по мере взросления последнего показателей позитивного к нему интереса, директивности и возрастание автономности. В то же время враждебность отца, так же как и матери, выступает как устойчивая характеристика, отражающая характер межличностных отношений между родителем и подростком, а непоследовательность определяется скорее влиянием ситуативных факторов, чем возрастом.

3. Неблагоприятными тенденциями развития отношений родителей и детей в подростковом возрасте в современном российском обществе являются следующие:

- снижение уровня позитивного интереса со стороны матери на фоне высокой враждебности, т.е. амбивалентность эмоционального принятия подростка со стороны матери;
- возрастание показателей враждебности со стороны отца;
- недостаточное участие отца в воспитательном процессе (снижение директивности и возрастание автономности);
- замещение реальной помощи, заботы и поддержки со стороны матери формально-директивным стилем воспитания;
- высокая степень непоследовательности и противоречивости поведения матери и отца.

Гендерные различия восприятия юношами и девушками родительской позиции матери и отца

Исследование гендерных различий восприятия подростками родительской позиции матери и отца представляет особый интерес. Известно, что родительская роль специфицирована в соответствии с полом ребенка, что находит отражение в различных социальных ожиданиях и нормативах поведения, предписываемых обществом матери и отцу в отношении сына и дочери [Адлер, 1990; Фромм, 1990; Кон, 1988; Массобу, 1980]. Предписанные ожидания и нормативы создают идеальные эталонные формы маскулинности и фемининности, присвоение которых обеспечивает формирование полоролевой идентичности в подростковом возрасте. В соответствии со сложившимися культурно-историческими нормами социализации девушки и юноши, в свою очередь, предъявляют различные ожидания в отношении поведения матери и отца, подтверждение или неудовлетворение которых в значительной мере определяет образ родительской позиции матери и отца «глазами подростка». По некоторым данным [Jackson, Cicognani, Charman, 1996], матери воспринимаются подростками как более мягкие и склонные к поиску компромисса в спорных ситуациях, а образ отца приобретает угрожающий оттенок — с отцами подростки чаще связывают ситуации фрустрации и эскалации конфликта. Чем старше подростки, тем чаще они испытывают фрустрацию в отношениях с родителями вне зависимости от пола.

Дистанцирование отца от процесса воспитания в семье, убедительное подтверждение которому мы получили при проведенном выше анализе полученных данных, «нагруженность» матери ролевыми функциями отца наряду с выполнением ее собственных, на наш взгляд, не могут не найти отражения в специфике восприятия родительской позиции матери и отца юношами и девушками.

Образ родительской позиции матери у юношей и девушек различается по уровню позитивного интереса и враждебности. Во всех возрастных группах девушки склонны выше оценивать уровень позитивного интереса, любви и принятия со стороны матери по сравнению с юношами. Для юношей более характерно переживание недостатка материнской любви и тепла.

Гораздо ярче гендерные различия наблюдаются в отношении подростков к отцу и восприятию его воспитательных установок.

Во-первых, юноши более склонны оценивать поведение отцов как директивное, контролирующее, регулирующее. Особенно ярко эта тенденция проявляется в группе 14—15-летних, что обусловлено переживанием негативной фазы подросткового кризиса, формированием чувства взрослости и требованием его признания, а значит, и уважения и отказа от командно-директивного способа общения. В основе оценки подростками-юношами поведения отца как излишне директивного, по нашему мнению, лежат следующие причины:

- нетерпимость и низкая толерантность мальчиков и юношей — по сравнению с девушками — к попыткам родителей руководить, контролировать и направлять их поведение, большее стремление в своем поведении к независимости и самостоятельности, социально презентуемым как образцы маскулинного поведения и выступающим как эталон взрослости;

- большая вовлеченность и направленность отцов на решение задач воспитания в отношениях с сыновьями, чем с дочерьми. Воспитание дочерей традиционно в нашей культуре рассматривается как задача матерей, в то время как на отцов возлагается ответственность за воспитание сына.

Во-вторых, юноши чаще, чем девушки, оценивают отношение отцов как враждебное, нетерпимое, придирчивое, подозрительное и амбивалентное, чем девушки. Особенно ярко эти различия выступают в средней группе (14—15 лет), что, на наш взгляд, также является отражением негативной фазы подросткового кризиса.

Наконец, в-третьих, юноши чаще оценивают поведение отцов как непоследовательное, чем девушки. Возможными причинами, обуславливающими большую чувствительность юношей к воспитательным воздействиям отцов, являются:

- социальные ожидания в отношении проявления маскулинных качеств (силы, решительности, агрессивности и настойчивости в достижении целей), обуславливающие высокий уровень требований юношей к поведению отцов в соответствии с социальными эталонами и «решительные» и бескомпромиссные их оценки отцовского поведения, меньшую снисходительность к промахам и ошибкам отцов;

- требование равноправия и справедливости в построении детско-родительских отношений, обусловленное возрастающей потребностью реализовать взрослость; ограниченность возможностей реализации взрослости в реальной деятельности (особенно в сравнении с девушками) и перенос потребности утверждения себя как взрослого на арену «борьбы за равенство прав» с отцом как образцом для полоролевой идентификации.

Итак, тендерные различия в восприятии родительской позиции матери и отца состоят в том, что отношения мальчиков и отцов наиболее сенситивны к воздействию дисгармонического типа воспитания, в то время как отношения девочек с родителями развиваются по сценарию относительного благополучия. Восприятие юношами родительской позиции отца характеризуется более высокими показателями директивности, враждебности и непоследовательности, чем восприятие родительской позиции отца девушками. Девушки воспринимают родительскую позицию матери как принимающую, полную любви, заинтересованности и внимания чаще, чем юноши.

Детско-родительские отношения «глазами родителя» и «глазами ребенка»

Как правило, изучение детско-родительских отношений, представляющих собой двухполюсную структуру, образуемую двумя, точками зрения на

них — родителя и ребенка, — выстраивается в плоскости лишь одной из указанных точек зрения. Однако активность самого ребенка в построении и развитии детско-родительских отношений и детерминации особенностей этих отношений достаточно велика и особенно резко возрастает в подростковом возрасте [А. Фрейд, 1993; Кле, 1991; Крайг, 2000; Goodnow, 1992]. Образ детско-родительских отношений «глазами подростка» становится важнейшим условием их трансформации и развития, определяя образование новых границ семейной системы и правил ее функционирования. Так, учеными [Demo, Small, Savin-Williams, 1987] была проанализирована степень совпадения представлений подростков и родителей в 139 детско-родительских диадах. В большинстве сфер была обнаружена статистически значимая согласованность представлений о детско-родительском взаимодействии, причем максимальное совпадение — в области оценки коммуникативной активности. Вместе с тем оказалось, что подростки и родители по-разному оценивают степень удовлетворенности своими отношениями. Матери, например, почти в два раза чаще описывают их как удовлетворительные, чем подростки [Thornton et al., 1995]. Мальчики оказались более удовлетворены ими, чем девочки. Возможными причинами такого неожиданного результата называются более жесткая система требований, предъявляемых девочкам родителями, более низкий уровень автономии от родителей, большие ожидания в отношении родительского поведения и сотрудничества с ними. В целом же удовлетворенность детско-родительскими отношениями в подростковом возрасте определяется характером сотрудничества — признанием и реализацией принципа равенства сторон.

Представления матерей о детско-родительских отношениях оказались ближе к представлениям подростков, чем представления отцов. Наибольшее сходство взглядов было констатировано в диадах мать—сын.

Опыт психологического консультирования по проблемам развития и воспитания в детском и подростковом возрасте обнаруживает серьезные нарушения и деформации различного типа образа детско-родительских отношений в семьях, испытывающих значительные трудности в общении и взаимопонимании. Знание особенностей восприятия детьми и подростками этих отношений, определяющих их общение и взаимодействие с родителями, позволит определить закономерности их развития, осуществить необходимую интервенцию с целью коррекционного на них воздействия, оптимизации этих отношений и перестройки на качественно ином уровне.

На основе полученных в ходе консультирования данных об особенностях детско-родительских отношений были выделены следующие критерии:

- симметричность (взаимность) образов детско-родительских отношений «глазами подростка» и «глазами родителя»;
- степень адекватности образа детско-родительских отношений, определяющая меру взаимопонимания партнеров;

- психологическая готовность к изменению образа детско-родительских отношений и к работе над реальным изменением взаимодействия с партнером в рамках этих отношений.

Соответственно были названы следующие типы соотношения детско-родительских позиций:

- в рамках сохранения взаимной согласованности (симметричности) образов — враждебно-отчужденный, властно-доминантный, поисковый, кооперативно-направленный, комплементарный;
- в рамках асимметричности образов: искаженный.

Враждебно-отчужденный тип характеризуется тем, что оба партнера воспринимают свои отношения как отношения эмоционального отвержения или амбивалентности, низкой заинтересованности друг в друге и значительной личной дистанцированности. Для подростков характерны: высокая степень автономизации и низкий уровень включенности в функционирование семьи; установка в отношении родителей как «чужих людей»; часто демонстративный «уход» из семьи — отказ от общения с родителями, вплоть до отказа садиться вместе за стол обедать; негативизм и открытый протест в отношении любых попыток родителей контролировать их деятельность; самостоятельное решение всех своих проблем без обращения за помощью к родителям; скрытность и отказ посвящать родителей в свои жизненные планы. Для родителей характерны эмоциональная холодность, амбивалентность или эмоциональное отвержение подростков, предпочтение младших детей, открытое осуждение подростков как «неблагодарных и бесчувственных», обвинение их в прагматизме и корысти. Как правило, данному типу отношений свойственны реализм в восприятии детско-родительских отношений, адекватное понимание установок партнера на взаимодействие при крайне низкой готовности к работе по изменению характера этих отношений. Мотивом обращения родителя в психологическую консультацию часто является получение от консультанта эмоциональной поддержки и подтверждения правоты его негативной оценки подростка. Для обоих партнеров характерно желание ограничить контакты и общение. Инициатива родителей зачастую связана скорее со стремлением оправдать себя с точки зрения социальных стандартов, как «хорошего родителя», а не желанием действительно что-то изменить в этих отношениях. Враждебно-отчужденный тип констатируется преимущественно для отношений мать—сын и складывается задолго до подросткового возраста, вбирая в себя опыт эмоционального отвержения и нарушений протекции.

Властно-доминантный тип, напротив, характеризуется высокой степенью стремления к контактам и взаимодействию, как родителя, так и подростка, когда цель для обеих сторон — установление господства и навязывание своей воли и решений оппоненту. В основе поведения подростка — гипертрофированный мотив утверждения взрослости и своего права на принятие решений, обостренная чувствительность к отношению родителя,

уважению им своих прав и, как следствие, протестное поведение и попытка принуждения родителя к навязываемому поведению. Родитель в своих установках, как и подросток, стремится во что бы то ни стало сохранить свою власть и использует для этого любые средства силового давления. Для такого типа отношений характерна крайне высокая конфликтность, где каждый из участников любой ценой стремится выйти победителем и сохранить последнее слово по любому самому ничтожному вопросу. Часто, впрочем, встречаются положительное эмоциональное отношение и симпатии друг к другу, однако возможности выражения этих чувств при затяжном хроническом конфликте оказываются крайне ограниченными. В таком типе отношений бывает затруднено взаимопонимание вследствие неадекватности восприятия партнера. Нередко прояснение его позиции позволяет улучшить характер взаимодействия между партнерами. Вместе с тем у родителей отмечаются, хотя, безусловно, далеко не всегда, высокий уровень готовности к работе над детско-родительскими отношениями и положительная динамика такой работы. Причинами формирования властно-доминантного типа отношений являются неадекватный тип семейного воспитания (доминирующая гиперпротекция или противоречивость), обострение подросткового кризиса и определенные личностные особенности родителя и подростка.

Поисковый тип детско-родительских отношений характеризуется общностью позиций подростка и родителя в отношении необходимости перестройки своих отношений на новой основе. Подросток отвергает старые способы общения со взрослым и ищет новые формы взаимодействия, в которых он смог бы реализовать свою потребность во взрослости и автономии, избегая при этом открытых форм негативизма и конфронтации с родителями. Родитель осознает то, что подросток взрослеет и меняется, приобретает черты новой и в чем-то «чужой» личности, признает неэффективность старых методов и приемов воспитания. Это вызывает у него тревожность и неуверенность, однако он пытается найти новые способы взаимопонимания и воспитания в отношениях с подростком. Для этого типа взаимодействия характерно острое переживание отсутствия взаимопонимания и отчужденности на фоне психологической готовности к поиску новых форм общения и построению нового типа отношений. Как правило, констатируется высокий уровень эмоциональной заинтересованности и принятия обеими сторонами, «мягкий» принимающий тип воспитания в анамнезе. Часто встречается в неполных семьях, где воспитание ребенка обладает высокой смысловой ценностью для матери. Характеризуется высокой психологической готовностью к принятию психологических рекомендаций консультанта и хорошим прогнозом.

Кооперативно-направленный тип детско-родительских отношений в своей основе имеет недостаточный уровень психологической компетентности партнеров и неадекватный образ детско-родительских отношений, что и выступает основным препятствием в перестройке и налаживании этих от-

ношений в период подросткового кризиса. Характеризуется общим положительным эмоциональным настроем и выраженной потребностью во взаимодействии с партнером, но в силу низкой компетентности участников аккумулирует отрицательный опыт такого взаимодействия, что и становится причиной обращения в консультацию. Низкий уровень взаимопонимания между партнерами может быть скорректирован на основе повышения уровня коммуникативных навыков и умений и формирования у родителя адекватного образа возрастных и индивидуальных особенностей подростка.

Искаженный тип детско-родительских отношений включает различные варианты, общим радикалом которых выступает противоречивость и дисгармоничность образов детско-родительских отношений у подростка и родителя. Наиболее неблагоприятным вариантом является асимметричность эмоциональных отношений (эмоциональная вовлеченность родителя в процесс воспитания и враждебность либо эмоциональная холодность подростка или, напротив, амбивалентность или эмоциональное отвержение со стороны родителя и эмоциональная зависимость подростка). Достаточно распространенным вариантом является также несовпадение представлений подростка и родителя о степени родительской «строгости» и протекции в воспитании. Например, в практике психологического консультирования широко распространены следующие варианты искажений, когда подросток преувеличивает авторитарные черты родителя, считает его директивным, воспринимая «диктатором», пренебрегающим интересами подростка, хотя родитель считает себя «альтруистом, положившим свою жизнь и благополучие на алтарь интересов ребенка»; или когда родитель уверен в том, что он уделяет достаточно времени и сил воспитанию ребенка, в то время как подросток остро переживает свое одиночество, отстраненность и пренебрежение родителем своими обязанностями («им нет до меня дела!»). Отметим, что в последнем случае инициатива в обращении за психологической помощью достаточно часто принадлежит подросткам. Искаженный тип детско-родительских отношений требует в каждом отдельном случае разработки индивидуальной коррекционной программы с учетом особенностей истории развития ребенка и личностных качеств родителей и ребенка в каждом отдельном случае.

Наконец, *комплементарно-дисгармоничный тип* детско-родительских отношений предполагает наличие согласованных семейных мифов, которые выступают в форме общности неадекватного восприятия родителем и подростком реальных объективных отношений, причем обе стороны, как родитель, так и подросток, принимают определенное распределение ролей в этих отношениях. Например, родитель навязывает подростку образ комплементарных ролей: «родитель — благодетель и опекун, подросток — зависим и недееспособен», тот родителю — «подросток — любимое дитя, баловень, которому разрешается все, родитель — заботлив и полон прощения, заботится о благополучии подростка, забывая о себе». Принятие подобно-

го распределения ролей и их ригидное исполнение приводит к значительному ущербу как для личности родителя, так и для личности подростка. В основе подобной мистификации лежат удовлетворение значимого для одной из сторон мотива и зависимость одного из партнеров, позволяющего навязать себе удобное для второго участника диады видение детско-родительских отношений.

Итак, в результате проведенного исследования были выявлены факты расхождения образов детско-родительского взаимодействия у подростков и их родителей. Существенными оказались расхождения в восприятии родителями и подростками эмоциональной близости в отношениях между ними и последовательности системы родительского воспитания. Наиболее близкими и совпадающими в подавляющем большинстве случаев были оценки удовлетворенности детско-родительскими отношениями и авторитетности родителей.

Анализ детско-родительского взаимодействия позволяет утверждать, что центральное место в детско-родительских отношениях в семьях с детьми — младшими подростками занимает сфера эмоциональных отношений — принятие и эмоциональная близость. Именно процессы эмоционального взаимодействия определяют авторитетность родителя в семье и удовлетворенность детско-родительскими отношениями, а также особенности делового сотрудничества. Характер эмоционального принятия подростка родителем выступает как исходный пункт и основа развития детско-родительских отношений. Так, низкий уровень принятия обуславливает строгость родителя, жесткость санкций и дисциплины, выступая основой для снижения авторитетности родителя и общей удовлетворенности детско-родительскими отношениями. Высокий уровень принятия, напротив, способствует установлению согласия между родителем и подростком, делает родителя более гибким и, соответственно, мягким в воспитании, приводя к росту авторитетности родителя и удовлетворенности внутрисемейными отношениями. Эмоциональная близость как способность к эмпатии, эмоциональному взаимопониманию и сопереживанию выступает условием и следствием развития продуктивного делового сотрудничества в детско-родительских отношениях, определяя характеристики типа семейного воспитания и его гармоничность. Эмоциональная близость и сотрудничество обуславливают друг друга таким образом, что высокая степень эмпатии позволяет партнерам построить эффективное, личностно-ориентированное общение и сотрудничество, результатом которого, в свою очередь, становятся сокращение эмоциональной дистанции и налаживание лучшего эмоционального взаимопонимания и формирования чувства «Мы». Эмоциональная близость, обеспечивая лучшее взаимопонимание на основе сопереживания, делает родителя более последовательным и менее жестким в реализации своей воспитательной функции, повышает удовлетворенность детско-родительскими отношениями обоих участников. Полученные результаты позволяют, на наш взгляд, подойти к решению вопроса о том, чем

определяется авторитетность родителя. Д. Баумринд, определяя тип авторитетного родительства с точки зрения влияния родителя на развитие личности ребенка в семье, указывала на эмоциональное принятие ребенка и наличие обоснованной системы требований как основные характеристики авторитетного родителя [Baumrind, 1975, 1989]. В нашем случае авторитетность родителя выступает как субъективная оценочная характеристика, подразумевающая признание родительской компетентности, и в первую очередь определяется общей удовлетворенностью подростков и самого родителя детско-родительскими отношениями, уровнем эмоционального принятия ребенка и эмоциональной близостью, мягкостью родителя и отсутствием жестких санкций в воспитании. Авторитетность родителя в глазах младших подростков основывается не только и не столько на компетентности в деловом сотрудничестве, умении согласовывать действия и организовывать совместную деятельность, сколько на эмоциональной отзывчивости, сенситивности к чувствам и переживаниям ребенка и их понимании. Сама же удовлетворенность детско-родительскими отношениями оказывается обусловленной эмоциональной близостью, принятием подростка родителем и отсутствием строгих санкций и дисциплины. Эмоциональный, а не деловой аспект детско-родительских отношений оказывается в младшем подростковом возрасте стержневым для обобщенной оценки их гармоничности и степени удовлетворенности этими отношениями. Свидетельством этого являются также факты низкого уровня конфликтности в детско-родительском взаимодействии в большинстве обследованных нами семьях, когда на фоне благополучия эмоциональной сферы взаимодействия были констатированы проблемы в деловом сотрудничестве.

Цели и задачи коррекционной работы в области детско-родительских отношений

Результаты проведенного нами исследования особенностей детско-родительских отношений убедительно свидетельствуют о том, что решающее значение в этих отношениях приобретает образ партнера и отношений с ним, выполняющий ориентирующую функцию в построении этих отношений каждым из участников.

Как было показано в работах Г.М. Андреевой [2000], А.А. Бодалева [1982, 1983], Л.А. Петровской [1987], эффективность общения определяется адекватностью и согласованностью образов партнеров, включая «образ Я», образ партнера, образ «Я для партнера» и образ отношений с партнером. Опыт психологического консультирования родителей по вопросам психического развития и воспитания детей позволяет выделить следующие причины трудностей общения и взаимодействия в детско-родительских отношениях: неадекватность образа ребенка у родителя, образа «Я как родитель», образа детско-родительских отношений у родителя и у ребенка, образа родителя у ребенка. Рассмотрим некоторые варианты искажения

перечисленных образов, выполняющих функцию ориентировки и регуляции детско-родительских отношений, более подробно.

Неадекватность образа ребенка «глазами родителя» может выступать в следующих вариантах ориентирующего образа: неадекватный образ потребностей и мотивов ребенка, неадекватный образ возрастно-психологического статуса ребенка, искаженный образ индивидуально-личностных особенностей ребенка.

Неадекватность восприятия родителем потребностей и мотивов ребенка приводит к мистификации и искажению детско-родительских отношений. Полученные нами результаты позволяют выявить тенденцию недооценки родителями значимости коммуникативных потребностей ребенка, причем как в сфере взаимоотношений с родителями, так и со сверстниками. Здесь особое место занимает недооценка родителями потребности подростков в эмоциональном тепле и привязанности, эмоциональной поддержке со стороны родителей. Результаты нашего исследования показали, что характерным для значительного числа подростков переживанием выступает переживание дефицита эмоциональной поддержки и принятия родителями. Другой, не менее тревожной с точки зрения интересов развития ребенка, тенденцией поведения родителей является недооценка ими значения содержательного общения ребенка, особенно в подростковом возрасте, со сверстниками. Неадекватность установок родителей в отношении общения ребенка со сверстниками выступает в явлениях тревоги и настороженности в отношении круга общения ребенка, в попытках «навязчивого вмешательства» в выбор друзей, регламентации интенсивности и частоты общения со сверстниками, в стремлении ограничить интимно-личностные формы общения подростка, квалифицируя их как «пустое времяпрепровождение».

Неадекватный образ возрастно-психологического статуса ребенка приводит к искажению системы требований и ожиданий, презентуемых родителем как представителем общества ребенку, и, соответственно, к искажению границ зоны его ближайшего развития. «Идеальная форма» развития (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин), воплощенная в культурно-исторических нормативных ожиданиях и требованиях общества к ребенку определенного возраста, опосредствуется родительским образом возрастно-психологических особенностей ребенка и конкретизируется в системе семейного воспитания в форме требований к его поведению и деятельности. Искаженный образ возрастно-психологического статуса ребенка у родителя приводит к нарушению семейной системы воспитания, общения и сотрудничества родителей и ребенка, ограничивая возможности развития ребенка в пределах потенциала зоны ближайшего развития.

Результаты психологического консультирования свидетельствуют о неадекватности представлений родителей о «взрослости подростка», что нашло проявление в акценте на обязанностях подростка без должного учета его прав, в том числе на равенство в принятии решений, выборе ценно-

стей, определении собственного жизненного пути. Достаточно часто искажение представлений родителей о взрослости связано с переоценкой реальных возможностей подростка и выдвижением «сверхтребований» в отношении его достижений и уровня (морально-волевой-ответственности, способности к эмпатии и сопереживанию. В консультативной практике нам нередко приходилось сталкиваться с родителями подростков, которые при «взрослых» стандартах и требованиях к достижениям последних, их ответственности и произвольности стремились сохранить авторитарное руководство, отказывая подросткам в праве выбирать друзей, интересы, увлечения, самим определять свой режим дня, имидж, круг чтения и т.д. Иначе говоря, в отношениях с подростками руководствовались правилом «детские права — взрослые обязанности». Наш консультативный опыт свидетельствует о преобладании варианта противоречивого восприятия возрастно-психологических особенностей ребенка родителями детей всех возрастных групп, аналогичного описанному выше. Как правило, «чистые» варианты инфантилизации или приписывания ребенку более зрелого возрастного статуса встречаются значительно реже. Переоценка родителями развития одних психологических качеств и одновременно недооценка уровня развития других в контексте нормативного возрастного развития, т.е. противоречивость психологического портрета возраста, провоцируют противоречивость типа* семейного воспитания.

Искаженный образ индивидуально-личностных особенностей ребенка воплощается в неадекватности восприятия родителем уровня развития психологических свойств и способностей ребенка как в сторону их преувеличения, так и в сторону преуменьшения (мистификация), в значительной мере коррелирующих с типом семейного воспитания. Как правило, преувеличение констатируется при повышенной моральной ответственности, а также гипопротекции. Доминирующая гиперпротекция основывается на преувеличении родителем негативных характеристик и «слабых сторон» развития, а потворствование — на преувеличении позитивных качеств ребенка и гипертрофии его достоинств. Однако сам тип семейного воспитания детерминируется целым рядом причин, важнейшими из которых являются уровень психолого-педагогической компетентности родителя, социокультурные традиции и опыт воспитания в прародительской семье, индивидуально-личностные особенности самого родителя [Эйдемиллер, Юстицкис, 1999]. Искажение образа ребенка, таким образом, может быть как следствием низкой психологической компетентности родителя, так и результатом действия защитных механизмов, например проекции и рационализации [Спиваковская, 1988; Эйдемиллер, Юстицкис, 1999; Варга, 1997; Goodnow, 1992; Miller, 1995].

Неадекватность образа «Я как родитель» выступает в формах неадекватного представления о себе как родителе, нереалистическом образе «идеального родителя» и в форме несогласованности образов «Я-реальное» и «Я-идеальное».

Представления родителей о себе в своей семейной роли (мать, отец) стало для нас предметом изучения с использованием проективной методики «Родительское сочинение» [Карабанова, 1999], методики самооценки «Я как родитель», методики «Проба на совместную деятельность» и материалов беседы в рамках возрастано-психологического консультирования. Всего было проанализировано 65 случаев (матери детей в возрасте от 5 до 17 лет).

Анализ полученных результатов позволил выделить наиболее характерные особенности представлений родителей о себе как родителе.

Я-реальное. 1. Родители в подавляющем большинстве случаев высоко оценивают уровень своего эмоционального принятия ребенка, однако оно достаточно часто реализуется лишь на уровне переживания и осознания (декларирования) и не находит адекватного выражения в* общении и совместной деятельности родителей с ребенком. Несогласованность аффективного и предметно-действенного (поведенческого) уровней эмоционального принятия ребенка обусловлена различными причинами. В случае проблемного характера родительско-детских отношений они таковы:

- ориентация родителей на социально-желательные образцы родительской роли (например, социальная предписанность материнской любви) в силу гиперсоциализированности родителя и его стремления к перфекционизму при отсутствии/дефицитности глубокого родительского чувства к ребенку (не любит, но стремится продемонстрировать свою любовь). В случае эмоционального отвержения родителем ребенка ситуация осложняется актуализацией защитных механизмов вытеснения своего подлинного отношения к ребенку, проекции («приписывания» ребенку негативных качеств, ведущего к искажению образа ребенка) и рационализации;

- низкая коммуникативная компетентность в отношении освоения операционно-техническими средствами коммуникации (вербальными и невербальными), неумение выразить в действенной форме любовь и принятие ребенка (любит, но не умеет выразить свое эмоциональное отношение);

- ориентация родителей на авторитарные стереотипы воспитания, структурирующие детско-родительские отношения по типу доминирования—подчинения, где открытое выражение родителем любви и принятия ребенка рассматривается как нежелательное проявление «слабости» системы родительской дисциплины. Такой тип ориентации типичен для традиционного понимания отцовской, а не материнской любви [Фромм, 1990; Адлер, 1990]. Однако в настоящее время представления о содержании и форме проявления отцовской любви подверглись существенной ревизии [Cabrera et al., 2000]. «Отец XXI века» выступает прежде всего как безусловно принимающий, эмпатийный и открыто выражающий свое принятие и любовь к ребенку. Для выборки родителей, испытывающих явные трудности во взаимопонимании и общении с детьми (случаи консультативной практики), ориентация на строгость и сдержанность в выражении чувств любви и принятия ребенка оказывается достаточно типичной. В этом слу-

чае можно говорить о действии механизмов сдерживания и блокирования чувств (любит, но запрещает себе проявлять чувство).

2. Низкая критичность родителей в оценке своих родительских качеств и уровня родительской компетентности. Как правило, признаются лишь низкая эффективность системы семейного воспитания и существование трудностей понимания, взаимодействия и сотрудничества в детско-родительских отношениях. Родитель не видит необходимости самоизменения и саморазвития, преобладает рентная установка в отношениях с консультантом (А.А. Бодалев, В.В. Столин), стремление возложить на него ответственность за решение проблем.

Я-идеальное. Характеризует особенности представлений родителей об эталоне качеств и ролевого поведения родителя. Намети́лась тенденция оценки положительных качеств «идеального родителя» в превосходной степени. Важное значение родители придают блоку характеристик эмоционального принятия и взаимодействия с ребенком и блоку коммуникативных качеств. При построении отношений с ребенком, по мнению родителей, необходимо исходить из принципов равноправия и уважения его личности, признавать его право на свободу выбора собственного пути развития. В то же время большинство родителей считают, что декларируемые ими принципы могут быть реализованы лишь при достижении определенного уровня «самостоятельности и ответственности» ребенка, а до этого момента за ними должна быть сохранена функция безоговорочного руководства, опеки и контроля. Таким образом, значительная часть родителей ориентируется на гуманистические ценности воспитания, однако эти ценности носят декларативный характер, не выступая реальным основанием для построения общения и взаимодействия с ребенком.

Отличительной особенностью соотношения образов Я-реального и Я-идеального родителей, испытывающих трудности в процессе воспитания детей, стала дисгармоничность их оценки реальных своих родительских качеств и представлений о желаемых «идеальных» качествах. Исходя из работ К. Роджерса, К. Хорни и Р. Бернса, мы выделили три вида дисгармоничности соотношения Я-реального и Я-идеального. Во-первых, замещение Я-реального Я-идеальным — родитель оценивает себя совершенным и безупречным в выполнении своей родительской роли, образ «Я как родитель» искажает реальность. Во-вторых, замещение Я-идеального Я-реальным — родитель не критичен к выполнению своей отцовской или материнской роли, полностью удовлетворен своим поведением как воспитателя, слабо выражена его ориентация на саморазвитие и самосовершенствование, нет психологической готовности к работе над собой. И, в-третьих, значительный разрыв между Я-идеальным и Я-реальным, не оставляющий возможности для постановки конкретных реалистических задач совершенствования родительской позиции. Описанные виды дисгармоничности соотношения образов «Я как родитель» (Я-реальное и Я-идеальное) обуславливают неконгруэнтность (К. Род-

жерс) родителя в общении с ребенком и значительно осложняют процесс коммуникации [Гордон, 1997; Джайнотт, 1986; Гиппенрейтер, 1993].

Неадекватность образа детско-родительских отношений у родителя ребенка обусловлена ценностными установками каждого из участников этих отношений и ошибочными атрибуциями [Goodnow, 1992; Murphey, 1992; Miller, 1995]. Для большинства родителей оказывается характерной объектная установка в отношении ребенка, в рамках которой ребенок рассматривается как объект воспитания, а не как равноправный субъект его диалогического процесса [Петровская, Спиваковская, 1983; Кон, 1988].

Неадекватность образа родителя у ребенка обусловлена возрастно-психологическими особенностями ребенка, характером детско-родительских отношений, в частности типом привязанности [Bowlby, 1988; Crittenden, 2000] и индивидуально-личностными особенностями ребенка, например типом акцентуации в подростковом возрасте [Личко, 1989]. Искажение (нарушение) образа родителя является результатом воздействия всех указанных факторов. Консультативный опыт и полученные нами эмпирические данные позволяют выделить следующие варианты искажения образа родителя у ребенка. Для раннего и дошкольного возраста характерно:

- преувеличение силы и могущества родителя, вера в его неограниченные возможности, достижения;
- преувеличение знаний, компетентности и мудрости родителя.

Миф о «всесилии родителя», являющийся нормой для ребенка раннего и дошкольного возраста, постепенно преодолевается и, начиная со старшего дошкольного возраста, замещается реалистическим представлением о родительских возможностях.

Для подросткового возраста характерно:

- преуменьшение способности родителя к пониманию, сопереживанию, способности оказать эмоциональную поддержку;
- преувеличение авторитарности, директивности, строгости, жесткости родителя.

Эти варианты искажения образа родителя в значительной степени обусловлены такими возрастно-психологическими особенностями подростков, как эмоционально-личностный эгоцентризм и чувство взрослости.

Вне зависимости от возраста тревожный тип привязанности провоцирует формирование образа родительского отношения как отвергающего, пренебрегающего, а родителя — как холодного, жесткого, не любящего [Crittenden, 2000].

Рассмотренные варианты, безусловно, далеко не исчерпывают всего многообразия возможных нарушений детско-родительских отношений, но могут быть полезны при планировании и реализации коррекционной работы с родителями в направлении оптимизации межличностного общения и преодоления дисгармоничности в семье. В соответствии рассмотренным видам нарушений поставлены цели и задачи коррекционной работы, направленной на оптимизацию детско-родительских отношений (см. табл. 5).

Таблица 5

Цели и задачи коррекционной работы

Ориентирующий образ	Варианты нарушений	Задачи коррекции
Ребенок «глазами родителя»	1. Неадекватность восприятия мотивов и потребностей ребенка: недооценка значимости потребности в эмоциональном контакте и общении с родителями; недооценка значимости потребности общения со сверстниками	Психологическое просвещение — информирование родителей о роли потребности в общении с близким взрослым и сверстниками для формирования гармоничной личности; расширение и содержательное обогащение видов совместной деятельности ребенка со взрослым; амплификация общения детей со сверстниками; помощь родителю в выработке адекватной позиции в отношении общения ребенка со сверстниками (мониторинг, возможные формы участия родителя в совместной деятельности детей, место общения со сверстниками в режиме дня)
	2. Неадекватный образ возрастано-психологического статуса ребенка (подростка): противоречивое восприятие, инфантилизация, приписывание взрослых черт и особенностей	Формирование адекватного образа возрастано-психологических особенностей ребенка и подростка («внутренней картины возраста»); определение системы прав и обязанностей ребенка, адекватных возрасту; помощь в разработке системы родительской дисциплины, адекватной возрасту (требования, запреты, их содержание, количество, форма предъявления, способы воздействия — поощрения и наказания, контроль и мониторинг)
	3. Неадекватность восприятия индивидуально-личностных особенностей ребенка	Формирование адекватного образа индивидуально-личностных особенностей ребенка; адаптация системы родительской дисциплины в соответствии с индивидуально-личностными особенностями ребенка; помощь в выборе типа образовательно-воспитательного учреждения и разработке режима дня
«Я как родитель»	1. Неадекватное представление о себе как родителе: расхождение аффективного и поведенческого компонентов эмоционального принятия ребенка; неадекватная (низкая или чрезмерная) критичность в оценке своей родительской компетентности	Организация психологических условий для осознания родителем особенностей своего эмоционального отношения к ребенку, родительских чувств, системы родительской дисциплины, поведения в родительской роли; формирование умения открыто коммуницировать свои чувства; осознание родителем степени эффективности системы воспитания ребенка и причин ее неэффективности

Продолжение табл. 5

Ориентирующий образ	Варианты нарушений	Задачи коррекции
	2. Нереалистический образ «идеального родителя»: идеализация образа; искажение ценностей воспитания ребенка; расхождение между декларируемыми гуманистическими ценностями воспитания и ценностями реальными	Помощь родителям в осознании (и выработке) системы ценностей и целей воспитания ребенка; стратегии и тактики достижения целей воспитания; требований к родительской роли и качеству ее выполнения; места родительства в иерархии ценностно-смысловой сферы личности родителя
	3. Несогласованность Я-реального и Я-идеального в определении своей родительской роли: замещение Я-реального Я-идеальным; Я-идеального Я реальным; разрыв между Я-идеальным и Я-реальным	Согласование требований к родительской роли с индивидуально-личностными особенностями родителя; помощь родителю в выработке плана его саморазвития как родителя и повышения уровня психолого-педагогической компетентности
Ребенок—родитель	1. Неадекватность образа детско-родительских отношений в представлении их участников	Организация психологических условий для осознания родителем и ребенком характера своих отношений, особенностей общения и взаимодействия
	2. Неадекватная ценностная установка родителей в воспитании (ребенок — объект воспитания)	Формирование ценностной установки субъект-субъектного общения в родительно-детских отношениях
	3. Несогласованность образа отношений в глазах их участников	Повышение компетентности в общении родителя и ребенка; расширение и обогащение общения и совместных видов деятельности ребенка и родителей
Родитель «глазми ребенка»	Неадекватный образ родителя: миф о всеиили и всемогуществе родителя; «не чуткий и не понимающий» родитель; «диктатор», тотально контролирующий ребенка; холодный, отвергающий	Развитие у ребенка способности к децентрации, эмпатии, осознанию чувств и переживаний как своих, так и партнера; создание условий общности эмоционального переживания жизненных событий; формирование у родителя умения открыто выражать и коммуницировать свои чувства; организация условий принятия ребенком/подростком ответственности за благополучие родителя; развитие форм сотрудничества и кооперации в детско-родительских отношениях

Традиционно подростковый возраст понимается как возраст автономизации, приобретения подростком независимости и переориентации на общение и построение отношений со сверстниками как значимого социального контекста. Более того, в получившей известность гипотезе Дж. Р. Харрис [Harris, 1995] подвергается сомнению ведущая роль родителей в процессе

развития личности ребенка не только в подростковом, но и в детском возрасте. Процесс социализации, по мнению автора, осуществляется не столько в рамках диадического взаимодействия ребенок—родитель, сколько в детских и подростковых группах посредством механизмов внутри- и межгруппового взаимодействия. Изложенные выше результаты исследования, на наш взгляд, напротив, свидетельствуют о безусловном сохранении значимости общения и отношений с родителями для подростка, о ведущей роли родителей и семьи в процессе социализации и развития его личности.

Вместе с тем были выделены неблагоприятные тенденции в детско-родительских отношениях в современной российской семье, определяемые тендерными и возрастными различиями. Речь идет о росте амбивалентности и эмоциональной дистантности; переживании подростками дефицита эмоционального принятия на фоне высокой значимости отношений с родителями; гипопротекции, особенно в отношениях с отцом; противоречивости и непоследовательности поведения родителей. Сравнительное изучение особенностей восприятия детско-родительского взаимодействия «на полюсе» ребенка и «на полюсе» родителя в сферах эмоционального и делового взаимодействия установило факт расхождения образов такого взаимодействия. Эмпирически были выделены типы их соотношения, описана стратегия коррекционной работы с ними. Обнаруженный феномен расхождения образов детско-родительского взаимодействия у ребенка и у его родителей позволяет подойти к пониманию генезиса возникновения нарушений развития в условиях объективно благополучной семейной ситуации и, напротив, жизнестойкости ребенка, его толерантности к воздействию неблагоприятной семейной ситуации. Образ детско-родительских отношений опосредствует восприятию ребенком воспитательных воздействий взрослого и выступает основанием для ориентировки и выработки стратегии и тактики взаимодействия и общения с родителями. Приведенные варианты нарушений ориентирующих образов позволяют обосновать задачи коррекционной работы и наметить основные направления ее реализации. Исследование причин искажения образа детско-родительских отношений и его влияния на развитие личности ребенка должно составить перспективу дальнейшего изучения психологии семьи.

§ 17. Сиблинговая позиция (порядок рождения ребенка в семье) как фактор развития личности ребенка

А. Адлер первым сформулировал положение о зависимости развития личности ребенка от порядка рождения в семье. Сиблинговая позиция характеризует этот порядок, определяет специфику социальной ситуации развития ребенка, его отношения к миру, общения и деятельности, форм сотрудничества со взрослыми и сверстниками. Адлер выделил следующие

сиблинговые позиции: единственный ребенок, старший ребенок (первенец), средний ребенок, младший ребенок.

Единственный ребенок в семье обычно в центре внимания родителей, ему уделяют много времени и сил, его успехи не остаются незамеченными, он не обойден родительской лаской и заботой и уж никак не может быть отнесен в категорию «заброшенных». К сильным сторонам развития единственного ребенка, как правило, относится высокий уровень интеллектуального развития, а к слабым — отсутствие опыта взаимодействия со сверстниками в близком семейном контексте, опыта общения равных, опыта сотрудничества, определенная степень эмоционально-личностного эгоцентризма. При создании собственной семьи взрослый, занимавший в родительской семье позицию единственного ребенка, сталкивается с совершенно новой для него задачей формирования равных, кооперативных отношений; ему свойственны стремление к лидерству, желание быть в центре внимания семьи.

Старший ребенок в семье раньше или позже, в связи с появлением младших детей, сталкивается с необходимостью брать на себя ответственность за выполнение тех или иных обязанностей по хозяйству. Такая позиция позднее, в его собственной семье, приводит к стремлению брать на себя роль опекуна. Однако пережитая в детстве при рождении следующего сиблинга драма ревности, столкновение с ситуацией утраты своей уникальности как единственного объекта любви родителей, необходимость поделиться ею еще с кем-то часто приводят к рождению невротической любви, стремлению «возместить» недостаток любви и обожания за счет супруга(и), что приводит к принятию роли опекаемого, кумира или, при определенных условиях, роли «жертвы».

Младший ребенок в семье — предмет всеобщей заботы. Он избалован вниманием и любовью, что роднит его позицию в семье с позицией единственного ребенка, с той лишь разницей, что родители, более опытные и искусные в проблемах воспитания, совершают меньше ошибок, но вместе с тем предъявляют меньше ожиданий и требований к ребенку, не настаивают на высоких достижениях. У младшего ребенка отсутствует ревность к сиблингам, есть ощущение защищенности, однако возможности реализации его лидерства ограничены, а уровень притязаний и настойчивости в достижении целей далеко не всегда высокий. Взрослый, занимавший сиблинговую позицию младшего, будет склонен в силу преимуществ этой позиции занять ее и в супружеских отношениях, что приведет к принятию роли «опекаемого», «любимчика».

Средний ребенок в семье — наиболее сложная позиция. С одной стороны, складываются все «минусы» позиций старшего и младшего ребенка, а с другой — нивелируются «плюсы» и преимущества обеих позиций.

В случае незначительной разницы в возрасте сиблингов ролевые позиции могут претерпевать инверсию. Если, например, младший из братьев

здоровее, лучше развит физически, он может занять позицию лидера и опекуна, тем самым лишая старшего всех, преимуществ его позиции. Особый характер близнецовой позиции, связанный, в частности, со становлением личностной идентичности [Мухина, 1981], вносит свои коррективы в решение вопроса о принятии межличностных ролей в семье.

На основе изучения биографий выдающихся людей Ф. Саллоуей приходит к выводу о том, что величайшие открытия в науке, революционные деяния, перевороты в обществе связаны с именами людей, которые были средними детьми в своей семье. Средние дети отличаются, таким образом, особыми социальными способностями к поиску и открытию принципиально нового, являются возмутителями спокойствия и ниспровергателями авторитетов [Sulloway, 1996]. Саллоуей предлагает эволюционно-психологическую концепцию «борьбы за ресурсы», объясняющую генезис указанных личностных особенностей. Суть «борьбы за ресурсы» состоит в том, что в семье дети всегда претендуют на большие ресурсы — внимание, время, душевное тепло, ласку, заботу со стороны отца и матери, — чем те, что реально могут предоставить им родители, вынужденные делить свои возможности между всеми детьми. Соревнование за доступ к родительским ресурсам приводит к формированию амбивалентных конкурентных (явных или скрытых) отношений между сиблингами. В борьбе за собственную «нишу» в семье в выигрышном положении оказываются старшие и младшие дети. Старшие, будучи первенцами, уже завоевали свое место в сердце родителей до рождения второго ребенка и в отношениях с сестрами и братьями лишь отстаивают то, что им уже по праву первородства принадлежит. Младшие дети, лишённые младших конкурентов, не только получают возможность использовать ресурсы родителей (старшие дети уже выросли!), но наделены также заботой и вниманием со стороны старших. Средние же дети обречены на то, чтобы всегда быть в тени старших или младших. Поэтому наиболее адекватной адаптивной стратегией для них становится выход за пределы семьи в поисках ниши для самореализации. Отсюда стремление среднего ребенка как можно раньше автономизироваться и отделиться от семьи, его недоверие к традициям и авторитетам, направленность на создание новых отношений.

Исследование психологического феномена влияния порядка рождения, сиблинговой позиции на развитие личности ребенка в современной психологии по-прежнему является актуальным и теоретически значимым, отвечает социальной потребности разрешения важнейших задач формирования зрелой гармоничной личности и оптимизации системы семейного воспитания.

Можно выделить ряд направлений исследований, анализирующих зависимость личностного развития от порядка рождения.

Исследования *социальных достижений* обнаружили связь порядка рождения с высокими научными, социальными, политическими успехами лич-

ности. Например, Ф. Гальтон заметил, что в составе членов Королевского научного общества преобладают единственные дети и первенцы, а Дж. Кеттел показал, что среди 855 выдающихся американских ученых большинство составляют старшие и младшие дети, в то время как средние крайне редко достигают значительных успехов в науке. Биографический метод позволяет утверждать, что большинство президентов, конгрессменов и политических деятелей США в семье были старшими либо младшими детьми. Возможности высоких достижений в науке женщинами также устойчиво коррелируют с их сиблинговой позицией в семье [Altus, 1965]. Успеваемость единственных детей в школе лучше, чем у детей других сиблинговых позиций, причем констатируется предрасположенность единственных детей к интеллектуальной деятельности, характеризующейся высокой степенью индивидуализации стиля и творчества [Карацуба, 1998].

Была выявлена зависимость *уровня интеллектуального развития* ребенка от порядка рождения (Е.Л. Григоренко, Т.А. Думитрашку, И.В. Равич-Щербо, Анастаси А.). Так, в большинстве случаев констатировалось снижение коэффициента интеллектуального развития у детей, занимающих сиблинговые позиции средних и младших детей, по сравнению с единственными и старшими детьми. По данным Анастаси, в популяциях с высоким уровнем рождаемости наблюдается снижение уровня интеллекта. Показатели вербального интеллекта, способности к абстракции, памяти, уровня креативности детей из многодетных семей значительно чаще оказываются ниже, чем у детей единственных (Т.А. Думитрашку).

Объяснение более высоких социальных и интеллектуальных достижений ребенка, занимающего сиблинговую позицию единственного или старшего в семье, следует искать в особенностях его общения и сотрудничества с родителями. Модель «обогащенной» интеллектуальной среды [Zajonc, Markus, 1979] объясняет преимущества старших детей тем, что длительное время до рождения второго ребенка они безраздельно владели вниманием и заботой взрослых, им уделялось больше внимания, с ними больше играли, читали, занимались родители. Интеллектуальная среда оказывается тем более благоприятна для развития ребенка, чем меньше детей в семье и чем больше интервал между рождением первого и второго ребенка. Вместе с тем особенности типа семейного воспитания, родительской позиции, уровня интеллектуального и культурного развития самих родителей определяют содержание и формы их с ним общения, а тем самым и ресурсный потенциал «интеллектуальной семейной среды» как источника умственного развития ребенка.

Обнаружена связь *особенностей Я-концепции* ребенка и его сиблинговой позиции. Самооценка старших и единственных детей оказывается выше, чем у средних и младших [Coopersmith, 1967], они более автономны и самодостаточны. Вместе с тем единственные и старшие дети более склонны к негативной оценке своего психологического состояния и проявляют ипо-

хондрические тенденции [Weiker, 1973]. Для них характерна повышенная тревожность, связанная со стремлением поддержать свой высокий статус, они более склонны к невротизации.

Выявлены различия в *коммуникативной компетентности* детей с разным порядком рождения. Старшие и единственные дети оказываются более чувствительны к межличностным отношениям, мнению других людей, потребность в аффилиации у них выражена ярче [Sachter, 1959]. Первенцы более ориентированы на общение со взрослыми, склонны к директивности в общении [Snow et al., 1996]. Младшие дети проявляют наибольшую компетентность в кооперации со сверстниками, сотрудничестве и налаживании отношений, у них много друзей, в группе сверстников они считаются наиболее популярными [Фримен, 1996]. Исследователи объясняют указанные различия тем, что младшие и средние дети имеют продуктивный опыт общения как с ровесниками, так и со старшими и младшими детьми в семье. Не претендуя на исключительность своего положения среди братьев и сестер, они более доброжелательны, готовы пойти навстречу и адаптировать свои ожидания в отношении поведения сверстников, более готовы к равноправному сотрудничеству.

Наконец, выявлена связь порядка рождения ребенка и риска *возникновения девиаций*. Так, исследование склонности к алкоголизму подтвердило предположение А. Адлера о том, что наибольшая тяга к алкоголю будет проявляться у детей, вторых по порядковому номеру рождения. В исследовании Р. Литтла было показано, что единственные и старшие дети начинают употреблять алкоголь позже, чем «вторые», и в меньших количествах [Little, 1989]. Дети из больших семей более склонны к делинквентному поведению; у девочек-подростков, имеющих четырех и более братьев и сестер, отмечена вероятность ранней половой жизни и беременности [Wagner, 1985].

Обобщая данные разных исследований, Саллоуей выделяет следующие личностные особенности детей с различной сиблинговой позицией. Единственные и старшие дети (первенцы) проявляют большую заинтересованность в интеллектуальных видах деятельности, более сознательны, ответственны в учебе и потому более успешны в школе; они более амбициозны, их уровень притязаний выше, они уверены в себе, склонны к доминированию в межличностных отношениях со сверстниками. Вместе с тем старшие более подвержены тревоге и невротизации.

Второй ребенок и последующие дети (не-первенцы) ориентированы на общение, более адаптивны, готовы к кооперации и альтруистическому поведению. Однако они менее конформны и менее привержены условностям, открыты для нового опыта, особенно в эмоционально-волевой сфере, обнаруживают экстраверсию [Sulloway, 1996]. Личностные особенности детей с различным порядком рождения Саллоуей связывает с особенностями их внутрисемейной ситуации. Первенцы, тяжело переживая «крушение с пьедестала» после рождения второго ребенка, в семейном общении

оказываются особенно чувствительными к отношению к ним родителей, стремятся к более близкому общению с ними, стараются заслужить их любовь и признание. В отношении младших братьев и сестер старшие дети, поощряемые взрослыми, занимают позицию протекции и опеки, подражая в этом родителю. Отсюда проистекает их явно выраженная тенденция идентификации с родителями, уважение власти, авторитета и традиций, известный консерватизм. Социальная ситуация развития детей с более высоким порядком рождения — средних и младших — обуславливает их открытость в отношении общения всех членов семьи, а желание самоутверждения стимулирует их интерес к поиску возможностей самовыражения как в семье, так и за ее пределами, неприятие условностей, склонность к риску и экспериментированию.

Особый интерес представляет *модель взаимоотношений и взаимодействия сиблингов в семье, определяемая порядком их рождения*, особенностями отношения родителей и сформировавшимися под влиянием порядка рождения личностными особенностями самого ребенка.

Отношение родителей к старшему ребенку (первенцу) определяется их недостаточной компетентностью в воспитании, неуверенностью и зачастую противоречивостью воспитательной стратегии и тактики. После рождения второго ребенка старший оказывается в изоляции, пусть даже и на самое короткое время. Неустойчивость воспитательного стиля в сочетании с переживанием чувства лишения родительской любви после рождения второго ребенка с большой вероятностью приводит к формированию тревожного типа привязанности старшего ребенка к родителю. Готовность первенца использовать все средства для того, чтобы привлечь внимание родителей к себе, может принять различные формы — от стратегии полного послушания и стремления к успехам и достижениям («смотрите, я — лучше всех») до стратегии шантажа и социальных провокаций («я заставлю вас любить и уважать меня таким, какой я есть»). В отношении младшего ребенка родители склонны проявлять гиперпротекцию и потворствование, что может привести к эгоцентризму и запаздыванию социального развития младших детей [Земска, 1986]. К воспитанию среднего ребенка родители нередко привлекают старшего, делегируя ему часть своих функций, особенно если разница в возрасте между детьми достаточно велика.

Отношение старшего ребенка к позже рожденным детям (среднему и младшему) чаще всего двойственно включает ревность и соперничество. Средний и младший сиблинги выступают как партнеры, предназначение которых продемонстрировать родителям и всем окружающим достоинства и способности старшего. В том случае, когда разница по возрасту между детьми мала и дети при этом одного пола — оба мальчики или обе девочки, — отношения между детьми превращаются в арену постоянного напряженного и бескомпромиссного состязания. Большая разница в возрасте между детьми, напротив, сглаживает остроту борьбы, поскольку достиже-

ния старшего становятся недостижимым идеалом для младшего ребенка. Масла в огонь подливают и родители, постоянно сравнивающие детей между собой. Но если младший в случае неудач может скрыться в спасительную гавань своего положения младшего ребенка в семье, то для старшего единственно возможным способом доказательства своего превосходства в том случае, когда средний ребенок «наступает ему на пятки», становится путь низведения младшего, провоцирования его на запрещенные и наказуемые поступки с тем, чтобы на фоне младшего выглядеть в глазах родителей примерным пай-мальчиком (девочкой).

Г. Хоментаускас [1985] выделяет три стратегии неадекватного поведения младшего ребенка, находящегося «в тени» своего старшего брата (сестры). Первая ставит целью низведение старшего в глазах родителей с использованием ябедничества, хвастовства, агрессии и вражды. Такое поведение в детстве приводит к отчуждению и сохранению враждебных отношений между сиблингами в зрелом возрасте. Вторая стратегия направлена на то, чтобы любыми способами заставить родителей признать значимость младшего. Поскольку одержать превосходство над старшим достаточно сложно, младший ребенок для привлечения внимания родителей использует асоциальные формы поведения, чреватые ужесточением дисциплинарных мер, применяемых родителями, отвержением младшего ребенка, который, в свою очередь, еще с большей настойчивостью выступает против родителей. Порочный замкнутый круг приводит к формированию асоциального поведения младшего ребенка. Наконец, третья стратегия представляет собой путь изоляции и отказа младшего ребенка от борьбы за любовь и признание родителей. Следствием подобной стратегии становится низкая самооценка и самопринятие, замкнутость ребенка, выбор роли шута и неудачника.

Средний ребенок, по мнению Хоментаускаса, испытывая чувство отвержения, обиды и несправедливости, избирает либо стратегию навязчивой послушности и услужливости в надежде заслужить любовь родителей, либо вступает на «тропу войны» с сиблингами, становится драчуном и задирой.

Безусловно, все перечисленные выше стратегии представляют собой варианты неадекватного развития отношений между сиблингами, являясь результатом неправильного типа семейного воспитания, фаворитизма, практикуемого родителями в отношении старшего или, наоборот, младшего ребенка.

Важно подчеркнуть, что влияние порядка рождения опосредуется полом ребенка. Например, известно, что старшие девочки легче переживают рождение второго ребенка и охотнее принимают свою «новую семейную роль» — помощницы родителей, опекуна младшего брата или сестры. Младшие братья также успешнее преодолевают «ловушки» своей сиблинговой позиции в случае, если старший ребенок иного, чем они, пола. Это объясняется тем, что экологические «ниши» самоутверждения у мальчиков и девочек различны, в силу чего братьям и сестрам проще найти сферы утверж-

дения своего первенства по сравнению с сиблингом, точки сотрудничества и избежать конкуренции в семье. В случае разнополых сиблингов влияние старшего ребенка на младшего проявляется в форме идентификации и подражания младшего ребенка старшему. Так, мальчики, имеющие старших сестер, менее маскулинны по своим интересам и поведению, а девочки, имеющие старших братьев, напротив, обнаруживают большую маскулинность.

Вопросы и задания

1. Назовите основные характеристики детско-родительских отношений.
2. Какими параметрами характеризуются эмоциональные отношения между родителями и детьми?
3. Сформулируйте аргументы «за» и «против» в отношении эволюционно-биологического подхода к проблеме генезиса материнской любви.
4. Какие предпосылки материнства формируются на каждом из этапов материнского онтогенеза?
5. Что такое «уклоняющееся», девиантное материнство? Каковы его причины?
6. Какова роль матери и отца в психическом развитии ребенка?
7. Какие трудности испытывает ребенок в развитии полоролевой идентичности, если воспитывается в неполной семье?
8. Какие факторы определяют особенности отношений ребенка с матерью и отцом?
9. Какие факторы и условия детерминируют формирование тревожного типа привязанности?
10. Чем отличается мотивация воспитания ценностного типа от мотивации социального и инструментального типа?
11. Какие варианты дисгармоничности удовлетворения потребностей ребенка в процессе воспитания можно выделить? Что следует понимать под «полным удовлетворением потребностей ребенка»?
12. Какие стили взаимодействия родителей с детьми можно назвать?
13. Приведите примеры неэффективных высказываний в детско-родительском общении. Почему подобные типы высказываний нельзя считать эффективными?
14. Согласны ли вы с утверждением, что ребенка необходимо хвалить? Почему? Как правильно хвалить ребенка?
15. Нужны ли требования и запреты в воспитании ребенка? Обоснуйте свой ответ.
16. Какие формы наказаний и поощрений вы считали бы возможным использовать в собственной практике воспитания ребенка? Обоснуйте свой ответ.
17. Чем отличается родительский мониторинг от родительского контроля?
18. В чем состоят негативные эффекты непоследовательного/противоречивого воспитания?
19. Дайте определение понятию «родительская позиция».
20. Как влияет родительский образ ребенка на развитие личности самого ребенка? Каковы механизмы такого влияния?
21. Что такое мистификация и какие существуют формы мистификации? Приведите примеры. К каким следствиям приводит мистификация?
22. Какие стили родительского воспитания были выделены в работе Д. Баумринда? Какое воздействие на развитие личности ребенка оказывает каждый из них?
23. Какое влияние на развитие ребенка оказывает доминирующая гиперпротекция? Воспитание по типу повышенной моральной ответственности? Потворствование? Гиперсоциализирующее воспитание?
24. Каковы причины нарушений типа семейного воспитания?

25. Должны ли родители в воспитании ребенка придерживаться одной стратегии и тактики воспитания, т.е. быть едины в своих взглядах на воспитание?
26. Можно ли предотвратить конфликты в детско-родительских отношениях? Если можно, то как именно? Если нет, то почему?
27. Как происходит разрешение детско-родительских конфликтов в условиях различных типов воспитания?
28. Каковы возрастные и тендерные особенности взаимодействия подростков с матерью и с отцом?
29. Сформулируйте основные цели и задачи коррекции детско-родительских отношений.

Глава 4

НЕНОРМАТИВНЫЕ КРИЗИСЫ СЕМЬИ

§ 1. Развод

Развод — это расторжение брака, т.е. юридическое прекращение его при жизни супругов. Развод представляет собой ненормативный кризис семьи, главным содержанием которого является состояние дисгармоничности, обусловленное нарушением гомеостаза семейной системы, требующее реорганизации семьи как системы. Развод — это результат кризисного развития отношений супружеской пары. Осуществленному разводу, как правило, предшествуют неоднократные попытки супругов разойтись. Развод и его психологические следствия представляют актуальную проблему современного российского общества. Сегодня каждый четвертый брак в России распадается, причем, по данным исследований, 67% мужчин и 32% женщин считают, что развод можно было предотвратить [Ганичева, 2002].

В настоящее время развод как явление оценивается неоднозначно. Если раньше его интерпретировали однозначно отрицательно — как угрозу семье, то сегодня возможность расторжения брака рассматривается как неотъемлемый компонент семейной системы, необходимый для реорганизации ее в тех случаях, когда сохранить семью в прежнем составе и структуре оказывается невозможным [Голод, 1995]. Возрастание разводов, по мнению С.И. Голода, в определенном смысле предопределено переходом к новому способу заключения брака, когда основное значение приобретает свободный выбор супруга на основе чувства любви и личностной избирательности. Свобода выбора партнера с необходимостью предполагает свободное расторжение брака в условиях, когда супружеские отношения складываются неудачно. Развитие экономической самостоятельности и социального равноправия женщин создает условия для расторжения брака в тех случаях, когда семья становится помехой на пути свободного саморазвития и самореализации женщины. В семье, имеющей детей, развод не означает ее ликвидацию и прекращения ее функционирования. Семья сохраняет по крайней мере одну, но важнейшую функцию — воспитание детей. Разведенные супруги перестают быть мужем и женой, но всегда остаются родителями своих детей.

Причины разводов

Э. Тийт [1980] выделяет три группы *факторов риска развода*. Первая — личностные факторы риска (индивидуально-типологические особенности супругов, опыт семейной жизни прародительской семьи, состояние соматического и нервно-психического здоровья, социально-демографические характеристики и др.). Традиционно фактором риска считается воспитание будущего супруга в неполной либо дисгармоничной семье. Причем особое значение приобретают эмоциональные нарушения супружеских и детско-родительских отношений — холодность, отвержение, дистантность, враждебность. Значительная разница в возрасте, равно как и дистанция в образовательном и социальном статусе будущих супругов, также выступают существенными факторами риска для семейной жизни.

Вторая группа факторов риска определяется историей создания семьи — условиями знакомства, особенностями предбрачного периода, мотивацией брака, первичной совместимостью супружеской пары. Стабильность брака снижается, если период знакомства оказывается слишком коротким (менее полугода) и недостаточным для познания друг друга и установления равноправных отношений, в которых партнеры учатся взаимопониманию и сотрудничеству в решении возникающих проблем. Поскольку семейные роли мужа и жены в современном обществе регламентированы значительно меньше, чем ранее, что обусловлено активным участием женщины в общественном производстве, необходимо время для предварительного согласования взглядов партнеров на семейные ценности и роли. Отметим, что в известных нам исследованиях не было выявлено существенного влияния фактора сексуальных добрачных отношений на успешность сохранения семьи или, напротив, на ее распад. Фактором риска успешности брака является добрачная беременность невесты, особенно когда супруги молоды [Гурко, 1982]. В этом случае период ухаживания сокращается и молодожены оказываются психологически, экономически и личностно не готовы к будущей семейной жизни. Когда же распадается молодая семья без детей, т.е. речь идет о только что образовавшейся семейной паре, факторами риска выступают неадекватная мотивация брака и кратковременность знакомства, не позволяющая партнерам соотнести ценностную основу заключения брака. Неадекватными мотивами брака могут быть стремление одного или обоих супругов выделиться из прародительской семьи либо с целью утверждения своего взрослого статуса, либо для того, чтобы избежать конфликтов, ссор, эмоциональной напряженности в отношениях с собственными родителями. Другим неадекватным мотивом может стать гипертрофированное желание найти покровительство и защиту у партнера, чтобы удовлетворить потребности в безопасности. Партнер в этом случае воспринимается инструментально — как гарант безопасности, и решение о заключении брака не основывается на отношениях любви и близости. Такая ситуация складывается, когда пара начинает ветре-

чаться или женится после значимой потери — смерти близкого любимого человека, только что состоявшегося развода, расставания с любимым человеком и т.д.

Третья группа факторов риска отражает неблагоприятные условия функционирования семьи. Это неблагоприятные жилищные и материально-экономические условия, низкая эффективность ролевого поведения членов семьи, депривация значимых потребностей членов семьи, девиантное поведение супругов (алкоголизм, наркомания), высокая конфликтность, сексуальная дисгармония.

Факторами, повышающими степень готовности семьи к разводам, являются урбанизация и рост мобильности трудоспособного населения, изменение места женщины в структуре профессиональной занятости общества и дальнейшая «индивидуализация» жизненной концепции, в которой целям автономного личностного роста уделяется все большее значение обоими полами [Зидер, 1997]. Либерализация отношения общества к разводам, облегчение правовых норм, регулирующих развод, — далеко не последние факторы, провоцирующие легкость принятия решения о расторжении брака.

Наряду с факторами риска развода можно говорить и о факторах толерантности, снижающих вероятность распада семьи даже в условиях проблем семейной жизни и конфликтности отношений. Наиболее существенное значение приобретает наличие в семье детей. Ребенок достаточно часто выступает как «последний аргумент» в принятии решения супругов о разводе в пользу сохранения семьи. Наличие детей снижает психологическое желание и экономическую обоснованность развода. Другим важным фактором, удерживающим супругов от развода, является неуверенность в своем экономическом положении после развода и возможности прокормить детей, обеспечить им полноценное воспитание и образование. Например, по данным И. Смелзера, уровень разводов в американских семьях снизился в период Великой депрессии 1930-х гг., что было обусловлено нехваткой рабочих мест и жилья. Напротив, работающие жены, которые оказываются в состоянии и после развода обеспечить материально себя и детей, обнаруживают большую склонность к разводу в проблемных семьях, чем женщины, не работающие или занимающиеся низкооплачиваемым трудом. Низкую готовность к разводу обнаруживают жители сельских районов, неработающие женщины и группы населения с уровнем дохода ниже прожиточного минимума [Зидер, 1997]. Известно, что именно женщина в большинстве случаев выступает инициатором развода. Общность внесемейных интересов и целей повышает устойчивость семьи к деструктивным воздействиям. И главный ресурс толерантности — безусловное сохранение симпатии, привязанности и любви к партнеру.

Говоря о причинах разводов, необходимо различать их мотивы и мотивировки. Как правило, исследователи проблемы развода апеллируют именно к мотивировкам — рефлексии супругами причин развода. Перечислим, на наш взгляд, основные.

- Утрата и недостаток любви, взаимного уважения, доверия и взаимопонимания. Поскольку основой современной семьи и заключения брака является любовь, утрата чувства любви рассматривается как достаточная причина для развода.

- Неверность супругов, супружеская измена, сексуальные отношения вне брака, ревность. Более 50% разводящихся пар обвиняли партнера в супружеской измене [Тийт, 1980]. Правда, в этом случае трудно говорить о том, являлась ли супружеская измена причиной развода или естественным следствием произошедшего ранее отчуждения супругов и фактического распада семьи. Супружеская измена посягает на любовь как основу брака, разрушает целостность семьи, затрагивая все сферы семейного функционирования; наносит ущерб Я-концепции личности, представляет угрозу самопринятию, чувству собственного достоинства обманутого супруга. Именно поэтому аффективный комплекс чувств, возникающий как реакция на супружескую измену, включает переживание ревности, обиды, одиночества, предательства, утраты стабильности и чувства безопасности (метафора «разрушенного дома»). Можно выделить следующие причины супружеской измены: новая любовь; месть за неверность супруга (по принципу око за око, зуб за зуб); невзаимность, неразделенность любви в супружеских отношениях и стремление реализовать потребность в любви с другим партнером, способным дать переживание полноты интимности отношений; гедонистический поиск новых любовных наслаждений; компенсация дефицита любви в силу ограничения супружеских отношений (хроническая болезнь, длительные командировки, вынужденная разлука); случайные обстоятельства (опьянение, «удобный случай», настойчивость сексуальных домогательств партнера и пр.). В последнем варианте измена носит разовый, нерегулярный характер. Ревность может быть определена как реакция на угрозу распада партнерства в условиях реального или мнимого соперничества. А.Н. Волкова [1989] выделяет четыре критерия классификации реакций ревности: «норма — патология»; содержательный критерий (аффективные, когнитивные и поведенческие реакции ревности); тип переживания (активные и пассивные); интенсивность переживания (глубокое сильное и умеренное) (см. табл. 6).

- Алкоголизм и неумеренное употребление спиртных напитков супругом. Как правило, такая мотивировка используется преимущественно женщинами: 58% женщин и только 29% мужчин назвали злоупотребление алкоголем причиной развода [Кутсар, 1980].

- Притязания одного из супругов на единоличное главенство, нарушение норм демократического общения в семье, авторитарный стиль руководства. Проблемы лидерства могут выступать в форме борьбы против доминирования супруга, за лидерство, «независимость», выражать протест против подчиненного положения в семье [Калмыкова, 1983]. В исследованиях А.И. Антонова [1998] было показано, что для разводящихся семей характер-

Таблица 6

**Психологическое содержание и феноменология реакций ревности
(по А.Н. Волковой)**

Критерий классификации	Виды реакций ревности	Описание реакций ревности
Норма — патология	1. Нормальные	Адекватно отражают ситуацию в условиях существования реального соперника. Сохранен самоконтроль за реакциями ревности
	2. Патологические	Искаженное отражение ситуации. Мнимость соперника. Неконтролируемость реакций ревности
Психологическое содержание реакций ревности	1. Когнитивные	Рефлексия и анализ причин измены. Проследивание генезиса и истории измены, их когнитивная атрибуция. Поиск виновного
	2. Аффективные	Эмоциональное амбивалентное переживание (отчаяние, страх, ненависть, презрение к себе и партнеру, чувство неполноценности, любовь, надежда). Паттерн эмоций определяется индивидуально-типологическими характеристиками личности
	3. Поведенческие	Типичные реакции — борьба и отказ. Борьба направлена на восстановление и стабилизацию отношений с партнером (объяснения, уговоры, просьбы, угрозы, шантаж) и на устранение соперника (вызывание жалости, сочувствия). Отказ предполагает разрыв отношений с партнером и дистанцирование от него
Тип переживания ревности	1. Активный	Поиск необходимой информации, открытое выражение чувств, активное соперничество и стремление вернуть партнера
	2. Пассивный	Отказ от анализа и рефлексии ситуации супружеской измены, открытого выражения чувств, бездействие
Интенсивность (глубина и длительность) переживания	1. Сильное и глубокое	Возникает в условиях благополучного супружества. Усиливается фактором неожиданности измены, если это происходит впервые. Возрастает при сильном страхе потерять партнера (при ненадежной привязанности и невротической любви). Усиление ревности связано со следующими личностными особенностями: инертностью, недостаточной социальной и коммуникативной компетентностью, ограниченностью круга общения и социальных контактов (одиночество), тенденцией к идеализации отношений, явно выраженным модусом «иметь» в отношениях любви (Э. Фромм), завышенной и заниженной самооценкой личности, сильной зависимостью от партнера в достижении жизненных целей (карьера, материальная обеспеченность)
	2. Умеренное	Опыт переживания супружеской измены в истории семейных отношений. Открытое раскаяние совершившего измену, подтверждение стабильности брака и исключительности партнера-супруга

на направленность на утверждение собственного единоличного главенства, в то время как для стабильных и неконфликтных типична установка на признание супруга главой семьи или признание совместного главенства.

- Несправедливое распределение домашних обязанностей, ролевая перегрузка женщин в силу трудностей совмещения производственных и семейных обязанностей. Особую значимость эта причина приобретает в семьях, где оба супруга работают, причем для жен важны профессионально-карьерные цели. Достаточно часто конфликты в семье возникают в силу отсутствия единства супругов в вопросе о том, в какой мере женщина должна посвятить себя работе, карьере и какой — семье.

- Вмешательство прародителей в семейную жизнь молодых супругов. По данным З. Розенталя, 8% разводящихся молодых супругов (стаж супружества до двух лет) в качестве причины развода указывали на вмешательство в их жизнь родителей, в то время как среди супругов со стажем семейной жизни более пяти лет — только 0,6%. Таким образом, с возрастанием семейного стажа указанная причина распада семьи теряет свою актуальность.

- Несогласованность и противоречивость взглядов на воспитание детей. Чаще всего разногласия между супругами возникают на 5—10-м году брака, т.е. с момента включения детей в общественную систему воспитания, требующего от отца более активного участия.

- Отсутствие общих увлечений и интересов супругов [Гурко, 1982]. Отсутствие общих увлечений приводит к тому, что супруги проводят досуг раздельно, тем самым увеличивая разрыв в своих интересах. Поскольку с момента рождения ребенка жена оказывается «привязана» к дому и ее возможности досуга значительно ограничиваются, возникают и усиливаются конфликты по поводу «несправедливого» распределения свободного времени между супругами.

- Несходство характеров, несовместимость взглядов и ценностей. Чертами характера партнера, вызывающими раздражение и отчуждение супругов, признаются мелочность, нечестность, легкомысленность, непрактичность, недоверчивость, неуравновешенность [Кутсар, 1980].

- Неадекватность мотивов заключения брака, психологическая неготовность супругов к вступлению в брак. Как правило, в этом случае семья распадается достаточно рано и распад часто бывает связан с идеализированными представлениями молодых людей о браке и недостаточным знанием партнера. Адекватность представлений о партнере позволяет молодым супругам эффективно построить свое общение и ролевое взаимодействие, найти путь конструктивного разрешения конфликта, выработать совместные семейные ценности, нормы и «правила семейной игры» и тем самым избежать деструкции семьи и ее распада.

- Сексуальная дисгармония супружеских отношений. Признавая безусловную необходимость обращения супружеской пары к сексологу, подчеркнем, что в подавляющем большинстве случаев в основе сексуальных

дисгармоний лежат психологические причины, разрешение которых с необходимостью требует участия психолога-консультанта.

- Насилие в семье, агрессивное поведение супруга, включающее все формы проявления агрессии от физического насилия до ворчливости и раздражительности.

- Принадлежность супруга к определенной профессии или включенность в виды деятельности, которые не могут быть приняты партнером в силу ценностных, религиозных, политических, этических и других убеждений и принципов.

- Совершение супругом уголовно наказуемого деяния, асоциальное и антисоциальное поведение.

- Неудовлетворенное желание иметь детей одним из супругов и отказ от разрешения проблемы с использованием современных методов медицинской репродуктологии или усыновления ребенка.

- Материальные, финансовые и жилищные проблемы семьи, неудовлетворенность низким/неудовлетворительным уровнем жизни.

Вероятность распада семьи и мера деструктивности воздействия развода на развитие детей определяется стадией жизненного цикла семьи, а также социальным, экономическим и этническим контекстом ее жизнедеятельности.

Минимальными относительно других стадий жизненного цикла семьи последствиями развода отличается первая стадия — «молодая пара до рождения детей». Факторами риска распада брака на этой стадии признаны продолжительность предбрачного периода (менее 6 месяцев или более 3 лет); значимые различия ценностных семейных установок; доминирование мотива выхода из прародительской семьи у одного или обоих супругов; переживание травматических событий в период ухаживания или в момент, непосредственно предшествующий или последующий за заключением брака; напряженность отношений с прародительской семьей у одного или обоих партнеров.

Значительный риск развода падает на стадию «семья с маленькими детьми». Как правило, эта стадия характеризуется снижением субъективной удовлетворенности браком, ролевой напряженностью и ролевой перегрузкой. Семья с детьми подросткового возраста также уязвима в отношении риска развода, поскольку именно на эту стадию приходится кризис «середины жизни», нередко вызывающий желание «начать жизнь с чистого листа». Развод в этом смысле представляет собой, на первый взгляд, самое легкое решение расстаться с прошлым и начать жизнь заново. Семьи пожилого возраста крайне редко принимают решение о разводе, поскольку в старости возрастает потребность во взаимопомощи и взаимной поддержке.

Периоды и фазы развода

Развод включает два периода — собственно развод и постразводный период, связанный с преодолением следствий развода и формированием новой семейной системы — неполной семьи.

В собственно разводе можно выделить три фазы: 1) обдумывание и принятие решения о разводе; 2) планирование ликвидации семейной системы; 3) сепарация. Говоря о разводе, следует отдавать себе отчет, что при ликвидации столь сложного организма, коим является семейная система, необходимо выделять такие виды развода, как развод эмоциональный, юридический, экономический и социальный. Каждый из них предполагает прекращение той или иной функции семьи.

Дадим краткую характеристику каждой фазы развода.

Стадия, предшествующая разводу, начинается с *фазы обдумывания и принятия решения* о прекращении брачно-семейных отношений как оптимальном в сложившихся условиях варианте разрешения семейного кризиса. На ее протяжении происходит нарастание деструктивности и дисгармоничности семьи. Конфронтация партнеров и ссоры становятся хроническими. Превалирует тревожность, дурное настроение, чувство разочарования, неудовлетворенности, отчуждения и охлаждения, неверия и недоверия. Снижение уровня субъективной удовлетворенности браком, чувство утраты любви приводят к возникновению холодности, враждебности и дистантности в отношениях супругов, что является индикатором начала процесса эмоционального развода. В большинстве случаев наблюдается асимметрия динамики эмоционального развода у партнеров: у кого-то чувство любви сохраняется, у кого-то угасает. Обдумывание и принятие решения о разводе одним или обоими супругами продолжается от нескольких дней до нескольких лет и основывается на осознании ими невозможности дальнейшего существования в рамках семейной системы. Конфронтация с партнером приобретает целенаправленный характер: высказываются обдуманные претензии и требования, наконец ставится вопрос о целесообразности развода. Сообщение супругом партнеру о принятом решении вызывает шок, отчаяние, чувство пустоты и хаоса, амбивалентность переживания, составляющих характерный паттерн эмоционального переживания отвергнутым партнером решения о разводе. Решение о разводе либо принимается вторым супругом сразу, либо следуют переговоры и «тайм-аут» с отсрочкой принятия окончательного решения. Одним из вариантов «цивилизованного» принятия решения о разводе является более или менее длительное раздельное проживание супругов при сохранении воспитательной и экономической функций семьи. Раздельное проживание создает благоприятные условия для эмоциональной стабилизации супругов, переоценки ими реального состояния и будущего семьи и окончательного принятия решения о дальнейшей судьбе. С момента объективирования проблемы развода эмоциональный развод приобретает все более осознанный характер и принимает форму сознательной целенаправленной реорганизации и реконструкции эмоциональных отношений между супругами.

Фаза планирования ликвидации семейной системы начинается с момента окончательного принятия решения о разводе одним или обоими супругами.

гами. Свойственные ей негативно-тревожный эмоциональный фон существования семьи, высокая эмоциональная напряженность и фрустрированность представляют серьезную угрозу для разумного выхода из кризиса. Ликвидация семейной системы связана с необходимостью изменения ролевой структуры семьи, перераспределением ее основных функций и построением нового образа жизни. Ее задачи:

- эмоциональный развод, предполагающий эмоциональную сепарацию супругов; трансформацию эмоциональной привязанности к партнеру;
- физический развод, включающий территориальную сепарацию и приводящий к раздельному проживанию бывших супругов;
- экономический развод — заключение соглашения и договоренностей о разделе имущества и жилища, о формах экономической поддержки бывшими супругами друг друга, о вкладе каждого из них в обеспечение материального благополучия детей и планировании в случае необходимости шагов по изменению места и графика работы каждым из супругов;
- социальный развод включает две задачи — реорганизацию отношений с расширенной семьей и перестройку отношений со значимым социальным окружением, общим кругом друзей и коллег. Для разрешения социального развода супруги должны информировать прародителей и других членов расширенной семьи с обеих сторон о принятом решении. Явное непринятие развода прародителями, осуждение и обвинение ими супругов, попытки «силовыми методами» добиться от них отмены решения создают фактор риска стабилизации семьи после развода. Необходимо еще на стадии планирования распада семьи выработать соглашение о формах взаимодействия и участия прародителей в будущей жизни обоих супругов после развода и воспитании детей. Другой задачей является информирование по мере необходимости друзей, знакомых, сослуживцев, администрации предприятий, где работают супруги, о принятом ими решении расторгнуть брак;
- сородительский развод предполагает достижение договоренностей между супругами об ответственности и конкретных формах опеки и участия в воспитании детей; подготовку и информирование детей о предстоящем разводе и новых условиях жизни;
- религиозный развод — согласование с религиозными канонами и получение разрешения от духовника или иерархов конфессии на расторжение брака, если один из супругов или оба верующие.

Таким образом, планирование распада семейной системы осуществляется путем переговоров о решении материальных, бытовых и имущественных проблем, связанных с прекращением функционирования семьи. Если эмоциональный развод завершен либо его динамика позитивна и отражает принятое решение о целесообразности прекращения супружеских отношений, то возможен конструктивный диалог между супругами. Если же нет и эмоциональные отношения супругов окрашены чувством обиды, гнева, враждебности, то переговоры заходят в тупик и принимают деструктивный ха-

раक्टर. Каждый стремится причинить боль другому, идея «наказания» виновной стороны доминирует, дети становятся разменной монетой в выторговывании прав и привилегий и вовлекаются в борьбу как средство давления и шантажа противной стороны по принципу цель оправдывает средства.

Завершается развод *фазой сепарации* — прекращением ведения супругами совместного хозяйства и совместного проживания. Нередко уже на этой фазе происходит физическое отделение супругов — уход в прародительскую семью или на иное место жительства. Даже если супруги продолжают жить под одной крышей, происходит раздел «хозяйства», комнат, бюджет перестает быть общим и т.д. Интенсифицируется процесс эмоционального развода — происходят аффективная переоценка характера отношений с партнером и самого партнера, дифференциация границ Яи Ты и установление новых правил и норм взаимодействия. Важным компонентом сепарация является трансформация образа «Мы», построение нового образа «Мы», «Я» и «Ты» в будущем. Подчеркнем, что даже после развода «Мы» как целостная структура сохраняется, поскольку даже тогда бывшие супруги остаются родителями своих детей, сохраняя единство «Мы как родители».

Период развода связан с юридическим оформлением нового статуса семьи, признанием прекращения действия прежних прав и обязательств супругов в связи с расторжением брака и принятием новых обязательств по сохранению родительских функций. Продолжительность этого периода определяется правовыми нормами (от 2 до 5–6 месяцев в зависимости от наличия в семье детей и добровольности решения о разводе обоими супругами). Развод — не просто проставление «штампа в паспорте» как процедура юридического оформления нового семейного статуса, но и оформление экономического разрыва, а также соглашения об участии супругов в воспитании детей. Если родители не достигают взаимного согласия о том, с кем останутся проживать дети и как будет обеспечена реализация права одинокого родителя на воспитание детей, решение принимает суд. Именно он решает, с кем из родителей останутся дети, исходя из информации об их возрасте и поле; эмоциональной привязанности к родителям и другим членам семьи; финансово-экономических условиях, которые может предоставить детям каждый из родителей, естественно при условии финансовой поддержки второго родителя; возможности реализации родителем воспитательной функции; состоянии соматического и нервно-психического здоровья родителей и их правовом статусе (Дееспособность, гражданство, административные правонарушения, нахождение под следствием или в исправительно-трудовом учреждении и пр.). В случае необходимости проводится психологическая экспертиза, заключение которой носит рекомендательный характер. Краеугольным камнем принятия решения о том, с кем останутся дети, является принцип охраны интересов психического здоровья и развития ребенка. К участию в принятии такого решения привлека-

ются органы опеки, на которые возлагается контроль его осуществления. Нередко принятие решения о реализации родительских прав затягивается на долгое время, вплоть до нескольких лет, причем его практика основана на анализе характера первичной привязанности ребенка. Обычно до подросткового возраста вопрос о том, с кем должны остаться дети, решается в пользу матери. До достижения ребенком старшего подросткового возраста не рекомендуется прямо ставить его перед выбором родителя, с которым он хотел бы остаться жить. Ради благополучия, здоровья и психического развития ребенка крайне желательно продолжать переговорный процесс между родителями до заключения добровольного соглашения, основанного на защите его прав и интересов. Участие психолога как специалиста-консультанта, способного представить и аргументировать матери и отцу ребенка возможные следствия различных вариантов решения вопроса об опеке, на этом этапе развода представляется в высшей степени целесообразным.

Как правило, на этой стадии происходит или продолжается процесс территориальной и экономической сепарации, устанавливаются новые отношения между экс-супругами.

Основное содержание *постразводного периода* составляет перестройка семейной системы и ее стабилизация. В жизни семьи он проходит три фазы: 1) послеразводную (до одного года); 2) фазу перестройки (2—3 года); 3) фазу стабилизации (2—3 года). Каждая характеризуется собственными задачами, продолжительностью, особенностями эмоциональных переживаний и типичными трудностями функционирования.

Метафора послеразводной фазы — «разрушенный дом». Все члены семьи переживают кризис, наступающий после юридического оформления развода. Семья на какое-то время может утратить способность нормально функционировать. Продолжительность этой фазы различна (от нескольких месяцев до года) в зависимости от ресурсов семьи и социальной поддержки.

Основная цель *послеразводной фазы* — построение нового стиля и образа жизни в условиях неполной семьи. Соответственно, задачами развития семьи выступают: преодоление «эмоционального дефицита» и «дефицита делового сотрудничества», возникших после ухода одного из супругов; восстановление экономического функционирования семьи, достижение финансовой и экономической компетентности разведенного супруга, позволяющей максимально сохранить или улучшить уровень прежнего, «доразводного» функционирования семьи; приобретение необходимой компетентности в воспитании детей каждым из разведенных супругов; построение новой системы социальных отношений с друзьями, коллегами, прародителями; реконструкция эго-идентичности. Развод воспринимается личностью, особенно в первый момент, как доказательство ее неполноценности, что приводит к острому переживанию ею собственной несостоятельности, неуверенности в себе, депрессии, самообвинению; формирование нового образа семьи у детей — раздельное проживание — все-таки ставит

перед ребенком задачу адаптации к новым условиям общения и сотрудничества с каждым из родителей.

Одной из серьезных задач, с которыми сталкиваются супруги после развода, является стабилизация финансово-экономического положения семьи. Финансовые трудности заставляют разведенных супругов искать сверхурочную или новую, высокооплачиваемую работу, чтобы свести бюджет в новых условиях, либо, напротив, отказаться от престижной и финансово выгодной работы, чтобы освободить время для ухода за детьми и их воспитания. В любом случае кардинальное изменение социальной ситуации развития семьи, пережившей развод, сопровождается изменением образа жизни, включающее пересмотр прежде сложившихся моделей исполнения ролей. Супруг, совместно проживающий с ребенком, должен научиться эффективно справляться с множеством ролей, ранее распределявшихся между мужем и женой таким образом, чтобы ролевая перегрузка не наносила ущерба воспитанию ребенка. Супруг, отделившийся от семьи, стоит перед задачей интенсификации общения с ребенком так, чтобы компенсировать временной недостаток общения с ребенком, неизбежный при раздельном проживании. Оба родителя должны научиться принимать и уважать друг друга как отца (мать) своего ребенка, преодолев обиду, эмоциональный негативизм и чувство мести в отношении бывшего супруга. Заключение договора о полномочном участии каждого из супругов в воспитании ребенка после развода станет надежным средством профилактики негативных его следствий как для ребенка, так и для бывших супругов.

Еще одно следствие развода состоит в переживании бывшими супругами чувства личностного краха. В большинстве случаев развод происходит по инициативе одной из сторон. Отвергнутый партнер особенно тяжело переживает решение о разводе. Инициатор развода даже при явно негативном паттерне чувств и эмоциональных проявлений, связанных с ним, сохраняет контроль над ситуацией, в то время как для отвергнутого партнера характерным переживанием является чувство бессилия, безысходности. Особенно остро переживают тревогу и страх утраты контроля над ситуацией женщины. Постразводный синдром, включающий переживание депрессии, безысходности, утраты смысла жизни, страха и отчаяния, низкой самооценки, более характерен для женщин. Мужской вариант постразводного синдрома отличается чувством одиночества, подавленности, растерянности, нарушениями сна, аппетита, обращением к алкоголю, снижением интереса к профессиональной деятельности, сексуальными расстройствами.

Необходимость оказания психологической помощи семье в послеразводной фазе диктуется:

- переживанием «двойного кризиса» — совпадением развода с другим значимым психотравмирующим событием (смерть близкого человека, уход из дома старшего ребенка, потеря работы, тяжелое хроническое заболевание близкого человека и др.);

- возрастанием потенциальной дисфункции семьи за счет резкого снижения эффективности выполнения ее членами своих ролей. Супруги не способны самостоятельно справиться с задачами реорганизации семейной системы, возникает угроза потенциальной деструкции семьи и дезадаптации. Например, переживание матерью состояния послеразводной депрессии приводит к гипопротекции в отношении ребенка не только в сфере эмоционального общения и взаимодействия с ним, но и в удовлетворении его основных витальных потребностей — ребенок не накормлен, предоставлен сам себе, испытывает недостаток ласки, тепла и внимания со стороны матери;

- проблемами в отношениях с прародительской семьей, которые усугубляются после развода. Так, одинокая мать становится мишенью обвинений со стороны собственных родителей как «безответственная», «капризная», «неуживчивая», «вздорная» и т.д. Вместо эмоциональной и деловой поддержки в прародительской семье разведенная семья сталкивается с осуждением, непониманием и открытым выражением оппозиции: «Вы не спросили нас, когда решили пожениться, не посоветовались, когда разводились, — теперь не ждите от нас помощи в решении своих проблем!» Прародительская семья обеспечивает необходимые ресурсы и поддержку для решения задач перестройки семейной системы. Возрастание проблемности и конфликтности между прародителями и членами разведенной семьи с необходимостью требует помощи и участия третьих лиц.

Основными задачами психологической помощи супругам на этой фазе являются следующие: уничтожить образ «невосполнимой утраты»; стабилизировать эмоциональное состояние супругов, помочь им преодолеть чувство тревоги, страха, безысходности; обрести чувство финансовой и экономической самостоятельности; помочь принять ответственность за благополучие себя и детей; обеспечить эффективное распределение семейных ролей с привлечением ресурсов прародительской семьи, согласовать взаимные ролевые ожидания супругов, включая роли бабушки и дедушки.

Фаза перестройки является поворотной в развитии отношений бывших супругов. Завершается их эмоциональный развод, предполагающий трансформацию эмоциональной связи в сторону устойчивого доброжелательного/нейтрального отношения к бывшему супругу. Вместе с тем могут наблюдаться резкие колебания эмоционального статуса разведенных супругов — от депрессии к необоснованной эйфории. Нередко переживание отверженности и эмоциональной пустоты толкает экс-супруга на немедленный поиск нового объекта привязанности. Лихорадочное стремление как можно скорее «залечить раны» и обрести душевное спокойствие представляет собой компенсаторную реакцию личности на утрату и направленность на ее восполнение. Здесь прослеживаются два сценария развития событий. В первом случае активность направляется на поиск партнера как заместителя супруга в отношениях любви. Во втором зоной поиска объекта привязанности становятся детско-родительские отношения. Родитель переносит на ребен-

ка всю нерастрченную силу своей любви, делая ребенка ее заложником. С психологической точки зрения такая стратегия преодоления кризисной ситуации постразвода является неэффективной, поскольку окончательного разрыва с прежним объектом привязанности еще не произошло. Браки, заключенные на этой стадии, достаточно часто также завершаются разводом, поскольку основным мотивом здесь оказывается стремление восстановить эго-идентичность или обрести чувство безопасности. Партнер же рассматривается инструментально, отношение к нему как к уникальной и самоценной личности отсутствует. Женятся в этих случаях обычно мужчины, поскольку женщина остается с ребенком, что создает ей значительные трудности при повторном браке. По статистике около 65% мужчин женятся повторно в течение пяти лет после развода. Настойчивое стремление разведенных супругов, в первую очередь женщин, во что бы то ни стало найти нового партнера, выйти замуж, создать новую семью отражает желание компенсировать утрату и на этой основе реинтегрировать свою личностную идентичность. Для профилактики поспешных и необоснованных решений о заключении повторного брака необходимо работать над расширением системы социальных и межличностных связей разведенных супругов с тем, чтобы обеспечить эмоциональную поддержку, сопереживание и понимание.

На этой же фазе происходят стабилизация финансово-экономического положения семьи, приспособление к новому уровню доходов и изменение стили жизни семьи в соответствии с ним.

В сфере детско-родительских отношений фаза перестройки характеризуется изменением системы семейного воспитания с учетом новых реалий жизни семьи — трудовой занятостью матери и снижением меры участия отца в процессе воспитания. Изменения в семейном воспитании могут происходить по типу возрастания гипопротекции и повышенной моральной ответственности. Нередко наблюдаются возрастание требований к ребенку, предоставление ему большей самостоятельности. На фоне объективного возрастания автономии ребенка в деловом сотрудничестве зачастую происходит усиление эмоционального симбиоза ребенка и матери, стремящейся «привязать» его к себе и видящей в общении с ним единственный источник эмоциональной поддержки. В таких случаях мать пытается ограничить общение ребенка со сверстниками и его право на самостоятельный выбор друзей. В подростковом возрасте это чревато бунтом, протестом, выраженными реакциями эмансипации, символическим (а иногда и реальным) уходом из дома. Часто для подростков развод родителей воспринимается как крах идеала романтической любви. В случае ненадежной привязанности подростковый кризис может получить разрешение в обращении подростка к сексуальным отношениям, в которых партнер рассматривается в первую очередь как источник чувства безопасности и эмоциональной поддержки.

Интервенция с целью оказания психологической помощи супругам необходима при усугублении дисфункциональности семьи, связанной с пробле-

мами воспитания ребенка, распределением ролей и обязанностей в неполной семье, установлением кооперативных отношений с прародительскими семьями и включением бабушек и дедушек в процесс воспитания. Важной задачей психологической работы с разведенными супругами становится помощь в реинтеграции и развитии позитивной личностной идентичности.

Перечислим основные направления оказания психологической помощи семье на этой фазе.

1. Помощь в построении нового образа семьи и семейной структуры. Стратегия психологической работы вырабатывается, исходя из того, что личности необходимо осознать и почувствовать свою способность справиться с ситуацией. Однако фокусирование психологической работы на оказании эмоциональной поддержки, по мнению ряда психотерапевтов, может привести к формированию зависимости от психолога-консультанта. Поэтому акцент должен был перенесен на задачи планирования образа жизни семьи и создания ролевой структуры новой, неполной семьи. Специфической особенностью неполной семьи является ролевая перегруженность матери и, в силу необходимости оказания ей помощи, усиление значения бабушки. Крайне важной становится задача разграничения ролевых обязанностей матери и бабушки. Например, очевиден вопрос, кто будет сидеть с ребенком, мать которого занята на работе. Обычно на помощь приходит бабушка. Роль ее в случае неполной семьи приобретает особую значимость и во многом определяет дальнейшую судьбу семьи. Плохо, когда бабушка полностью замещает работающую мать, стремясь быть максимально полезной семье. В результате мать оказывается лишенной и супружеской, и материнской роли, утрачивает возможность для реконструкции эго-идентичности. Если бабушка играет в неполной семье значительную роль, то привлечение ее к участию в психологическом консультировании становится не просто желательным, а жизненно необходимым.

2. Восстановление и амплификация реабилитационного ресурса сети социальных связей и отношений семьи. Разведенному супругу необходимо укреплять отношения со сверстниками и друзьями каждого из супругов. Как правило, в браке у супругов формируется круг общих друзей, в который включены как прежние друзья каждого из супругов, так и их общие знакомые. Нередко после развода супруги отказываются от прежних друзей, мотивируя это остротой воспоминаний о прежней семейной жизни, боязнью осуждения и отвержения в пользу бывшего супруга. Могут быть востребованы разные стратегии, например стратегия самоизоляции из-за боязни социального осуждения или стратегия избыточного поверхностного общения, мотивированного страхом и неуверенностью в собственных возможностях осмыслить новую ситуацию. Разведенный супруг должен быть максимально инициативен в активизации уже имеющихся дружеских связей и в создании новых. Тем более что в случае развода друзья часто избегают навязывать свое общение, опасаясь причинить боль. Разведенным

супругам желательно не замыкаться в пределах общества близких друзей, а иметь широкий круг социальных контактов.

Для супругов, переживших развод, важно сохранить возможность социальных контактов с общими друзьями. Между ними должна быть достигнута договоренность о том, что оба в равной степени могут получать поддержку друзей. Для обеспечения такой возможности бывшим супругам следует руководствоваться определенными правилами: не создавать объединенного фронта с друзьями против экс-супруга; не искажать образ супруга, не приписывать ему слабости и недостатки, а напротив, утверждать его достоинства; не использовать социальные контакты для сбора информации о супруге, не допускать манипулирования супругом, даже преследуя благородные цели.

В случае дефицита дружеских связей функцию эмоциональной и социальной поддержки осуществляет психолог, который одновременно вместе с клиентом предпринимает шаги по созданию сети социальной поддержки. Примером тому могут служить клубы разведенных семей.

Эмоциональную поддержку и мужчина, и женщина, как правило, ищут в обществе женщин как более эмпатийных и склонных к заботе партнеров. Это одинаковое стремление, тем не менее, имеет разные следствия. Для женщин общение с подругами приводит к стабилизации эмоционального состояния и укреплению Я. У мужчин весьма вероятным исходом становятся опредмечивание потребности в объекте привязанности в женщине-друге и развитие романтических отношений.

3. Формирование нового образа семьи у детей. Основная проблема развода для ребенка — сепарация с эмоционально значимым родителем, страх потерять его любовь и заботу, чувство потери безопасности. Не менее важной для постразводной стадии становится задача формирования новой системы отношений с родителями. Страх и тревога ребенка усиливаются в тех случаях, когда взрослые оставляют его в неведении или табуируют тему развода. Психологические рекомендации по формированию нового образа семьи у ребенка могут быть сформулированы следующим образом:

- нельзя скрывать от ребенка ситуацию развода, «тайна» и отсутствие информации многократно усиливают тревогу;
- необходимо сообщить ребенку в четкой и ясной форме, что оба родителя остаются для него любящими мамой и папой, они всегда будут рядом с ним и заботиться о нем;
- сообщать о разводе должны оба родителя — ребенок должен быть уверен в своей ценности для обоих и отсутствии между ними разногласий в том, как будут строиться их отношения с ним после развода;
- нельзя ставить перед ребенком вопрос, с кем он будет жить, вплоть до старшего подросткового возраста. Если в семье не один, а двое или трое детей, то родители часто начинают их «делить». Общих правил в отношении того, с кем останется ребенок, нет, но принимаются во внимание следующие

щие обстоятельства. Во-первых, степень привязанности сиблингов друг к другу. Если разлучают братьев и сестер, привязанных друг к другу, то второе событие может оказать еще более психотравмирующее воздействие, чем сам развод. Необходимо принять во внимание планы каждого из родителей. Если кто-то из них предполагает создать новую семью, то решать вопрос о том, с кем останутся дети, необходимо всем вместе, включая потенциальных отчима и мачеху. И, конечно, как указывалось выше, первоочередное значение имеет степень привязанности ребенка к родителям. Безусловная любовь матери и привязанность к ней ребенка заведомо перевешивают на чаше весов материальный достаток и экономическое благополучие отца. Материальные условия можно создать разовым усилием — любовь и чувство безопасности нужны как воздух ежедневно и каждую секунду;

- необходимо предоставить ребенку возможность свободно обсуждать проблему развода с каждым из родителей, пока у него существует потребность в этом;

- желательно не изменять образ жизни самого ребенка. Например, после развода лучше оставлять ребенка в том же детском саду или школе. Это важно, поскольку позволяет сохранить прежний круг общения и интересов ребенка. В результате развода тип семейного воспитания может трансформироваться из гиперопекающего в гипопротекцию. Общение со сверстниками компенсирует недостаток общения и эмоциональной поддержки.

4. Оптимизация детско-родительских отношений. Достаточно часто развод влечет за собой изменение типа семейного воспитания в сторону гипопротекции, повышенной моральной ответственности, возрастания неустойчивости и противоречивости воспитания. В этом случае возникает необходимость коррекции типа семейного воспитания в сторону более близкого и равноправного общения и сотрудничества. Другим видом искажения детско-родительских отношений может стать максимальное сближение ребенка и родителя по типу эмоционального «слипания», симбиоза матери и ребенка. Так, недифференцированность личностных границ матери и дочери-подростка представляет собой искажение детско-родительских отношений, приводящее к трудности личностного самоопределения. Мать может проецировать на сына ожидания любви, тепла и принятия, компенсирующие потерю супруга. Стремление ограничить независимость и самостоятельность подростка часто приводит к бунту, протесту и разрыву отношений.

Завершающей фазой послеразводного периода является *фаза стабилизации*. На этом этапе проблемы перестройки семьи успешно преодолены, между бывшими супругами устанавливаются равные партнерские отношения, становится возможным их эффективное сотрудничество в воспитании детей. Теперь можно подумать о заключении нового брачного союза — в прошлом остаются обиды распавшегося брака, теряют свою актуальность мотивы «мести» бывшему супругу. Открытость социальным контактам и

коммуникации, преодоление тревоги, связанной с боязнью новых близких отношений и неудач, создают хорошие «стартовые условия» для образования новой гармоничной семьи. К сожалению, следует констатировать, что повторный брак — удел лишь немногих разведенных женщин. Российская статистика неумолимо свидетельствует о том, что повторный брак разведенной женщины, имеющей детей, — скорее исключение, чем правило. Для мужчин повторное создание семьи оказывается несравненно более легкой задачей. Простота ее решения уравнивается для мужчин риском одиночества после развода: ведь женщина остается «одиноким матерью», а мужчина — просто одиноким человеком. Психологическим критерием стабилизации семьи после развода является готовность бывших супругов принять прошлое, признать счастливые моменты своего брака и выразить благодарность партнеру за все хорошее, что им довелось пережить вместе.

Задачами психологической работы с семьей на этой фазе становятся формирование нового образа идеальной семьи после развода, помощь в распределении ролей в семье с тем, чтобы исключить ролевою перегрузку матери за счет использования всего потенциала широкой социальной поддержки как расширенной семьи, так и друзей.

А. Маслоу рассматривает развод как сложный процесс перестройки прежних семейных отношений и выделяет семь основных его стадий: 1) эмоциональный развод (крах иллюзий в супружеской жизни, неудовлетворенность браком, рост отчуждения, страх и отчаяние, утрата чувства любви); 2) время размышлений и отчаяния перед разводом (шок, боль, страх перед будущим, попытки вернуть партнера и прежние отношения любви); 3) юридический развод (юридическое оформление развода, депрессия, попытки суицида, угрозы); 4) экономический развод (налаживание экономических, финансовых, хозяйственно-бытовых отношений в условиях реалий прекращения прежних брачно-семейных отношений); 5) установление баланса между родительскими обязанностями и правом на опеку; 6) самоисследование и установление нового внутриличностного, межличностного и социального баланса (одиночество и поиск новых друзей, печаль и оптимизм, противоречивость чувств, формирование нового стиля жизни, определение нового круга обязанностей для членов семьи); 7) психологический развод знаменует восстановление уверенности в себе, самооценности и личностной автономии, поиск новых объектов любви и готовность к длительным отношениям.

Дети и развод: особенности реагирования, переживания, преодоления негативных последствий развода

Данные исследований позволяют утверждать, что дисгармоничные отношения в распадающейся семье, конфликты и ссоры супругов, предшествующие разводу, оказываются важным фактором, влияющим на успешность преодоления детьми его последствий. Возрастание числа проблем и реак-

ций дезадаптации детей констатируется во враждебной конфликтной семье как до развода, так и длительное время после него [Block et al., 1986]. Иными словами, если вы хотите причинить меньше зла своим детям и ваш брак распался, — расставайтесь с супругом красиво. Типичной поведенческой реакцией детей младшего школьного возраста и подростков на развод является непослушание, негативизм, бунт, протест, антисоциальное поведение.

Э.М. Хетерингтон и В.Г. Клингемпел сравнивали на протяжении 26 месяцев три группы детей — из обычных семей, из разведенных и из семей, заключивших повторный брак [Hetherington, Clingempel, 1992]. Было обнаружено, что дети в семьях, не переживших семейный кризис (развод и повторный брак), отличались большей компетентностью и наименьшим числом поведенческих проблем по сравнению с другими группами. Гармоничный тип воспитания во всех группах обеспечивал лучшие показатели социальной адаптации ребенка.

В другом исследовании [Wallerstein, Kelly, 1980] на протяжении пяти лет изучалось влияние развода на развитие детей трехлетнего возраста. Было показано, что главные факторы, определяющие успешность преодоления ситуации развода, — это качество жизни семьи в постразводный период и характер отношений ребенка с матерью. Тем не менее почти 40% детей обнаруживали явные или умеренные признаки депрессии вследствие прерывания отношений с отцом, особенно если ранее была сформирована эмоциональная к нему привязанность. Другим симптомом реакции на сепарацию с отцом были признаки возрастного регресса. Тендерные различия состояли в том, что девочки первоначально выявили более выраженные реакции дистресса, чем мальчики, но динамика адаптации у них была более благоприятна.

Исследование особенностей реагирования детей дошкольного возраста на развод показало, что дошкольники из разведенных семей испытывали существенные трудности на протяжении года после развода, но на втором году их показатели эмоционального статуса и личностного развития оказались благополучнее, чем у детей из дисгармоничных семей [Hetherington, 1979]. Первые два года после развода у дошкольников наблюдалась неблагоприятная симптоматика нарушений эмоционально-личностного развития, затем происходила оптимизация, и через 3–4 года при благоприятных условиях воспитания не наблюдалось никаких признаков перенесенной психологической травмы.

Факторами, влияющими на успешность адаптации детей 3–6 лет к разводу, оказались тип семейного воспитания и родительства, характер общения с отцом, особенности взаимоотношений разведенных супругов, информированность ребенка о разводе. Так, авторитетное родительство, эмоциональное принятие ребенка, забота и внимание родителя, общение и совместная деятельность с ним способствовали успешному преодолению ребенком ситуации развода. Возможность беспрепятственных встреч и об-

щения с отцом, уверенность в его любви и расположении явились важным условием стабилизации эмоционального состояния ребенка. Напротив, конфликты и ссоры между родителями, агрессивное поведение, выяснение отношений, взаимные угрозы, вовлечение ребенка в сферу противостояния и борьбы, использование детей как средства шантажа, давления и запугивания бывшего супруга самым негативным образом сказывались на нервно-психическом здоровье ребенка и его эмоционально-личностном развитии. Положительное воздействие на успешность преодоления детьми психологической травмы развода оказывало открытое обсуждение с ними ситуации развода. Табуирование темы развода, уход от «лишних» вопросов, равно как и обвинения в адрес второго родителя, приводили к вытеснению и подавлению значимой для ребенка проблемы и в конечном счете к невротизации и искажению его личностного развития.

Результаты работы Д. Баумринд изучавшей особенности реагирования и переживания детьми и подростками развода родителей [Baumrind, 1991], позволили выделить следующие факторы, влияющие на характер переживания детьми развода: пол родителя, пол и возраст ребенка, особенности поведения родителей в постразводный период.

Пол родителя, с которым остается жить ребенок, оказывает влияние на эффективность преодоления ситуации развода. Значительно большее число поведенческих проблем констатировалось в случае, когда дети оставались в семье с родителем противоположного пола. Например, мальчики испытывали больше трудностей, чем девочки, если после развода оставались с матерью. Отношения мать—сын после развода складываются наиболее сложно, возможно из-за проекции на сына негативных качеств отца—виновника распада семьи, или чувства вины, которое неосознанно принимает на себя сын, идентифицируя себя с отцом, или чувства солидарности с отцом и негативной установки в отношении матери как виновницы разрушения семьи. Аналогично девочки тяжелее переживали развод, чем мальчики, если оставались жить с отцом. Однако в семьях с подростками, независимо от их пола, всегда резко возрастало количество проблем, если дети оставались жить с отцом. Возможным объяснением тому является предположение, что в силу большей загруженности отец менее контролирует поведение детей, чем мать, а это приводит к росту поведенческих проблем.

Влияние *пола и возраста ребенка* на характер переживания развода и адаптацию к его следствиям находит выражение в следующих тенденциях. Дети всех возрастов реагируют резким всплеском поведенческих проблем на развод родителей. Однако характер, выраженность, степень дезадаптивности реакции имеют возрастную специфику. В младенческом возрасте такое влияние неблагоприятно и сказывается опосредованно через ухудшение социальной ситуации развития, качества материнской заботы, эмоционального состояния матери. У младших школьников менее заметна негативная симптоматика — успеваемость, дисциплина, — но эти последст-

вия более стабильны. Максимально неблагоприятно указанное влияние в подростковом возрасте, хотя у подростка уже есть ресурсы для самостоятельного переосмысления ситуации. Очень тяжело, когда дети сами взрослые, — развод родителей воспринимается ими как утрата стабильности мира. И повторные браки родителей тоже, даже после вдовства.

Итак, самыми уязвимыми оказываются дети предподросткового и младшего подросткового возраста. Наименьшую толерантность к ситуации развода обнаруживают мальчики предподросткового возраста. Девочки того же возраста адаптируются значительно быстрее. Однако чем старше дети, тем более совершенными стратегиями совладания с трудной ситуацией они владеют. Старшие подростки компенсируют проблемы сепарации, дефицита любви, принятия и интимности отношений с родителями в общении с друзьями, старшими товарищами, наставниками. Младшие, будучи ограничены в возможности получения поддержки вне семьи, испытывают серьезные эмоциональные проблемы. Очень часто для подростков развод родителей становится причиной крушения идеала романтической любви, следствием чего бывает уход подростка в собственные сексуальные — без любви — отношения.

Долговременные последствия развода для психического развития ребенка зависят от *поведения матери и отца*. На эффективности переживания детьми развода оказывают влияние эмоциональная стабильность родителя, с которым ребенок остался жить; возможность сохранения полноценного общения с родителем, покинувшим семью; характер отношений между бывшими супругами — родителями ребенка. Как правило, после развода дети оказываются с матерью, испытывающей стресс из-за бремени ответственности и ролевой перегруженности, умноженный на эмоциональный дистресс и чувство личностной несостоятельности. После развода матери часто меняются на глазах у детей — становятся возбужденными, напряженными, амбивалентными, неустойчивыми в своих эмоциональных проявлениях, склонными к тревоге, страхам, обвинениям, агрессии и пр. Нехватка времени приводит к росту требовательности к самостоятельности ребенка, который, как и мать, находится в состоянии эмоционального дистресса; изменению воспитательного стиля родителя в сторону большей авторитарности, директивности, жесткости, непоследовательности. Эмоциональная поддержка, общение, проявления любви и заботы становятся все реже, в результате ребенок переживает чувство отверженности, одиночества, тревоги, собственной никчемности. Пытаясь вернуть внимание матери, ребенок прибегает к социальным провокациям, его поведение еще более выходит за границы дозволенного, мать усиливает нажим, давление, использует силовые методы — и развитие отношений происходит по принципу порочного замкнутого круга.

Наличие братьев и сестер в семье неоднозначно влияет на характер совладания с трудной Жизненной ситуацией. Сиблинги могут усилить конкуренцию за «тающую родительскую любовь» и тем самым еще более деста-

билизировать семейную жизнь. Ситуация соперничества и конфронтации сиблингов в разведенной семье более характерна для мальчиков. Альтернативой соперничеству сиблингов может стать ситуация возрастания их сплоченности и близости, когда братья и сестры ищут эмоциональной поддержки друг у друга.

Неполная семья, образовавшаяся после развода, представляет фактор риска для развития личности. Влияние неполной семьи зависит от осмысления родителем ее значения и от аффективной окраски переживания этого факта. Отсутствие отца в семье может стать причиной формирования у ребенка искаженной Я-концепции, низкой самооценки и самопринятия, низкого или завышенного уровня притязаний, неадекватной полоролевой идентификации, высокого уровня тревожности, предрасположенности к неврозам, страхам, застенчивости и тревожности в отношениях со сверстниками, чувству неуверенности и личностной недостаточности, наконец вызвать трудности при создании собственной семьи. Вместе с тем подобный мрачный прогноз далеко не всегда становится реальностью. Позиция отца и матери, их умение сотрудничать после развода в значительной степени определяют благополучие развития ребенка в неполной семье. Родителю, проживающему отдельно, необходимо предоставить возможность равноправного участия в воспитании и полноценного общения и сотрудничества с ребенком. Ограничениями для такого общения могут быть лишь асоциальное поведение родителя, склонность к алкоголизму, высокая конфликтность, действия, представляющие угрозу физической, личностной и психологической безопасности ребенка.

Позитивное развитие ребенка в неполной семье определяется рядом факторов:

- Хорошее функционирование родителя. Алtruистическое самопожертвование матери — пренебрежение ею своими интересами, счастьем и благополучием ради ребенка, — как правило, не порождает ответной готовности у ребенка и не делает его счастливым, поскольку подобная позиция находит выражение в искажении воспитания по типу потворствования и провоцирует искажение личностного развития ребенка, приводит к росту конфликтов и конфронтации в подростковом возрасте, в период автономизации ребенка. З. Матейчек писал о том, что для того, чтобы ребенок был счастлив, родитель тоже должен быть счастлив.

- Родители в неполной семье должны сохранять позитивные отношения и возможность сотрудничества в области воспитания ребенка хотя бы на паритетных началах. Категорически должны быть исключены любые попытки искажения образа экс-супруга, нельзя уходить от разговоров об отце и избегать упоминаний о нем. Родителям необходимо работать над завершением эмоционального развода с тем, чтобы можно было открыто сказать друг другу: «Мы больше не супруги, но мы по-прежнему остаемся вместе как мать и отец нашего ребенка. Он нуждается в нас обоих, а мы —

в нем. Значит, мы нужны друг другу. У нас общие радости и общие горести. У нас общие интересы, и мы должны научиться работать вместе ради нашего ребенка».

- Необходимо расширять круг общения ребенка: Нужно создать условия для опробования и реализации его интересов — в клубах, кружках, секциях.

- Нельзя превращать ребенка в предмет торговли, в средство манипулирования супругом. Часто родители пытаются купить любовь ребенка (подарки, блага и т.д.). Как правило, если отцу не были предоставлены возможности для общения с сыном, он пробует завоевать его доверие и расположение «обходными путями» — игрушками, сладостями, развлечениями, подарками, поездками и пр. Сообразив, что родители конкурируют за его симпатию, ребенок примет предложенную стратегию поведения и начнет сам спекулировать на чувствах родителей. Крайне неблагоприятная ситуация складывается в тех случаях, когда «война за ребенка» продолжается и после развода, принимая крайние формы вплоть до похищения. Профилактикой невротизации и нарушений личностного развития ребенка должна стать психологическая работа с родителями, направленная на решение двух задач — создания условий для благополучного завершения эмоционального развода супругов и формирования умения сотрудничать в решении задач воспитания ребенка.

§ 2. Повторный брак

Семья, образующаяся в повторном браке, характеризуется более сложной картиной развития, чем семья первого брака. В случае повторного брака пересекаются две линии развития семьи. Первая — последовательность стадий жизненного цикла семьи, обусловленных реализацией воспитательной функции и возрастом членов семьи. Вторая — специфические для повторного брака этапы развития: сепарации/развода; неполной семьи; ухаживания и повторного брака [Браун, Кристенсен, 2001].

С. Кратохвил [1991] выделяет следующие типы повторных браков: 1) брак, где один из супругов ранее состоял в браке, а второй не состоял; обычно это брак разведенного мужчины со свободной и значительно более молодой женщиной; 2) брак разведенных супругов, прежде состоявших в браке; как правило, это брак разведенного мужчины, дети которого остались с матерью, на разведенной женщине с ребенком или несколькими детьми; 3) брак, в котором участвуют вдовцы или вдовы.

Каждый из перечисленных типов брака имеет свои отличительные особенности и проблемы. В исторической ретроспективе преобладали браки с участием вдов и вдовцов по типу брак — смерть супруга/супруги — повторный брак. В современном обществе большая часть повторных браков строится по принципу брак — развод — повторный брак. Повторные браки ус-

ловно можно разделить на две группы: те, в которые вступают партнеры, не имеющие детей от предшествующих браков, и те, в которых у одного или обоих супругов есть дети от предшествовавших браков. В последнем случае говорят о воссозданных, или смешанных, семьях. Именно смешанные семьи, включающие такие роли, как отчим, мачеха, пасынок, падчерица, испытывают наибольшие трудности при формировании новой семейной системы. Принципиальное различие между браком, в котором один или оба супруга разведены, и браком вдовцов состоит в том, что бывший партнер по браку, являющийся отцом/матерью детей, жив. Особенно острая проблема установления адекватной системы отношений между родителем, проживающим без детей, и новой семьей возникает тогда, когда новый супруг претендует на активную реализацию своей роли отчима или мачехи и пытается конкурировать с бывшим супругом. Обычно требуют психологического консультирования и сопровождения случаи, когда новый супруг принимает решение юридически оформить опекунство (усыновление/удочерение) ребенка, тем самым «подводя черту» под историей первого брака.

Задачи повторного брака, определяющиеся основной целью создать условия объединения трех и более семей для образования новой семейной системы, таковы: 1) определение новых границ семейной системы, состава семьи, правил и норм взаимодействия; 2) создание новой ролевой структуры семьи с учетом прежнего опыта главенства, распределения ролей и осуществления функций контроля; 3) формирование нового семейного самосознания, семейной культуры и семейной истории.

История брака первого типа (разведенный мужчина — молодая свободная женщина), как правило, предполагает любовную связь будущих супругов, ставшую причиной или поводом распада прежней семьи. Генезис новой семьи, соответственно, сопровождается переживанием чувства вины различной интенсивности у обоих или одного супруга; разлуки и тоски по общению с детьми, обновления и радости освобождения от «двойной жизни» (чувство «начала новой жизни») у мужа; доверия и делегирования ответственности за благополучие семьи у жены. Достаточно часто отношения между супругами строятся по принципу ролевого взаимодействия муж—«родитель» — жена—«ребенок». Основные проблемы новой семьи связаны с реализацией супругом роли отца и необходимостью материальной поддержки детей в старой семье, что может существенно влиять на уровень жизни в новом браке. Чувство вины и неразрешенность эмоционального развода супруга, сохранение старой эмоциональной привязанности могут стать источником конфликтов, ревности, спровоцировать супружеские измены.

По-иному разворачивается сценарий семейной жизни в случаях, когда знакомство с будущей супругой и время ухаживания приходятся на период после развода. Факторами благополучия здесь выступают отсутствие чувства общей вины у супругов за крах старого брака и возрастание вероятности формирования партнерских отношений с прежней семьей в реше-

нии вопросов воспитания детей. Факторы риска — поспешность заключения нового брака без должного познания партнерами друг друга и установления подлинной интимности межличностных отношений, а также неадекватная гипертрофия мотива самоутверждения разведенного супруга посредством заключения нового брака.

Вероятность стабильности и устойчивости брака первого типа возрастает в том случае, когда в старом браке детей в семье не было. Вместе с тем во всех трех перечисленных вариантах жизнестойкость и судьба повторного брака определяются доброй волей супругов, их готовностью работать на благо нового союза, социальной и коммуникативной компетентностью и личностной зрелостью.

Повторный брак второго типа (разведенный мужчина — разведенная женщина, имеющая детей) основывается на неудачном опыте супружеской жизни обоих партнеров. В этом слабость и одновременно сила нового брачного союза. Слабость в том, что «приданым» обоих супругов являются разочарование, несбывшиеся надежды, ригидные и неэффективные модели ролевого супружеского поведения, деструктивные способы разрешения конфликтов. Сила — в надеждах, рациональности, большей толерантности и готовности пойти навстречу партнеру в решении проблем. Ключевым моментом здесь оказывается установление отношений отчима и детей от первого брака жены. Полноценное включение супруга в процесс воспитания детей при сохранении роли родного отца является одной из наиболее сложных проблем новой семьи. Однако без решения этой проблемы в условиях отстранения и дистанцирования нового супруга от детей по принципу «твои дети — ты их и воспитывай» новый брак оказывается нежизнеспособным и обреченным на распад. Нередко супруги связывают надежды на укрепление семьи и упрочение детско-родительских отношений с рождением общего ребенка. Однако его рождение часто приводит к противостоянию в семье и эскалации конфликта по поводу детей.

Отношение детей к повторному браку родителей

Трудности установления отношений детей с новыми супругами родителей определяются сохранением старой эмоциональной привязанности к родителю, проживающему отдельно и чувством ревности к новому супругу, претендующему на любовь и внимание родителя, заключившего повторный брак. Если в повторном браке есть дети с обеих сторон, то трудности взаимной адаптации членов смешанной семьи усугубляются конкуренцией между сиблингами, принадлежащими к различным «кланам». Прежние методы воспитания детей, пригодные в «старой» семье, оказываются недейственными в новой смешанной. Исследователи отмечают, что с наибольшими трудностями сталкиваются мачехи, поскольку именно на них возлагается роль ответственного за воспитание детей [Крайг, 2000]. Расхожие стереотипы «злой мачехи» и «преследуемой падчерицы/пасынка» не

добавляют оптимизма членам смешанной семьи, а напротив, усиливают тенденцию формирования коалиций и противоборства в семье. Тем не менее опыт смешанных семей убедительно свидетельствует о том, что период формирования новой семейной системы и взаимной адаптации членов смешанной семьи завершается успешно, если на то будут добрая воля, старания и терпимость их всех. Однако супруги должны отдавать себе отчет, что отчим или мачеха займут в сердце ребенка иное, не то, что биологический родитель, место даже при условии, что они будут заботливее, внимательнее и самоотверженнее, чем его родной отец или мать.

Отношение детей к повторному браку определяется возрастом детей, их полом, историей семьи, отношениями с родителем, который вступает в брак, совместностью проживания с ним, типом семейного воспитания, реализуемым в семье [Baumrind, 1991].

Возраст детей. Самая высокая адаптивность к новому браку у детей раннего и дошкольного возраста, самая низкая — в предподростковом и младшем подростковом возрасте. Младшие дети легче формируют привязанность к новому члену семьи, получая явные преимущества от общения с новым компетентным взрослым. Младшие подростки, напротив, чрезмерно чувствительны к попыткам отчима или мачехи выполнять воспитательную родительскую функцию, бурно протестуют против их требований. Неприязнь к «чужому», конкурирующему за любовь и внимание матери или отца, прежде нераздельно принадлежавших ребенку, усугубляется протестом против попыток ограничить их самостоятельность и независимость, игнорируя нарождающееся чувство взрослости. Старшие подростки относятся к новому браку толерантно — дистанцирование от родителей, связанное с повторным браком, в целом отвечает их направленности на автономизацию от семьи. Принятие и поощрение автономии подростков становится платой за мир в новой семье. Кроме того, у старших подростков есть собственные ресурсы эмоциональной поддержки и преодоления стоящей перед ними проблемы — близкие друзья, романтические отношения с противоположным полом. Первая негативная эмоциональная реакция подростка на известие о браке сменяется удовлетворенностью своим новым, более самостоятельным и независимым положением в семье. Юноши и старшие подростки в силу большей социальной и личностной зрелости оказываются способны децентрироваться и занять позицию понимания и сопереживания родителю, преодолев первичное чувство ревности и недовольства.

Пол ребенка. Было обнаружено, что девочки хуже адаптируются к повторному браку, чем мальчики [Baumrind, 1991]. Наблюдается противостояние и сопротивление перестройке семьи с включением в нее отчима/мачехи и даже развитие антагонистических отношений. Испытываемая ребенком ревность матери к отчиму часто обращается в ненависть и презрение к самой матери в форме демонстративного отказа принимать родителей, изоляции и ухода из семьи. Повторный брак отца девочки, вводя-

щего в семью мачеху, — хрестоматийный пример актуализации комплекса Электры, многократно описанный в народном фольклоре и волшебных сказках Ш. Перро.

Мальчики легче адаптируются к включению в семью отчима, находя в нем старшего товарища, друга, защитника и нередко образец для подражания. С учетом того, что в неполной семье после развода отношения матери с сыном складываются труднее, чем отношения матери с дочерью, сын может найти в отчине посредника между собой и матерью, в то время как девочкой отчим воспринимается как помеха и конкурент в ее с ней отношениях [Netherington, 1989].

История семьи. Отношение детей к супругу родителя в значительной степени определяется генезисом неполной семьи. Материнская семья — наиболее благоприятный вариант для повторного брака. Ребенок, рожденный вне брака, как правило, даже в условиях амбивалентного отношения к отчиму приветствует создание полной семьи. Если развод произошел достаточно давно, семья сумела пережить его последствия и вышла в своем развитии в фазу стабилизации, то адаптация детей к новому члену семьи, принимающему на себя функции родителя, происходит достаточно благополучно. Трудно проходит перестройка ролевой структуры семьи в тех случаях, когда развод психологически еще не завершен и сохраняется сильная эмоциональная зависимость бывших членов семьи друг от друга. Если повторному браку предшествовала утрата родителя, то характер отношений также будет определяться стадией переживания ребенком горя и типом привязанности к родителю. Однако не следует обманываться и строить иллюзии в отношении благополучного будущего развития отношений ребенка с отчимом или мачехой, если повторный брак заключен на начальных стадиях переживания ребенком утраты. В отношениях с новым родителем ребенок может стремиться к компенсации утраченной заботы и опеки как способу вытеснения переживания потери родного отца или матери, что, безусловно, является неадекватным способом преодоления горя утраты и в дальнейшем может привести к резкой дестабилизации семейной ситуации.

Отношения с родителем. Имеются в виду отношения с родителем, вступившим в новый брак, и с родителем, проживающим отдельно. Эмоционально-позитивные, дружеские отношения ребенка с родителем, вступившим в повторный брак, взаимное доверие и взаимопонимание, общие интересы, опыт сотрудничества и совместной деятельности являются основой для успешного развития новой семьи. Безусловно, это не гарантирует «безоблачного» и бесконфликтного развития отношений с отчимом (мачехой), но создает необходимые предпосылки для образования гармоничной семьи. Если повторный брак заключается в условиях развода, то в значительной степени возможность принятия нового члена семьи будет определяться не только степенью близости, интенсивности и качества общения с

родным отцом, но и тем, какую позицию займет разведенный родитель в отношении нового брака. Если к этому моменту разведенный супруг, проживающий отдельно, уже заключил новый брак, то это значительно уравнивает и облегчает установление делового и эмоционального взаимодействия отчима (мачехи) с детьми.

§ 3. Психологические проблемы усыновления приемных детей

Усыновление является одним из социальных институтов, обеспечивающих детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, юридическую возможность иметь условия жизни и воспитания в семье. Усыновление в современном праве рассматривается в числе наиболее значимых форм защиты детей, лишившихся родительского попечения, в рамках которой устанавливаются родственные связи между ребенком, оставшимся без родительского попечения, с одной стороны, и супружеской парой или человеком, не являющимся ребенку родным отцом или матерью, с другой. Приоритетность усыновления по сравнению с другими формами воспитания детей-сирот — помещением в государственные детские воспитательные учреждения (дома ребенка, детские дома, интернаты) — очевидна, поскольку лишь семья может обеспечить ребенку оптимальные условия для гармоничного личностного развития. Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 г. и ратифицированная СССР и затем Российской Федерацией в 1990 г., декларирует важность и необходимость обеспечения всем детям условий семейного воспитания. Согласно статье 54 Семейного кодекса Российской Федерации «каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье».

Актуальность проблемы усыновления связана с резким ростом числа детей-сирот при живых родителях в 1990-е гг. Причинами социального сиротства являются экономическая нестабильность и безработица, алкоголизм родителей и лишение их родительских прав, непродуманная приватизация жилья, превращающая детей в бомжей, военные конфликты в «горячих точках».

В общем числе усыновлений значителен удельный вес случаев, когда ребенка усыновляют отчим или мачеха в результате повторного брака родного родителя ребенка. Вместе с тем подавляющее большинство усыновителей не имеют собственных детей, что порождает ряд психологических проблем, связанных с принятием ими ребенка; выработкой оптимального стиля семейного воспитания, учитывающего психологические и индивидуальные особенности усыновленных детей с трудной историей развития; формированием психолого-педагогической компетентности. Необходимо обеспечить родителям-усыновителям психологическое сопровождение и помощь в решении возникающих в процессе воспитания детей проблем.

Мотивация усыновления

Судьба детско-родительских отношений в новой семье в значительной степени определяется следующими мотивами усыновления:

- мотив, удовлетворяющий потребность в продолжении рода. Как правило, причины усыновления связаны с бесплодием супругов, безуспешно пытающихся на протяжении ряда лет с помощью лечения решить эту проблему. Усыновление ребенка воспринимается бездетными супругами как единственный способ создания полноценной семьи. Обычно инициатором усыновления выступает супруга в силу выраженной «спонтанной тяги» к материнству. Факторами риска в воспитании ребенка являются разногласия супругов в желании усыновить ребенка, во взглядах на воспитание, страх «дурной наследственности», предвзятое восприятие индивидуально-психологических особенностей приемного ребенка;

- мотив «смысла жизни» — приемный ребенок придает осмысленность существованию родителя, позволяет ему определить жизненные цели и задачи;

- мотив преодоления одиночества — ребенок рассматривается как значимый партнер, с которым можно установить отношения близости и доверия, источник положительных эмоциональных переживаний, опора в старости. Подобная мотивация превалирует у одиноких людей, по разным причинам не сумевших создать или сохранить семью. Факторами риска в этом случае являются чрезмерность и неадекватность ожиданий в отношении личностных качеств ребенка (чуткости, доброты, заботливости и т.д.), возраст усыновителей (предпенсионный и пенсионный), не позволяющий полностью реализовать воспитательную функцию в период высокой профессиональной и социальной активности усыновителя;

- альтруистическая мотивация, стремление защитить ребенка, оказать ему помощь и содействовать в создании благоприятных условий развития, «вырвать» ребенка из «ужаса» детского дома. Этот вид мотивации представляется особенно важным, поскольку в данном случае приемный родитель фокусом своих усилий делает благополучие и интересы ребенка, а не удовлетворение собственных интересов и потребностей. Опасность такого вида мотивации кроется в стремлении родителя из самых благих намерений построить асимметричные отношения, в которых ребенку неосознанно навязывается роль «потребителя» тех условий, которые создает для него родитель-благодетель. Очевидно, что при такой потворствующей гиперпротекции ребенок выучится только брать, ничего не отдавая взамен;

- мотив компенсации утраты собственного ребенка. Родители, пережившие смерть ребенка, стремятся как можно скорее восполнить жизненную пустоту и смысловой вакуум усыновлением. Подобная мотивация может стать причиной трудностей детско-родительских отношений и даже отвержения приемного ребенка. Идеализация прошлого и постоянное сравнение родителем своего собственного и усыновленного ребенка, осуществляемое

как на осознанном, так и неосознанном уровне, приводят к разочарованию, дистанцированию, отчужденности и даже отказу от усыновления. Психологи, работающие с подобными случаями, рекомендуют родителям, желающим усыновить ребенка, временно отложить усыновление для того, чтобы справиться с горем и скорбью утраты. Обычно усыновители стремятся взять в семью ребенка, максимально похожего на собственного сына или дочь — того же возраста, пола, похожей внешности. Сходство в этих случаях не помогает, а напротив, осложняет принятие ребенка-сироты, который, естественно, по всем показателям будет в глазах родителей уступать их родному ребенку. Поэтому рекомендуется усыновлять ребенка другого пола и более младшего возраста, чем родной ребенок [Красницкая, 1997];

- мотив стабилизации супружеских отношений. В этом случае, как и в предшествующем, ребенок выступает в первую очередь как средство налаживания «давших трещину» супружеских отношений. Трудно предсказывать успех в решении подобной задачи, поскольку воспитание приемного ребенка со своими проблемами и трудностями развития станет скорее еще одним поводом для конфликтов и охлаждения, чем для сплочения супругов. Вместе с тем при определенных условиях вариант объединения супругов на почве общей цели воспитания также возможен;

- прагматический мотив улучшения материального и жилищного положения.

Учет мотивации усыновления позволяет прогнозировать успешность взаимной адаптации родителей и детей и корректировать в случае необходимости как психологическую готовность супругов к усыновлению, так и детско-родительское взаимодействие.

Психологическая готовность усыновителей к принятию ребенка в семью

Психологическая готовность к усыновлению включает следующие компоненты: мотивационную готовность; психолого-педагогическую компетентность в вопросах развития и воспитания детей (информированность о возрастно-психологических особенностях детей, целях, задачах и методах воспитания, знание и понимание того, какое влияние оказывает социальная и семейная депривация на психическое развитие ребенка в разные возрастные периоды); адекватность когнитивного образа приемного ребенка (информированность усыновителей об истории развития ребенка, его родителях и родственниках, основных жизненных событиях и характере переживания их ребенком, знание индивидуально-личностных особенностей приемных детей, их интересах, привычках, «сильных» и «слабых» сторонах; информированность о круге общения ребенка, его друзьях); эмоционально-волевую готовность (настойчивость в преодолении трудностей воспитания, эмоциональная стабильность, толерантность к проявлению дезадаптивного поведения, развитая эмпатия, центрация на интересах ребенка, а не на собственных желаниях).

Психологическая готовность к усыновлению является важным условием успешной адаптации ребенка к приемной семье. Дефицит одного из компонентов готовности, соответственно, влечет трудности и проблемы в сфере детско-родительских отношений. Важны специальные программы подготовки будущих родителей, содержание которых включает как общую часть со сведениями, необходимыми для подготовки будущих мам и пап к родительству, так и специфическую, отражающую особенности включения ребенка в семью через усыновление.

Основными задачами программ психолого-педагогической подготовки родителей к усыновлению должны стать: 1) информирование усыновителей об особенностях психического развития детей, воспитывающихся без семьи; 2) формирование адекватного представления о закономерностях психического развития ребенка и роли наследственности, среды, общения и деятельности с целью преодоления мифа «роковой дурной наследственности»; 3) информирование усыновителей о динамике и особенностях процесса адаптации ребенка к приемной семье, выделение возрастнo-специфических особенностей этого процесса; 4) формирование компетентности общения с детьми и подростками, воспитывающимися в условиях социальной депривации; 5) обсуждение и разработка критериев выбора детей (пол, возраст, степень психологической совместимости с родителями) и правил поведения родителей в процессе знакомства с детьми в детских домах и интернатах; 6) помощь в осознании мотивов усыновления и их коррекция в случае необходимости; 7) формирование уверенности в возможности преодоления проблем, связанных с усыновлением, помощь в эмоциональной стабилизации и преодолении чувства тревоги и страха; 8) информирование усыновителей об индивидуальных и возрастных особенностях детей, выбранных для усыновления, реконструкция истории их развития и разработка рекомендаций по психологической коррекции и профилактике негативных тенденций.

Динамика психологической адаптации усыновленного ребенка к новой семье

Психологическая адаптация — двусторонний процесс, в котором и родители и ребенок должны решить задачи, связанные с изменением состава и функционально-ролевой структуры семьи. Под психологической адаптацией ребенка к новой семье следует понимать включение его в семейную систему, принятие им предписанных роли, норм и правил, формирование привязанности к родителям и налаживание эффективных форм общения и сотрудничества. Психологическая адаптация родителей предполагает принятие и освоение новых функциональных ролей (матери и отца), становление продуктивной родительской позиции, формирование адекватного образа ребенка.

Динамика процесса адаптации — фазы адаптации, их содержание и последовательность, продолжительность — определяется следующими факторами:

- возрастом ребенка: чем старше ребенок, тем выше вероятность возникновения сложностей в процессе его адаптации. Проблемы адаптации также будут отличаться в зависимости от возраста ребенка. Так, для усыновленного в младенческом возрасте ребенка основными проблемами станут переход на новый режим дня, кормления, прогулок и пр. Для подростка — установление эмоциональных и партнерских отношений с родителями, принятие и выполнение норм и правил, предписываемых новой семьей при сохранении самостоятельности и автономии поведения;

- индивидуальными и личностными особенностями ребенка. Дети раннего возраста с «трудным темпераментом», младшие школьники и подростки с выраженными характерологическими чертами и акцентуацией характера, безусловно, являются «группой риска» для успешности протекания адаптации к усыновлению. История их жизни и пережитые события резко увеличивают вероятность возникновения нежелательных черт характера и особенностей поведения, но означает ли это, что адаптация детей-сирот, длительное время находящихся в неблагоприятных с точки зрения психического развития условиях фатально обречена на провал? Известная модель «хорошего соответствия» (*goodness of fit*) [Lerner, 1983] позволяет дать оптимистический ответ на этот вопрос. Модель «хорошего соответствия» ставит благополучие психического развития ребенка в зависимость от соотношения его свойств и особенностей, с одной стороны, и характеристик среды, ситуации, партнеров по взаимодействию, с другой. Способность родителей подстроить свое поведение под особенности ребенка, какими бы они ни были, осуществить аккомодацию воспитательных методов и воздействий сообразно ситуации определяет характер и степень благополучия адаптации. В этом смысле нет «хорошей/плохой» среды и нет «хорошей/плохой» наследственности (биологического статуса) индивида с точки зрения эффекта развития. Эффективность адаптации будет определяться соответствием семейной среды и поведения родителей наследственным конституциональным и приобретенным особенностям ребенка;

- историей развития ребенка. Особое значение приобретает вопрос о том, воспитывался ли ребенок ранее в семье или с момента рождения находился в детском учреждении (т.н. «отказные дети»). Если ребенок попал в детское учреждение из семьи, то в ходе адаптации к приемным родителям он постоянно будет сравнивать новый семейный уклад, традиции, правила, отношение к нему взрослых со своей прежней семьей. Если он был «изъят» из асоциальной и алкогольной семьи и помещен в детское учреждение вследствие лишения родительских прав, то, скорее всего, сравнение будет в пользу новой семьи. Если же ребенок потерял семью по причине смерти, гибели родителей, то весьма вероятен протест против всего уклада новой семьи как проявление острой аффективной реакции на не пережитое горе. Дети-сироты, вовсе не имеющие опыта проживания, столкнутся с проблемой освоения тех норм и правил поведения, которые «домашние дети» бук-

важно впитывают с молоком матери, и попытаются привнести в новую семью опыт прежних детдомовских отношений, далеко не всегда адекватно отвечающих нормам взаимного уважения, принятия и кооперации;

- продолжительностью знакомства с усыновителями. Чем лучше узнают друг друга члены будущей семьи, тем легче будут решаться проблемы, связанные с адаптацией. Имеет значение не только время знакомства и количество встреч, но и содержание общения, его эмоциональная насыщенность, взаимная ориентация партнеров на личность друг друга. Аффективный и деловой опыт отношений ребенка с усыновителями в период знакомства создает основу для развития семейного взаимодействия и лучшего познания друг друга;

- психологической готовностью родителей к усыновлению. Очевидно, что именно усыновителю принадлежит инициатива в создании новой семьи, обычно именно он определяет правила и нормы ее жизни. Поэтому степень психологической готовности родителя к выполнению воспитательной функции, учет и уважение индивидуальности ребенка, принятого в семью, и, соответственно, готовность к сотворчеству в развитии новой семьи будут детерминировать скорость и успешность психологической адаптации;

- возможностью сохранения ребенком системы прежних социальных и межличностных отношений. В практике усыновления существуют две противоположные позиции в вопросе о целесообразности сохранения ребенком контактов с детским учреждением, каждая из которых имеет свои рациональные аргументы «за» и «против». Первая позиция — «уйти от прошлого» — настаивает на необходимости как можно скорее покончить с «тяжелым прошлым», забыть его как кошмарный сон и строить новую жизнь и новые отношения «с чистого листа». Отсюда требование прекратить все прежние контакты и отношения. Дополнительным аргументом сторонников позиции разрыва с прошлым является сохранение тайны усыновления. Чем скорее забудет ребенок свое детдомовское прошлое, чем меньше вероятность случайной встречи с ним, тем более надежно, по мнению сторонников такой позиции, можно сохранить тайну усыновления.

Вторая позиция настаивает на сохранении ребенком сети прежних социальных и межличностных отношений — прежней школы и класса, друзей, круга общения — в силу того, что кардинальное изменение жизни ребенка даже в условиях обретения им новой семьи делает задачу его психологической адаптации крайне сложной. Сохранение социальной поддержки облегчает этот процесс и повышает уровень толерантности детей к неизбежным «нештатным» воздействиям.

Основные направления оказания психологической помощи усыновленным детям таковы:

- создание условий для быстрой и успешной адаптации к новой жизни в приемной семье (режим, требования, принятые формы взаимодействия между членами семьи);

- установление отношений позитивного сотрудничества с приемными родителями. Расширение и культивирование норм эмоционального содействия и со-переживания ребенка с родителями с целью формирования эмоциональной привязанности;

- коррекция умственного развития усыновленного ребенка, создание основы для успешности его деятельности и достижений. Ориентация приемных родителей в достижениях ребенка, оптимуме ожиданий и требований к ребенку в отношении успехов;

- помощь в приобщении ребенка к истории семьи. Создание «новой истории», датируемой моментом знакомства с приемными родителями и усыновления;

- расширение круга общения ребенка со сверстниками с целью стабилизации его эмоционального статуса и создания группы психологической поддержки и ресурсов толерантности;

- помощь в сохранении прежних значимых социальных и межличностных связей ребенка. Обеспечение преемственности личной его истории с целью сохранения эго-идентичности и предупреждения страха «потери себя».

Вопросы и задания

1. Назовите причины и факторы риска развода семьи.
2. Охарактеризуйте динамику развода. Сформулируйте рекомендации по успешному преодолению его последствий.
3. В чем преимущества и «подводные камни» повторного брака?
4. Назовите основные мотивы усыновления ребенка.
5. Перечислите психологические проблемы усыновления и сформулируйте рекомендации по их разрешению.

Глава 5

ОСНОВЫ СЕМЕЙНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

§ 1. Развитие практики семейного консультирования.

Семейная психотерапия и семейное консультирование

Консультирование супружеских пар первоначально осуществлялось по юридическим и правовым, медицинским и репродуктивным, социальным аспектам семейной жизни и проблемам воспитания и обучения детей. Период с конца 1940-х до начала 1960-х гг. отмечен установлением и развертыванием практики оказания психологической помощи семье и супружеским парам. В 1930—1940-е гг. возникает особая практика консультирования супружеских пар, в которой фокус работы смещается с психических нарушений личности на проблемы общения и жизни супругов в семье. В 1950-е гг. утверждается практика и термин «семейная терапия». В отличие от психоанализа, где в центре внимания оказывались интрапсихические процессы, семейная психотерапия направлена на межперсональные, интерпсихические процессы и оптимизацию функционирования семьи как единого целого. В 1949 г. в США были выработаны профессиональные стандарты для проведения супружеского и семейного консультирования, а уже в 1963 г. в Калифорнии — введены правила и нормы лицензирования для семейных консультантов [Brammer, Abrego, Shostrom, 1993]. Важным источником развития семейной психотерапии стало междисциплинарное взаимодействие психологии, психиатрии (М. Боуэн, С. Минухин, Дж. Джексон), практики социальной работы (В. Сатир).

Семейное консультирование представляет собой относительно новое по сравнению с семейной психотерапией направление оказания психологической помощи семье. Первоначально всеми основными открытиями и работами эта область была обязана семейной психотерапии. Наиболее значимыми для развития семейного консультирования факторами стали: переориентация психоанализа на работу с семьей как в форме детско-родительских отношений, так и в форме совместной супружеской терапии в 1940-х гг.; начало разработки системного подхода Н. Аккерманом; создание Дж. Боулби теории привязанности; распространение бихевиоральных методов диагностики и терапии на работу с семьей и создание совместной се-

мейной психотерапии В. Сатир. Благодаря значительным успехам семейной психотерапии и бурному росту спроса на ее услуги число членов Американской терапевтической ассоциации по браку и семье за десятилетие с 1978-го по 1986 г. удвоилось. Бурное развитие практики сделало востребованным и развитие научных исследований в области семьи, что привело к выделению самостоятельной особой психологической дисциплины — психологии семьи. Параллельно развитию семейной психотерапии и семейной психологии шло интенсивное развитие сексологии, в которой главными вехами стали работы А. Кинси, В. Мастерса и В. Джонсона и начало консультирования в этой сфере семейных отношений [Кон, 1989].

В отечественной науке интенсивное развитие семейной психотерапии началось в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Однако еще в конце XIX в. возникло учение о «семейном лечении» различных психических расстройств и необходимости проведения семейной диагностики. Основоположителем семейной терапии в России считают И.В. Маляревского, который в своем лечении психически больных детей и подростков исходил из необходимости специальной работы в рамках «семейного воспитания» с родственниками больных детей. Значительную роль в становлении отечественной семейной психотерапии сыграли ученые Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева — В.К. Мягер, А.Е. Личкр, Э.Г. Эйдемиллер, А.И. Захаров, Т.М. Мишина. Эйдемиллер выделяет три основных этапа в развитии отечественной семейной психотерапии [Эйдемиллер, Юстицкис, 1999]. На первом — «психиатрическом» — этапе исследователи исходили из представления о семье как совокупности входящих в нее индивидуальностей, учет которых позволяет разработать рекомендации по оптимизации жизни семьи и каждого из ее членов. На втором — «психодинамическом» (психоаналитическом) — этапе фокусом терапии стали сформированные в детском возрасте неадекватные модели поведения, переносимые впоследствии личностью в супружеские и детско-родительские отношения в собственной семье. Наконец, третий этап — системная психотерапия — характеризуется синтезом системного подхода и психологии отношений В.Н. Мясищева и созданием оригинальной концепции патологизирующего семейного наследования (Эйдемиллер). Ведущим принципом семейной психотерапии, развиваемой в рамках этого направления, является принцип взаимной акцептации психотерапевта и семьи. Важным фактором развития семейной психотерапии, определившим становление семейного консультирования как особой психологической практики, в нашей стране явились работы В.В. Столина, А.А. Бодалева, А.С. Спиваковской, А.Я. Варги и др.

История семейной психотерапии и история семейного консультирования столь тесно переплетены и взаимообусловлены, что это дает основание ряду исследователей и практиков считать семейное консультирование разновидностью семейной психотерапии, имеющей отличительные признаки, границы и объем вмешательства [Эйдемиллер, Юстицкис, 1999]. Для реше-

ния вопроса о том, является ли семейное консультирование видом семейной психотерапии или качественно иной практикой оказания психологической помощи, необходимо уточнить содержание самого понятия «психотерапия», выявить сходство и различия консультирования и психотерапии. Проблема социального, научного и прикладного статуса, содержания и перспектив развития психотерапии в контексте становления психологической практики в современном обществе стала предметом глубокого и всестороннего анализа и оживленной международной дискуссии [Brent, Kolko, 1998]. Психотерапия (лечение души) рассматривается как особый вид межличностного взаимодействия, при котором пациентам, страдающим от болезни, оказывается профессиональная помощь психологическими средствами в решении связанных с ней психологических проблем.

Сегодня можно говорить о психотерапии в медицинском, социологическом, психологическом и философском аспектах. В философском аспекте психотерапия выступает как определенный вид общения между людьми, в социологическом — как инструмент социального контроля и манипуляции сознанием и поведением людей, наконец в психологическом — как метод психологического воздействия, обеспечивающий личностный рост, развитие и научение личности. В медицинском аспекте психотерапия есть система лечебного воздействия на психику больного и через психику на соматическое состояние и функционирование организма, а также на психологические проявления человека. Психологическое консультирование рассматривается как особый вид социального и межличностного воздействия, направленного на оказание психологической помощи клиенту, в котором специально обученный, компетентный и облеченный соответствующими социальными полномочиями консультант помогает клиенту в разрешении его проблем и трудностей психологического характера. Диалогическая природа психотерапии, равно как и психологического консультирования, позволяет моделировать в особой ситуации человеческую связь, отношения и взаимодействие как основу формирования психологических новообразований сознания и личности человека. Центральным и определяющим моментом в консультировании, как и в психотерапии, является общение терапевта с клиентом, реализуемое через установление терапевтической связи, помощь в исследовании проблемы и поиске путей ее решения, где мера активности терапевта значительно варьируется в зависимости от теоретической модели механизмов терапевтического воздействия. Принципиальное различие консультирования и психотерапии связано с каузальной моделью объяснения причин трудностей и проблем развития личности, ставшей объектом психологического воздействия. Соответственно, психотерапия ориентируется на медицинскую модель, в которой семья выступает важным этиологическим фактором, обуславливающим возникновение и патогенез личности, с одной стороны, и ее ресурсы жизнестойкости и устойчивости — с другой. Так, в медицинской модели болезни акцентируется важность наследственного фактора и конституцио-

нальных особенностей человека, неблагоприятных средовых факторов в возникновении дисфункции семьи. Психотерапевт выступает «посредником» между клиентом (семьей) и проблемой, играя ведущую роль в ее разрешении. В модели консультирования в фокусе внимания оказываются задачи развития семьи, особенности ее ролевой структуры и закономерности функционирования. Консультант создает условия для организации ориентировки клиента в проблемной ситуации, объективирования проблемы, анализа ситуации, планирования «веера» возможных решений. Ответственность за принятие решения и его реализацию составляет прерогативу самого клиента, способствуя его личностному росту, жизнестойкости его семьи.

Цели семейного консультирования могут быть определены как развивающие, коррекционные, профилактические, адаптивные. Развивающие цели связаны с ростом ресурсов семьи в сфере самоорганизации и саморазвития. Итогом психологической работы становится рост компетентности семьи в разрешении нормативных и ненормативных кризисов и проблем. Коррекционные цели предполагают оптимизацию ролевой структуры семьи, повышение уровня ее сплоченности и удовлетворенности браком, улучшение межличностной коммуникации. Профилактические цели связаны с ростом фрустрационной толерантности семьи, адаптивные — с успешным разрешением конфликтов, кризисов, проблем семьи. Очевидно, что разделение всех названных целей возможно лишь на уровне научной абстракции. В реальной консультативной практике достижение их происходит в целостном процессе совместной работы клиента и консультанта над проблемами клиента. Вместе с тем можно говорить и о том, что различные теоретические подходы и школы семейного консультирования фокусируют внимание на различных целях. Например, в поведенческом подходе акцент переносится на адаптацию поведения клиента и, соответственно, на решение адаптивных задач. В гуманистически-ориентированном подходе центром сотрудничества становится личностный рост и саморазвитие клиента, при семейном консультировании — семья в целом.

Важной социальной задачей семейного консультирования является консультирование семьи в трудной жизненной ситуации. Ее признаки: детская дезадаптация и нарушения развития детей, супружеская рассогласованность, неадекватное взаимодействие семьи с социумом (микро- и макросоциум), личностные нарушения и дезорганизация в семье. В процесс консультирования должны быть включены как практические учреждения — центры психолого-социально-педагогической поддержки семьи, учреждения собственно системы образования, отраслей социальной сферы, управленческие и административные учреждения, — так и специалисты, непосредственно работающие с семьей [Евграфова, 2001].

Задачи, формы и методы работы с семьей различаются в зависимости от того, в какой сфере семейных отношений и на каком этапе жизненного цикла развития семьи осуществляется консультирование — в сфере консуль-

тирования по вопросам заключения брака; супружеских отношений, детско-родительских отношений.

Основные задачи семейного консультирования:

- психологическое консультирование по вопросам брака, включая выбор брачного партнера и заключение брака;
- консультирование супружеских отношений (диагностика, коррекция, профилактика);
- психологическая помощь семье при разводах;
- консультирование, диагностика, профилактика и коррекция детско-родительских отношений;
- психологическая помощь в вопросах усыновления и воспитания приемных детей;
- психологическое сопровождение беременности и родов;
- психологическое сопровождение становления родительства;
- психологическое консультирование по вопросам супружеской измены;
- психологическое консультирование в случаях насилия в семье.

Начиная с 1970-х гг. в нашей стране активно развивается служба психологической помощи семье [Обозова, 1984]. Организационными формами оказания психологической помощи семье стали: психологические центры и консультации по работе с семьей; службы знакомств; консультации по проблемам воспитания и развития детей; региональные центры психолого-педагого-социальной поддержки и реабилитации детей и подростков; школьная психологическая служба; специализированные кризисные центры (по работе с женщинами, перенесшими семейное насилие; по профилактике суицидов); женские консультации (психологическое сопровождение беременности и родов); психологические кабинеты в учреждениях здравоохранения (репродуктивные центры, педиатрические кабинеты «здорового ребенка», психологические кабинеты в поликлиниках и наркологического диспансерах и пр.). Каждый тип перечисленных учреждений решает собственные задачи, обеспечивая оптимизацию различных аспектов функционирования семьи.

Новым направлением консультативной работы, реализующим просветительно-информационную функцию, стало консультирование посредством СМИ — ответы на вопросы читателей на страницах газет, журналов, переписка с читателями; тематические страницы, теле- и радиопередачи по актуальным проблемам семейной жизни, супружеских и детско-родительских отношений; сайты в Интернете, включающие интерактивные формы работы с клиентом. «Ахиллесова пята» подобных форм консультативной работы — невозможность индивидуального подхода к каждому случаю и поэтому вынужденное ограничение задач консультирования функцией психологического просвещения. Заочное психологическое консультирование, как и заочные постановка диагноза и лечение в медицине, абсолютно недопустимо, поскольку «цена ошибки» может быть слишком высока.

Трудности развития системы психологической помощи семье связаны как с организационными, так и с содержательными причинами. Поскольку центры и учреждения, работающие с семьей, принадлежат различным ведомствам, возникает необходимость координации их усилий под эгидой соответствующей государственной/общественной структуры. К сожалению, сегодня вряд ли можно говорить о подобном центре, сочетающем функции интеграции, координации, организации и контроля деятельности всех учреждений, работающих в области оказания психологической помощи семье. Серьезной проблемой является также неудовлетворительный уровень подготовки квалифицированных специалистов-психологов для работы в сфере семейного консультирования. Важными шагами для ликвидации недочетов в этой области должны стать подготовка и утверждение учебного плана подготовки психологов по специализации «Семейная психология и семейное консультирование», предусматривающего необходимую практику в области консультирования, а также введение системы лицензирования психологов-консультантов, работающих с семьей. Наконец, актуальной задачей является создание теоретических основ осуществления семейного консультирования как вида психологического консультирования с дифференциацией задач и содержания собственно семейного консультирования и семейной психотерапии.

§ 2. Теоретические основы семейного консультирования

Сегодня можно говорить о плюралистической теоретической основе семейной психотерапии и, соответственно, семейного консультирования, опирающегося на установленные в рамках практики психотерапии законы и правила функционирования семьи. В плюрализме теории как сила семейного консультирования, так и его слабость. Сила в том, что многообразие проблем семейной жизни соответствует многообразию теорий разного уровня, в пространстве которых оказывается возможным найти объяснительную модель практически для любого «единичного, особенного и специфического случая», составляющего объект консультирования. Теории дополняют и развивают друг друга, обогащая арсенал диагностических методов работы с семьей и способов психологического воздействия. Слабость плюралистической основы консультирования в том, что размытость и множественность теоретических постулатов приводит к слабости и неоднозначности выводов и заключений психолога-консультанта, низкой эффективности *его работы с семьей. Выход из создавшегося положения большинством семейных консультантов видит в создании интегративного подхода к семейному консультированию.

Критериями дифференциации психотерапевтических подходов к работе с семьей являются:

- «единица» анализа семейного функционирования и проблем семьи. В рамках атомистического аддитивного подхода такой «единицей» может стать любой член семьи как уникальная и неповторимая личность. В этом случае семья рассматривается как совокупность взаимодействующих личностей, определенным образом сочетающихся друг с другом. Жизнедеятельность семьи есть результат простой суммации действий всех ее членов. В рамках системного подхода единицей анализа является семья как целостная система, имеющая функционально-ролевую структуру и характеризующаяся определенными свойствами. Каждый человек в семье, сохраняя себя как личность и не растворяясь в ней, приобретает качественно новые свойства, открывающие возможности личностного роста и саморазвития. Семья рассматривается как полноценный субъект жизнедеятельности и развития;

- учет истории развития семьи, временной ретроспективы и перспективы. Соответственно, можно выделить два основных подхода: генетико-исторический и фиксация на актуальном состоянии семьи без учета ее истории;

- направленность на установление причин возникновения проблем и трудностей жизнедеятельности семьи, ее дисфункции. Здесь также можно говорить о двух подходах, составляющих в известном смысле дихотомию. Первый, каузальный подход направлен на выстраивание причинно-следственных связей и установление роли условий и факторов, влияющих на характеристики функционирования семьи. Второй, феноменологический подход переносит акцент на анализ сюжетно-событийного ряда жизни семьи с намеренным игнорированием причин, оставшихся в ее прошлом. «Неважно, какие именно причины привели к трудностям, испытываемым семьей. Причины — были вчера. Трудности — переживаются сегодня». Важно найти пути и средства преодоления этих трудностей — вот основной принцип работы с семьей сторонников феноменологического подхода.

Руководствуясь перечисленными выше критериями, можно выделить определенные подходы в работе с семьей.

Психоаналитический подход. В центре внимания детско-родительские отношения, определяющие развитие личности и успешность ее семейной жизни в будущем. Единица анализа — личность в ее отношениях с партнером, основными паттернами этих отношений выступают эдипов комплекс и комплекс Электры. Предполагается, что в брачно-супружеских отношениях пациенты неосознанно стремятся к повторению базовых моделей отношений с собственными родителями. Кстати, именно это обстоятельство является причиной трансляции семейного опыта и построения семейных событий из одного поколения в последующее. Достижение личностью автономии и перестройка отношений с семьей по происхождению — главная цель терапевтического процесса. Психологическая работа ориентирована на реконструкцию и воссоздание прошлого, осознание вытесненного и подавленного. Симптомы трудностей супружеских отношений рассматриваются как «маркер» прошлых неразрешенных конфликтов и подавленных

влечений в отношениях с родителями. В психоанализе симптомы выступают как основа для выявления причин, большое значение придается прослеживанию клиентом механизма симптомообразования и осознания причин переживаемых трудностей, прокладыванию мостов между прошлыми конфликтами и проблемами семейных отношений сегодняшнего дня.

Бихевиоральный подход. Подчеркивается важность баланса взаимного обмена (отдать и получить). Единицей анализа здесь выступает, личность в отношениях и взаимодействиях с членами семьи. Акцент переносится на умение разрешать проблемные ситуации и формирование специальной исполнительской компетентности (навыков коммуникации и разрешения проблемных ситуаций). Генетико-исторический аспект возникновения проблемы в рамках поведенческого консультирования оказывается незначимым. В центре внимания здесь не глубинные причины, а ошибочное поведение и действия членов семьи, которые выступают помехой и препятствием на пути решения проблемных ситуаций. В рамках поведенческой психотерапии можно говорить о теории социального научения (А. Бандура) и теории оперантного обусловливания (Б.Ф. Skinner). Соответственно, основными механизмами формирования неправильного поведения, приводящего к семейным проблемам, признаны неадекватные социальные модели поведения в семье, неэффективный контроль и подкрепления. Если принять во внимание подобное объяснение возникновения проблем и трудностей в семье, становится понятна ориентированность работы семейных поведенческих психотерапевтов на детско-родительские отношения. Широкое распространение в рамках поведенческого подхода получили разнообразные формы тренинговой работы с родителями. Работа с супругами строится в рамках теории социального обмена, согласно которой каждый индивид стремится к получению максимального вознаграждения при минимальных затратах. Принцип реципрокности — эквивалентности обмена — предполагает, что удовлетворенность супружескими отношениями возрастает, когда число полученных вознаграждений компенсирует затраты. Хорошо разработанная и операционализированная система диагностики особенностей взаимного поведения супругов и родителей с детьми, четкие процедуры модификации поведения, тщательно продуманная система домашних заданий и упражнений обеспечивают достаточно высокую эффективность поведенческого подхода при оказании помощи семьям в решении их проблем. Особенностью поведенческой работы с семьей является предпочтение диадического взаимодействия как единицы психологического анализа и воздействия. Выбор диады (для сравнения — в системной семейной психотерапии работа осуществляется с триадой, включающей супругов-родителей и ребенка) обоснован верховенством принципа социального обмена в анализе закономерностей семейного функционирования.

Феноменологический подход. В качестве единицы анализа рассматривается личность в семейной системе. Основной принцип «здесь-и-теперь» требует сосредоточения на происходящих в настоящий момент событиях

семьи с целью достижения высокого уровня их прочувствования и переживания. Реальность общения и взаимодействия как системы вербальных и невербальных эмоционально нагруженных коммуникативных актов составляет предмет психологического анализа и психотерапевтического воздействия (В. Сатир, Т. Гордон). Выявление содержания, правил построения, воздействия коммуникации на жизнь семьи в целом и на каждого из ее членов составляет содержание работы с семьей. Формирование коммуникативной компетентности, навыков открытого эффективного общения, повышение сенситивности к своим чувствам и состояниям и чувствам партнера, амплификация переживания настоящего составляют главные задачи семейной психотерапии в рамках данного подхода.

Семейная психотерапия, основанная на опыте (К. Витакер, В. Сатир), делает акцент на личностном росте, достижении автономии, свободе выбора и ответственности как цели психотерапии. Дисфункция семьи произведена от нарушений личностного роста ее членов и сама по себе не должна быть мишенью воздействия. Межличностные отношения и взаимодействия составляют условия для личностного роста тогда, когда коммуникация оказывается открытой и эмоционально насыщенной. Причины возникновения трудностей в коммуникации оказываются незначимыми, работа концентрируется на пересмотре убеждений и ожиданий, стимулировании их изменений.

Системный подход. Семья рассматривается как целостная система, в качестве основных ее характеристик выделяется структура семьи, распределение ролей, главенства и власти, границы семьи, правила коммуникации и повторяющиеся ее паттерны как причины семейных трудностей, которые прежде всего усматриваются в дисфункциональности семьи и разрешаются в реорганизации семейной системы.

Структурная семейная психотерапия (С. Минухин) как одно из наиболее авторитетных направлений в семейной психотерапии основывается на принципах системного подхода. Семья выступает как система, стремящаяся к сохранению (закон гомеостаза) и развитию отношений. В своей истории семья последовательно и закономерно проходит через ряд кризисов (вступление в брак, рождение ребенка, поступление ребенка в школу, окончание школы и самоопределение, сепарация от родителей и уход и пр.). Каждый из кризисов требует реорганизации и перестройки семейной системы. Семья рассматривается как базисная система, включающая три подсистемы: супружескую, родительскую и sibлинговую. Границы системы и каждой из подсистем представляют собой правила, определяющие, кто и как участвует во взаимодействии. Границы могут быть чересчур ригидными или гибкими, что, соответственно, влияет на проницаемость систем. Излишняя гибкость приводит к диффузии границ, т.е. к нечеткости паттернов взаимодействия, и делает семейную систему или подсистему уязвимой для вмешательства извне. Вмешивающееся из-за размытости семейных границ

поведение приводит к утрате членами семьи автономии и способности самостоятельно решать свои проблемы. Напротив, чрезмерно ригидные границы затрудняют контакты семьи с внешним миром, делают ее изолированной, разобщенной, с ограниченными возможностями контактов и взаимной поддержки.

Дисфункция семьи определяется как неспособность семьи удовлетворить потребности всех ее членов, что находит отражение в симптоматическом поведении кого-либо из них. Нарушения поведения и эмоционально-личностные нарушения одного из членов семьи, согласно структурной семейной психотерапии, есть индикатор дисфункции семьи как единого целостного организма. Внимание терапевта центрируется на происходящих в семье процессах в настоящее время, без далеких экскурсов в прошлое. Путь преодоления проблем семьи — в изменении неадекватных паттернов транзакций, расшатывании старой семейной системы и установлении новых границ, обеспечивающих равновесное ее функционирование.

Стратегическая семейная психотерапия (Д. Хейли) представляет собой интеграцию проблемно-ориентированной терапии с теорией коммуникаций и теорией систем. Единицей анализа здесь выступает семья как целостная система, стремящаяся к сохранению гомеостаза и паттернов взаимодействия. Акцент переносится на настоящее, работает принцип «здесь-и-теперь», поскольку дисфункция системы поддерживается текущими интеракциями. Выявление причин не является задачей терапии, поскольку существование проблем поддерживается текущими процессами взаимодействия, которые должны быть изменены. Симптом — метафорическое выражение проблемы и обозначение определенного стереотипа поведенческих реакций, который по соглашению между членами семьи выполняет определенную функцию в межличностном взаимодействии, — представляет собой одну из форм контроля поведения членов семьи. Роль терапевта активна, в процессе работы он предлагает членам семьи директивы или задания двух видов — позитивные, если сопротивление семьи изменениям невелико, и парадоксальные, поощряющие симптоматическое, т.е. неадекватное, поведение членов семьи, если сопротивление велико и выполнение негативных заданий, скорее всего, будет заблокировано. Широкое использование метафор в работе с семьей способствует установлению аналогии между событиями и действиями, которые, на первый взгляд, не имеют между собой ничего общего. Метафорическое осмысление семейной ситуации позволяет выделить и увидеть существенные характеристики семейного процесса.

Трансгенерационный подход. Направлен на интеграцию идей психоанализа и теории систем. Единицей анализа выступает целостная семья, в которой отношения между супругами строятся в соответствии с семейными традициями родительской семьи и усвоенными в детстве моделями взаимодействия. Выбор партнера и построение отношений между супругами и родителей с детьми основывается там на механизме проекции чувств и

ожиданий, сформировавшихся в прежних объектных отношениях с родителями, и попытке «подогнать» актуальные отношения в семье к интернализированным ранее моделям семейного поведения (Д. Фрамо). Принцип историзма в рамках трансгенерационного подхода является ключевым. Так, в качестве семейной системы рассматривается межпоколенная семья (М. Боуэн), а трудности семейного функционирования связываются с низким уровнем дифференциации и автономизации личности от семьи по рождению. Прошлые взаимоотношения оказывают влияние на текущую семейную динамику. Процессы дифференциации личности, триангуляции как формирования треугольника отношений и семейного проективного процесса, согласно теории Боуэна, определяют возникновение проблем семьи и открывают пути для их разрешения. Интерпретация и анализ переноса как ключевые техники трансгенерационного подхода свидетельствуют о том, что фокусирование на причинах трудностей семейной жизнедеятельности является важным его принципом.

Несмотря на существенные различия перечисленных подходов во взглядах на причины и пути преодоления проблем, в теоретических объяснительных моделях, можно выделить общие цели семейной психотерапии:

- повышение пластичности ролевой структуры семьи — гибкости распределения ролей, взаимозаменяемости; установление разумного баланса в решении вопросов власти и главенства;
- установление открытой и ясной коммуникации;
- разрешение проблем семьи и снижение выраженности негативных симптомов;
- создание условий для развития Я-концепции и личностного роста всех без исключения членов семьи.

Одной из наиболее острых проблем является проблема оценки *эффективности консультирования*, а потому на первый план выступает вопрос о критериях такой оценки и организации соответствующих ее процедур. Не менее важной, но составляющей перспективу дальнейших теоретических и прикладных разработок семейного консультирования признается проблема определения значения факторов и переменных, влияющих на эффективность консультирования; решение ее позволит прогнозировать эффективность консультирования и придать ему более управляемый, планомерный характер.

Критерием оценки эффективности консультирования является реализация поставленных целей с точки зрения клиента. Однако оценка эта может меняться в зависимости от того, кто из членов семьи ее, семью, оценивает, так как его позиция в значительной мере определяет и итоговую оценку ее успешности. Поскольку каждый из членов проблемной семьи достаточно часто преследует интересы, противоречащие интересам остальных членов семьи, что, собственно говоря, и делает семью проблемной, то оценка итогов консультирования различными членами семьи часто может быть диамет-

рально противоположной. Разрешение указанного противоречия кроется в обращении к работе с семьей в целом как клиентом и требовании к консультанту занимать позицию защиты интересов семьи в целом, а не отдельных ее членов. Это требование может быть реализовано и при работе со всей семьей, и при работе с индивидуальным клиентом. Для консолидации и объединения усилий всех лиц, заинтересованных в благополучном разрешении трудностей, переживаемых семьей, необходимы совместное обсуждение, выработка общего решения о целях и задачах консультирования и заключение терапевтического договора в интересах всей семьи с семьей как клиентом. Эффективность консультирования в значительной степени зависит от времени, прошедшего от момента возникновения проблемы до обращения семьи за психологической помощью, и от истории подобных обращений. Чем раньше семья обращается в консультацию, тем больше вероятность успешного разрешения ее трудностей. Важный фактор, влияющий на эффективность консультативной работы, — психологическая готовность всех членов семьи к совместной деятельности, направленной на поиск путей разрешения проблемы, готовность к саморазвитию и самоизменению.

Содержательным критерием оценки эффективности семейного консультирования является успешность разрешения проблем семьи. Так, по аналогии с параметрами оценки эффективности семейной психотерапии (В.Н. Мясищев) следует считать показателями высокой эффективности консультирования: 1) степень симптоматического улучшения; 2) степень понимания клиентом психологических механизмов порождения трудностей семейного функционирования; 3) степень реконструкции семейных отношений; 4) степень восстановления и повышения эффективности функционирования семьи. Главный же результат, определяющий оценку эффективности консультирования в целом, состоит в росте способности клиента в дальнейшем самостоятельно разрешать возникающие проблемы.

Эффективность может быть оценена также с точки зрения различных уровней функционирования семьи. Во-первых, на уровне долгосрочного эффекта повышения жизнестойкости семьи, возрастания ее устойчивости к воздействию стрессогенных факторов, успешности разрешения нормативных кризисов жизненного цикла ее развития. Во-вторых, на уровне разрешения реальных трудностей и проблем семьи и, в-третьих, на уровне оптимизации ролевой структуры, общения, сотрудничества и более полного удовлетворения потребностей как *семьи* в целом, так и каждого ее члена, роста сплоченности семьи и субъективной удовлетворенности браком.

§ 3. Основные принципы семейного консультирования

Основными принципами семейного консультирования, как и любого вида психологического консультирования, являются добровольность обращения

клиента, конфиденциальность, личная ответственность клиента, профессиональная компетентность и ответственность консультанта, стереоскопичность диагноза, реконструкция истории семьи, совместная выработка решений, привлечение широкого социального окружения, комплексность в работе с семьей, единство диагностики и коррекции, структурирование позиций в процессе консультирования, выявление подтекста обращения клиента. При отсутствии явных противопоказаний специфическим для семейного консультирования и необходимым условием его высокой эффективности следует считать требование работы с семьей как целостной системой.

Принцип добровольности обращения клиента является важнейшим этическим принципом семейного консультирования. Никто не может быть принужден к психологическому диагностическому освидетельствованию или подвергнут психологическому воздействию без добровольного согласия. Исключением являются ситуации, когда психологическое обследование и воздействие осуществляются по судебному предписанию. Как правило, это запрос на проведение психологической экспертизы по вопросам установления опекунов и определения порядка реализации воспитательной функции в случае развода. Очевидность и безусловность принципа добровольности становится сомнительной в тех случаях, когда мнение о необходимости обращения в консультацию разделяется далеко не всеми членами семьи, а для успешной работы необходимо участие их всех. Тогда задача консультанта состоит в аргументированном обосновании необходимости привлечения к работе всех членов семьи, включая детей. При проведении первичного приема консультанту важно установить, кто был инициатором обращения в консультацию, как отнеслись к этому остальные члены семьи и какова мера их готовности присоединиться к общей работе. В случае индивидуальной работы с клиентом и невозможности либо нецелесообразности привлечения семьи в целом, следует оговорить с клиентом ограничения индивидуальной формы консультирования.

Принцип конфиденциальности гарантирует личностную и социальную безопасность обращения в консультацию клиента и сохранение в тайне всех сведений, полученных в ходе консультирования. Принцип конфиденциальности обеспечивается специальными процедурами хранения полученной информации, анонимностью обращения клиента, профессиональным этическим кодексом и может быть нарушен лишь в тех случаях, когда возникает угроза жизни и безопасности самого клиента или третьих лиц. Но и тогда предоставление информации, необходимой для обеспечения их жизни и здоровья, должно осуществляться в форме, в максимальной степени ограждающей интересы самого клиента.

Принцип личной ответственности клиента означает признание права личностного выбора клиентом того или иного решения проблемы и одновременно ответственности за реализацию принятого решения, его последствий и риски. Обратной стороной медали указанного принципа является

готовность клиента к саморазвитию, рефлексии своих семейных отношений, действий и их причин, «сильных» и «слабых» сторон своей личности.

Принцип профессиональной компетентности и ответственности консультанта. Семейное консультирование является чрезвычайно ответственным видом практической деятельности психолога. От его профессиональной компетентности зависит благополучие семьи и ее будущее развитие. Соответственно, требования к профессиональной подготовке и квалификации консультанта должны обеспечить необходимый уровень компетентности в решении проблем развития и функционирования семьи.

Принцип стереоскопичности диагноза определяет требование исследования психологических особенностей семьи с позиций всех ее членов, «глазами» всех участников семейного процесса. Образ семейных отношений и семейного взаимодействия у обоих супругов, родителей и детей выполняет ориентирующую функцию, определяет направленность и содержание активности каждого из участников такого взаимодействия. Стереоскопичность диагноза означает построение объемной картины семьи, в которой соотнесены образы семьи у каждого ее члена и объективная ситуация семейного взаимодействия.

Принцип реконструкции истории семьи требует воссоздания генезиса семьи и развития истории семейных отношений. Как правило, реконструкция истории семьи сочетается в семейном консультировании с направленностью на установление причинно-следственных зависимостей. Методическим приемом, позволяющим воссоздать историю семьи, является построение «линии ее жизни» — всех наиболее значимых событий в их хронологической связи и преемственности начиная со знакомства будущих партнеров. Важно выявить не только сами события, но и особенности их восприятия и переживания каждым из членов семьи. Реализация указанного принципа стимулирует развитие рефлексивности партнеров, раскрывает возможности для совместного анализа проблемной ситуации, ее интерпретации и принятия решений.

Принцип совместной выработки решений является логическим продолжением принципов личной ответственности клиента и профессиональной компетентности и ответственности консультанта. Решения и рекомендации нельзя давать клиенту в готовом виде — это основной постулат психологического консультирования. Назовем причины необходимости отказа от готовых рекомендаций:

- консультант и клиент говорят на разных языках — языке «научной психологии» и языке психологии «житейской». Соответственно, возможно разночтение и несовпадение значений основных понятий. Готовые рекомендации могут быть просто неадекватно поняты клиентом и столь же неверно реализованы;

- предложенные рекомендации могут быть не приняты клиентом в силу иного понимания и интерпретации событий и проблем семейной жизни,

чем у консультанта. Актуализация защитных механизмов, сопротивление, вытеснение, селективность восприятия информации и предвзятость ее интерпретации могут стать причиной негативизма клиента в отношении рекомендаций, предлагаемых консультантом;

- готовые рекомендации освобождают клиента от необходимости принятия решения и открывают возможность перекладывания бремени ответственности на консультанта. Уровень психологической готовности клиента к работе над собой снижается, тем самым ограничивая возможности личностного роста клиента в процессе консультирования;

- готовое решение и план и его реализации определенным образом позиционируют отношения консультанта и клиента как отношения «сверху», формируют зависимость от консультанта.

Таким образом, готовые рекомендации и решения, как бы ни были они точны и выверены, в подавляющем большинстве случаев оказываются непродуктивными. Исключение составляют случаи необходимости немедленного принятия решения, когда под угрозой оказывается психологическая и физическая безопасность и здоровье личности. Выработка рекомендаций и принятие решений должно осуществляться в совместной деятельности, где функция консультанта состоит в организации ориентировки клиента в проблемной ситуации; выделении существенных для ее разрешения условий; выявлении их значения и личностного смысла; выборе решения из диапазона совместно выстраиваемых вариантов возможных действий и их последствий; наконец, в разработке плана реализации принятого решения.

Принцип привлечения широкого социального окружения предполагает опору на социальные, межличностные и внутрисемейные ресурсы помощи семье в решении возникающих проблем.

Принцип комплексности в работе с семьей. Очевидно, что далеко не всегда проблемы семьи замыкаются в кругу собственно психологических проблем семейного контекста. В силу этого специалисты по семейной психологии и семейному консультированию, как правило, работают в тесном контакте с возрастными и детскими психологами, социальными работниками, педагогами и воспитателями, врачами, семейными психотерапевтами, юристами, сексологами.

Принцип единства диагностики и коррекции означает, что любая диагностическая процедура имеет несомненное коррекционное значение, представляет собой вид психологического воздействия, обладающего определенным эффектом для личности и семьи. Выполнение любого из предложенных заданий, будь то проективное задание, заполнение опросников или диагностическое интервью, приводит к возрастанию уровня осознания клиентом семейных проблем, условий, их порождающих, их последствий для семейного функционирования. Коррекционное воздействие и его эффект, в свою очередь, предоставляет важную диагностическую информацию для проверки гипотез о причинах возникновения трудностей семейной жизни.

Принцип структурирования позиций в процессе консультирования. Позиционирование консультанта и клиента осуществляется в начале установления контакта и выполняет функцию организации совместной деятельности по анализу проблемы и поиску ее решения. Структурирование позиций определяется мотивационной направленностью клиента, его личностными особенностями и реализуемой консультантом теоретической моделью консультирования, в частности мерой директивности консультанта. Можно выделить следующие варианты соотношения позиций: «на равных», «консультант сверху», и «клиент сверху». Вариант «на равных» предполагает равноправное сотрудничество консультанта и клиента, в котором консультант обладает необходимой компетентностью и предоставляет необходимую и достаточную информацию клиенту для организации процесса принятия обоснованного решения, а клиент является носителем проблемы, отражающей дисфункцию семьи. Вариант «консультант сверху» предполагает неравные отношения директивности—зависимости, когда консультант директивен, является носителем уникального знания, принимает на себя полную принятие решения и ответственности, а клиент зависим и реализует установку на подчинение и делегирует консультанту право принятия решения. Вариант «клиент сверху» выражает прагматическую ориентацию клиента, предполагающего, что оплата услуг консультанта открывает для него возможность диктовать свои требования и пожелания в отношении воздействия и влияния на третьих лиц. Здесь клиент уже приходит с готовым решением проблемы, а консультанту делегируется обязанность обосновать это решение и обеспечить условия его реализации.

Принцип выявления подтекста обращения клиента. При определении подтекста жалобы следует обратить внимание на характер мотивационной направленности клиента и его отношения с консультантом. Выделяют три варианта ориентации клиента: деловая (адекватная или неадекватная — с преувеличением силы и возможностей консультанта), рентная (направленная на получение выгоды и прибыли от консультирования), игровая (направленная на испытание консультанта и проверку его компетентности) [Семья в психологической консультации, 1989]. В зависимости от преобладания мотивации клиента можно также говорить о различных установках, находящихся выражение в подтексте жалобы. Наиболее типичными являются следующие установки: 1) установка «потребителя», реализующая стремление переложить груз ответственности на консультанта и получить «готовый рецепт»; 2) установка тревожно-неуверенного клиента, выражающая мотив получить эмоциональную поддержку и обратную связь, подтверждающую правомерность и целесообразность своего поведения; 3) установка саморазвития, когда ситуация консультирования используется клиентом как ресурс личностного роста; 4) установка зависимости, когда клиент реализует мотив удовлетворения потребности в безопасности, опеке и установления привязанности. Выявление подтекста обращения — необходимое

условие для грамотного построения стратегии и тактики проведения консультации.

§ 4. Основные этапы психологического консультирования семьи

Можно выделить следующие этапы психологического консультирования семьи: предварительный этап записи; этап первичного приема; диагностический этап; этап составления психологического заключения; этап совместного анализа причин возникновения проблемы и определения путей ее разрешения; заключительный этап.

Предварительный этап. Запись. Фиксация обращения. Объективирование жалобы и запроса клиента. Сбор исходной информации о семье и клиенте. Решение организационных вопросов. Ориентация клиента в порядке и регламенте работы.

Первичный прием. Знакомство консультанта с клиентом. Установление контакта с использованием техник присоединения — аккомодации как подражания консультанта стилю и особенностям поведения членов семьи (С. Минухин), активного эмпатического слушания (К. Роджерс), мимезиса как подражания и копирования по типу имитации позы, одежды, мимики и пр. (С. Минухин). Конкретными формами мимезиса являются синхронизация дыхания, «отзеркаливание» позы, мимики, жестов, подражание речи клиента по параметрам скорости, громкости, интонации либо, если работа идет с семьей в целом, речи «идентифицированного пациента», отслеживание глазодвигательных реакций клиента. Представление консультанта и структурирование позиций в консультативном процессе. Установление атмосферы доверия и безопасности. Коммуницирование эмоциональной поддержки и стабилизация эмоционального состояния клиента. Выявление жалобы и запроса. Первичное исследование проблемы. На этой стадии необходимо получить общую информацию о составе семьи, возрасте, образовании, профессии каждого из членов семьи и выявить особенности их отношений и взаимодействия. Оптимальным методом здесь является составление генограммы для трех поколений семьи. Если работа идет с семьей в целом, то необходимо выявить позицию каждого из присутствующих ее членов в отношении проблемы обращения. Переформулирование запроса. Заключение договора (контракта) на проведение психологического консультирования. В рамках договора согласуются цели консультирования и форма психологической помощи, которая будет оказана клиенту. Обсуждаются проблема ответственности клиента и консультанта и их функции в процессе работы. Осуществляется согласование организационных вопросов: количество встреч, их продолжительность и периодичность, состав участников, оплата консультаций.

Диагностический этап. Уточнение проблемы клиента. Направленное ее изучение в соответствии с принципом стереоскопичности диагноза, выяв-

ление ролевой структуры семьи и ее внутренних и социальных ресурсов. Реконструкция истории развития семьи с момента знакомства супругов. Анализ проблемных ситуаций, типовых семейных сценариев, выявление и обсуждение семейных мифов. Формулирование рабочих гипотез о содержании и причинах проблемы. Проведение необходимого диагностического обследования с целью проверки выдвинутых гипотез.

Этап составления психологического заключения. Формулирование психологического диагноза и прогноза. Диагностическое заключение должно содержать описание объективного статуса семьи, вывод о соответствии жалобы объективной проблеме семьи и мере ее обоснованности, позитивную оценку функционирования семьи с выделением ее ресурсов, переформулирование значения симптомов проблемного поведения членов семьи и объективирование механизма симптомообразования; в нем должна быть показана роль симптома в сохранении семейного функционирования. Разработка общего плана рекомендаций по преодолению проблем семьи. Психологическое заключение может быть составлено консультантом вне времени встречи с клиентом, представлять собой результат анализа и интерпретации проблемы консультантом и основу для проведения последующего этапа. В ряде случаев этап составления психологического заключения может совмещаться с этапом совместного анализа проблемы и поиска ее решения.

Этап совместного анализа причин проблемы и определение путей ее разрешения. Направленный анализ проблемы, выделение «сильных», ресурсных, и «слабых» аспектов семейного функционирования. Выявление причин неэффективного функционирования. Обсуждение основных положений психологического диагноза. Совместная выработка условно-вариантного прогноза. Рассмотрение «веера» возможных решений, всесторонняя оценка «плюсов» и «минусов» каждого из них. Принятие решения, выработка плана его реализации. Распределение ответственности и функций между членами семьи. Разработка системы «домашних заданий» для воплощения принятого решения в жизнь.

Заключительный этап. Подведение итогов. Контроль и оценка реализации принятого решения. Завершение совместной работы с консультантом, обсуждение форм и сроков дальнейших контактов. Совместная выработка плана профилактических и превентивных мероприятий по предупреждению возникновения трудностей и проблем в семье.

Даже простое перечисление этапов психологического консультирования семьи обнаруживает то, что они эксплицируют не столько временную последовательность, сколько саму логику и последовательность разрешения задач, обеспечивающих удовлетворение запроса клиента. Сами же этапы могут перекрываться во времени, допускать нарушение линейности продвижения и возвращение с последующего на предыдущий этап. Выделенная последовательность этапов скорее определяет закономерность перехода от выполнения одного вида консультативных работ и процедур к другому.

При определении содержания психологического консультирования на каждом из этапов были использованы понятия «жалоба», «запрос», «психологический диагноз» и «прогноз». Остановимся более подробно на каждом из них.

Жалоба имеет сюжет и структуру [Семья в психологической консультации, 1989]. Сюжет жалобы — это последовательность изложения событий, жизненных коллизий, их содержание и взаимосвязь. Структура жалобы включает локус (субъектный и объектный) и самодиагноз. Субъектный локус характеризует того, на кого жалуется клиент, а объектный — на что именно он жалуется. Субъектный локус может быть направлен на супруга, ребенка, третьих лиц, семейную ситуацию в целом, на самого себя. Объектный может определяться жалобами на ролевое поведение членов семьи, на индивидуальные их особенности, на отношения (отсутствие взаимопонимания, поддержки, любви и т.д.), на объективные обстоятельства (жилищные трудности, чрезмерная занятость на работе), на ненормативные кризисные события (супружеская измена, уход ребенка из дома и пр.). Самодиагноз представляет собой объяснение, которое дает клиент причинам нарушений, отражает особенности реагирования человека на фрустрацию. Самодиагноз может быть выражен в убеждении, что проблема обусловлена «злой волей» (негативными враждебными намерениями определенного лица), индивидуальным своеобразием партнера (психической аномалией или органическим дефектом, «дурным характером»), собственной личностной недостаточностью или собственными неверными действиями, влиянием «третьих лиц» (тещи, свекрови, прежнего супруга, друзей и т.д.), неблагоприятно сложившейся ситуацией (роком, судьбой). Жалоба имеет явное (то, что сообщается, декларируется, обсуждается) и скрытое содержание. Скрытое содержание не является вытесненным или подсознательным, а представляет собой недоговоренную информацию, которую для проведения дальнейшего консультирования необходимо актуализировать как существо жалобы. Далеко не всякая жалоба имеет скрытое содержание. Подтекст ее, в отличие от скрытого содержания, может быть вытесненным, неосознанным и требует специальной работы по достижению осознания.

Запрос конкретизирует ожидания клиента в отношении помощи, которую он предполагает получить в консультации. Можно выделить следующие виды запросов клиента о психологической помощи: информационный запрос; запрос о помощи в обучении навыкам общения, взаимодействия, поведения в проблемных ситуациях; о содействии в анализе и интерпретации событий, поведения, особенностей личности; о помощи в выработке позиции в отношении проблемы; об эмоциональной и психологической поддержке; о содействии в анализе проблемы и принятии решения [Там же]. Все перечисленные виды запросов можно квалифицировать как адекватные. Вместе с тем консультанту в большинстве случаев приходится сталкиваться с неадекватными ожиданиями клиента. Тогда запросы фор-

мулируются по типу манипулятивного запроса или запроса — перекладывания ответственности за решение проблемы на консультанта. Манипулятивный запрос состоит в просьбе клиента об оказании влияния на члена семьи и его изменении либо в интересах самого члена семьи («муж пьет — повлияйте на него, чтобы не пил»), либо в интересах клиента. В случае перекладывания ответственности за решение проблемы на консультанта клиент исходит из мифа о всемогуществе консультанта и «волшебной палочки», по взмаху которой все проблемы могут быть разом решены без какого бы то ни было участия самого клиента. Очевидно, что в случае неадекватного запроса должна быть проведена работа по его переформулированию для заключения договора, или так называемого «терапевтического контракта», на проведение консультативной работы.

Понятие *психологического диагноза* неоднозначно интерпретируется в разных литературных источниках. Первоначально в практической психологии термин «диагноз» получил распространение в самом широком и неопределенном значении — как констатация количественной или качественной характеристики признака [Бурменская и др., 2003]. В зарубежной психологии и психометрии понятие «психологический диагноз» является производным от процедур тестового измерения. Если, вслед за А. Анастаси [1982], определять психологическую диагностику семьи как «идентификацию психологических характеристик индивида/семьи с помощью специальных методов», то такое понимание психологического диагноза оказывается непродуктивным для решения задач семейного консультирования. Как указывает Г. В. Бурменская [2003], не случайно в современной зарубежной психологии многие специалисты отвергают термин «диагноз», утверждая, что его следует избегать из-за медицинского, т.е. ориентированного на болезнь, значения. В любом виде психологического консультирования, а уж тем более в семейном консультировании, главная задача состоит в том, чтобы помочь семье преодолеть трудности ее функционирования и создать оптимальные условия для личностного роста и развития как каждого ее члена, так и семьи в целом. Психологический диагноз должен иметь собственное содержание, выходящее за рамки описания трудностей семьи как симптомов ее «болезни» и объективно установленных особенностей ее функционирования. Необходимо выявить механизмы генезиса и формирования трудностей функционирования семьи. Таким образом, этиологический диагноз, выступая важным компонентом психологического диагноза, предполагает выделение причинных каузально-динамических связей, выявленных в ходе психологического обследования трудностей функционирования и развития семьи, с источниками и условиями их образования.

Составление психологического прогноза — главный результат психологического обследования семьи. Важной его характеристикой является степень достоверности. В настоящее время в практике психологического консультирования используются два достаточно близких на первый взгляд

понятия. Это «вероятностный прогноз» и «условно-вариантный прогноз». Однако, считает Бурменская [2003], при обсуждении проблемы диагностики психического развития ребенка понятие *вероятностного прогноза* представляется неуместным, поскольку в силу открытого характера развития ребенка в принципе отсутствуют основания для определения *вероятности* того или иного его хода в будущем. Продолжая мысль о роли активности самого субъекта в проектировании и осуществлении своего развития, можно заключить, что делать предсказания относительно *вероятности* того или иного варианта разрешения семьей своих трудностей и, соответственно, относительно перспектив ее дальнейшего функционирования и развития оказывается задачей не просто неблагодарной, но и практически неразрешимой. В силу этого, по нашему мнению, перспективно и правомерно использовать понятие *условно-вариантного прогноза*, используемого в рамках возрастано-психологического консультирования развития ребенка [Там же]. Под условно-вариантным прогнозом следует понимать конструирование основных вариантов развития семьи из множества потенциально возможных. Эти варианты определяются с учетом трех возможностей: 1) неблагоприятные условия, ставшие причиной психологических трудностей, сохраняются; 2) причины и факторы неблагополучия семьи будут преодолены или существенно ослаблены; 3) причины и факторы дисгармоничности, напротив, усугубятся. Прогноз дальнейшего функционирования и развития семьи должен представлять собой «веер» вариантов в диапазоне указанных возможностей, а не предсказание с определенной вероятностью однозначного исхода. Таким образом, условно-вариантный прогноз становится основой для разработки стратегии и тактики «самопомощи» семьи в разрешении возникшей проблемы или кризисной ситуации.

Основные формы семейного консультирования

В настоящее время используются следующие формы семейного консультирования: 1) индивидуальное консультирование одного из супругов; 2) параллельное индивидуальное консультирование обоих супругов одним консультантом; 3) параллельное индивидуальное консультирование обоих супругов разными, но взаимодействующими консультантами; 4) совместное консультирование обоих супругов либо всех членов семьи одним консультантом.

Индивидуальная форма консультирования одного из супругов является наименее продуктивной. В ряде случаев отмечается, что при индивидуальной работе лишь с одним из супругов отношения в семье не только не улучшаются, но значительно дестабилизируются. Эти факты еще раз доказывают, что семья представляет собой целостную систему, а потому именно она должна быть субъектом обращения за психологической помощью. Параллельное консультирование супругов одним или сотрудничающими консультантами, несомненно, является шагом вперед к достижению цели консультирования — повышению уровня эффективности функционирова-

ния семьи. Однако в этом случае «за кадром» остаются общение и формы взаимодействия и сотрудничества супругов, что значительно ограничивает возможности консультирования и коррекции. Признанным фактом является максимальная эффективность консультирования при использовании формы совместного консультирования супругов/семьи.

§ 5. Консультирование по проблемам семьи

Консультирование по вопросам вступления в брак

Консультирование по вопросам вступления в брак в нашей стране оказывается относительно редко востребованной формой психологического консультирования. Обычно запрос формулируется клиентом в виде просьбы оценить степень психологической совместимости партнеров как будущих супругов. Выше были определены условия супружеской совместимости, из которых важнейшими для стадии выбора брачного партнера являются степень согласованности семейных ценностей и ролевых ожиданий в отношении целей и ролевых моделей поведения супругов, а также принятие личностных и поведенческих особенностей партнера и готовность учитывать их в сотрудничестве. Задачей консультирования в этом случае должно стать прояснение семейных ценностей и представлений о принципах и нормах семейного функционирования и ожиданий в отношении ролевого поведения каждого из партнеров и их обсуждение. Вопросы распределения функций в семье, главенства, планирования рождения детей, контрацепции и абортов, сексуальных отношений, супружеской измены, финансовых вопросов и семейного бюджета должны стать предметом открытого и честного обсуждения. Целесообразно использовать формы заданий по характеру распределения бюджета, построению перспективного плана важных жизненных событий семьи с элементами ролевого разыгрывания и творческих заданий проективного типа (например, рисунок «Наша семья через 20 лет») и т.д.

Другим направлением работы с парой, желающей создать семью, должна стать диагностика психологической готовности к вступлению в брак, включая уровень соответствия требованиям экономической и финансовой самостоятельности, эмоциональной автономии от прародительской семьи, достижения необходимой личностной зрелости для осуществления выбора и принятия ответственности.

Важное профилактическое значение имеет выработка программ, направленных на развитие эмпатии, коммуникативной компетентности, умения разрешать конфликтные ситуации методом «семейного совета».

Психологическая помощь семье, ожидающей ребенка

Психологическая помощь семье, ожидающей ребенка, определяется необходимостью реализации главной цели — формирования родительской по-

зиции матери и отца и подготовке к перестройке семейной системы в связи с рождением ребенка. Основные ее задачи:

- формирование родительской позиции на ценностно-смысловом и мотивационном уровне, включая родительскую ответственность;
- повышение уровня когнитивной осведомленности о внутриутробном развитии ребенка, течении беременности и родов, их психологическом значении для ребенка и матери;
- повышение уровня психолого-педагогической компетентности в вопросах развития и воспитания детей младенческого и раннего возраста;
- формирование навыков саморегуляции функциональных и психических состояний, поведения в родах, ухода за ребенком;
- оптимизация супружеских отношений, помощь в планировании жизненного стиля семьи, распределении обязанностей после рождения ребенка;
- развитие навыков открытого субъектно-ориентированного эмоционального общения с ребенком в период беременности, помощь в формировании образа ребенка [Ланцбург, 2000; Захарова и др., 2002].

Специальная работа по формированию родительской позиции осуществляется в родительских школах и школах сознательного материнства, где задачи диагностики и коррекции готовности родителей к отцовству и материнству, профилактики деструктивных процессов в семье и развития родительской компетентности могут быть с успехом решены.

Консультирование по проблеме супружеской измены

Супружеская измена может быть разрешена через восстановление супружеских отношений или распад брачного союза. В ряде случаев ситуация измены остается неразрешенной на протяжении ряда лет. Задачи психологической помощи клиенту в случае распада супружеских отношений состоят в построении нового образа жизни, преодолении реакции горя, формировании новых межличностных отношений, которые могут компенсировать утрату. В случае восстановления супружеских отношений задачи консультирования включают: изживание и преодоление реакций ревности, формирование «морали прощения» [Волкова, 1989]; формирование умения контролировать свое поведение и аффективные переживания; анализ причин измены и собственных ошибок; построение новых отношений с партнером. Неконструктивным способом психологической работы является стратегия обесценивания как факта супружеской измены, так и самого партнера. Отвлечение на значимую деятельность — работу, учебу, воспитание детей, хобби и увлечения, — хотя и помогает временно отвлечься, «уйти» от проблемы и снизить интенсивность аффективных переживаний, но является ложной стратегией совладания с супружеской изменой.

Приведем схему психологического консультирования супружеской измены, предложенную А.Н. Волковой.

1. Формирование картины измены:

- выделение и составление психологической характеристики соперника, руководствуясь которой можно составить представление о возможных причинах супружеской измены;

- определение «нормативности» реакций ревности;
- определение уровня активности поведения ревнующего и преобладающих реакций ревности, их трансформация в более конструктивные формы;
- определение интенсивности реакций, их влияния на жизнедеятельность и исход измены.

2. Исследование личностных особенностей участников супружеской измены, в первую очередь ее «жертвы».

3. Выбор методов психологического воздействия с целью оптимизации работы клиента над проблемой преодоления ревности и восстановления супружеских отношений, безусловно, в тех случаях, когда это возможно.

Консультирование по проблеме насилия в семье

Семейное насилие — повторяющиеся во времени с увеличением частоты инциденты множественных видов насилия с целью установления безраздельного контроля над партнером и запугивания его. Семейное насилие включает цикл физического, экономического, психологического и сексуального подавления личности, осуществляющегося между близкими родственниками. Цикл насилия включает фазы нарастания напряженности, вспышки неуправляемого насилия, в частности физическое избиение, фазу «медового месяца», в которой любовь, покой и покаяние сменяются нарастанием конфликтности и напряженности, т.е. переходом к первой фазе цикла. Семейное насилие как акт агрессии может быть осуществлено между мужем и женой, родителем и ребенком, другими родственниками. Чаще всего потерпевшей стороной оказываются женщины и дети. Отметим, что сами женщины крайне редко становятся субъектом насильственных агрессивных действий в отношении мужа. Дети нередко используются агрессором как средство давления на мать и принуждения ее к определенным действиям. Примером тому может служить манипулирование правом матери на свидание с детьми в случае развода, когда дети остались у отца. В семье, где мать становится объектом насилия, в большинстве случаев детей постигает та же участь.

Семейное насилие в отношении женщин, к сожалению, не редкое явление как в истории России, так и современного российского общества. По разным данным, около 30% российских женщин страдает от домашнего насилия. В то время как в США и Западной Европе специализированная система помощи женщинам, страдающим от домашнего насилия, начала работу достаточно давно, в России первый телефон доверия для таких женщин появился только в 1993 г.

В рамках семейного консультирования можно назвать по крайней мере три модели, объясняющие причины насилия в семье. Социокультурная объясняет насилие в семье сложившимися традициями и особенностями

социальной организации общества. Насилие в семье выступает как продолжение уличного и социального насилия, поэтому в тоталитарных обществах уровень семейного насилия достаточно высок. Традиции патриархальной семьи, где мужчина был единоличным властителем, судьей и исполнителем наказаний, создают предпосылки для воспроизводства правовых норм домостроя в современной семье. Демократизация власти в семье и изменение позиции женщины в обществе приводят к перераспределению главенства в семье, в ряде случаев вызывающему сопротивление изменению прежней системы отношений, и, как следствие, — к насилию. Системная модель представляет насилие как результат неэффективности ролевой структуры семьи и ее коммуникаций, приравнивая по сути агрессивные действия к действиям неэффективным, а ответственность за их совершение распространяет на обоих участников взаимодействия. Наконец, в психоаналитической модели агрессия мужа в отношении жены рассматривается как следствие искажения в детские годы личностного развития в отношениях с родителями, как проявление нарциссизма, фрустрации, неадекватных защит, низкой самооценки, чрезмерной тревожности и т.п.

Виды семейного насилия:

- физическое насилие — избиение, удары, удушение, ожоги, ограничение доступа жертвы к медицинской помощи, насильственное удержание и пр. — самый распространенный вид домашнего насилия (95% женщин, обращающихся за помощью, страдают именно от физического насилия со стороны мужа);

- сексуальное насилие — сексуальное давление, изнасилования, принуждение к половым отношениям в неприемлемой для партнера форме или с третьими лицами, причинение боли, нанесение физического увечья и т.д.;

- психологическое насилие — угрозы, оскорбления, постоянная критика, шантаж, жесткий контроль с принуждением к определенным действиям фрустрирующего характера, ограничение удовлетворения потребностей, запреты на общение с друзьями, родственниками, на занятия профессиональной деятельностью и пр., унижение личности, оскорбление ее достоинства и т.п. Психологическое насилие может привести к расстройствам личности, искажению личностного развития, депрессии и страху и, как следствие, к агрессии, направленной на агрессора;

- экономическое насилие — отказ в финансовой поддержке и содержании детей, единоличное распоряжение финансовыми ресурсами семьи, игнорирование нужд и потребностей жены и детей и т.д.

Консультирование женщин по проблеме семейного насилия в настоящее время осуществляется в специализированных кризисных центрах. Задачи психологического консультирования включают: стабилизацию эмоционального состояния клиентки; исследование проблемы, выявление источников поддержки; организацию принятия решения об изменении ситуации (уход от супруга, временное или постоянное раздельное прожива-

ние, развод, сохранение статус-кво, переговоры с супругом, совершающим насильственные действия, использование посредничества, обращение в правоохранительные органы для защиты и т.д.) и составление плана действий. Важной составной частью плана действий является «индивидуальный план безопасности». Разработка такого плана подразумевает: обсуждение круга лиц, к которым следует обращаться в случаях насилия (соседи, милиция, свидетели); определение убежища, где можно укрыться и получить необходимые для жизни средства (друзья, родственники, кризисные центры); мобилизацию необходимых ресурсов для экстренной эвакуации в случае насилия (документы, деньги, необходимые вещи, лекарства, детские игрушки); разработку плана превентивной сепарации детей в случае угрозы насилия с тем, чтобы они не стали средством шантажа клиента или объектом агрессии со стороны супруга.

Если в семье есть дети, необходимо осуществить переориентацию женщины на необходимость заботы и оказания им помощи и поддержки. Помимо обеспечения безопасности и благополучия детей, решение этой задачи позволяет повысить уверенность самой женщины в своих ресурсах и возможностях самостоятельно справиться с кризисной ситуацией. Насилие прямым результатом имеет чувство страха, беспомощности, неуверенности в себе и низкого самопринятия женщины. Нередко — помимо страха и бессилия, ощущения зависимости — женщины, пережившие семейное насилие, испытывают стыд и чувство вины, теряют уважение к себе. Принятие матерью ответственности за благополучие детей, за свою жизнь и здоровье позволит ей повысить самоуважение и самопринятие, укрепить чувство Я и тем самым сделать существенный шаг в преодолении кризиса.

Психологическое консультирование по проблеме семейного насилия должно сопровождаться необходимыми мероприятиями, обеспечивающими правовую, экономическую и социальную поддержку жертв домашнего насилия.

Консультирование по проблеме развода

Говоря о задачах психологического консультирования по проблеме развода, мы имеем в виду лишь случаи, когда решение о разводе супругами уже принять. Более уместно говорить здесь о психологическом сопровождении развода. Необходимость такого сопровождения безусловна, когда в семье есть дети. В значительной степени такое консультирование выполняет информационную функцию [Алешина, 1994].

Основными задачами консультирования в случае развода являются:

- посредничество в разрешении проблем экономического развода супругов в режиме ограниченного времени — территориальные споры, раздел имущества, вопросы материально-финансовой поддержки;
- консультирование по проблеме установления опекунов, согласования условий участия родителя, проживающего отдельно, в воспитании ре-

бенка (частота и продолжительность, территория встреч, участие третьих лиц и пр.);

- консультирование по проблеме подготовки детей к распаду семьи и сепарации одного из родителей (время и форма информирования ребенка о разводе, выработка стратегии и тактики поведения родителей в период развода и постразводный период);

- формирование нового образа семьи, помощь в планировании разрешения проблем, связанных с изменением ролевой структуры семьи и выходом женщины на работу (как правило, после развода мать либо выходит на работу, если она ранее не работала, либо ищет сверхурочную или дополнительную работу);

- оптимизация детско-родительских отношений и типа семейного воспитания как профилактика эмоционально-личностных нарушений детей, переживших развод;

- сопровождение эмоционального развода, создание сети социальной поддержки разведенных супругов;

- сотрудничество в решении задачи реконструкции личностной идентичности разведенного супруга, профилактика депрессии, роста тревожности, развития страхов и фобических реакций;

- работа с ребенком с целью предупреждения эмоционально-личностных нарушений развития и поведенческой дезадаптации;

- оптимизация отношений разведенных супругов для обеспечения условий эффективного выполнения ими родительской функции воспитания детей.

В табл. 7 сформулированы основные обращения к родителям рекомендации, преследующие цель предупреждения негативных последствий развода для всех членов распавшейся семьи.

Важным направлением консультативной работы в сфере оптимизации детско-родительских отношений в постразводный период является посредничество между родителями в переговорах для определения конкретных форм реализации родительской функции разведенным супругом, проживающим отдельно. В последнее десятилетие явно наметилась тенденция возрастания инициативы и активности отцов в направлении сохранения своей воспитательной роли. Удивительно, но одной из проблем, с которой приходится сталкиваться психологу в консультации, является противодействие матерей, их негативизм и сопротивление попыткам отцов сохранить отношения с детьми после развода. Необходимо знать основные принципы, которыми должны руководствоваться родители при достижении договоренности об участии отцов в воспитании детей. Их несколько:

1. Ребенок должен быть уверен в том, что он любим и дорог обоим родителям. Надо постоянно подкреплять уверенность ребенка в любви, принятии и уважении его как отцом, так и матерью. Если родитель, проживающий отдельно, длительное время не общается с ребенком, нужно суметь

найти для ребенка возможные объяснения этому факту, не подвергая сомнению чувства к нему такого родителя.

2. Образ каждого из родителей должен быть позитивным. Ребенок должен быть уверен в том, что его мама и папа — достойные люди, заслуживающие любви и уважения.

3. Разведенным супругам нужно принять нынешнее семейное положение как естественное и сформировать такую же установку у ребенка. Не стыдиться развода, не говорить о разводе как постыдной недостойной ситуации и не умалчивать о нем. Объяснить ребенку, что неполная семья — ничем не хуже любой другой семьи, что существуют такие отношения, когда отцы живут отдельно, но продолжают заботиться о детях.

4. Необходимо сохранять доброжелательные отношения между супругами, не ставить ребенка перед необходимостью выбора «он/она или я». Избегать подозрительности, не расспрашивать ребенка о супруге, его новой семье, если она существует, не комментировать поступки, подарки, высказывания бывшей «половины», помнить о том, что бывший партнер — значимый и важный для ребенка человек.

5. Надо работать над тем, чтобы отношения ребенка с родителем, проживающим отдельно, были систематичными и предсказуемыми, не должно быть долгих неожиданных разлук и прерывания контактов. Если невозможно очное общение, можно использовать письма, телефонные переговоры. Родитель, проживающий с ребенком, должен в случае необходимости проявлять инициативу и настойчивость в восстановлении и сохранении контактов ребенка с другим родителем. Если родителя — постоянного воспитателя ребенка что-то не устраивает в форме, содержании и месте общения, он вправе предлагать свои варианты его организации и настаивать на них.

6. Семейная история не только не должна прерываться с разводом, она должна иметь продолжение. Семейные фотографии и видеозаписи, семейные реликвии и рассказы, в том числе «история любви» родителей, должны сохраняться в семье, иметь позитивную эмоциональную окраску, быть для ребенка «лучшими и любимыми страницами» летописи его семьи. Это правило является важной мерой профилактики нарушения семейно-брачных отношений в будущей семье самого ребенка.

7. Нельзя ограничивать и прерывать отношения ребенка с бабушками и дедушками из семей обоих родителей. Естественно, что все вышеуказанные правила распространяются и на прародителей.

8. Создание новой семьи ни в коем случае не должно стать основанием для ограничения общения и сотрудничества ребенка с родителем. Отчим или мачеха не должны претендовать на то, чтобы занять в сердце ребенка место отца или матери. Друг, опекун, защитник, доверенное лицо, авторитетный воспитатель — далеко не полный перечень возможных ролей, которые может играть новый член семьи в жизни ребенка.

Таблица 7

Психологические рекомендации супругам во время и после развода

№	В сфере отношений с бывшим супругом	В сфере отношений с детьми	В сфере отношений с друзьями
1	Укрепляйте сотрудничество и доброжелательные отношения с экс-супругом во время развода	Объясните детям ситуацию честно, понятно, не скрывая правды	Ваши друзья — ваша сила. Укрепляйте широкую сеть поддержки, не довольствуйтесь общением с одним-двумя самыми близкими друзьями
2	Будьте добры и терпеливы к себе и другим	Объясните, что мама и папа всегда будут любить их и останутся с ними	Не ждите, когда друзья позвонят или придут к вам. Сделайте это сами
3	Не ищите виноватого, спокойно проанализируйте свои ошибки, чтобы не допускать их в будущем	Избегайте бурных объяснений и конфликтов с супругом, обвинений в его адрес в присутствии ребенка	Не заставляйте ваших друзей принимать чью-то сторону и выбирать между вами и бывшим супругом, ведь они друзья вам обоим
4	Сумейте поблагодарить экс-супруга за все хорошее, что вам довелось пережить вместе	Вы разводитесь друг с другом, а не с ребенком! Не просите ребенка решать, с кем из родителей он останется, и не испытывайте, кого он больше любит. Ребенок любит обоих родителей	Не расспрашивайте друзей о бывшем супруге, им может быть неловко, они почувствуют себя «шпионами»
5	Сумейте сказать себе и экс-супругу: «Да, мы больше не муж и жена, но наши отношения продолжают быть как отношения матери и отца наших детей»	Не ограничивайте возможности ребенка в общении с папой, бабушками и дедушками — он сейчас как никогда нуждается в любви и внимании	Обсудите с бывшим супругом, как вам общаться с общими друзьями
6	Пожелайте удачи экс-супругу, ведь его благополучие — залог поддержки и опоры вашим детям в будущем	Не терзайтесь чувством вины за разрушенную семью, сконцентрируйтесь на том, как устроить жизнь по-новому. Старайтесь быть счастливым — счастливый родитель — счастливые дети	Не критикуйте бывшего супруга перед друзьями
7	Фокусируйтесь на будущем — любое изменение, пусть даже и развод, открывает новые возможности	Избегайте ненужных изменений в жизни детей после развода	

Одним из важнейших принципов организации психологического консультирования разведенных супругов является делегирование ответственности за эффективное преодоление последствий развода разведенному супругу. Стремление психолога присвоить право принятия ответственного решения относительно стиля жизни разведенной семьи — не просто лож-

ный, но и крайне опасный шаг, ведущий к стагнации постразводного синдрома и формированию зависимости клиента.

Вопросы и задания

1. В чем сходство и различия семейного консультирования и семейной психотерапии?
2. Дайте краткую характеристику основным моделям психологической работы с семьей.
3. В чем состоят задачи психологического семейного консультирования?
4. Охарактеризуйте стратегию психологического консультирования по поводу супружеской измены.
5. Какова последовательность основных этапов семейного консультирования?

ЛИТЕРАТУРА

- Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М., 2000.
- Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1990.
- Акслайн В. Игровая терапия. М., 2000.
- Алешина Ю.Е. Семейное и индивидуальное психологическое консультирование. М., 1994.
- Алешина Ю.Е. Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1987. № 2. С. 60-72.
- Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М., 1987.
- Алешина Ю.Е., Борисов И.Ю. Полоролевая дифференциация как комплексный показатель отношений супругов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1989. № 2. С. 44—53.
- Алешина Ю.Е., Воловик А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4.
- Алперович В.А. Социальная геронтология. Ростов н/Д., 1977.
- Анастаси А. Психологическое тестирование: В 2 т. М., 1982.
- Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000.
- Антонов А.М., Борисов В.А. Кризис семьи и пути его преодоления. М., 1990.
- Антонов А.М. Микросоциология семьи. М., 1998.
- Ануилов А.Я., Шипилов А.М. Проблема конфликта: аналитический обзор, междисциплинарный библиографический указатель. М., 1992.
- Аргайл М. Психология счастья. М., 1990.
- Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом режиме. Екатеринбург, 1999.
- Ачилюдиева Ф.Н. Городская многодетная семья // Социс. 1990. № 9.
- Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Байярд Р. Т., Байярд Д. Ваш беспокойный подросток. М., 1995.
- Бейкер К. Теория семейных систем М. Боуэна // Вопросы психологии. 1991. № 6.
- Берн Э. Игры, в которые играют люди. Л., 1992.
- Берне Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
- Блонский П.П. Очерки детской сексуальности // Избранные педагог. и психолог. сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1979.
- Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
- Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1979. № 2,4.
- Браун Дж., Кристенсен Д. Семейная психотерапия и семейное консультирование. М., 2001.
- Брунтман В.И., Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного материнства // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2.
- Брунтман В.И., Панкратова М.Г., Етколопов С.Н. Некоторые результаты обследования женщин, отказывающихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии. 1994. № 5.
- Бурменская Г.В., Захарова Е.М., Карабанова О.А. и др. Возрастно-психологический подход к консультированию детей и подростков. М., 2003.
- Варга А.Я., Смахов В.А. Психологическая коррекция взаимоотношений детей и родителей // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 4.
- Варга А.Я. Типы родительского отношения. Самара, 1997.

- Варга АЯ. Системная семейная психотерапия // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 2.
- Васильева ЕЛ. Процесс индивидуации как условие нормального развития семьи // Семейные психотерапевты и семейные психологи: Кто мы? СПб., 2001.
- Вассерман Л.И., Горькавая И.А., Ромицина Е.Е. Тест «Подростки о родителях». М., 1995.
- Вжикотт Д.В. Разговор с родителями. М., 1995.
- Витакер К. Полночные размышления семейного терапевта. М., 1998.
- Волкова А.Н. Опыт исследования супружеской неверности // Вопросы психологии. 1989. № 2.
- Волкова А.Н., Трапезникова Т.М. Методически приемы диагностики супружеских отношений // Вопросы психологии. 1985. № 5.
- Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т. 3.
- Выготский Л.С. Проблема возраста // Психология. М., 2000.
- Гаврилица О.А. Чувство вины у работающей женщины // Вопросы психологии. 1998. № 4.
- Гаврилова Т.П. Психология семьи. М., 2002.
- Ганичева А.Л. Взаимосвязь семейного и общественного воспитания. М., 2002.
- Гарбузов В.И., Захаров А.И., Исаев Д.М. Неврозы у детей и их лечение. Л., 1977.
- Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? М., 1993.
- Глушко Т. Как пережить развод? СПб., 2002.
- Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М., 1987.
- Голод С.М. Многогамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6.
- Гордон Т. Повышение родительской эффективности // Популярная педагогика. Екатеринбург, 1997.
- Гурко Т.А. Влияние добрачного поведения на стабильность молодой семьи // Социс. 1982. № 2.
- Джэйнотт Х. Родители и дети. М., 1986.
- Донцов А.И., Полозова Т.А. Проблема конфликта в западной психологии // Психологический журнал. 1980. № 6.
- Дрейкурс Р., Зольц В. Счастье вашего ребенка / Под ред. А.В. Толстых. М., 1986.
- Дружинин В.Н. Психология семьи. М., 1996.
- Думитрашку Т.А. Структура семьи и когнитивное развитие детей // Вопросы психологии. 1996. № 2.
- Думитрашку Т.А. Факторы формирования индивидуальности ребенка в многодетной семье: Дис.... канд. психол. наук. М., 1992.
- Жинот Х. Родители и подростки. Ростов н/Д., 1997.
- Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков. Л., 1982.
- Захаров А.И. Неврозы у детей и подростков. М., 1988.
- Захаров А.М. Предупреждение отклонений в поведении ребенка. СПб., 1997.
- Захарова Е.М., Филиппова Г.Г., Печникова Е.Ю. Новая книга о беременности, и не только... М., 2002.
- Зацепин В.И. Молодая семья. Киев, 1991.
- Здравомыслова О.М. Психологические и социально-культурные функции семьи // Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М., 1992.
- Зейгарник Б.В. Теория личности К. Левина. М., 1981.
- Земска М. Семья и личность. М., 1986.
- Зидер Р. Социальная история семьи. М., 1997.
- Исаев Д.М. Психосоматическая медицина детского возраста. СПб., 1996.
- Калмыкова Е.С. Психологические проблемы первых лет супружеской жизни // Вопросы психологии. 1983. № 3.
- Карабанова О.А. Игра в коррекции психического развития ребенка. М., 1997.
- Карабанова О.А. Психологические особенности родительско-детских отношений в подростковом возрасте // Семейное консультирование и семейная психотерапия / Под ред. Э.Г. Эйдемиллера, А.З. Шапира. СПб., 2001.

- Карабанова О.А.* Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции: Дис.... д-ра психол. наук. М., 2002.
- Карацуба Т.К.* Особенности жизненного и профессионального становления единственных детей в семье: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1998.
- Кле М.* Психология подростка. Психосексуальное развитие. М, 1991.
- Ковалев С.В.* Психология семейных отношений. М., 1987.
- Ковалев С.В.* Психология современной семьи. М., 1988.
- Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 1988.
- Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1989.
- Кондратьева В.В.* Психологические особенности внутрисемейных отношений в гражданском браке: Дипломная работа. М.: МГУ, 2000.
- Коробейников И.А.* Оценка роли семейной социализации в генезисе нарушений психосоциального развития в детском возрасте // Социальная дезадаптация: нарушения поведения у детей и подростков / Под ред. Н.В. Вострокнутова и А.А. Северного. М., 1996.
- Корчак Я.* Как любить детей. М., 1990.
- Коселева Ю.Л.* Самопредъявление одиноких людей в тексте газетных объявлений // Вопросы психологии. 1998. № 2.
- Коселева Ю.Л.* Психолог-консультант в службе знакомств // Практический психолог. 2001. № 5—6.
- Крайг Г.* Психология развития. СПб., 2000.
- Красницкая Г.С.* Усыновление: вопросы и ответы. М., 1997.
- Кратохвил С.* Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний. М., 1991.
- Курек Н.С.* Эмоциональное общение матери и дочери как фактор формирования аддиктивного поведения в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 1997. № 2.
- Кутсар Д.* О характерах супругов в связи с некоторыми показателями атмосферы общения в конфликтной семье // Социально-демографические исследования семьи. Рига, 1980.
- Кэмпбелл Р.* Как на самом деле любить детей. М., 1992.
- Латмеьер И., Матейчек З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага, 1984.
- Ланцбург М.Е.* Перинатальная психология. М., 2000.
- Левкович В.П., Зускова О.Э.* Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. Т. 6. 1985.
- Лисина М.М.* Проблемы онтогенеза общения. М., 1986.
- Личко А.Е.* Подростковая психиатрия. Л., 1989.
- Личко А.Е.* Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. М., 1999
- Лишенные родительского попечительства* / Под ред. В.С. Мухиной. М., 1991.
- Лэндрет Г.Л.* Игровая терапия: искусство отношений. М., 1994.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1999.
- Макушина О.Л.* Психологическая зависимость подростков от родителей: Дис.... канд. психол. наук. М, 2001.
- Mud М.* Культура и мир детства. М., 1989.
- Минухин С, Фишман Ч.* Техники семейной терапии. М., 1998.
- Мишина Т.И.* Исследования семьи в клинике и коррекция семейных отношений // Методы психологической диагностики и коррекции в клинике / Ред. М.М. Кабанов и др. Л., 1983.
- Мишина Т.М.* Психологическое исследование супружеских отношений при неврозах // Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях / Под ред. В.К. Мягера и Р.А. Зачепицкого. Л., 1987.
- Мухина В.С.* Близнецы. М., 1981.
- Мэй Р.* Любовь и воля. М., 1997.
- Нельсен Дж., Лот Л., Глен Ст.* Воспитание без наказания. М., 1997.
- Новик Е.С.* Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994.
- Обозов Н.Н., Обозова А.Л.* Триподход к исследованию психологической совместимости // Вопросы психологии. 1984. № 2.

- Обозова А.Л. Психологические проблемы службы семьи и брака // Вопросы психологии. 1984. № 3.
- Олейник Ю.Л. Исследование уровней совместимости в молодой семье // Психологический журнал. Т. 7. № 2. 1986.
- Ощепкова А.П., Эпштейн М.З. Томская семья: особенности ее развития и формирования нравственной культуры личности. Томск, 1995.
- Пезешкиан Н. Позитивная семейная психотерапия: семья как психотерапевт. М., 1993.
- Петровская Л.А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982.
- Петровская Л.А., Спиваковская А.С. Воспитание как общение-диалог // Вопросы психологии. 1983. № 2.
- Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
- Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М., 2000.
- Помощь родителям в воспитании детей / Общ. ред. и предисловие В.Я. Пилиповского. М., 1992.
- Попцова Е.В. Качества матери и психическое развитие ребенка раннего возраста: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1995.
- Радионова М.С. Динамика переживания женщиной кризиса отказа от ребенка: Дис.... канд. психол. наук. М., 1997.
- Радионова М.С. Причины отказа от материнства // Человек. 1996. № 5.
- Разумова И.А. Потенное знание современной русской семьи. М., 2001.
- Райе Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000.
- Раншбург Й., Поннер П. Секреты личности. М., 1983.
- Раттер М. Помощь трудным детям. М., 1987.
- Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992.
- Семья в психологической консультации / Под ред. А.А. Бодалева и В.В. Столина. М., 1989.
- Скиннер Б. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. 30-е—60-е годы XX века / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М., 1986.
- Скотт Дж. Г. Способы разрешения конфликтов. Вып. 2. Киев, 1991.
- Смехов В.А. Опыт психологической диагностики и коррекции конфликтного общения в семье // Вопросы психологии. 1985. № 4.
- Смирнова Е.О., Быкова М.В. Опыт построения метода диагностики родительского отношения к ребенку II Семейные психотерапевты и семейные психологи: Кто мы? СПб., 2001.
- Соловьев Н.Я. Брак и семья сегодня. Вильнюс, 1977.
- Сорокина А.И. Проблемы конфликтности в педагогической психологии. М., 1999.
- Спиваковская А.С. Как быть родителями. М., 1985.
- Спиваковская А.С. Обоснование психологической коррекции неадекватных родительских позиций // Семья и формирование личности. М., 1981.
- Спиваковская А.С. Профилактика детских неврозов. М., 1988.
- Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья. М., 1999.
- Столин В.В. Самосознание личности. М., 1986.
- Сысенко В.А. Молодежь вступает в брак. М., 1986.
- Сысенко В.А. Супружеские конфликты. М., 1989.
- Технологии и приемы профессионального воздействия в социальной работе с случаями семейного насилия. М., 2001.
- Тийт Э. Факторы риска, вызывающие расторжение брака // Социально-демографические исследования семьи. Рига, 1980.
- Уголева Е.Ю. Интегративный подход в семейном консультировании и психотерапии // Семейные психотерапевты и семейные психологи: Кто мы? СПб., 2001.
- Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе. М., 1989.
- Филитова Г.Г. Психология материнства и ранний онтогенез. М., 1999.
- Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М., 1993.
- Фримен Дж. О первенцах // Семья и школа. 1996. № 2.
- Фромм Э. Искусство любви. Исследование природы любви. М., 1990.

- Фромм А. Азбука для родителей. Л., 1991.
- Харчев А. Т. Брак и семья в СССР. М., 1979.
- Холмс Т. Х., Раз Р. Оценочная шкала общественной приспособляемости // Журнал психосоматических исследований. 1967. Т. 2.
- Хоментаускас Г. Использование детского рисунка для исследования внутрисемейных отношений // Вопросы психологии. 1986. № 1.
- Хоментаускас Г. Т. Семья глазами ребенка. М., 1985.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М, 1993.
- Хьелл Л., Зигер Д. Теории личности. СПб., 1997.
- Хямäläйнен Ю. Воспитание родителей: концепции, направления и перспективы. М., 1993.
- Черников А. С. Введение в семейную психотерапию. М, 1998.
- Шапиро А. З. Тема семьи в психологии XXI века: пророчества и прогнозы // Семейные психотерапевты и семейные психологи: Кто мы? СПб., 2001.
- Шапиро А. З., Семейная психология // Социальная энциклопедия. М., 2000.
- Шапиро В. Д. Социальная активность пожилых людей в СССР. М, 1983.
- Шванцара Й. Диагностика психического развития. Прага, 1978.
- Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений. М, 2000.
- Шостром Э. Антикларнеги, или Человек-манипулятор. Минск, 1992.
- Эйдемиллер Э. Г. Методы семейной диагностики и семейной психотерапии. М.; СПб., 1996.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 1999.
- Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989.
- Эриксон Э. Детство и общество. М., 1995.
- Элл Л., Зигер Д. Теории личности. СПб., 1997.
- Хямäläйнен Ю. Воспитание родителей: концепции, направления и перспективы. М., 1993.
- Черников А. С. Введение в семейную психотерапию. М, 1998.
- Шапиро А. З. Тема семьи в психологии XXI века: пророчества и прогнозы // Семейные психотерапевты и семейные психологи: Кто мы? СПб., 2001.
- Шапиро А. З., Семейная психология // Социальная энциклопедия. М., 2000.
- Шапиро В. Д. Социальная активность пожилых людей в СССР. М, 1983.
- Шванцара Й. Диагностика психического развития. Прага, 1978.
- Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений. М, 2000.
- Шостром Э. Антикларнеги, или Человек-манипулятор. Минск, 1992.
- Эйдемиллер Э. Г. Методы семейной диагностики и семейной психотерапии. М.; СПб., 1996.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 1999.
- Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989.
- Эриксон Э. Детство и общество. М., 1995.
- d Developmental Perspectives / Eds. Sperling, M. B., Berman. N. Y., 2000.
- Amato P., Both A. A prospective study of divorce and parent-child relationships // J. of Marriage and Family. 1996. № 58.
- Baumrind D. Early socialization and the discipline controversy. NJ: General Learning Press, 1975.
- Baumrind D. Rearing competent children // Child development today and tomorrow / Ed. W. Damon. S-Fr., 1989.
- Baumrind D. Effective parenting during the early adolescent transitions // P. A. Cowan, E. M. Hetherington (eds.). Family transitions. N. Y., 1991.
- Block J. H., Block J., & Gjerde P. The personality of children prior to divorce. A prospective study // Child Development. 1986. № 57. Pp. 827-840.
- Bowlby J. A secure base: Parent-child attachment and healthy human development. N. Y.: Basic Books. 1988.
- Brammer L. M., Abrego P. J., Shostrom E. I. Therapeutic Counseling and Psychotherapy. 6th ed. NJ: Prentice Hall, 1993.
- Brent D. A., Kolko D. J. Psychotherapy: Definitions, mechanisms of action, and relationship to etiological models // J. of Abnormal Child Psychology. 1998. Vol. 26, № 1. Pp. 17-23.
- Bronfenbrenner U. The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.
- Cabrera N., Tamis-LeMonda C. S., Bradley R. H., Hofferth S., Lamb M. E. Fatherhood in the Twenty-First Century. Child Development. Vol. 71. № 1. Pp. 127-136.

- Carlson C.I., Cooper C.R. & Spradling V.Y.* Developmental implications of shared versus distinct perceptions of the family in early adolescence // *New Directions for Child Development*. 1991. № 51. Pp. 13-32.
- Carter B. & McGoldrick M.* (eds.) *The changing family life cycle — a framework to family therapy*. Boston: Allyn & Bacon, 1988.
- Coopersmith S.* The antecedents of the self-esteem. N.Y., 1967.
- Cooper C. & Grovevant H.* Gender issues in the interface of family experience and adolescents' friendship and dating identity // *J. of Youth and Adolescence*. 1987. № 16.
- Crittenden P.* Approach to Continuity and Change in Pattern of Attachment // *The Organization of Attachment Relationships. Maturation, Culture and Context* / Ed. by P. Crittenden and A. Claussen. N.Y., Cambridge Univ. Press, 2000.
- Curtis R.* Adolescent orientations towards parents and peers: Variations by sex, age and socioeconomic status // *Adolescence*. 1975. № 10. Pp. 483-494.
- Damon W.* Social and personality development: Infancy through adolescence. N.Y., 1983.
- Dawkins R.* *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Dekovik M., Noom M. & Meeus W.* Expectation regarding development during adolescence: parental and adolescent perception // *J. of Youth and Adolescence*. 1997. № 3.
- Demo D., Small S., Savin- Williams R.* Family Relations and the self-esteem of adolescents and their parents // *J. of Marriage and Family*, 1987. № 49.
- Dozier M.* Motivation for Caregiving from an Ethological Perspective // *Psychological Inquiry*. 2000. Vol. 11. №2. Pp. 97-100.
- Dryfoos J.G.* Adolescents at risk: Prevalence and prevention. N.Y., 1990.
- Epstein N.B., Bishop D.S., Levin S.* The McMaster model of family functioning // *J. of Marriage and Family Compelling*. 1978. № 4. Pp. 19-31.
- Ferreira A.J.* Family myths // *Psychiatric Research Reports*. 1966. № 20. Pp. 86—87.
- Frank S., Pirsch L., Wright V.* Late adolescents' perceptions of their parents: relationships among deidealisation, autonomy, relatedness, and insecurity and implications for adolescent adjustment and ego identity status // *J. of Youth and Adolescence*. 1990. № 6.
- Ginott H.* *Teacher and child*. N.Y., 1972.
- Goodnow J.J.* Parent's ideas, children's ideas: Correspondence and divergence // I.E. Sigel, A.V. McGillicuddy-DeLisi & J.J. Goodnow (eds.). *Parental Belief systems*. Hillsdale, NJ, 1992. Pp. 293-317.
- Grusec J., Goodnow J., Kuczynski L.* New directions in analyses of parenting contributions to children's acquisition of values // *Child Development*. 2000. № 1.
- Harris J.R.* Where is the child environment? A group socialization theory of development // *Psychological Review*. 1995. Vol. 102. № 3. Pp. 458-489.
- Havighurst R.J.* *Developmental Tasks and education*. N.Y., 1967.
- Hetherington E.M.* Coping with family transitions: Winners, losers and survivors // *Child Development*. 1989. № 60. Pp. 1-14.
- Hetherington E.M. & Clingempeel, W.G.* Coping with marital transitions // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1992. № 57 (2-3, Serial № 227).
- Hoffman M.I.* Altruistic behavior and the parent-child relationship // *J. of Personality and Social Psychology*. 1975. № 31. p. 937-943. ,
- Jackson S., Cicognani E., Charman L* The measurement of conflict in parent-adolescent relationships // *Conflict and development in adolescence*. 1996.
- Jonnes D.* The matrix of Narrative: family, systems and semiotics of story. N.Y., 1990.
- Karabanova O A., Podolskij A.I., Zacharova E.I.* The peculiarities of child-parent experience in adolescence // The IX-th European Conference on Developmental Psychology. 1—5 September 1999, Greece.
- Lampert A.* *The evaluation of Love* // Westport, Praeger Publ., 1997.
- Lerner R.M. & Lerner J.V.* Children in their contexts: A goodness-of-fit model // Lancaster J.B., Altmann J., Rossi A.S. & Sherrod L.R. (eds.). *Parenting across life-span: Biosocial dimensions*. N.Y., 1987. Pp. 377-404.

- Little R.E.* An exploration of the effect of select family socialization variables on teenage alcohol use // J. Alcohol and Drug Education. 1989. № 34 (3).
- Maccoby E.E.* Social development: Psychological growth and the parent-child relationship. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1980.
- Miller S.A.* Parents' attributions for their children's behavior // Child Development. 1995. № 66. Pp. 1557-1584.
- Minuchin S.* Families and Family Therapy. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1974.
- Montemayor R.* The relationship between parent-adolescent conflict and amount of time adolescents spent alone and with parents and peers // Child Development. 1982. № 53.
- Moore D.* Parent-adolescent separation: The construction of adulthood by late adolescents // Developmental Psychology. 1987. № 23. Pp. 298-307.
- Murphy D.A.* Constructing the Child: Relations between Parents Beliefs and Child Outcomes // Developmental Review. 1992. № 12. Pp. 199-23.
- Murstein B.I.* Marital choice // F. Wolman (ed.) Handbook of developmental psychology. N.Y.: Prentice-Hall, 1982.
- Neugarten B.L.* Personality and aging // J.E. Birren & K.W. Schaie (eds.). Handbook of the Psychology of aging. N.Y.: Van Nostrand Reinhold, 1977. Pp. 626-649.
- Nye E.G.* Role structure and analysis of the family. London, 1976.
- Olson D.* Circumplex Model of Marital and Family Systems. Assessing Family Functioning // Walsh, Froma. Normal Family Processes. N.Y./London: Guilford Press, 1993.
- Reedy M.N., Birren J.E., & Schaie K.W.* Age and sex differences in satisfying love relationships across the life-span // Human Development. 1982. № 24. Pp. 52-66.
- Rhine D.* Bases of marital satisfaction among men and women // J. of Marriage and the Family. 1981. № 43. Pp. 941-945.
- Rutter M.A., & Conger, R.D.* Interaction style, problem-solving behavior, and family problem-solving effectiveness // Child Development. 1995. № 66. Pp. 98-115.
- Sachter S.* The Psychology of Affiliation. Stanford, 1959.
- Schubert H.* Family size // J. of Genetic Psychol. 1985. № 146 (1).
- Siegal M.* Are sons and daughters treated more differently by fathers than by mothers? // Developmental Review. 1987. № 7. Pp. 183-209.
- Singer L.M., Brodzinsky D.M., Ramsay D., Steir M. & Waters, E.* Mother-infant attachment in adoptive families // Child Development. 1985. № 56. Pp. 1543-1551.
- Smetana J.G.* Adolescents' and parents' reasoning about actual family conflict // Child Development. 1989. № 60. Pp. 1052-1067.
- Snow M., Jacklin C. and Maccoby E.* Birth order differences in peer sociability at 33 months // Child Development. № 52. 1975.
- Stattin H., Kerr M.* Parental monitoring: a reinterpretation // Child Development. 2000. № 4.
- Stein C, Wemmerus V. et al.* «Because they're my parents»: an integrational study of felt obligation and parental caregiving // J. of Marriage and Family. 1998. № 60.
- Steinberg L, & Silverberg, S.B.* The vicissitudes of autonomy in early adolescence // Child development. 1986. № 57. Pp. 841-851.
- Stemberg R.J.* The triarchic mind. N.Y.: Viking, 1988.
- Sullivan K. & Sullivan A.* Adolescent-parent separation // Developmental Psychology. 1980. № 16. Pp. 93-99.
- Sulloway F.* Born to Rebel. Birth order, family dynamics, and creative lives. 1996.
- Thornton A., Orbach T., Axinn W.* Parent-child relationships during the transition to adulthood // J. of Family Issues. 1995. № 5.
- Trivers R.L.* Parental Investment and sexual selection // B. Campbell (ed.). Sexual selection and the descent of man. 1981-1971. Chicago: Aldine-Atherton, 1972. Pp. 136-179.
- Udry J.R.* The social context of marriage. N.Y.: Lippincott, 1974.
- Yogi-Bauer S., Kalbfleisch P., Beatty M.* Perceived equity, satisfaction, and relational maintenance in parent-adolescent dyads // J. of Youth and Adolescence. 1999. № 1.

- Wagner M. Schubert Я.* Family size. // J. of Genetic Psychol. 1985. № 146 (1).
- Wallerstein J.S.* Children of divorce: Stress and developmental tasks // N. Garnezy and M. Rutter (eds.). Stress, coping and development in children. NY: McGraw Hill, 1983.
- Wallerstein J.S., Kelly J., B.* Surviving the breakup: How children and parents cope with divorce. N.Y., 1980.
- Walsh F* From Family Damage to Family Challenge // Ed. by R.H. Mikesell et al. N.Y., 1996.
- Watzlawick P., Weakland I. & Fish R.* Change: Principles of problem formation and problem resolution. N.Y.: Norton, 1974.
- Weiker H.* Birth order and illness behavior // J. Individ. Psychol. 1973. № 29.
- Whisman M.A., Dixon A.E., Johnson B.* Efficacy of family interventions for the treatment of marital discord // J. of Marital and Family Therapy. 1997. № 42.
- White L.* Contagion in family affection: mothers, fathers, and young adult children // J. of Marriage and Family. 1999. № 61.
- Winnicott D.V.* The Maturation Processes and the Facilitating Environment. London, 1965.
- Youniss M. and Smollar J.* Adolescent Relations with Mother, Fathers, and Friends. Chicago, 1985.
- Zajonc R.B.* Attitudinal effects of mere exposure // J. of Personality and Social Psychology. 1968. № 9. Pp. 1-27.
- Zajonc R.B., Markus H., Markus G.* The birth order puzzle // J. of Personality and Social Psychology. 1979. № 37 (8). Pp. 1325-1341.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. Предмет и задачи психологии семьи.	5
ГЛАВА 1. Культурно-историческая природа семьи.	9
§ 1. Определение семьи. Брак и семья	9
§ 2. Функции семьи	11
§ 3. Развитие брачно-семейных отношений в истории общества	14
§ 4. Стадии жизненного цикла семьи	25
§ 5. Период выбора брачного партнера. Мотивы заключения брака	39
§ 6. Типология семьи	49
Вопросы и задания.	57
ГЛАВА 2. Основные характеристики семьи. Супружеские отношения.	59
§ 1. Семья как целостная система	59
§ 2. Характер эмоциональных связей в семье. Любовь как основа построения супружеских отношений.	60
§ 3. Развитие любви как чувства	67
§ 4. Искажения и нарушения чувства любви	70
§ 5. Виды любви	74
§ 6. Социально-психологический подход к любви в контексте проблемы аттракции.	77
§ 7. Ролевая структура семьи	79
§ 8. Семейное самосознание	88
§ 9. Особенности межличностной коммуникации в семье. Нарушения общения.	93
§ 10. Конфликты в семье	98
§ 11. Сплоченность семьи	106
§ 12. Субъективная удовлетворенность браком	109
§ 13. Дисгармоничные (дисфункциональные) типы семей.....	112
Вопросы и задания.	116
ГЛАВА 3. Детско-родительские отношения	117
§ 1. Семья как институт первичной социализации ребенка.....	117
§ 2. Основные характеристики детско-родительских отношений.....	118
§ 3. Характер эмоциональных отношений.....	119
§ 4. Характер эмоционального отношения ребенка к родителю	140
§ 5. Мотивы воспитания и родительства	150
§ 6. Степень вовлеченности родителя и ребенка в детско-родительские отношения.	153
§ 7. Уровень протекции, забота и внимание родителя. Удовлетворение потребностей ребенка	154
§ 8. Стиль общения и взаимодействия с ребенком. Особенности проявления родительского лидерства и власти.	156

§ 9. Социальный контроль: требования и запреты, их содержание и количество; способ контроля; санкции (поощрения и наказания); родительский мониторинг.	169
§ 10. Степень устойчивости и последовательности (противоречивости) семейного воспитания.	189
§ 11. Родительская позиция.	190
§ 12. Типы семейного воспитания.	194
§ 13. Типы дисгармоничного воспитания.	197
§ 14. Дисгармоничные типы воспитания как фактор риска в развитии ребенка.	204
§ 15. Способ разрешения проблемных и конфликтных ситуаций. Поддержка автономии ребенка.	207
§ 16. Психологические особенности отношений родителей с детьми-подростками.	214
§ 17. Сиблинговая позиция (порядок рождения ребенка в семье) как фактор развития личности ребенка.	237
Вопросы и задания.	244
ГЛАВА 4. Ненормативные кризисы семьи.	246
§ 1. Развод.	246
§ 2. Повторный брак.	268
§ 3. Психологические проблемы усыновления приемных детей.	273
Вопросы и задания.	279
ГЛАВА 5. Основы семейного консультирования.	280
§ 1. Развитие практики семейного консультирования. Семейная психотерапия и семейное консультирование.	280
§ 2. Теоретические основы семейного консультирования.	285
§ 3. Основные принципы семейного консультирования.	291
§ 4. Основные этапы психологического консультирования семьи.	296
§ 5. Консультирование по проблемам семьи.	301
Вопросы и задания.	309
ЛИТЕРАТУРА.	310

Учебное издание

Ольга Александровна Карабанова
**Психология семейных отношений и
основы семейного консультирования**

Учебное пособие

Редактор *Е.И. Солдаткина*
Корректор *В.В. Евтюхина*
Художественный редактор *И.С. Соколов*
Компьютерная верстка *С.С. Востриковой*

Гигиенический сертификат .
77.99.02.953.Д.003058.05.04 от 05.05.2004

Изд.лиц. № 066160 от 02.11.98.
Подписано в печать 15.02.2005. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Гарнитура Петербург. Усл.-печ. л. 20.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 6210.

УИЦ «Гардарики»
101000, Москва, Лубянский пр., д. 7, стр. 1.

Тел.: (095) 921-0289, 925-6840; факс: (095) 921-1169
E-mail: grd@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93